

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВШЦ РАН и Правительства РСО-А

А. А. ТУАЛЛАГОВ

РАННИЕ АЛАНЫ

ВЛАДИКАВКАЗ 2014

ББК 63.3
Т 81

*Печатается по решению Учёного совета
ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-Алания*

Туаллагов А. А. *Ранние аланы: монография* / А.А. Туаллагов — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. — 462 с.
ISBN 978-91480-196-7

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А **Р. Г. Дзаттиаты**

кандидат исторических наук, директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева **Р. Х. Гаглоев**

Монография посвящена исследованию проблем выхода на историческую арену ранних аланов. Автором подробно анализируются данные различных письменных и археологических источников. Особое внимание уделяется вопросам исторического соотношения аорсов и аланов, происхождения самого термина «алан». Книга предназначена специалистам (историкам и археологам) и всем тем, кто интересуется вопросами истории аланов.

ISBN 978-91480-196-7

ББК 63.3

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014
© Туаллагов А. А., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории аланов продолжается уже около 150 лет. За такой длительный срок было накоплено значительное количество различных по характеру материалов, сложилась, поистине, огромная историографическая традиция, в которой особое место занимают вопросы изучения самого происхождения аланов и условий их выхода на историческую арену. Сопоставление сведений письменных источников о локализации аланов с открытыми и изученными в последнее время археологическими памятниками, в которых представлены яркие центральноазиатские инновации, позволила исследователям уже на новом научном уровне обратиться к вопросу о центральноазиатском происхождении аланов, который также достаточно давно был поставлен их предшественниками.

При обращении к данному направлению исследования, в первую очередь, привлекают внимание сведения китайских источников о государстве Яньцай, которое, примерно, в I в. н. э. было переименовано в Алань. Особенно важно, что они практически синхронны первым и наиболее надежным сведениям о появлении аланов в западноевропейских источниках. Практически все исследователи, за редким исключением (Bretschneider E. 1876, p. 186-187; Бретшнейдер Э. 1894, с. 71; Harmatta J. 1952, p. 37; Берлизов Н.Е. 2011, с. 41), признают связь государства Алань с историческими аланами.

Вместе с тем, наблюдаются, порой, и достаточно значительные расхождения в решении проблем, как локализации данного государства, так и этнической принадлежности его населения в «доаланский период», что соответствующим образом влияет и на выработку решений о признании той или иной этнической среды источником формиро-

вания аланов. Поэтому, в первую очередь, в предлагаемом исследовании будут проанализированы имеющиеся сведения китайских источников, а также основанные на их изучении научные разработки. Поскольку автор, как и многие его зарубежные и отечественные предшественники, не является синологом, что вполне естественно ограничивает его в исследовании (Боровкова Л. А. 2001, с. 13), то для минимизации осознаваемых вероятных погрешностей в анализе полагается использование переводов и привлечение результатов исследований различных специалистов. В то же время следует согласиться с исследовательским опытом ученых, что в настоящее время невозможно изучать ту же политическую историю Кушании только по китайским источникам без привлечения разработок специалистов по другим видам источников (Боровкова Л. А. 2005, с. 10).

В исследовательской литературе предпринимались неоднократные попытки суммирования и анализа имеющихся наработок по вопросам этногенеза аланов (Галлойти Ю. С. 1966; Яценко С. А. 1993; Гутнов Ф. Х. 2001, Туаллагов А. А. 2001а; Галкина Е. С. 2005 и др.). Но, пожалуй, наиболее значимой в данном ряду является одна из статей А. С. Скрипкина (Скрипкин А. С. 2001). Конечно, сегодня практически никто из исследователей не претендует на самый исчерпывающий охват всех имеющихся научных разработок по указанной проблеме. Слишком обширен и многообразен ее фонд. Поэтому оптимальным представляется определение основных направлений и уточнение их фактического содержания.

Огромная историографическая традиция, с другой стороны, диктует отказ от ее изначального изложения в пользу подхода к ней после проведения собственного исследования. Как показывает практика, в некоторых случаях изначальное обращение к ней настолько отягощает иссле-

дователя, что ведет к вольному или невольному «встраиванию» собственных разработок в те или иные прежние гипотезы или их составляющие, или наоборот подталкивает к собственному противопоставлению им. Кроме того, автор принципиально не пользуется термином «протоаланы», который, видимо, одной из первых среди отечественных исследователей ввела в научный оборот Е.П. Алексеева (Алексеева Е.П. 1976, с. 156) и который стал активно использоваться некоторыми современными авторами.

Дело в том, что исследователи (Гутнов Ф.Х. 2001, с. 45, 53) закономерно рассматривают проблему появления на исторической арене аланов как результат неких этногенетических процессов, когда из различных этнических групп складывается новый этнос, обладающий собственным самосознанием отличия от других этносов и выражающий данное самосознание посредством нового самоназвания, обычно восходящего к одному из ранее известных этнонимов (Арутюнов С.А. 1989, с. 8-9). Но в таком случае «протоаланы» и должны быть собственно аланами, которые как некая этническая часть участвовала в этих процессах и передала свое имя новому этносу.

Однако «протоаланы» оказываются связанными в исследованиях, например, с усунями (Яценко С.А. 1993, с. 67), с аорсским населением Яньцай, которое подчинилось Кангюй, будучи захваченным пришедшим с территории данного государства аланами, представлявшими собой результат синтеза усуньских и кангюйских групп на территории Кангюй. При этом полагается, что племя под название *alan* существовало до того (Гутнов Ф.Х. 2001, с. 91-92). Как мы видим, здесь представлено явное противоречие, т. к. этнониму *alan* противопоставлены совсем другие этнонимы, а его собственный источник, на поверку, остается не определен.

Рассматривая Кангюй как некий «этногенетический очаг» формирования аланов, некоторые современные исследователи постоянно задействуют для его восприятия сведения об известных по китайским источникам кангюйцах, усунях и юэчжах, т. е. носителей иных этнонимов. Для преодоления же отсутствия в их этнонимике *alan* делается вывод, что он выражал национальную идею консолидации полиэтничного общества за счет апелляции к прошлому, где этноним в более древней форме **āryāna* был общим для всех ираноязычных народов (Габуев Т. А. 1999, с. 129). Но такой подход противоречит современным представлениям об этногенезе. Кроме того, рассмотрение **āryāna* как сугубо этнического обозначения в прошлом является лишь авторским мнением, а сам факт возможности использования весьма древнего этнонима в гораздо более поздних исторических условиях нуждается в самостоятельном подтверждении.

Несомненно, в письменных источниках термин *alan* выступает в качестве этнонима, что является продуктом его восприятия авторами этих источников или их информаторов. Но понять какой именно характер носит название из самого источника чаще всего невозможно. Это устанавливается аналитически (Алексеев В. П. 1986, с. 29). Нельзя забывать, что этнос является формой существования социально-исторического организма, обладающего специфическими чертами, отличающими его от других этносов (Бромлей Ю. В. 1983, с. 49).

Самосознание древних этносов выступало не столько как специфически этническое, сколько слитное с осознанием других характеристик данной группы — социальных, кровнородственных, религиозных, хозяйственных и т. д. (Арутюнов С. А., Хазанов А. М. 1979, с. 82). С учетом указанного положения следует иметь в виду и иные возможные пути фиксации в источниках тех или иных этнонимов, на-

пример, как отражения названий социально-политических групп (Арутюнов С. А. 1989, с. 47), что отмечалось (Толстов С. П. 1938а, с. 76-81; Бромлей Ю., Подольный Р. 1990, с. 201; Панеш Э. Х. 1983, с. 95-105; Воронов Ю. Н. 1998, с. 247-248), но упускается из виду некоторыми современными исследователями проблемы этногенеза аланов, сужая поле их научного поиска.

Последнее замечание напоминает о возможной корреляции данных различных гуманитарных направлений, таких как археология, этнология, антропология, лингвистика и др., в исследованиях этногенетического плана. Конечно, существуют и сложности, порой значительные, в их соотношении. Так, до сих пор остро стоит проблема этнической интерпретации археологических материалов (Клейн Л. С. 1991, с. 391). Но все же признается ее возможность (Арутюнов С. А., Хазанов А. М. 1979, с. 80).

Заслуживает своего внимания и точка зрения (Погребова М. Н., Раевский Д. С. 1994, с. 22-27) о признании этнической корреляции между этно-историческими процессами и явлениями и культурно-историческими процессами и явлениями, фиксируемыми археологическими культурами. Следует согласиться с мнением, что изучение этнической истории бесписьменных народов без применения археологических источников невозможно, но оно должно осуществляться в комплексе с данными смежных исторических дисциплин при соблюдении принципа таксономической равноценности сопоставляемых признаков и комплексов (Яблонский Л. Т. 1996, с. 9, 82). Вполне объективно, в частности, и замечание, что чисто лингвистические гипотезы не могут абстрактно заменить исторические доводы (Ньоли Г. 2002, с. 30).

Современные достижения аланистики дают возможность проведения исследования на основе соответствующей

щей корреляции результатов анализа данных, прежде всего, нарративных и археологических источников, к которой могут быть подключены и результаты анализа иных групп источников, которые исследуются в рамках смежных гуманитарных дисциплин. В нашем распоряжении имеется достаточно богатый фонд данных, характеризующий исторических аланов. Мы располагаем бесспорными доказательствами их принадлежности к миру ираноязычных народов и ретроспективно установленной исторической связи аланов с некоторыми современными народами. Данные письменных источников позволили соотнести ряд археологических памятников с историческими аланами.

Вместе с тем, такое соотнесение, как отмечалось выше, не только позволило искать источник их выхода на историческую арену в азиатском регионе, но и рассматривать его на фоне отраженных в нарративных источниках событий прошлого. Сопоставление синхронных по времени сведений об аланах с археологическими памятниками позволяет вновь обратиться к вопросу об изначальном восприятии термина *alan* как этнонима в его современном научном понимании. Переходя непосредственно к основной части исследования, автор должен признать, что в его ходе им были уточнены и скорректированы некоторые прежде высказанные им представления и выводы, другие же были кардинально пересмотрены.

ГЛАВА I. ГОСУДАРСТВО ЯНЬЦАЙ (проблемы локализации)

Окончание раннесарматского этапа истории связано с проблемой выхода на историческую арену аланов. Многие исследователи неоднократно пытались решать ее именно в рамках истории собственно сарматского мира и, в первую очередь, аорсов. Одним из основных пунктов в доказательстве такого положение было упоминание в китайских источниках государства Яньцай, рассматривающееся учеными как государство аорсов, которое впоследствии было переименовано в Алань. По справедливому замечанию Ю. А. Заднепровского, «... совершенно очевидно, что без обращения к материалам об аорсах, Яньцае, успешное решение аланской проблемы вообще невозможно» (Заднепровский Ю. А. 1994, с. 117). С другой стороны, указанное замечание вполне точно отражает устоявшуюся в отечественной исторической науке мысль о такой тесной взаимосвязи.

Несомненно, в интересующей нас проблеме «Яньцай-аорсы-аланы» на первое место выходит проблема географической локализации государства Яньцай, т. к. именно она открывает возможность последующего сопоставления с известными фактами из истории аорсов или аланов. Различные исследователи неоднократно предлагали собственные решения по данной проблеме, используя различные подходы и оперируя данными различных источников. В результате, государство локализовывалось на различных и порой довольно обширных территориях — с востока Арала и от р. Талас до Мугоджар, Южного Урала, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Крыма.

Данные попытки предпринимаются вплоть до наших дней. Сегодня, пожалуй, даже сложно точно указать на всех авторов той или иной гипотезы, мнения, утверждения и т. д. (Иакинф. 1829, с. XLVI, 31; Григорьев В.В. 1871, с. 90; Hirth F. 1885, p. 139; 1917, p. 96; Charpentier J. 1917, s. 360-361; Bleichsteiner R. 1918, s. 9; Ростовцев М.И. 1993, с. 92; Shiratory K. 1928, p. 99; Teggart F.J. 1939, p. 198; McGovern W. 1939, p. 247; Бернштам А.Н. 1940, с. 75; Maenchen-Helfen O. 1944-1945, p. 230; Мацулевич Л.А. 1947, с. 134-135; Толстов С.П. 1948, с. 213; 1948а, с. 213; Harmatta J. 1950, p. 28-29; Бичурин Н.Я. 1950, с. 150; Томсон Дж.О. 1953, с. 261; Гумилев Л.Н. 1960, с. 252; Артамонов М.И. 1962, с. 359; Кюнер Н.В. 1961, с. 11, 175, 180; Хеннинг Р. 1961, с. 266, сн. 2; Бартольд В.В. 1965, с. 32-33; Зураев А.П. 1966, с. 125; Гаглойти Ю.С. 1966, с. 86-88; Берлизов Н.Е. 1990, с. 16; Левина Л.М. 1966, с. 88; Литвинский Б.А. 1968, с. 18; Алексеева В.П. 1976, с. 204-205; Зуев Ю.А. 1977, с. 289; 2002, с. 51; Лубо-Лесниченко Е.И. 1985, с. 90; 1988, с. 364; Кузнецов В.А. 1992, с. 20-21; Скрипкин 1992, с. 40-41; Golden P.B. 1992, p. 53; Цуциев А.А. 1995, с. 34-42; Kyzlasov L.R. 1996, p. 316; Заднепровский Ю.А., 1997, с. 19; Вайнберг И.Б. 1999, с. 265, Лысенко Н.Н. 2002, с. 286-291; Hill E. 2003; Алемань А. 2003, с. 516; Пьянков И.В. 2004, с. 214; Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. 2005, с. 149; Yu T. 2006, p. 15; Боталов С.Г. 2007, с. 64, 71-73; Dubrovskaya D. 2011, p. 69-70; Торланбаева К.У. 2011, с. 247-248; Иванов В.А., Сиротин С.В. и др.). Не удивительно, что в столь многоголосом хоре появляются уже и такие утверждения, как «... в эпоху Сымы-Цяня, Яньцай — полуфантастическая страна» (Прокопенко Ю.А. 1997, с. 71).

Среди отечественных исследователей, видимо, только Л.А. Боровкова предложила собственные расчеты по ло-

кализации государства на основании данных китайских источников (Боровкова Л. А. 1989, с. 65-66). Данный подход представляется единственно изначально корректным и продуктивным, поскольку о государстве Яньцай мы и знаем только из сообщений китайских источников. Привлечение же дополнительных данных из иных источников допустимо только после получения соответствующего результата, а не в процессе его достижения, как порой демонстрировали работы исследователей. Одновременное привлечение и анализ данных, причем, нередко из различных по своей полноте и даже характеру источников, зачастую ведут к взаимоподмене самих данных, а, следовательно, к малой достоверности полученных результатов. Возможно, это является и одной из причин столь многочисленных решений по локализации Яньцай.

Согласно упомянутому решению Л. А. Боровковой, государство Яньцай располагалось к востоку от Арала, что соответствует некоторым предшествующим решениям зарубежных и отечественных специалистов, отводивших аланам территории с востока до низовий Сыр-Дарьи (Maenchen-Helfen O. 1944-1945, p. 230; Зуев Ю. А. 1977, с. 289; Андрианов Б. В., Левина Л. М. 1979, с. 96). Вывод исследовательницы, видимо, даже только в силу убедительности самого профессионального подхода к решению данной проблемы не мог не привлечь внимания сарматологов и аланистов (Скрипкин А. С. 1997, с. 87-88; 2001, с. 29). В результате некоторые исследователи посчитали возможным для себя присоединиться к такому решению (Яценко С. А. 1993, с. 68; Габуев Т. А., 1999, с. 86; Цуциев А. А., 1999, с. 33-34). Вместе с тем, были высказаны аргументированные возражения относительно некоторых приемов доказательной стороны в исследовании Л. А. Боровковой (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 65-73).

Учитывая сложившееся положение, представляется наиболее верным вновь обратиться к анализу данных китайских источников. Определение локализации тех или иных государств в китайских источниках производилось двумя способами. Направления и расстояния могли задаваться через привязку начального пункта отсчета от самого Китая, или, например, от ставки наместника «Западного края», или рассматриваться соответствующие ориентиры непосредственно между столицами описываемых соседних государств.

Первый вариант для нашего исследования представляется менее продуктивным, т. к. он имеет наглядные примеры значительной путаницы. Так, вполне справедливо было отмечено (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 69), что общее расстояние от Чан-аня до Давань определялось в 12250 ли, а до Кангюй — в 12300 ли (ХШ, 95). Таким образом, между Давань и Кангюй оказывалось всего 50 ли. Этой невероятной цифре там же противостоит более реальное определение расстояния между Давань и Кангюй в 1510 ли. Расстояние от Дай до Яньцай определялось в 16000 ли (ВШ, 102; БШ, 97), т. е. около 6000 км. Бесспорно, подобные цифры не имеют ничего общего с реальной географией. Кроме того, они, видимо, являются поздним плагиатом на основании сложения отдельных отрезков пути из Китая в «Западный край» ранних источников (Епоки К. 1955, р. 48). Если расстояние от Дай до Яньцай определяется в 16000 ли, то от Дай до Давань — в 14450 ли (БШ, 97), т. е. между Яньцай и Даванью оказывается всего лишь 1550 ли, что, в лучшем случае, ставит Яньцай на место Кангюй.

Для наших расчетов наиболее оптимальным представляется использование сведений о расстояниях и направлениях непосредственно между соседившими друг с дру-

гом государствами Давань (Даюань), Кангюй (Канцзюй) и Яньцай. Задача в данном случае облегчается еще и тем, что на «северной дороге», ведущей из Давань в Кангюй и далее в Яньцай достаточно легко определяется начальная точка отсчета — Давань, надежно идентифицируемая практически всеми исследователями с Ферганой. С другой стороны, существуют известные разногласия между исследователями по поводу более конкретной локализации самой столицы государства, что весьма важно, т. к., согласно китайской традиции, как отмечалось, расстояния между государствами определялось как расстояния между их столицами.

Столицей Давань называются гг. Эрши и Гуйшань. Строго говоря, Эрши прямо не признается столицей государства. Поводом к такому отождествлению послужили сведения о ханьско-даваньской войне. Когда даваньцы отказали ханьскому императору в приобретении знаменитых эршиских коней, ханьцы совершили военный поход на г. Эрши, в описании хода которого говорится о цели самого похода — столица правителя (ШЦ, 123). Конечно, проведенное на таком основании отождествление Эрши со столицей Давань не является окончательно установленным. Однако в источнике более не содержится упоминаний названий других даваньских городов, а наличие сведений о расстояниях от Давань до других стран свидетельствует об ориентации ханьцев именно на столичный центр Давани. Поэтому наиболее приемлемым, действительно, остается признание Эрши столицей Давань.

По «Хань шу» (ХШ, 96), столицей Давань является г. Гуйшань («Город у достопочтимой горы»). Поскольку источник не оговаривает его расположение на территории бывшего г. Эрши, то отсюда следует, что г. Гуйшань является новой столицей государства. В пользу различия гг.

Эрши и Гуйшань также свидетельствуют различные расстояния от Давань до Кангюй при неизменности сведений о центре последнего. Если в первом случае оно равняется 2000 ли, то во втором — 1510 ли.

В пользу такого положения могло бы свидетельствовать и общее направление из Давань в Кангюй, которое определяется то на северо-запад, то — на север. Такое описание сохраняется и в более поздних источниках (ЦШ, 97; ВШ, 102). Однако здесь мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Во-первых, со времени, зафиксированного в «Ши цзи», до времени, по «Хань шу», Кангюй из небольшого и не столь мощного владения превратился в сильное государство, расширив свою территорию, что и могло привести к некоторым коррективам в определении его месторасположения.

Для локализации г. Эрши исследователи предлагали Коканд, Ходженд (Ленинабан), Ура-Тюбе, Несеф (Карши), Мархамат, а г. Гуйшань — Коканд, Ходженд, Ура-Тюбе, Ош, Ахсыкет, Муг, Касан. В последнее время в зарубежной литературе наиболее последовательно отстаивается точка зрения об идентификации г. Гуйшань с Ходжендом (Hill J. E. 2003, sec. 26.12; 2004, n. 9.22, 24.1). В отечественной литературе гг. Эрши и Гуйшань помещаются на месте гг. Коканд и Ош (Боровкова Л. А. 1989, с. 23, 56; 2001, с. 160-162; 2005, с. 69, 78; Заднепровский Ю. А. 2000, с. 194-197). Прочие отмеченные идентификации, как будто, более не являются востребованными исследователями.

Что касается приводимых в китайских источниках расстояний между государствами, то и здесь мы имеем некоторые разногласия. Основной единицей таких измерений служило ли. Сегодня оно определяется в 576 м. Н. Я. Бичурин, видимо, исходил из ~610 м (Иакинф. 1829, с. XVII). Од-

нако в прошлые времена эта мера могла варьироваться в зависимости от исторического периода и региона. В последних и наиболее аргументированных отечественных исследованиях для интересующего нас периода используется такое соответствие как 1 ли = 414 м, основанное на данных Ян Куаня «Чжунго ли-дай чиду као» (Исследование китайских мер длины разных эпох) (Борокова Л. А. 1989, с. 5, сн. 1). В современных зарубежных исследованиях также ориентируюся и на иную величину. Известно, что до конца ханьской эпохи ли оставалось неизменным. В 1924 г. в императорском дворце в Пекине был найден датированный 9 г. н. э. бронзовый метрический стандарт ханьского чи, который оказался равен 0,231 м. В результате проведенных подсчетов ли ханьской эпохи определен как 415,8 м (Hill J. E. 2003; 2004).

Привлекая здесь, как и в дальнейшем, указанные величины ханьского ли, обратимся к проблеме идентификации столицы Давань. Первое из приведенных решений не представляется убедительным. Остановимся только на вопросе реальности расстояний между столицами Давань и Кангюй в 1510 ли в случае признания в их статусе Ходженда и Ташкента. В переводе на современные расстояния, используя расчетную единицу 1 ли = 414 м, получаем 625,140 км. При 1 ли = 415,8 м расстояние незначительно увеличивается и составляет 627,858 км.

По современным маршрутам между указанными пунктами мы имеем следующие расстояния. При движении из Ходженда через Бустон и Пскент — около 150 км, через Бустон и Бука — около 150 км, через Бекабад и Бука — около 180 км, через Бекабад и Сырдарья — около 240 км, через Бекабад, Янгиер и Сырдарья — около 260 км, через Бекабад с выходом на трассу из Джизака — около 320 км. Таким образом, максимально возможный вари-

ант маршрута практически в 2 раза короче известного расстояния, что невозможно преодолеть, даже подразумевая некоторые поправки на изменения расстояний между старыми и новыми дорогами. Кроме того, наиболее реальные маршруты связаны как раз с наименьшими расстояниями.

Следует и напомнить, что наиболее обоснованным считается расположение на месте современного Ходженда Александрии Эсхата, которая была в составе Согдианы, т. е. никогда не входила в состав Давань. Ориентация же на Ташкент проблематична, поскольку Ташкентский оазис, видимо, входил в состав малых владений Кангюй (Юни?). В целом, есть определенные основания сомневаться в возможности помещения столичного центра Давань в районе Ходженда, а кангюйского — в Ташкентском оазисе.

Что касается отстаиваемого в отечественной литературе отождествления гг. Эрши и Гуйшань с гг. Коканд и Ош, то против него уже высказаны убедительные возражения. Наиболее соответствующим данным китайских источников и археологических исследований представляется сопоставление с городищем Мархамат в 40 км к западу от современного г. Ош и развалинами древнего Касана, отстоящего на 180 км северо-западнее (Бернштам А. Н. 1952, с. 228-229, 233; Заднепровский Ю. А. 1997, с. 68-71). Так, например, городище Мархамат является крупнейшим и наиболее укрепленным городищем того периода в Ферганской долине (долина р. Араван). Особенности застройки Мархамата позволило полагать использование его территорий для загона скота, что напоминает о сведениях китайских источников о знаменитых эршиских конях. Изображения же коней отмечены на Араванской скале возле Мархамата.

Итак, повторимся, что расстояние до Кангюй от г. Эрши определяется на север или северо-запад в 2000 ли (ШЦ, 123) или от г. Гуйшань на север в 1510 (ХШ, 95). Используя меру расстояния в эпоху Хань 1 ли = 414 м, получаем 828 км и 625,140 км соответственно. Далее на северо-запад от Кангюй локализовалось Яньцай (ШЦ, 123; ХШ, 95) (Бичурин Н.Я. 1950, с. 150, 186; Кюннер Н.В. 1961, с. 106; Yu T. 2006, p. 156). По современной трассе, проложенной вдоль старой караванной дороги, от г. Ош до г. Джамбул — 500 км.

Вряд ли стоит в данном случае вводить поправку в 30% (Боровкова Л.А. 1989, с. 23, 65). В горных условиях для изменения маршрутов трасс нет столь широких возможностей. Учитывая, что разница между старой и современной дорогой от г. Кашгар до г. Ош, непосредственно примыкающей к интересующей нас трассе, составляла около 8% (Заднепровский Ю.А. 1997, с. 66-67), можно полагать соответствующее уменьшение для горного участка до современного г. Джамбул и затем с выходом на г. Чимкент. Далее маршрут пролегает вдоль Сыр-Дарьи по малопересеченной местности, что также не дает убедительных оснований для значительных изменений расстояний, например, на 20% (Боровкова Л.А. 1989, с. 23).

С поправкой 8%, составляющую 66,240 км и 50,011 км, получаем расстояния 781,760 км и 575,129 км. В первом случае конечная точка лежит, примерно, в 2 км по трассе севернее Екпинди, а во втором — в 15 км. Разница оказывается несущественной, составляя около 13 км, т. е. половину 1 дня пути, который составлял при передвижении на коне 28 км (для похода ханьцев против Чжичжи говорится о 30 ли в день для тяжелого войска — 12,420-12,474 км, о 50 ли для легкого войска — 20,700-20,790 км).

Используя единицу расчета 1 ли = 415,8 м, получаем расстояния в 831,600 км и 627,858 км, что, в принципе, несущественно изменяет подсчеты. С поправкой 8%, составляющую 66,528 км и 50,229 км, получаем расстояния 762,075 км и 577,629 км. В первом случае конечная точка лежит, примерно, в 18 км по трассе южнее Екпинди, а во втором — примерно, в 17,600 км севернее. В целом, мы примерно оказываемся в одном и том же районе. Однако использование второго показателя для ханьского ли приводит к увеличению разницы в поисках конечного пункта, поскольку между полученными результатами оказывается расстояние, примерно в 35,600 км, т. е. более 1 дня пути.

Возможно ли такая локализация Кангюй? Э. Пуллиблэнк, используя гипотезу о «тохарском» (индоевропейском) происхождении названия Кангюй, связывал его с тохарской лексемой *kanḱ* — «камень», что, в свою очередь, соотносил с последующим значением тюркского названия Ташкент — «Каменный город». Название же территории Фаньнэй, где располагалась летняя резиденция правителя, представляется китайской передачей названия Яксарт (**Vrxa* (r) *ta*) (Pulleyblank E. G. 1962, p. 247; 1966, p. 28). Б. А. Литвинский предлагал связать название Кангюй с хотано-сакским словом *kaṅgā* — «кожа», «шкура», а с учетом хотано-сакского обозначения какого-то доспеха *kaṅgīnai* *baṃbḡān* толковать данное название как сакский этноним с примерным значением «люди в кожаных одеждах (или доспехах)» (Литвинский Б. А. 1968, с. 22-23). Собственно вторая часть в названии -юй означает «местожительство», «местопребывание», «заселенная часть страны», а само название может означать «земля Канг», или «земля Канг (народа)» (Hill E. J. 2003, sec. 2.13).

«Тохарская» трактовка названия Кангюй очень сомнительна (это же, кстати, касается и тохарской атрибуции

Давань, Усунь, Юэчжи у Э. Пуллиблэнка). Земли в районе Сыр-Дарьи издавна занимало население, большинством исследователей относимом к ираноязычным народам. Кроме того, следуя значению тохарской лексемы, мы получаем название государства «Земля камня», что никак не соответствует реальной географической картине. Ориентация на Ташкент, как отмечалось выше, также сомнительна. Более реально пойти по пути, предложенному Б. А. Литвинским.

В принципе, он уже был намечен. С. П. Толстов, хоть и явно ошибочно отождествлявший Кангюй с Хорезмом, вполне закономерно обратил внимание (Толстов С. П. 1948, с. 20-24; 1948а, с. 145) на иранскую (и индоевропейскую) лексему *kan*, которая надежно представлена в названиях рек в ареале проживания ираноязычных народов. Вполне вероятно, что впервые интересующее нас название встречается в «Авесте» в форме «Кангха», а название Канг издревне прилагалось к Сыр-Дарье. Таким образом, само название Кангюй могло означать «Земля каналов (рек, арыков)» или «Земля Сыр-Дарьи». Полученная нами локализация кангюйского центра в районе расположения рек и озер вполне соответствует такому названию. Уже отмечалось (Вайнберг Б. И. 1999, с. 282-283), что название Канг-Кангха могло относиться к дельте Сыр-Дарьи, где в районе ее прежнего слияния с рр. Чу и Сарысу образовывалось обширное озеро, окруженное системой каналов.

Яньцай отстоял от Кангюй на северо-запад не менее чем в 2000 ли, т. е. 828 км (ШЦ, 123; ХШ, 125). Данная цифра могла бы вызвать некоторые сомнения своим совпадением с определением расстояния от Давань до Кангюй. Обращает на себя внимание и приблизительность формулировки в определении такого расстояния. Видимо, следует помнить, что она происходит из сведений Чжан

Цяня, который непосредственно побывал в Давань, Кангюй, Большие Юэчжи и Дася. Сведения же о других соседних с ними странах, в том числе и о Яньцай, не были аутентичными, а происходили из сообщений, полученных ханьским посланцем в местах своего непосредственного пребывания.

Обращает на себя внимание и тот факт, что расстояние в 2000 ли определяется от Давань до Усунь, где Чжан Цянь также не был, 2000-3000 ли (вновь приблизительное) — для расстояния от Давань до Большие Юэчжи и 2000 ли — от Давань до Дася, т. е. для маршрутов, не пройденных самим послом, двигавшимся по маршруту Давань-Кангюй-Большие Юэчжи-Дася. Таким образом, все маршруты, непосредственно не пройденные информатором, определяются одинаковым и, видимо, приблизительным расстоянием в 2000 ли.

Китайские источники демонстрируют и определенную устойчивость в использовании изначально складывавшихся представлений. Так, расстояние в 2000 ли от Давань до Кангюй будет повторено и в «Цзинь шу» (ЦШ, 97), хотя тому должен был противоречить и известный самому источнику перенос столицы Кангюй в г. Сусе, который некогда служил ставкой одного из зависимых от Кангюй малого правителя. Подобная приверженность к сохранению старых знаний, даже если позднее выяснялась их некорректность, демонстрируется и по отношению к географическим ориентирам. Например, ханьские источники помещали юэчжей к северу, а Бактрию к югу от р. Гуйшуй (ШЦ, 123; ХШ, 95), отождествляемую обычно исследователями с Аму-Дарьей или Сыр-Дарьей (Борова Л. А. 1989, с. 22).

Однако, как заметил Ю. А. Заднепровский (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 67-68, 101), данная река может ото-

ждествляться и с р. Зеравшан, текущей в широтном направлении, к югу от которой действительно находилась Бактрия (Дася). Л.А. Боровкова, хотя и возвращается в ходе своей работы к мысли о тождественности р. Гуйшуй и р. Сыр-Дарья, вместе с тем, справедливо подмечает (Боровкова Л.А. 2001, с. 115), что Зеравшан рассматривался китайцами как продолжение Сыр-Дарьи. Даже в VI в. н. э., когда китайцы уже хорошо познакомились с Сыр-Дарьей, называемой ими Нами, они продолжали, вопреки всему, отождествлять Зеравшан с Сыр-Дарьей (БШ, 97). В целом, Л.А. Борокова аргументировано отвергает «аксиому» отождествления р. Гуйшуй с Аму-Дарьей (ее верхнее течение без р. Пяндж), отождествляя ее с р. Сыр-Дарья, а столицу Больших Юэчжей г. Ланьши с городищем Шахринау в 44 км западнее Душанбе (Боровкова Л.А. 2005, с. 24-37, 60-61, 102).

Приводимые данные «Бэй ши» (БШ, 97), видимо, могут свидетельствовать в пользу решения Ю.А. Заднепровского. Здесь указывается, что царство Хэ, которое идентично Гуйшуанни «Синь Тан шу» (СТШ, 221/2), т. е. Гуйшуан-сихоу, впоследствии создавшему Кушанию, находилось к югу от р. Нами, бесспорно, соответствующей р. Сыр-Дарья. Таким образом, прежнее упоминание юэчжей к северу от р. Гуйшуй может ориентироваться на р. Зеравшан. Получается, что первоначально юэчжи расположились к югу от р. Сыр-Дарья и к северу от р. Зеравшан. Но, все же следует быть более осторожным, учитывая некоторые политические события того времени и, например, не менее важный регион как долина р. Кашкадарья, располагавшейся южнее р. Зерафшан. Пожалуй, в целом, следует говорить о расположении юэчжей между рр. Сыр-Дарья и Аму-Дарья, ориентируясь на долины рр. Зерафшан и Кашкадарья.

Если мы сохраним в подсчетах расстояние в 2000 ли при 1 ли = 414 м и с поправкой в 8%, то конечный пункт поиска приводит к 47 км или 60 км трассы севернее г. Новоказалинск. При использовании 1 ли = 415,8 м и с поправкой в 8% останавливаемся, примерно, на 7 км или 43 км от этого пункта. Интересно, что при использовании различной длины ханьского ли расчеты расстояния от г. Гуйшань оказываются более близки друг другу, чем от г. Эрши. Это случайность или закономерность, обусловленная уточнением ханьцами реальной географии, сказать трудно, хотя второе предположение исторически кажется более вероятным. Учитывая привязку караванного маршрута к течению Сыр-Дарьи, мы практически достигаем ее современного устья. Если следовать древним руслу, то мы, все равно, остаемся в Восточном Приарале, ограниченном с юга высокими коренными песками пустыни Кызыл-Кум.

Следует заметить, что именно на Нижней Сыр-Дарье, согласно исследованиям А.Ю. Зуева, использовавшего сведения из различных, более поздних источников, и должно было располагаться Яньцай (Зуев А.Ю. 1995, с. 42-43). В отношении столицы Яньцай отмечается, что она могла носить название Ди (Ти), или чтение иероглифов определяет ее, как окруженную стенами. Вполне вероятно, что речь шла о ставке правителя, имевшей укрепления (Chavannes E. 1907, p. 150, 168, 195-196; Зуев А.Ю. 1995, с. 39; Hill J.E. 2003, n. 19.2; Алемань А. 2003, с. 512). Было ли оно собственным поселением яньцайцев, определяемых в ханьских источниках кочевниками, или центром, захваченным ими, установить сегодня не представляется возможным. Не исключено, что археологические поиски столиц Кангюй (хотя такое решение для Битянь представлено (Подушкин А.Н. 2000, с. 170-177)) и Яньцай

вообще никогда не дадут никаких результатов. Они, например, могли представлять собой обычную ставку вождей номадов, укрепленную рвами, валами и деревянной стеной, по типу построенного Чжичжи города. Ханьцы по этому поводу отмечали, что у иноземцев нет прочных стен (ХШ, 70).

Единственным последующим изменением сведений о расстоянии между Кангюй и Яньцай является сообщение комментатора Янь Шигу (581-645 гг.) в «Примечаниях к Хань шу» о данных Ху Гуана (II в. н. э.), что Яньцай лежит к северу от Кангюй на 1000 ли (Hirth F. 1910, p. 40; Зуев А. Ю. 1995, с. 41). При использовании 1 ли = 414 м и с поправкой в 8%, составляющей 33,120 км, получаем 380,880 км. Учитывая период фиксации сведений, речь должна идти об определении расстояний от г. Гуйшань. Тогда Яньцай помещается, примерно, в 8 км севернее г. Кзыл-Орда. При использовании 1 ли = 415,8 м и с поправки в 8%, составляющей 33,264 км, получаем 382,536 км. Тогда Яньцай помещается, примерно, на 12 км севернее г. Кзыл-Орда. Такое расположение близко известной локализации Кангюй (Боровковой Л. Н. 1989, с. 80, кар. 3Б) возле г. Кзыл-Орда.

Трудно объяснить, на чем основана указанная поправка. В «Хоу Хань шу», использовавшей в описании «Западного края» сведения Бан Юна (123-127 гг.), т. е. так же II в. н. э., вообще нет указания на расстояние от Кангюй до Яньцай. Отсутствует оно и в «Вэй люэ», со сведениями за 221-239 гг. С другой стороны, нельзя исключать и возможности изменения границ государств в различные периоды их существования.

Видимо, следует отметить, что мы говорим об общей локализации государств при ориентировании на их политико-административные центры. Нам остается точно

не известными все территории, которыми, например, владели Кангюй и Яньцай. Сами центры могли располагаться в глубинах государств. Например, расстояния от Кангюй до Усунь дается также в 2000 ли. В описании истории шаньюя Чжичжи мы узнаем, что он опустошил и сделал безлюдными земли Усунь на 1000 ли от границы с Кангюй (ХШ, 70). Следовательно, центр усуньского государства был удален от этой границы не менее чем на 400 км. Вполне вероятно, что и владения Яньцай начинались гораздо выше по течению Сыр-Дарьи, достигая района современного г. Кзыл-Орда. Заметим, что, если Яньцай располагался возле Арала, то у нас нет никаких сведений о достижении собственной территории Кангюй до некоего водного бассейна, что может дополнительно указывать на соответствующее положение.

Таким образом, государство Яньцай следует локализовать к востоку от Арала. Вновь напомним, что указанная локализация носит приблизительный характер, поскольку мы не можем точно учесть всю специфику маршрута передвижения. Путь должен был идти вдоль Сыр-Дарьи до ее низовий, но те, например, были несколько смещены к западу, по сравнению с современным руслом. Нам известны 4 системы древних сырдарьинских протоков, радиально расходящиеся от сырдарьинского русла южнее г. Кзыл-Орда: Инкар-Дарья, Жаны-Дарья, Куван-Дарья и Пракуван-Дарья (Эскидарьялык).

Как отмечено выше, мы имеем и дополнительные природно-географические описания при локализации самого Яньцай. Согласно китайским источникам (ШЦ, 123; ХШ, 95; ХХШ, 88; ВШ, 102; БШ, 97; ЧШ, 50; СГЧ, 30), Яньцай располагалась на север или северо-запад от Кангюй на берегу большого/бескрайнего озера/болота (Иванов А. 1913, с. 282; Бичурин Н. Я. 1950, с. 151, 188, 260; Кюннер Н. В.

1961, с. 106; Боровкова Л. А. 1989, с. 65; Зуев А. Ю. 1995, с. 38, 39-40; Shiratory K. 1928, p. 98; Teggart F. J. 1939, p. 197; Enoki K. 1955, p. 47; Hill J. E. 2003, sec. 19) без высоких берегов, которое называется Северным морем (Бэй хай). По уточнению Ю. А. Зуева, Северным морем оно является по отношению к Кангюй (Зуев Ю. А. 1995, с. 38; 2002, с. 48). Отметим, что исследователи обычно отмечают только северо-западное направление от Кангюй в Яньцай, полностью забывая о наличии сведений о северном направлении.

Несомненно, в данном случае речь идет только об Аральском море. Само направление на север или северо-запад от Давань в Кангюй и на север или северо-запад от Кангюй в Яньцай и не могло привести к иному водному бассейну. Кроме того, определение расположения озера к северу по отношению к Кангюй следует отнести за счет конкретных знаний самих кангюйцев, т. к. именно они могли изначально сообщить их Чжан Цяню, милостиво принятого в данной стране и не побывавшего непосредственно в Яньцай. Если бы под озером подразумевался Каспий, как полагают некоторые ученые, то следовало бы признать, что кангюйцы просто не ориентировались в сторонах света.

Обращает на себя внимание определение в некоторых переводах Аральского моря как «болота» или «озера» с отлогими берегами. В то же время в дальнейшем источники отмечают наличие в Яньцай сосны, ракитника и «белой травы», и поступление в Кангюй из располагавшегося к северу от Яньцай государства Янь шкурок зверей мышиной породы (ХХШ, 88). В комментариях Пэй Сунчжи к труду Чэнь Шоу «Описание трех царств. 220-264» сохранилась краткая выдержка из утерянного произведения «Вэй люэ» Юй Хуаня (между 239 и 265 гг.) со сведениями за 221-239 гг. о том, что в располагавшихся к северо-за-

паду от Кангюя некогда зависимых от него государствах Лю, Янь и Яньцай (Алань) было много соболя (СГЧ, 30) (Зуев Ю. А. 1995, с. 39-40). В гораздо более позднем источнике 1851 г. Хэ Цю-тао «Шофанбэйчжень» («Полное описание северной границы»), представляющем собой переработку некоторых глав «Хань шу», к интересующему нас отрывку добавляются сведения о высоком берегу озера с множеством сосен, елей и белой травы (Кюннер Н. В. 1961, с. 180).

Т. А. Габуев полагает (Габуев Т. А. 1999, с. 90), как и его предшественники (Shiratory K. 1956a, p. 133-134), что упоминание о соболях относится к их добыче в государстве Янь, откуда они и поступали в Яньцай и далее. В принципе, подобный подход вполне оправдан уже тем обстоятельством, что государство Янь располагалось к северу от Яньцай. Поэтому поступление оттуда шкур соболя вполне объяснимо. Кроме того, именно из Янь в Кангюй в виде дани поступали шкурки животных, по сообщению «Хоу Хань шу» (XXШ, 88).

Правда, используемый для обозначения этих зверей термин позволяет подразумевать и крыс, и других грызунов, таких как ласка, куница и т. п. (Hill J. E. 2003, p. 18.1). Следует отметить, что, если одни авторы дают в своих переводах «соболь» (Chavannes E. 1905, p. 560; Shiratory K. 1928, p. 99), то другие — «куница» (Еноки К. 1955, p. 47). Давно было обращено внимание на сведения Ма-дуань-линя в китайской энциклопедии Вэнь-сянь тун као (XIII в. н. э.), использовавшего в описании отдельных племен севера Азии источники IV-VI вв. В энциклопедии сказано, что в Худэ, Усунь и Кангюй имеется много соболей. В данной связи отмечалось, что речь идет о долине Иртыша, либо о междуречье Иртыш-Обь (Бернштам А. Н. 1947, с. 65). В любом случае, «наличие» множества соболей в том

же Кангюй может указывать только на его поступление из более северных территорий (сравни, как, по «Периплу Эретрейского моря», славится мехами сам Китай).

Определение произрастания в Яньцай ковыля или «белой травы», под которой подразумевают, с большим основанием, один из видов аконита (Hill J.E. 2003, sec. 5.3, 19.3), несколько не уточняет месторасположения страны. Что касается наличия в стране сосны, то полагают некоторую неточность, возможно, вызванную припиской Яньцай некоторых характеристик Янь, или наличием хвойных лесов на склонах подходящего к Аралу хребта Каратау. Отмечается и возможное изменение экологических условий за прошедшее время (Габуев Т.А. 1999, с. 90). Не исключено, что, как и в случае с соболями, к Яньцай прилагаются характеристики его северных соседей. Кроме того, мы не знаем, насколько далеко на север распространялись собственные владения Яньцай, а его кочевое население вполне могло в летний период перемещаться на север, где была и зона хвойной растительности. Поэтому необязательно пытаться свести сведения о приаральском регионе со сведениями о хвойных деревьях.

Определение водного бассейна возле Яньцай как «болота», на наш взгляд, находит себе реальные подтверждения. Нынешний восточный берег Арала пологий, со многими мелкими заливами и островами (Боровкова Л. А. 1989, с. 65). Современные научные данные свидетельствуют, что в III в. до н. э.-I в. н. э. было повышенное обводнение аральского бассейна. Реки представляли собой тихие протоки со стоячими или медленно текущими водами, берега которых были покрыты камышом и тугаями (Грошев В. А. 1993, с. 90). Именно такая «болотистая» картина представала перед глазами путешественника, двигавшегося по течению Сыр-Дарьи к ее низовьям. По-

этому болотом/озером легче представить именно Арал, а не Каспий. Кроме того, именно Арал имеет действительно пологие берега, в то время как для Каспия отмечается и наличие высоких берегов.

По мнению К. Еноки (Еноки К. 1955, р. 56), в китайских хрониках практически не различались Арал и Каспий, а первый мог объединяться со вторым и даже Черным морем. Поэтому все это «морское пространство», по мнению исследователя, до бесконечности простиралось на север, соединяясь с Северным (Арктическим) океаном и столь же неопределенно удалялось на запад. Такая трактовка не представляется обязательной. Уже в первых сведениях о «Западном крае» (ШЦ, 123, ХШ, 95) ханьские источники отмечают наличие в нем «западного моря», которое всегда соотносится именно с Каспийским морем или, как полагают некоторые исследователи, далее на запад с Черным или Средиземным морями и т. д. Море же возле Яньцай, в отличие от «западного моря», часто называется «озером/болотом» и «северным» именно по отношению к Кангюй, позволяя предполагать, даже если и смутные, но реальные представления об отличии Арала от Каспия. Но и признавая данную точку зрения исследователя, мы, в первую очередь, все равно попадаем через отмеченные по Кангюй ориентиры в район Приаралья.

В то же время, если следовать предположению К. Еноки, то на суше не остается места для государства Янь, располагавшегося к северу от Яньцай. Само государство Яньцай, а точнее его центр, даже если отбросить все остальные факты для его географической локализации, никак не может помещаться ни к северу от Арала, ни на пространстве от Арала до Каспия или Волги. Такая локализация помещала бы между территориями Кангюй и Яньцай упоминаемое «болото/озеро» (Цуциев А.А. 1999, с. 31).

Кроме того, она бы автоматически вызвала и сообщение о расположении возле этого водоема самого Кангюй, чего нет ни в одном источнике.

Для поддержания связей между государствами обычно использовали наиболее известные пути, обеспечивавшие максимально возможные удобства и безопасность. Именно такой путь и мог идти вдоль Сыр-Дарьи вплоть до ее низовий, куда приводят отмеченные расстояния и направления до Яньцай китайских источников. Для поиска территории страны на север от Арала или между Аралом и Каспием нет никаких данных. У нас не остается ни одного ли, чтобы продолжить движение вдоль аральского побережья ни в каком направлении. Популярное среди части исследователей мнение о расположении страны во втором регионе наталкивается на заметные трудности.

Можно, конечно, чисто гипотетически предположить передвижение по строго прямолинейным маршрутам от Кангюй. Речь идет об изначальном движении на запад. Но тогда пришлось бы идти по безжизненным пространствам. С другой стороны, столь тяжелые условия продвижения неминуемо вели бы к стремлению достичь перевального пункта отдыха. Китайские источники (ХШ, 94) упоминают о наличии пяти зависимых от Кангюй владений. Отечественными и зарубежными исследователями предложены их различные идентификации (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 50; Hulsewe A. F. P., Loewe M. A. N. 1979, p. 131, n. 324; Hill J. E. 2003). У специалистов не вызывает споров только отождествление Юйцзянь с Хорезмом, сведения о котором появляются уже в «Ши цзи» (ШЦ, 123). Государство располагается на запад от Ферганы (Shiratory K. 1928, p. 91-92; Hill J. E. 2003).

Поэтому именно Хорезм, в первую очередь, и влек бы к себе различного рода путешественников. Но тогда при

определении локализации Яньцай следовало ожидать упоминания Хорезма, который бы непосредственно лежал на пути туда из Кангюй. Однако таких сведений нет. Уже от Хорезма маршрут изменял бы свое направление на северо-запад, но 2000 ли в целом хватило бы, в лучшем случае, чтобы подойти к плато Устюрт. Не стоит и говорить, что подобный маршрут тем более не мог довести до Урала, где другая часть исследователей также ищет Яньцай. Как уже отмечалось, сведения китайских источников не позволяют искать страну и к северу от Арала, а тем более выводить через данное направление опять-таки к Уралу.

Собственно Хорезм также был достаточно известным центром на торговых путях. Известны и караванные маршруты, ведущие от Хорезма через Устюрт на север Прикаспия. Но достижение самого Хорезма торговыми караванами с юго-востока обеспечивалось бы движением вдоль Аму-Дарьи или Сыр-Дарьи. Но эти маршруты, исходя из данных о расстояниях, с трудом бы привели только к самому Хорезму.

В китайских источниках содержатся и некоторые другие данные по локализации Яньцай. Речь идет о пространственном соотношении Яньцай с другими государствами. В «Ши цзи» (ШЦ, 123) указывается, что на север от Аньси (Парфия) располагаются Яньцай и Лигань. В следующий раз дважды упоминается об отправке ханьских посольств в 121 г. до н. э. в Аньси, Яньцай, Лигань, Тяочжи (Селевкия) и Шеньду (Индия), что повторяется и в «Хань шу» (ХШ, 61). Одни исследователи полагают, что данные сообщения ошибочны, т. к. к северу от Аньси находился Кангюй, а Лигань соответствует Древнему Риму (Боровкова Л. А. 2001, с. 115). Другие считают, что данные о Лигань отражают сведения об античных колониях Северного Причерно-

морья, поступившие по «Северному пути», где, якобы, у Каспия располагались владения Яньцай (Shiratori K. 1956, p. 225-226; Лубо-Лесниченко Е. И. 1988, с. 369).

Прежде всего, обратимся к данным по Лигань. Исследователи выдвинули несколько возможных вариантов идентификации данной страны и того названия, которое передано в китайской транскрипции. Предложены сопоставления с Рекемом (Петра), Александрией в Египте, «землей Александра», Селевкией и, наконец, Гирканией (Hill J. E. 2004, n. 11.2). Впоследствии китайские источники используют данное название как второе к названию Рима Дацинь, прежде всего, подразумевая азиатские владения Римской империи.

Учитывая, что для периода информации «Ши цзи» ханьцы не обладали аутентичными сведениями о землях к югу и западу от Каспия, как и, собственно, о Парфии, то первоначальное отождествление Лигань с Гирканией представляется вполне вероятным. В целом, и расположение Лигань к северу от Парфии, вполне соответствует локализации Гиркании на юго-восточной стороне Каспия. С другой стороны, Гиркания была непосредственно включена в состав Парфии. Причем, собственные владения Парфии, как свидетельствуют археологические данные, распространялись на севере вплоть до Узбоя, на котором она контролировала водный путь (Юсупов Х. 1986, с. 141, 193, 197), что также подчеркивает отсутствие у ханьцев реальных знаний о стране и территориях к северу от нее.

Незадолго до путешествия Чжан Цзяня Гиркания кратковременно была захвачена Селевкией, которая некогда и владела данными землями, но затем быстро возвращена обратно Парфией. Также не исключено, что выделение в сообщении Гиркании диктовалось ее важной ролью в международной торговле. В то же время восприятие ки-

тайцами названия Гиркании (Wrkāna) могло совпадать с их восприятием названия Alexandria. Образ и имя великого завоевателя оставили неизгладимый след в Азии. Кроме того, Александр построил многие поселения и города, дав им свое имя, в том числе и самую северную Александрию Эсхата в районе современного г. Ходженд.

В конечном итоге, имя Александра «освещало» многие азиатские земли и, прежде всего, некогда могущественного Селевкидского государства, часть которого затем послужило основой для создания Парфянского (Ānxi — «земля Аршака») и Греко-Бактрийского царств. Впоследствии оно было перенесено ханьцами и на Римскую империю (XXШ, 88) за счет включения в ее состав некогда завоеванных Александром земель. Ханьцы затем узнают и о Египте, названия которого тоже относят к названию Римской империи (XXШ, 88). Столица Египта носила столь же известное название Александрия. По-существу, Рим выступил в роли европейского исторического наследника Александра.

Таким образом, первое знакомство ханьцев с далекими западными землями могло создать условия для представлений о расположении Лигань к северу от Аньси. Упоминание об отправлении посольств в Аньси, Лигань, Яньцай, Тяочжи и Шеньду лишь указывает на стремление Хань установить отношения с наиболее отдаленными от них странами, ставшими им известными, но еще лично не посещенными официальными китайскими посланниками. В результате отмечаются страны Аньси и Тяочжи далеко на западе, Шеньду — на юге, Лигань и Яньцай — на севере. Вряд ли стоит придавать особое значение упоминанию Яньцай и Лигань вместе и трактовать такое положение как указание на смежность их территорий. Во-первых, сами источники не говорят о соседстве Яньцай и

Лигань. Во-вторых, мы действительно имеем дело лишь с указанием на общее географическое расположение, что подтверждается данными о расположении к северу от Аньси Кангюй (ХШ, 96/1; ХХШ, 88), а Яньцай, соответственно, севернее уже Кангюй.

Попытка представить упоминание рядом Лигань и Яньцай как отражение их географического соседства, ставшего известным за счет функционирования «северного торгового пути» из Северного Причерноморья во II-I вв. до н. э. не выдерживает критики (Скрипкин А. С. 1994а, с. 32-33; 2003, с. 194-203; 2010, с. 99-119; 2010а, с. 325-332). Заметим, что ни Чжан Цянь, ни его ближайшие последователи не выходили непосредственно на участок «Северного пути», ведущий в Восточную Европу. Кроме того, сами сведения «Ши цзи» (ШЦ, 123) надежно опровергают идентификацию Лигань с античными городами Северного Причерноморья.

Источник сообщает, что с посольством из Парфии (Аньси) в Хань между 110 и 100 гг. до н. э. прибыли искусные лиганьские фокусники (Кюннер В. Н. 1961, с. 121). Данное сообщение повторяется и в «Хоу Хань шу» (ХХШ, 96а). Сведения о знаменитых лиганьских фокусниках содержатся и в «Вэй люэ». Парфяне вполне могли привести с собой фокусников, например, из Селевкии или Египта, но никак ни из Северного Причерноморья, которое никогда и не славилось подобными мастерами и было вообще недостижимо для парфян. Показательно, что в «Вэй люэ» содержится и второе сообщение об удивительных фокусах, которые демонстрируют в Дацинь, располагавшемся на запад от Парфии.

Уточнить расположение государства Яньцай помогают сведения «Вэй люэ», которые, на наш взгляд, напрасно остаются вне поля внимания большинства отечествен-

ных исследователей, либо не были достаточно подробно проанализированы ими, в результате чего получили незавершенную оценку. «Вэй люэ» сообщает о существовании трех государств Лю, Янь и Яньцай, которое также называлось Алань. По образу жизни они были схожи с Кангюй. На западе они, т. е. вся триада, а не собственно Яньцай, граничили с Дацинь, а на юго-востоке — с Кангюй. В этих странах было много знаменитых соболей, разводилось много скота, с которым кочевали в поисках воды и травы. Они располагались рядом с большим болотом.

Сведения о том, что государства Лю, Янь и Яньцай на западе граничат с Дацинь, пытаются объяснить сомнительной степенью достоверности источника, смутным пространственно-географическим мышлением китайских историографов, которые помещали государства на самом западном краю «Западного края». Поскольку Рим считали самым западным государством во вселенной, то из данных посылов было произведено «уплотнение» географического пространства (Габуев Т. А. 1999, с. 88-90).

Прежде всего, следует разобраться с конкретной локализацией интересующей нас триады. Указание на границы с Дацинь и Кангюй, следуя прямому пониманию текста (Chavannes E. 1905, p. 558-559), относится ко всем государствам в целом. Однако сопоставление с другими данными китайских источников позволяет разделить это соотношение между ними. Согласно всем китайским источникам, на северо-западе с Кангюй непосредственно граничило Яньцай (ШЦ, 123; ХШ, 95; БШ, 97). Следовательно, данные «Вэй люэ» о границе с Кангюй на юго-востоке относятся к границе между Яньцай и Кангюй. Именно Яньцай, по сведениям тех же источников, располагалось возле большого болота, т. е. и данная характеристика

должна быть отнесена к географическому признаку расположения Яньцай.

Государство Янь никогда не определялось как смежное с Кангюй. Оно помещалось непосредственно к северу от Яньцай (XXШ, 88). Поэтому Янь само не граничило с Кангюй, а было отделено от него владениями Яньцай. Соответственно и государство Лю не граничило ни с Яньцай, ни с Кангюй, а могло непосредственно граничить только с Янь. Ни Янь, ни Лю не граничили и с большим болотом.

Таким образом, мы имеем цепочку пограничных друг с другом государств, которая точно и передана в «Вэй люэ» как Лю-Янь-Яньцай. Следовательно, наиболее отдаленным от Кангюй являлось Лю, которое и могло претендовать на статус территории, граничащей на западе с Дацинь. Вывод о том, что, по «Вэй люэ», Яньцай граничит на западе с Дацинь, что подразумевало римские территории в Армении, откуда открывался доступ к портам Черного моря, а затем в Средиземноморье, в то время как яньцайцы, или аланы, проживали от Северного Причерноморья до западного и северного побережья Каспия (Hill E. J. 2004, app. D), не только само по себе противоречиво, но и не имеет в действительности никакого основания в данных источника.

Точно так и сообщение «Шофанбэйчен» (31) о том, что Яньцай на западе граничит с Дацинь, является искаженной трактовкой сведений «Вэй люэ». Совершенно необъяснимой можно считать и попытку поместить Лю в низовьях Сыр-Дарьи между Яньцай и Кангюй (Hill E. J. 2004, p. 25.1). Невозможно помещать в Восточном Приаралье и Янь (Боровкова Л. А. 1989, с. 98), т. к. такое положение вызвало бы приложение к нему практически идентичных природно-географических характеристик Яньцай, таких, например, как сведения об озере/болоте с пологими берегами.

«Вэй люэ» сообщает о знаменитых соболях в землях указанных трех стран. Данная характеристика никогда не приписывалась собственно Яньцай. Но, согласно «Хоу Хань шу» (ХХШ, 88), шкурками животных платила дань Кангюй Янь, и лишь само поступление дани могло происходить через территорию Яньцай. Поэтому данная характеристика, прежде всего, могла бы относиться к государству Янь. Собственно, на территории к востоку от Арала, где размещается Яньцай, соболь не водится. Он, кстати, не встречается и возле Каспия, где часто пытаются поместить Яньцай.

«Вэй люэ» сообщает нам и о других территориях, славившихся своими соболями. Это страна Худэ, располагавшаяся на север от Конглинг, на северо-восток от Кангюй и на северо-запад от Усунь, страна Джианкун — на северо-запад от Кангюй, страна Динглинг — на север от Кангюй. Источник уточняет, что страна Джианкун находилась в центре этих трех стран, а Динглинг славилась, кроме того, шкурами белых и голубых арктических лис. Страну Худэ помещают в районе современного г. Бирлик. Сведения о Джианкун представляются первым упоминанием в китайских источниках тюркоязычных киргизов и выводят в район верховий Иртыша. Наконец, страна Динглинг помещается в районе о. Балхаш и р. Иртыш (Hill E. J. 2004, п. 26-28).

Здесь стоит сделать частное замечание. В упоминавшейся китайской энциклопедии Вэнь-сянь тун као (XIII в.), использовавшего в описании отдельных племен севера Азии источники IV-VI вв., отмечалось, что в Худэ, Усунь и Кангюй имеется много соболей. Но, как мы можем уточнить, соболя имелись только в Худэ. Поэтому именно оттуда они и могли поступать в соседние Усунь и Кангюй, за счет чего им приписывается данная характеристика. Поэтому сведения о соболях в Лю, Янь и Яньцай действительно могли в реальности относиться к Янь.

Исходя из предложенных локализаций, известные соболями страны располагались восточнее и северо-восточнее Кангюй, что позволяют скорректировать зону поиска локализации Лю и Янь. Эти страны должны помещаться в другом географическом направлении от Худэ, Жианкун и Динглинг. Собственно, подсказка для географической локализации Яньцай, Янь и Лю содержится в самих названиях данных государств, определяемых спецификой иероглифической системы китайского письма, что уже было намечено исследователями. Название страны Яньцай, исходя из буквального перевода его иероглифического написания, означает «Бескрайние степи», «Обширные пастбища» (Hill E. J. 2003, n. 18.1; 2004, n. 25.3), что весьма точно определяет занимаемые страной территории.

Название Янь буквально означает «Утес», «Скала», «Пропасть» (Hill E. J. 2004, n. 25.2). Следовательно, данная страна должна помещаться в районе не просто какой-либо возвышенности, а в районе гор. Ближайшими к Яньцай горами являются Мугоджары, где, кстати, отмечается и хвойная растительность. Они, в первую очередь, и могут определить расположение Янь. Видимо, владения Яньцай, если бы и могли занимать степные районы как к востоку, так и северу от Арала (скорее, речь бы шла и о сезонных, летних передвижениях кочевого населения на север), не включали Мугоджары, ставшие своеобразной «визитной карточкой» Янь.

В то же время, горы Мугоджары вполне могли восприниматься в качестве южных отрогов Уральских гор, что позволяет рассматривать и их в качестве привязки для расположения Янь. Полагают (Shiratory K. 1956a, p. 133), что название Янь, приводимое в «Хоу Хань шу» и «Вэй люэ», звучало как *ngiam*, *ngiän* и представляло собой фонетиче-

скую попытку передачи названия р. Кама. Следовательно, Янь могла занимать и территории в Приуралье. В пользу такой локализации свидетельствуют и некоторые другие наблюдения (Идельбаев А. М. 1991, с. 129-130).

Название Лю может буквально означать «Ива», т. к. используемый иероглиф *liao* мог бы читаться как похожий иероглиф *liu* — «ива» (Chavannes E. 1907, p. 195, n. 2). Учитывая приведенные наблюдения, следует согласиться, что мы имеем дело и с описательным характером переданных китайскими источниками названий государств (Hill E. J. 2003, n. 18.1), что отмечалось исследователями и в отношении других стран, упоминавшихся в китайских источниках (Хеннинг Р. 1961, с. 266). Использование образа ивы вполне могло определяться обдуманном стремлением передать образ традиционной растительности богатого водой региона (Hill E. J. 2004, n. 25.1). Кроме того, название страны *Liao* или *Liu*, звучавшее, что наиболее вероятно, как *liao* и *lau*, соотносится с названием Волги у Птолемея *Ῥα* и современным мордвинским названием этой реки *Rau*, *Raw* (Shiratory K. 1956a, p. 133-134; Зуев Ю. А. 2002, с. 50). отождествлять Лю с Нижним Доном, постулируя сильную зависимость располагавшейся здесь части сарматов от Кангюй (Yatsenko S. A. 2003, p. 89; Treister M., Yatsenko S. 1997/1998, p. 74), не представляется возможным.

Как мы могли убедиться, общее указание на границу триады стран Лю-Янь-Яньцай на юго-востоке с Кангюй в реальности относится к границе между Кангюй и Яньцай. Учитывая взаиморасположение этих стран, граница триады на западе с Дацинь должна быть отнесена к географическому соотношению Дацинь и Лю. Если мы продолжим путь от Волги на запад, то в первую очередь речь должна была идти о Северном Причерноморье, где располагались греческие полисы. Первое же значительное государствен-

ное объединение на этом пути предстает в лице Боспорского государства, располагавшегося в Крыму (Европейский Боспор) и на Тамани (Азиатский Боспор).

В устье же Дона помещался его знаменитый торговый центр — Танаис. Ко времени получения сведений для «Вэй люэ» многие северопричерноморские полисы признали свою зависимость от Рима. Сюда были выведены и римские гарнизоны. Вассальную зависимость от Рима признал и Боспор. Кроме того, основатель новой боспорской династии Аспург лично побывал в Риме и был принят в императорскую семью Тибериев Юлиев. Все его потомки официально носили имя Тибериев Юлиев. Уже сам Аспург вел проримскую политику и по поручению империи охранял границы Боспора и Херсонеса (IOSPE. I², № 573), вероятно, получая денежные субсидии на содержание наемников. Таким образом, на запад от Лю, действительно, лежала территория Рима.

Итак, приведенные наблюдения, как представляется, позволяют локализовать государства Яньцай, Янь и Лю соответственно к востоку от Арала, в районе Мугуджар и/или Урала и на Волге. Причем, их удаление от Кангюй имеет в целом северо-западное направление и не ведет в район Северного Прикаспия или на Нижнюю Волгу, что, кстати, соотносится с торговыми маршрутами средневековья. Причем, такое направление определялось при движении с востока через север Арала, в то время как при движении, например, через Хорезм, торговые караваны шли именно к низовьям Волги. Таким образом, это может косвенно подтверждать локализацию Яньцай к востоку от Арала и препятствовать его иным локализациям к западу от Арала.

Данная локализация подтверждается как общим географическим расположением стран, так и их взаиморасположением и названиями. Вполне обоснованным представля-

ется замечание исследователей, что такое расположение Янь и Лю может объяснить и наличие в этих странах пушного зверя, в том числе, и соболей. Поступление ценных шкур, в котором были заинтересованы не только Кангюй, но и Хань, могло стимулироваться и связями с более северными территориями. Интересно, что «Вэй люэ» сообщает о стране людей маленького роста, которая находилась к северо-западу от Кангюй. К ним лежала дальняя дорога от Яньцай и других стран, составлявшая около 10000 ли от Кангюй. Не исключено, что сведения о загадочной стране с многочисленным и необычным населением поступали от купцов, проходивших и эту страну. Они могли добираться до земель к северу от Янь, как полагают, в район бассейна р. Обь, где и могли слышать о самоедах, располагавшихся ниже по течению реки (Shiratory K. 1956a, p. 134).

Конечно, исследователи отдают себе отчет в том, что образ низкорослых людей не имеет надежной этнической привязки. Но и иные материалы, уже мифологического характера, тем не менее, вновь уводят нас далеко на запад от Китая и, как отмеченные в «Вэй люэ» маршруты, ведут через области ираноязычных кочевников (Туаллагов А. А. 2001, с. 43-44). Показательно, что, согласно источнику, сведения о стране низкорослых людей поступили через купцов и были сообщены кангюйскими старейшинами. Данное положение вполне согласуется с мнением многих исследователей, что поступления данных о западных странах диктовалось наличием торговых маршрутов, которые стремились контролировать или выгодно и безопасно использовать китайцы. Поэтому для определения времени становления маршрута на запад через Яньцай и сопутствовавших ему исторических условий следует вновь обратиться к данным китайских источников. Вместе с тем, у нас появляется и определенная возможность привлечь данные и европейских источников.

ГЛАВА II. СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ (по данным китайских источников)

Первые сведения о далеких западных странах попали в Хань после знаменитого путешествия Чжан Цяня в кон. II в. до н. э. Интересующее нас направление было отмечено в «Хань шу» (ХШ, 96а) как «Северный маршрут». Он последовательно проходил через Давань, Кангюй и Яньцай. Яньцай называется последним пунктом на этом пути. Следовательно, данное направление не уходило далее Восточного Приаралья. Обращает на себя внимание и тот факт, что Яньцай здесь еще выступает независимым владением, а сведений о Янь или Лю вообще нет. Поскольку сведения «Хань шу» охватывают исторический период до 25 г. н. э., то мы можем говорить об отсутствии торгового направления из Хань в Восточную Европу вплоть до указанной даты. Заявления, что действие «Северного маршрута» через низовья Волги к греческим городам Черного моря следует вести от путешествия Чжан Цяня (Перевалов С. М. 2008а, с. 166-167), лишено всякого к тому основания, окончательно дискредитируясь указанием на сообщение о торговле аорсов (Strabo. XI, V, 8) как на продолжение этого пути (Перевалов С. М. 2010а, с. 118-119).

Следует признать, что для II-I вв. до н. э. у нас нет никаких фактических данных для утверждения о существовании «Северного маршрута» из Хань в Восточную Европу. Видимо, препятствовали его функционированию и те политические события, которые разворачивались в то время к северо-западу от Хань и были подробно рас-

смотрены Л. А. Боровковой (Боровкова Л. А. 1989, 2001). Ханьцы в 199-133 гг. до н. э. выплачивали дань сюнну. Затем разразилась 15-летняя война Хань с Сюнну, которая прошла достаточно успешно для империи. Тогда император У-ди, прослышав о юэчжах, некогда изгнанных после долгих войн со своей родиной сюннами и ненавидящих своих победителей, решил связаться с ними. Для этого и было послано на запад посольство Чжан Цяня. Примечательно, что этот первый ханьский посол и по пути на запад, и по пути назад на несколько лет оказался захваченным в плен сюннами, что сразу продемонстрировало стремление воинственных номадов всячески препятствовать развитию внешних связей империи (ШЦ, 123).

Ханьцы получили некоторые сведения о далеких странах после возвращения Чжан Цяня на родину ~126 г. до н. э. Он лично не посещал Яньцай. После этого ханьцы начинают слать посольства непосредственно в далекие страны. Однако первые же послы в Бактрию в обход владений Сюнну были по дороге убиты. Затратив много средств, ханьцы так и не смогли открыть эту дорогу и отказались от подобного плана (ШЦ, 123). Около 117 г. до н. э. ханьцы попытались установить непосредственные связи с усунями, но внутренние противоречия в Усунь не позволили сделать это сразу. Тогда из Усунь ханьцы отправили помощников посла в другие страны.

Вскоре Усунь, узнав о богатстве и силе Хань, а также о его попытках наладить прямые связи с Бактрией (Дася) и большими юэчжами в обход Усунь, решили пойти на сближение с империей. Показательно, что тогда Хань стала направлять посольства в разные страны. Эти посольства из ближних стран возвращались через

несколько лет, а из дальних — через 8-9 лет. Поскольку Яньцай явно не принадлежало к близким странам (судя по всему, уже Кангюй считался дальней страной), то путешествие занимало весьма значительное время, что вряд ли могло способствовать развитию торговли. Кроме того, китайские источники прямо отметили, что, в конце концов, никто не смог установить связи, а иноземные царства все более удовлетворялись царскими монетами и не ценили ее изделия (ШЦ, 123). Мы вновь сталкиваемся с фактом отсутствия развития торговых связей Хань с отдаленными странами.

Показательно, что мы знаем об отправке в то время посольств в разные страны. Однако у нас нет никакой информации о том, достигали ли они этих стран, возвращались ли обратно (исключение составляет только единственное сообщение о посольстве в Парфию). Даже эти официальные мероприятия делались за счет людей низкого звания и состояния, что указывает на опасность, подстерегавшую ханьцев в пути. Отмечаются и сведения об ограблении ханьских послов, о нападениях сюнну (ШЦ, 123). В 103 г. до н. э. ханьцы потерпели и военное поражение от сюнну.

В 107 г. до н. э. престарелый усуньский правитель Лецяоми все-таки женился на представительнице ханьского императорского рода Сицзюнь, но их брачные отношения оставались формальными. Причем, сюнну также прислали ему в жены дочь своего правителя, что косвенно указывает на продолжение противостояния. Впоследствии он выдал ее замуж за своего внука Цзюньсюйми, наследовавшего власть. Вскоре супруга умерла и взамен ее Хань прислала в жены Цзею, которая затем стала женой наследовавшего власть племянника Вэньгуйми. Престарелый правитель потребовал передать

впоследствии власть сыну Цзюньсюйми от жены сюнну-ски (ХШ, 96/2).

За данными событиями скрывались опасения спровоцировать против себя сюнну, которые находились в резко враждебных отношениях с Хань и, проявляя свое недовольство попыткой того установить связи с дальними странами и усунями, угрожали войной. Заметим, что в то время даже Кангюй признавал на востоке власть сюнну. В ханьских источниках специально отмечалось, что знание в странах к западу от Ферганы о прошлой победе сюнну над юэчжами заставляло их бояться и с особым вниманием и благожелательностью относиться к сюнну. В то же время в противоположность к этому они высокомерно относились к ханьцам, чьи послы не могли получить у них ни продовольствия, ни скота для передвижения, а должны были покупать его за деньги и шелк. Именно проход по северной дороге и контролировали сюнну (ШЦ, 123).

Когда в самом кон. II в. до н. э. Хань задумала провести военный поход на Фергану, то ферганцы отмечали, что опыт прошлых приездов ханьцев говорит о том, что они всегда испытывали крайнюю нужду во время своих передвижений из-за нападений на них, нехватки воды и травы, продовольствия. Обычно половина из состава посольств умирала в дороге от голода. Первый поход оказался неудачен из-за сопротивления населения, по чьей территории проходили ханьские воины, и голода.

Только угрозой кары, дополнительной мобилизацией и специальным обеспечением продовольствием ханьским властям удалось довести второй поход до победного конца, при этом все-таки потеряв половину войска. Но и тогда проявилось, как минимум, настороженное отношение к ним со стороны западных стран. Усуньцы,

хотя и заключившие союз с Хань, отказались прислать в помощь большую армию, а посланный ими отряд отказался участвовать в боевых действиях. К Фергане подошли и кангюйские всадники, выжидавшие удобного момента для нападения на ханьцев. Враждебную позицию тогда заняли и сюнну (ШЦ, 123). Таким образом, включение некоторыми исследователями II в. до н. э. в период функционирования северного торгового пути представляется очень сомнительным.

Победа над Ферганой действительно укрепила престиж Хань. Стремясь развить свой успех, ханьцы сразу рассылают посольства в страны к западу от Ферганы и готовятся к войне с сюнну. Но у нас вновь нет сколь-нибудь надежных оснований для признания успешного закрепления ханьцев на западе. Вплоть до падения Хань в 25 г. н. э. нет ни одного сведения о китайских посольствах. Мы только знаем о том, что в 77 г. до н. э. ханьцы совершили карательный поход в Лоулань под предлогом наказания за прошлое убийство на дороге послов из Ферганы и Парфии (ШЦ, 70). Вполне вероятно, что тот инцидент произошел в нач. I в. до н. э. и был связан с действиями сюнну (Боровкова Л. А. 2001, с. 162, 208-209), т. е. даже недавний успех ханьцев в Фергане не положил конца противодействию империи, и дороги между ним и «Западным краем» (Восточный Туркестан) оставались весьма опасными.

Те же ферганцы, продолжив дипломатические связи с Хань (ХШ, 70, 96/1), убили его ставленника. Сюнну пытались напасть на ханьцев уже по дороге домой, захватили их послов (ХШ, 96/1). Видимо, нивелировке значения успеха ханьцев послужила сразу вспыхнувшая 10-летняя война (99-89 гг. до н. э.) с сюнну, которая, хоть и заметно ослабила кочевников, но была весьма неудачной

для Хань (ШЦ, 109, 110, ХШ, 6, 54, 94/1, 96/1, 2). Даже император У-ди в 89 г. до н. э. раскаялся за свои военные действия и значительные расходы на связи с иноземцами и запретил посылать войска за пределы страны (ХШ, 24/1, 96/2).

После его смерти в 87 г. до н. э. в период правления Чжао-ди (86-74 гг. до н. э.) ханьцы продолжали воздерживаться от активной внешней политики, сосредоточившись на внутренних делах (ХШ, 7). Единственная их попытка вывести земледельческое поселение в Гуйцы окончилась провалом (ХШ, 96/2). Под контроль Хань перешло только ближайшее ей государство Лоулань, куда было выведено небольшое земледельческое поселение. Согласно сообщению за тот же 77 г. до н. э., послы сюнну свободно и постоянно отправлялись во все страны «Западного края» и в Усунь (ХШ, 70), что свидетельствует о полном контроле Сюнну над «Западным краем» (Борова Л. А. 2001, с. 207).

Сюнну направили свои действия на разрыв отношений между Хань и Усунь, скрепленный династическим браком. Они начали военные рейды на территории этих стран. Первоначально ханьцы воздерживались от предложения усуней повести совместные действия против сюнну (ХШ, 8, 70, 94/1, 96/2). Сюнны потребовали у усуньского кунми Вэньгуйми выдать им свою супругу-ханьку. Получив отказ, напали на Усунь и завладели землями Чэяньэши. Но затем, в 71 г. до н. э. совместное усуньско-ханьское выступление состоялось. Сюнну уклонились от схватки с ханьцами, но потерпели жестокое поражение от усуней, чей престиж в результате заметно повысился. Сюнны возненавидели усуней (ХШ, 8, 94/1). Попытка сюннов на следующий год отомстить усуням кончилась для них трагически из-за выпавшего снега.

В ответ усунь и ранее подвластные сюннам ухуани и динлины нанесли мощные удары, убив множество людей и угнав скот. В Сюнну начался голод. Этим воспользовалось Хань, чьи войска вторглись на земли Сюнну (ХШ, 94/1). Начался процесс отпадения от Сюнну подвластных ей владений. В 69-68 гг. до н. э. крупнейшее из подвластных Сюнну царств Куча заключило династический брачный союз с Усунь и отделилось от Сюнну. В самом Сюнну в 68 г. до н. э. гибнет более половины населения и скота (ХШ, 94/1). Но еще в 66 г. до н. э. сюнну управляют войска в свои западные земли, чтобы оказать давление на «Западный край» и Усунь (ХШ, 94/1). Ханьцы попытались тогда укрепиться в Чеши, но, встретив военное противодействие сюннов, ушли из этого царства в 64 г. до н. э. Правитель же Чеши бежал в Усунь (ХШ, 94/1, 96/2).

В 68-64 гг. до н. э. ханьцы все еще не могли полностью присоединить северную дорогу (ХШ, 96/1). Это им удалось только после того, как в 60 г. до н. э. Хань сдался сюннуский жичжу-ван Сяньсяньчань (ХШ, 70, 94/1). До этого в Сюнну разразились жестокие внутренние распри. Динлины в 63-61 гг. до н. э. успешно грабили их земли (ХШ, 94/1). Усуньский правитель передал управление своему сыну от ханьской жены.

Хань установило свой контроль над «Западным краем». Теперь ее связям с Усунь практически ничто не мешало. Продолжившийся процесс распада Сюнну привел к утрате ее бывшего могущества. В результате в 53 г. до н. э. Хуханье-шаньюй сдался Хань, а Чжичжи-шаньюй в 49 г. до н. э. ушел в Кангюй. Хань создали на землях «Западного края» военное управление духу, в обязанности которого входило наблюдение за обстановкой в Усунь, Кангюй и во всех иноземных государствах, с предпо-

лагаемой возможностью вести военные действия (ХШ, 96/1). Однако, судя по всему, таких сил в реальности у духу не было. В 48 г. до н. э. в Чехии Дальнее было выведено военно-земледельческое поселение для противодействия суннам.

Однако, как отмечали ханьские источники, от приобретения «Западного края» не было пользы, поскольку он был очень отдален. Хань даже отказалось от взимания дани. Это стало ясно сразу после сдачи Хуханье-шаньюя, давшей возможность детально обследовать новые земли. Основная цель ханьцев в подчинении «Западного края» была в ослаблении суннов и никак не относилась к развитию связей с отдаленными странами. Причем, ее осуществление приводило к огромным расходам самой империи (ХШ, 96/1, 2). Поэтому следует согласиться с решением (Скрипкин А. С. 2003, с. 199), что в условиях, когда доставка товаров даже из «Западного края» была невыгодна, вести торговлю до Волги вряд ли было возможно. Ханьцы для поддержания стабильности вынуждены были сами слать суннам продовольствие и преподносить богатейшие дары шаньюям (ХШ, 96/2).

Таким образом, вплоть до сер. I в. до н. э. не было никакой возможности для развития торговли по направлению к Восточной Европе. Кангюй включался ханьцами в число отдаленных стран, путешествия в которые, как отмечалось выше, были слишком продолжительными и опасными. Кангюй фигурирует среди государств, из которых также приходили представители, но которые не имели установленных отношений с Хань (ХШ, 96/2). Никаких сведений о Яньцай в данном случае не приводится.

В определенной мере контролируя «Западный край», Хань все еще не имела свободного выхода далее на за-

пад. Сближение Хань и Усунь также не представляется способствовавшим тому процессом. Дело в том, что в самой Усунь достаточно напряженными были отношения между проханьской и просюннуской группировками. Даже после блестящей победы усуней в 71 г. до н. э. ханьский посол Чан Хуй при войске усуньского куньми был ограблен и у него была отнята печать посла (ХШ, 70). Видимо, таким образом проявила себя просюннуская группировка.

В то же время Хань не была заинтересована в усилении влияния Усунь в «Западном крае», которое сразу проявилось в заключение династического брака Усунь и Кучи и в кратковременном возведении на престол в Яркенде усуньского царевича (ХШ, 96/1, 2). Отсутствие сведений о контактах Усунь и Хань за 70-64 гг. до н. э. справедливо рассматривается как отражение осложнений во взаимоотношениях стран. Показательно, что введение в это время в Кучи ханьских одеяний и порядков вызывало насмешки со стороны народов «Западного края». Такое положение свидетельствует о стойком противодействии ханьскому влиянию.

Куньми усуней Вэньгуйми, чье правление впоследствии считалось идеальным, и который пользовался поддержкой всего народа, в 64 г. до н. э. решил изменить правила престолонаследия и передать трон потомку по ханьской, а не по сюннуской линии. Но после его скорой смерти в 60 г. до н. э. на престол был возведен потомок по сюннуской линии Ними, т. е. борьба внутри усуньского общества продолжалась. Через свое посольство Хань пыталось его убить в 58 г. до н. э. Но эта попытка удалась на следующий год другому потомку по сюннуской линии Уцзюту, ставшему куньми. Хань в 55-54 гг. до н. э. удалось угрозой заставить его пойти на внутренний раздел стра-

ны. Большая часть досталась великому куньми Юаньгуйми, потому что по ханьской линии, а меньшая — ему. Но симпатии многих усуней оставались на стороне Уцзюту. Однако вскоре великий куньми умер, а ханьская колония в Усунь прекратила свое существование (ХШ, 96/2). Новый великий куньми оказался слабым правителем.

Вскоре произошел раскол в Сюнну, и Чжичжи-шаньюй решил переселиться поближе к Усунь. Уцзюту, видимо, сосредоточивший в своих руках реальную власть в стране, решил напасть на него. Эта попытка оказалась неудачной. Чжичжи разбил усуней, затем силой присоединил к себе три соседних страны и повел постоянные набеги на Усунь. В это время Усунь находилась и в постоянных столкновениях с Кангюй. Правитель Кангюй, зная о случившемся с Чжичжи, который убил к тому времени ханьского посла, и, желая объединить с ним свои военные силы для завоевания Усунь, пригласил того к себе (ХШ, 94/2).

Царство Кангюй давно занимало достаточно враждебную позицию по отношению к Хань. Уже первые сведения о кангюйцах указывали (Иакинф. 1829, с. 31), что на востоке они, как и Усунь тогда, признавали власть Сюнну (ШЦ, 123). Во время ханьско-даваньской войны кангюйцы выступили против Хань, тем самым, оказавшись в лагере Сюнну против Хань и Усунь. Отсутствием каких-либо связей с Хань продиктовано и отсутствие сведений о царстве в ханьских источниках до сер. I в. до н. э. Единственный раз мы узнаем только о борьбе в 60 г. до н. э. Кангюй и Усунь за маленькое владение Учаньму, лежавшее между ними (ХШ, 94/1). Вполне вероятно, что враждебные отношения между Кангюй и Усунь, вовлекшейся в сферу влияния Хань, продолжались и позднее, что и вызвало приглашение Чжичжи-шаньюя.

При переселении того в Кангюй из-за непогоды погибло множество людей. Но кангюйцы предоставили ему свои войска, и Чжичжи подверг Усунь страшному опустошению. Причем, опустошал он владения именно великого куньми, связанного с ханьским двором (ХШ, 70, 94/2, 96/1). Успехи Чжичжи принесли ему большую славу, и тогда он отправил послов в Хэсу и Давань с требованием ежегодных подношений. Те не посмели ему отказать (ХШ, 70).

Последнее сообщение относится к тому периоду, когда Чжичжи пошел на открытый разрыв с правителем Кангюй, видимо, почувствовав себя независимым и непобедимым правителем. Интересно, что Чжичжи требует приношений с Ферганы (Давань). Эта страна после давнего похода на нее Хань проявляла достаточную лояльность по отношению к той. Когда же ханьский военный чиновник Фэн Фэнши в 65 г. до н. э. силой навел порядок в царстве Шаче, которое вместе с другими представителями «Западного края» отвернулось от Хань, то он вместе с гостями из Давань побывал в качестве посла в их стране. Даваньцы отнеслись к нему с большим уважением, чем к другим послам, и даже, как некогда, подарили ему своих знаменитых коней (ХШ, 96/1). Видимо, сближение Давань, как и одновременное сближение Усунь, с Хань и сподвигло Чжичжи на указанные действия.

Несколько неожиданным выглядит требование Чжичжи о ежегодных приношениях от Хэсу, которое ханьские источники идентифицируют с Яньцай. Если угроза в отношении Давань вполне объяснима расположением Чжичжи, активно воевавшим на усуньском направлении, на восточных землях Кангюй, т. е. непосредственно возле владений Давань, то владения Яньцай оказываются в противоположном направлении. Резкое ухудшение

отношений между Чжичжи и кангюйским правителем, казалось бы, препятствовало угрозе этого сюннуского шаньюя, т. к. для проведения силового давления на Яньцай, в случае отказа того доставлять приношения, ему пришлось бы действовать непосредственно по направлению к Кангюй. А такое движение в условиях крайнего напряжения в отношениях кангюйского правителя и Чжичжи, основу войка которого составляли собственно кангюйцы, представлялось достаточно рискованным. Получение же таких даров указывает на какую-то заинтересованность кангюйского правителя.

Видимо, здесь следует учитывать некоторые дополнительные обстоятельства. Несмотря на то, что отношения между кангюйским правителем и сюннуским шаньюем резко испортились, они оба протолжали действовать в одном направлении, например, по отношению к Усунь. Если ханьские источники рассказывают о нападениях на Усунь самого Чжичжи, то в заключительной части о судьбе этого полководца мы узнаем, что на территории Усунь в то время непосредственно действовал с многотысячным войском и помощник самого кангюйского правителя Баотянь (ХШ, 70).

Кроме того, поскольку при переселении Чжичжи в Кангюй практически все его подданные погибли, то свои набеги на Усунь Чжичжи совершал силами предоставленных ему собственно кангюйских войск. Поэтому требование Чжичжи о ежегодных дарах могло быть воспринято в Яньцай как требование самого Кангюй, подкрепленное славой беспощадного полководца Чжичжи. Ханьцы специально отметили, что изначально Кангюй желал «... использовать его престиж для устрашения всех царств» (ХШ, 70). Поэтому распространение своего влияния на Яньцай вполне могло идти в русле кангюй-

ской политики. Исследователи не исключают, что под «данью» в источниках подразумевалось «кормление» Чжичжи, не имевшего своей экономической базы (Кадырбаев А. Ш. 2009).

Активные действия Чжичжи в Усунь привели к вторжению ханьских войск, которым удалось уничтожить своего врага и полностью разгромить его ставку. Руководители похода понимали, что они могут столкнуться с сопротивлением и самих кангюйцев. Поэтому был отдан строгий приказ войскам о запрете грабить, который должен был подтвердить намерение Хань уничтожить только Чжичжи и ни в коем случае не угрожать самому Кангюй.

Во время осады ставки Чжичжи к нему на помощь все-таки подошло 10-тысячное кангюйское войско, которое при поддержке осажденных провело несколько ночных атак на ханьцев, но на следующий день, когда осаждавшие подожгли укрепления, ушло. Таким образом, Кангюй зафиксировал свое традиционное отношение к Хань, и, несмотря ни на что, наглядно продемонстрировал всем свое строгое следование некогда заключенному с Чжичжи договору. Но, будучи теперь жизненно заинтересованным в уничтожении Чжичжи, он сделал это, что показательно, незначительными для себя военными силами и достаточно краткими действиями, а затем быстро покинул сюннуского шаньюя в критической ситуации (ШЦ, 70, 96/1).

После блестящей победы Хань над Чжичжи в 36 г. до н. э., когда престиж империи, несомненно, значительно вырос в глазах окружавших ее народов, мы впервые наблюдаем изменение в отношениях Хань и Кангюй при правлении Чэн-ди (36-1 гг. до н. э.). Кангюйский правитель прислал своего сына в свиту императора с дарами.

Однако его стремление на сближение сочеталось с достаточно независимой политикой, и старые противоречия продолжали давать о себе знать.

Кроме того, хотя в «Хань шу» и сказано, что при походе против Чжичжи ханьцы сознательно воздержались от грабежей на землях Кангюй, однако позднее в переработке «Танской истории» («Танхуйяо») было замечено, что ханьцы все-таки не удержались и произвели эти грабежи (Кюнер В. Н. 1961, с. 171). Сами ханьцы отмечали, что Кангюй из-за своей отдаленности ведет себя независимо, отказывается выражать подчинение Хань, оскорбительно демонстрирует на приемах свое и послов других народов превосходство над ханьскими посланниками. Правитель Кангюй оценивался как высокомерный и хитрый. Царства Усунь, Сюнну и Кангюй продолжали по взаимной традиции по-прежнему поддерживать связи между собой, хотя и не доверяли друг другу.

Ханьцы четко осознавали и причину нового поведения Кангюй: «...он желает прибыльно торговать на [наших] рынках» (ХШ, 96/1). Но Хань, исходя из того, что отношения с Кангюй были установлены впервые и, дорожа тем, что известия об этом так могут доходить до дальних народов, решила сохранить эти возникшие тесные связи. Таким образом, положение во взаимоотношениях оставалось достаточно сложным.

Аналогичным образом обстояли дела и в Усунь. Примерно, в 33 г. до н. э. в Кангюй бежал усуньский узурпатор Жиэр. Он был убит людьми, подосланными новым куньми Аньжи, которого поставили ханьцы (ХШ, 96/2). Между 24 и 21 гг. до н. э. он решил выехать в Кучи и лично приветствовать ханьского чиновника Хуйцзуна, который возвел его на престол. Вся усуньская знать резко выступила против такого решения, а когда куньми

все-таки прибыл в Кучи, то усуньские войска осадили его. Хотя осада оказалась неудачной, а мятежники сдались, но впоследствии они все-таки убили куньми (ХШ, 70, 96/2). Достаточно успешное правление проханьски настроенного великого куньми Цылими в 18 г. до н. э. было прервано его убийством сторонниками мало-го куньми. Этим было вызвано прямое вмешательство Хань, которая посылает в Усунь большое войско, но добивается своей цели без его непосредственного использования.

В 5 г. до н. э. сын усуньского куньми Биюаньчжи совершает нападение на Сюнну, которое в ответ вторглось в Усунь. Биюаньчжи был вынужден отослать своего сына в свиту шаньюя сюннов, который по требованию ханьцев был возвращен ему. Биюаньчжи увел значительное число своих сторонников к границе Кангюй, задумав убить великого куньми и объединить оба владения Усунь. Никаких сведений о поддержке Биюаньчжи со стороны кангюйцев мы не имеем. Он одновременно стремился, как завоевать благосклонность Хань, так и добиться единовластия в Усунь, для чего воевал с обоими куньми. Примерно, в 4 г. н. э. он был убит ханьцами (ХШ, 70, 94/2, 96/2).

Таким образом, внутри Усунь продолжалось противостояние проханьской и просюннуской группировок, которое порой выливалось в открытые столкновения. Хань удавалось лишь в некоторой степени нивелировать эти противоречия, но окончательно их разрешить или предложить какие-либо решения она не могла. В китайских источниках, подводивших итог взаимоотношениям Усунь и Хань, откровенно отмечалось, что со времени разделения Усунь на две части у Хань из-за постоянных забот и трудов не было ни одного спокойного

года. Установление родственных связей с Усунь принесло не пользу, а только заботы империи (ХШ, 96/1, 2).

Определенная стабилизация в отношениях Сюнну, Усунь и Кангюй с Хань была, однако, достаточно шаткой. В ситуации постоянных угроз в международных отношениях проведение далеких торговых операций было крайне опасно и невыгодно. Поэтому следует согласиться с мнением (Скрипкин А. С. 2003, с. 200), что у нас нет никаких данных, подтверждающих функционирование «северного отрезка» торгового пути в II-I вв. до н. э. Развившиеся с самого начала I в. н. э. события также препятствовали налаживанию отношений империи с западными народами.

В правление Юань-ши (1-5 гг. н. э.) правитель Чеши Дальнего Гугоу бежал в Сюнну, т. к. в его царство была открыта новая дорога, сделавшая более коротким путь из Хань, что могло привести к ее постоянному использованию. Правитель опасался располагавшихся рядом сюннов. Однако сюнны по требованию ханьцев выдали его. Следующий правитель Сюйчжили в 10 г. н. э. также решил сдаться сюннам, так как частые приезды ханьских чиновников и военных требовали от него чрезмерных затрат на продовольствие и фураж. Узнавшие об этом ханьцы казнили его. Его старший брат Хуланьчи со значительной частью соплеменников ушел в Сюнну. Шаньюй принял его и дал свои войска, которые совершили успешное нападение на ханьское поселение в Чеши. После этого сюнны стали постоянно нападать на царства «Западного края» (ХШ, 96/2). Возмущению сюннов способствовала политика Ван Мана, фактически правящего в Хань, который демонстративно низводил сюннов на уровень подданных империи.

Узурпировав власть в 9 г. н. э., Ван Ман практически официально объявил Сюнну и страны «Западного края» своими подданными (ХШ, 94/2, 99/1, 2), что и способствовало возрастанию недовольства среди населения края и открытому выступлению сюннов против ханьцев. Тогда Ван Ман решил разделить сюннов, произвольно назначив им 15 шаньюев, и собрать значительную армию для вторжения в Сюнну. Эти действия вызвали недовольство в самой империи, а сюнны начали постоянные набеги на ее северную территорию, за несколько лет полностью ее опустошив. Хотя Ван Ман и пытался продолжить слать богатые дары шаньюям, но вторжения сюннов уже не прекращались. В 15 г. н. э. восстало царство Яньцзи, а вскоре и весь «Западный край» полностью прервал связи с Хань (ХШ, 94/2, 96/2).

Страны «Западного края» вновь поддались под власть сюннов. Однако те обложили их очень тяжелой данью. Император Гуан-У-ди (25-57 гг. н. э.) не торопился заниматься иностранными делами. Когда около 40 г. к нему пришли послы от стран «Западного края» с просьбой о подданстве и о восстановлении деятельности духу, он не поверил им и решительно отказал. В это время происходит ослабление сюннов, и страны «Западного края» начинают воевать друг с другом. В правление императора Мин-ди (58-75 гг. н. э.) северные сюнны вновь проявили себя, заставили некоторые страны помогать им производить грабежи в находившемся под прямым управлением империи районе Ганьсу, где города вынуждены были держать ворота закрытыми даже днем.

Лишь незадолго до своей смерти император в 73 г. н. э. организовал военную экспедицию в Иулу (Хами). На следующий год связи с «Западным краем» были восстановлены. Правители Хотана и других стран прислали своих

сыновей на службу к императору. В «Хоу Хань шу» (ХХШ, 88) прямо отмечено, что никаких связей с «Западным краем» не было в течение 65 лет, т. е. они окончательно прервались в 9 г. н. э. с момента правления узурпатора Ван Манна и не восстанавливались вплоть до 73 г. н. э.

Сразу после смерти императора Мин-ди начались новые осложнения во взаимоотношениях Хань со странами «Западного края». В 70-е гг. началась деятельность знаменитого генерала Бан Чао. В 84 г. Кангюй прислал на помощь осаждаемому ханьцами Кашгару свои войска. В это время был заключен династический брак между Кушанией и Кангюй. Бан Чао удалось через кушанского правителя добиться отвода кангюйских сил (ХХШ, 47). К 91 г. генерал смог умиротворить страны «Западного края». Его решительные действия привели в 94 г. к разгрому Карашара, после чего правители стран этого края прислали ему заложников и дары. Тогда же и из самых дальних стран, среди которых упоминается и Парфия, были присланы дары с последовательным использованием переводчиков для сообщения (ХХШ, 88).

Бан Чао, видимо, лично достигал «Западного моря», о чем сообщают более поздние источники (БШ, 97). В 97 г. Бан Чао посылает Гань Иня в страны у «Западного моря», в которых до него никто из ханьцев не бывал. Ученые по-разному решают проблему конечного пункта путешествия Гань Иня (Средиземное море, Персидский залив, Индийский океан). Гань Инь совершает это путешествие и после возвращения в 101 г. составляет рапорт об обычаях и богатствах дальних государств. Некоторые из тех стран, точно определить которые достаточно сложно, отправляют в Хань посланников с дарами.

Однако в 105 г. страны «Западного края» вновь встают, и северные сунны возвращают свой контроль

над ними. Наступает новая полоса осложнений во взаимоотношениях Хань и «Западного края», активизация северных сюнну. Лишь Бан Юн, сын известного Бан Чао, в 123 г. начинает успешные военные действия в «Западном крае» и в 127 г. окончательно добивается его умиротворения. Как отмечается в «Хоу Хань шу» (ХХШ, 88), с 25 по 125 г. связи Хань с «Западным краем» 3 раза обрывались и затем восстанавливались. Успехи Бан Юна в 127 г. привели и к тому, что Усунь и другие страны прекратили препятствовать связям Хань с западными землями (ХХШ, 88). Как отмечается в источнике, именно рапорты Бан Юна легли в основу представленных сведений.

Подводя итог, следует признать, что со II в. до н. э. и, по крайней мере, до сер. I в. н. э. нет никаких оснований говорить о возможности функционирования «Северного пути», по которому ханьцы могли проникать в Восточную Европу, а, следовательно, суметь, якобы, определить там положение Яньцай. Представляется вполне аргументированным замечание Е. Тойблера (Täubler E. 1909, s. 19-20), что сама история знакомства ханьцев с западными странами не позволяет искать Яньцай к западу от Каспийского моря. Исходя из приведенного анализа, ханьцы не проникали тогда ни к северу, ни к западу от Арала. Впервые отмеченный в «Хань шу» (ХХШ, 96а) «Северный путь» вел от Чехи западного до Кашгара, а затем через Тянь-Шань в Давань, Кангюй и Яньцай. Его конечным пунктом было Восточное Приаралье. Передвижение же по этому пути было неимоверно трудно для официальных ханьских послов. Поэтому для простых купцов оно было еще более опасно и экономически невыгодно.

Аналогичный «Северный путь» приводится и в материалах «Хоу Хань шу» (ХХШ, 118). Вместе с тем, здесь мы

находим и новые данные. Появляются сведения о том, что Яньцай теперь получило новое название Аланьяляо и находится в зависимости от Кангюй. Впервые упоминается и государство к северу от Яньцай — Янь, которое тоже состоит в зависимости от Кангюй. Учитывая замечание Э. Шаванна (Chavannes E. 1905, p. 559, n. 1; 1907, p. 195, n. 5), вполне вероятно, что в названии Аланьяляо ошибочно объединены названия Алань и Лю, отмечаемые отдельно в «Вэй люэ» (Hulsewe A. F. P., Loewe M. A. N. 1979, p. 129, n. 316). Поскольку сведения «Хань шу» ограничиваются 25 г., а новые сведения о состоянии в отдаленных западных странах могли поступить благодаря действиям Бан Чао, Гань Иня или Бан Юна, отчеты которого и легли в основу сведений «Хоу Хань шу», то изменения в состоянии на «Северном пути» могли произойти, примерно, до 84-125 гг. н. э.

Здесь следует отметить, что обычно периодом для переименования Яньцай в Алань считается 25-55 гг. н. э. (Chavannes E. 1907, p. 150, 168), что проистекает из логики ограничения информации в «Хань шу» 25 г. н. э. и началом информации в «Хоу Хань шу» 55 г. н. э. Однако, учитывая тот факт, что обычно в династийных хрониках не фиксировалась информация, выходящая за пределы времени правления соответствующей династии, более оправданным, как представляется, следует рассматривать период от 55 г. н. э. до, как минимум, 84 г. н. э. Данное уточнение считаем необходимым привести в связи с появившимися, на наш взгляд, сомнительными датировками переименования Яньцай в Алань (Берлизов Н. Е. 1993, с. 34; Берлизов Н. Е, Каминский В. Н. 1993, с. 108).

Для нас важно отметить, что получение сведений о лежащих за Яньцай странах сопровождается указанием на их подчинение Кангюй, что свидетельствует о полу-

чении данных сведений не за счет ханьских купцов, а за счет, по крайней мере, активизации внешней политики Кангюй. Кроме того, отсутствие указаний на расстояния от Кангюй до Яньцай и от Яньцай до Янь, отсутствие, например, сведений о количестве населения и войска в этих странах, препятствуют принятию положения о получении информации непосредственно от ханьских подданных.

Сама вероятная путаница в названии Аланьяло названий двух отдельных стран отражает абстрактность представлений ханьцев о тех землях, краткие описания которых были включены в «Хоу Хань шу». Создается впечатление, что открывшаяся возможность связей с западными территориями имела начальным пунктом на востоке Кангюй и была связана с деятельностью этого государства, а не далеким Хань. Видимо, и поступление самих сведений, хотя также весьма неполных, происходило за счет Кангюй.

В «Вэй люэ» интересующий нас маршрут носит название «Новый северный путь». Неоднократно обращалось внимание, что приводимые в источнике географические сведения, особенно в части о землях к западу от Тарима, были извлечены из более ранних источников по отношению ко времени составления «Вэй люэ». Например, сведения о Римской империи, вполне вероятно, происходят из отчетов тех же Гань Иня и Бан Юна. Вместе с тем, здесь появляется и новая информация. В интересующей нас части уже точно указывается на существование трех стран Яньцай, Янь и Лю, об их выходе к границе Римской империи, о выходе их из вассальной зависимости от Кангюй. Сам маршрут последовательно пролегал через 6 стран, зависимых от Чэши Дальнего, а затем проходил через Усунь и Кангюй.

Таким образом, впервые на данном пути фигурирует Усунь, чья столица Чигу помещается исследователями (Боровкова Л. А. 1989, с. 63; Hill E. J. 2004, п. 23.12) в районе пос. Шаты или, примерно, в 25 км западнее от современного г. Караколь (Пржевальск) (смотри также: Плоских В. 2010, с. 63). Юй Хуань отмечает, что Усунь и Кангюй существовали и ранее, а их владения не изменились. Таким образом, здесь фиксируется положение с периода, описанного «Хоу Хань шу». Но путь через Усунь, согласно последнему источнику, мог быть открыт только после успешных действий Бан Юна, которые привели в 127 г. к отказу Усунь и других стран от препятствования связям ханьцев с западными землями. Поэтому действовать данный маршрут мог только после 127 г., и тогда же он мог быть непосредственно использован ханьцами. Видимо, поэтому мы и получаем уточненные сведения о положении в Яньцай, Янь и Лю.

О том, что данный маршрут уже интенсивно использовался именно для дальних торговых операций, может свидетельствовать сообщение источника о далекой от Яньцай стране людей маленького роста. Данные о стране поступали через купцов, часто проходивших через нее. Указание на получение этих сведений от кангюйских старейшин, вместе с тем, должно сподвигнуть на продолжение признания важной роли поступающих сведений через Кангюй.

Еще одной заметной чертой в сведениях «Вэй люэ» является продолжение отсутствия сведений о количестве населения и войска в странах Янь и Лю, что, например, представлено в помещаемых рядом описаниях Худэ, Джианкун и Динглинг. Нет и необходимой информации о расстоянии до них, что диссонирует, например, с их определением еще в «Хань шу» для других пяти за-

висимых от Кангюй владений (ХШ, 94/1). Если исходить из определяемого в нашей работе расположения данных стран, то такое отсутствие вполне может отражать действительное положение.

Яньцай было последним на «Северном пути» государственным образованием, тесно связанным с Кангюй. Страны же Лю и Янь, видимо, представляли собой определенные территории, население которых могло и не составлять некоего централизованного образования. В принципе, такое положение вполне соответствует имеющимся на сегодняшний день историческим фактам и, со своей стороны, могло бы косвенно подтвердить предлагаемую локализацию.

Кроме того, такое положение не только может указывать на отсутствие аутентичных сведений у кангюйцев об этих странах, но и на отсутствие таковых в распоряжении «Поднебесной». В конечном итоге, невозможно отрешиться от подозрений, что сведения о зависимости Янь и Лю от Кангюй не соответствовали действительности (только их выступление в качестве центров поставки пушнины, которая необычайно дорого ценилась даже в самой Хань, при зависимости от Кангюй должно было вызвать более четкое представление кангюйцев о них, если кангюйцы действительно подчинили себе те земли).

Ю.А. Зуев предположил (Зуев Ю.А. 1995, с. 40), что существование бинорма Алань-ляо в «Хоу Хань шу» могло подразумевать существование каких-то внутренних связей между народами Алань и Лю, что может служить развитием к отмеченному наблюдению Э. Шаванна. Следует заметить, что, судя по данным источников, триада известных государств сохраняет свое тесное единство как для периода подчинения Кангюй, так и после осво-

бождения. Поэтому, вполне вероятно, что развитие связей на запад от Яньцай было непосредственно произведено за счет деятельности самого Яньцай. Зависимость же Лю и Янь от Кангюй, если оно в действительности и было, что вызывает сомнения, тогда представлялось достаточно формальным и осуществлялось через подчиненное Кангюй государство Яньцай. Но это только предположение.

Обращает на себя внимание наличие прямо противоположных цепочек в описании «Нового северного пути» и стран, некогда зависивших от Кангюй. В первом случае, данное описание последовательно ведется от владений Вэй, т. е., в целом, с востока на запад. Во втором случае мы сталкиваемся с последовательным описанием с запада на восток: Лю, Янь, Яньцай. Не исключено, что такое положение определялось не только прямой зависимостью от Яньцай поддержания участка маршрута к западу и северо-западу от него, но и использованием некоего описания пути, начальный пункт которого находился на западе. Данное наблюдение представляется возможным проверить на основании анализа данных европейских источников того периода.

ГЛАВА III. СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ (по данным европейских источников)

Известно, что данные Страбона о Северном Причерноморье и Северном Кавказе, т. е. о тех территориях, куда должен был привести «Новый северный путь», по «Вэй люэ», восходят к кон. II в. до н. э. Знаменитый географ закончил свой труд около 7 г. до н. э., внося в него дополнения вплоть до самой смерти в 23/24 гг. н. э. Именно в кон. II в. до н. э. происходит первое знакомство ханьцев с далекими западными странами, а 25 г. н. э. ограничивается изложение событий в «Хань шу». Таким образом, мы имеем уникальное временное совпадение в изложении исторических данных в китайских и европейских источниках.

Согласно Страбону (Strabo. XI, II, 2), сведения о землях к северу от устья Дона были неизвестны. Причиной тому были суровый климат, который не переносили иноземцы, и многочисленные и могущественные кочевники, не вступающие в общение с другими народностями и преградившие доступ в удобопроходимые места страны и судоходные части реки. Таким образом, указанное направление, которое должно было быть использовано в маршруте из Лю, оказывается полностью неизвестным на западе. Оно было недоступно именно иноземцам, т. е. не может идти и речи о приходе торговцев из Хань. Особо отмечаемое невступление кочевников в общение с окружающими народами лишней раз подтверждает отсутствие каких бы то ни было связей по указанному направлению.

В следующем параграфе своей работы Страбон (Strabo. XI, II, 3) описывает знаменитый самый северный боспор-

ский торговый центр в устье Дона — Танаис. Причем, упоминание его недавнего разрушения Полемоном, указывает на получение сведений последнего 10-летия I в. до н. э. (вероятно, периода окончания основной работы Страбона над своим трудом). Этот центр служил торговым местом для кочевников, обитавших по разные стороны Дона и Азовского моря. Торговали же они только с прибывавшими из самого Боспора на кораблях. Здесь вновь приходится признать отсутствие каких-либо сведений о существовании торгового пути в Азию по землям к северу от Каспия. Подтверждает такое мнение и дальнейшее уточнение Страбона, что кочевники поставляли на рынок рабов, кожи и другие предметы, которые только и можно найти у номадов. Ни о каком поступлении импорта с востока через контролируемые кочевниками земли речи не идет. Как мы видим, вместо картины функционирования дальнего торгового пути перед нами предстает картина достаточно ограниченного, регионального рынка.

Вместе с тем, Страбон (Strabo. XI, V, 8) знает и о дальней транзитной торговле. Ее вели верхние аорсы, владевшие землями северного Прикаспия и большей частью западного побережья Каспия. Они получали индийские и вавилонские товары в обмен от армян и мидийцев. Географическое расположение владений верхних аорсов и их торговые контакты с армянами и мидийцами указывают на прохождение торгового маршрута через Дербентский проход, т. е. в прямо противоположном направлении от предполагаемого маршрута через Лю.

Определенное место в доказательстве идентичности Яньцай с аорсами занимает проблема существования торгового пути через Северный Прикаспий. В данном случае используется сообщение Плиния (Plin. NH. VI, 17) о том, что савроматы имеют торговые связи через пролив

(Нижняя Волга) с абзоями. Далее идет известное сопоставление Хэсу с Abzo, что дает вывод о существовании соответствующего северного маршрута Великого Шелкового пути. Подтверждение такого положения усматривают (Лубо-Лесниченко Е. И. 1985, с. 89, 93; Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. 1995, с. 153; Mielczarek M. 1997, р. 131-136) в находках боспорских монет у Джунгарских ворот.

Исходя из датировки производства зеркал в Китае, полагают, что их находки в Восточной Европе свидетельствуют о существовании такого пути во II-I вв. до н. э. (Лубо-Лесниченко Е. И. 1994, с. 244; Прокопенко Ю. А. 1999, с. 67-83). Близки в своих трактовках исторической ситуации и некоторые другие исследователи (Берлизов Н. Е. 1990, с. 14; 1993, с. 29-35). Об участии аорсов в функционировании торгового пути из Восточной Европы в Среднюю Азию писали и другие ученые (Мацулевич Л. А. 1947, с. 132; Шилов В. П. 1983, с. 35).

Но приводимое сообщение Плиния, видимо, не имеет никакой доказательной силы в пользу идеи существования торгового пути. Непосредственно в используемом отрывке (Plin. NH. VI, 17) говорится: «Талы... которые на востоке Каспийского моря пролив достигают, пересыхающий летом при отливе» (*Thalos... qui ab oriente Caspii maris fauces attingerent, siccaris eas aestu recende*). О взаимоотношениях населения по обе стороны Волги говорится в другом отрывке (Plin. NH. VI, 38) следующим образом: «Первый залив называется Скифским, с той и другой стороны его живут скифы, через узкий между собой ходят туда-сюда, отсюда номады и савроматы со многими именами, на той стороне абзои с не меньшими» (*Primus sinus appellatur Scythicus, utrimque enim accolunt Scythae angustias et inter se comitant, hinc Nomades et Sauromatae multis nominibus, illinc Abzoae non paucioribus*). Таким об-

разом, мы имеем сведения о прямых контактах народов, но не торговых. Что касается попыток найти археологические подтверждения существованию торгового пути по северному побережью Каспия для того времени, то их несостоятельность уже была продемонстрирована (Скрипкиным А. С. 2003, с. 194-203; Симоненко А. В. 2010а, с. 396; Вдовченков Е. В. 2013, с. 34-35).

Полагали (Мукашева Р. Р. 1972, с. 12-19), что сведения Арриана (*Arr. Anab. IV, 15, 4*) о предложении Александру Македонскому хорезмийского царя Фарасмана, чьи владения, дескать, располагались рядом с колхами, воевать с соседними амазонками и Страбона (*XI, V, 8*), о торговле верхних аорсов также могут быть связаны с северным торговым путем. Близкая трактовка, с указанием на роль Гиркании и Яньцай в транзитной торговле, приводилась и ранее (Marquart J. 1931, s. 90-91). Однако изложение Арриана имеет иное объяснение (Ставиский Б. Я. 1992, с. 15; Пьянков И. В. 1997, с. 225-226, 228-229). Что касается данных Страбона, то более объективны те исследователи, которые справедливо указывают на ведение ими торговли через Дербентский проход (Лукьяшко С. Л. 1984, с. 161-164; Скрипкин С. А. 2003, с. 200; Гаджиев М. 2009, с. 27-32 и др.).

Упоминание торгового пути по Аму-Дарье, а затем через Каспий в Закавказье (*Strabo. II, I, 15, XI, VII, 3, Plin. NH. VI, 52, Solin. XIX, 4*), по которому везли индийские товары, может свидетельствовать в пользу получения индийских товаров верхними аорсами именно через Восточное Закавказье. Об этом прямо свидетельствует сам Страбон, отмечая непосредственное получение товара от армян и мидийцев. Интересно, что у Р. Р. Мукашевой почему-то указаны сами индийцы. Но, возможно, это легко объяснимая описка автора или типографская ошибка. Наши зна-

ния позволяют говорить о возникновении торгового пути по северному побережью Каспия только с первых веков н. э. (Ставиский Б. Я. 1992, с. 18; Мошкова М. Г. 1994, с. 34).

Видимо, ближе к истине мнение (Скрипкина А. С. 2003, с. 202-203), что это было связано с появлением с востока в те времена аланов. Что касается иных построений, то я вынужден полностью присоединяюсь к их критике (Яценко С. А. 1993, с. 68-69). Станным выглядит и заключение (Бартольд В. В. 1965а, с. 299), что существование торгового пути из Хорезма через степь к Каспию подтверждается данными Страбона о привозе верхним аорсам индийских и вавилонских товаров верблюдами. Необъяснимым остается решение (Манандян Я. 1954, с. 58, 59) о торговле аорсов по меото-колхидскому пути.

Интересное сообщение содержится в «Перипле моря Эретрейского», автором которого считают анонимного грекоговорящего египетского купца. Датируют данный источник, примерно, серединой или концом I в. н. э., между 40 и 70 гг. н. э. В нем указывается (РМЕ, 64), что Китай граничит с самыми отдаленными частями Черного моря и Каспия, рядом с которым располагается Меотийское озеро (т. е. Арал — А. Т.), которое вместе с Каспием впадает в Океан. Таким образом, фиксируются географические представления, которые господствовали у европейцев еще до походов Александра Македонского. Следовательно, по крайней мере, до середины I в. н. э. не было сведений о существовании северного торгового пути, т. к. не было и такового.

Говоря о возможности существования северного торгового пути в рассматриваемый период, следует привести и некоторые дополнительные наблюдения. Соседство, по «Вэй люэ», Лю с Римом, указывает, во-первых, на то, что данные сведения не могут уходить далее на-

чала I в. н. э., когда Боспор станет официальным вассалом Рима. Во-вторых, если бы эти сведения восходили ко времени описания Страбона, то они неминуемо отразили и существование такого могущественного объединения, каким были верхние аорсы. Занимая территории северного Прикаспия, т. е. в непосредственной близости от предполагаемого торгового маршрута, верхние аорсы, имевшие богатый опыт в торговле, непременно проявили бы его и на этом пути. Однако ничего подобного не происходило.

ГЛАВА IV. ЯНЬЦАЙ И АОРСЫ

Во многом, в основе решений о локализации и этнической идентификации Яньцай у отечественных и зарубежных авторов лежат представления о связи данного государства с представителями «сармато-аланского мира» и как наиболее популярное из них — с аорсами. Основоположителем такого решения является Ф. Хирт. По-существу, данная гипотеза обрела в научных трудах самостоятельное значение, порой воспринимаясь, практически, как аксиома. В результате исследователи уже непосредственно не обращались к анализу доказательной базы данной гипотезы и к самой истории ее становления, что в не меньшей степени представляется важным и необходимым при решении столь актуальной для аланистики проблемы. В результате, даже зарубежные исследователи сегодня не только повторяют его отождествления, но начинают говорить в целом об ассимиляции аорсов аланами, приписывать сведения об аланорсах Страбону (Чёнг Д. 2008, с. 9-10) и т. д.

Ф. Хирт опирался (Hirth F. 1885, p. 139, n. 1, 1899; s. 248-251, 269; 1909; 1910, p. 32-45) на уже приведенные выше данные китайских источников, а также на более поздние сведения о государстве Яньцай, или Хэсу, получившим впоследствии названия Сутэ, Веньнаша. В нем правил третий по счету правитель Ху-и, после того как сюнну захватили это государство и убили его прежнего правителя. Исследователь посчитал возможным идентифицировать «болото» возле Яньцай с Азовским морем, которое в западных источниках называлось «болотом»

или «озером». Его замерзание зимой сравнивалось с определением «Северное море» китайских источников, Судэ — с г. Судак в Крыму, захват государства Судэ — с поражением аланов у Дона от гуннов, Ху-и — с младшим сыном Аттилы Хернаком, ушедшим после смерти отца в Малую Скифию, которая соответственно помещалась в Крыму, а суннуского шаньюя Чжичжи, действовавшего с территории Кангюй, — с основателем гуннской власти на границах Европы.

Что касается самого названия Яньцай, то автор гипотезы рассматривал его как китайскую транскрипцию названия аорсов, известных нам по произведениям европейских авторов. Ф. Хирт сопоставил названия Хэсу и Яньцай с названием аорсов, а также абзоев Плиния, которое, якобы, могло ошибочно появиться на месте арзоев карты Певтенгера. Учитывая перечисление Плинием «скифских народов», включавшее аорсов и аланов, а также сведения Птолемея об аланорсах, автор посчитал возможным говорить о близости или даже родстве аланов и аорсов, что сопоставлялось с китайскими сведениями о переименовании Яньцай в Алань. По-существу, отечественными исследователям был зафиксирован только вывод о том, что Яньцай являлось государством аорсов (Ростовцев М.И. 1993, с. 91; Бартольд В.В. 1963, с. 813-814; 1965, с. 32-33; Гаглойти Ю.С. 1966, с. 88; Скрипкин А.С. 1990, с. 216; Найдено А.В. 1999, с. 37; Гутнов Ф.Х. 2001, с. 91; Пьянков И.В. 2004, с. 214; Мармонтова Т.В. 2011, с. 91; Иванов А.А. Плешанов М.Л. 2013, с. 490 и др.), с которыми, якобы, генетически были связаны аланы.

Независимо от Ф. Хирта и одновременно с ним (в том же году в *Encyclopaedia Britannica*, а перевод на немецкий появился в 1888 г.) к мысли о возможности отождествления Яньцай и аорсов пришел А. Гутшмид (*Gutshmid A.*

1888, s. 69). Важное значение, видимо, имела поддержка предложенного решения со стороны известного синолога Э. Шаванна (Chavannes E. 1905, p. 558-559, n. 5), которая особо отмечалась самим Ф. Хиртом (Hirth F. 1910, p. 39-40, n. 1). Принявшие и до сих пор принимающие ее исследователи, в том числе и зарубежные (Täubler R. 1909, s. 22-23; Harmatta J. 1950, p. 28; Minorsky V. 1958, p. 147, n. 1; Erdy M. 2003, p. 298; Чёнг Д. 2008, с. 9-10), зачастую, уже не задавались вопросом о корректности доказательной базы. В то же время против нее были высказаны существенные и четкие замечания.

Например, попытка связать описанную историю Судэ с историей гуннов в Европе (сравни: Иностранцев К. 1926, с. 100) встретила вполне аргументированные возражения со стороны К. Еноки (Enoki K. 1955, p. 59-61). В реконструкции Ф. Хирта большая роль была отведена вопросу идентичности европейских гуннов и азиатских сюнну. Нас в данном случае эта проблема не интересует. Речь пойдет о тех параллелях, которые исследователь проводил между известными фактами из истории гуннов и сведениями китайских источников. Полностью разделяя высказанные замечания К. Еноки, вместе с тем, представляется возможным привести и дополнительные контраргументы.

Видимо, впервые связал историю сюннуского предводителя Чжичжи с появлением гуннов в Европе Дегинь. Он полагал, что гунны с Яика завоевали Яньцай, которые представляли собой известных аланов (Deguignes J. 1756, p. 278-279). Однако невозможно признать шаньюя Чжичжи, о котором повествуют только китайские источники (ХШ, 70, 94/2; «Танхуйяо». 95; «Шофайбэйчэн». 31) (Таскин В.С. 1973, с. 38-39, 125-128; Боровкова Л.А. 2001, с. 295-297; Кюннер В.Н. 1961, с. 171, 175-176), основателем

гуннской власти на границах Европы. Чжичжи появился в Кангюе всего с 3000 своих соплеменников. Их основная масса погибла во время переселения. Близко к данной цифре и количество подвергшегося впоследствии окончательному разгрому ханьцами населения столицы шаньюя (1518 убитых, 145 живых пленных и 1000 пленных, переданных участникам коалиции). Все свои действия он предпринимал с помощью военных сил кангюйцев. Поэтому он никак не мог быть основателем гуннской власти. Само время его деятельности (43-36 гг. до н. э.) не соответствует историческим реалиям гуннской истории.

Сбор дани Чжичжи с Хэсу и Давани также не свидетельствует об установлении гуннской доминанты, т. к. шаньюй действовал как представитель Кангюй и опирался на военную силу кангюйцев. Признать же за этими событиями отражение даннической зависимости верхних аорсов невозможно. Верхние аорсы в то время, по данным Страбона (Strabo. XI, V, 8), обладали несравненно большим военным потенциалом, чем Кангюй и Яньцай. Подчинение столь отдаленных, могущественных и богатых кочевников было, вряд ли, под силу кангюйцам, которым и так хватало сложностей у себя на родине. Политические и экономические интересы верхних аорсов, судя по сообщению Страбона, никак не были связаны с азиатским регионом, из которого они, возможно, когда-то вышли.

Нет вообще никаких данных письменных источников, что аорсы или верхние аорсы когда-либо оказались хотя бы в номинальном подчинении у сторонней силы. Такое положение непременно бы нашло отражение в западноевропейских источниках, т. к. аорсы находились в тесных отношениях с Боспором и участвовали в союзе с ним в борьбе с Римом. Кроме того, сам Чжичжи расположился на пограничных землях, к востоку от Кангюй, и вел актив-

ные боевые действия против усуней, располагавшихся в Семиречье. Следовательно, его военное давление распространялось в восточном направлении и не имело ничего общего с Европой. Быстро же испортившиеся отношения Чжичжи с правителем Кангюй никак не позволяли ему действовать в западном направлении.

Нет никаких оснований сопоставлять правителя Ху-и с сыном Аттилы Хернаком. Во-первых, правитель Ху-и не определяется в источнике как представитель сюнну. Он вполне мог быть продолжателем местной династии, что более соответствует истории юэчжей. Во-вторых, переселение Хернака в Малую Скифию не свидетельствует о его появлении в Крыму. Дело в том, что в то время в Европе было известно две Малых Скифии — в Крыму и возле Дуная, что отмечал тот же Страбон (Strabo. VII, IV, 5), но опускал Ф. Хирт. Вероятно, Хернак отступил именно в междуречье Дунай-Днестр (Кулаковский Ю. А. 2000, с. 116-117). Кроме того, в настоящее время имя правителя Ху-и (Хуни, Хур) аргументировано этимологизируется на основании иранских языков и не может быть сопоставлено с именем Хернак, возможно, тоже иранского происхождения, а сама история его рода справедливо связывается с историей противостояния сюнну и юэчжей (Зуев Ю. А. 1995, с. 48). Письменные и археологические источники подтверждают появление гуннов в Северном Причерноморье, а также в Крыму. Однако у нас нет оснований связывать их именно с гуннами Хернака. Поэтому сложно признать некоторые современные построения, развивающие прежние, как представляется, ошибочные утверждения (Боталов С. Г. 2013, с. 59-63).

Сложно сопоставлять г. Судак, основанный, согласно средневековой традиции, в 212 г. (Кулаковский Ю. А. 2000, с. 72-73), с государством Судэ. Следует отметить, что

первые сведения о нем (Sugdabon) появляются только у Равеннского анонима (Raven. IV, 5). Сам город находился у побережья в Восточном Крыму, где рельеф местности не подходит под описания «озера/болота» без высоких берегов у Яньцай. Сложно охарактеризовать и Черное море как «озеро/болото». Остается непонятным и особое выделение истории данного города для того периода, т. к. здесь непосредственно располагалось известное Боспорское государство. Этот город не отличался и особенным положением среди других торговых городов Крыма или Северного Причерноморья. Не имел он никакой исторической связи и с событиями столкновений гуннов с аланами Дона. Отмечается и наличие иных географических объектов с соответствующим названием, а переименование приаральского государства Яньцай в Судэ находит себе вполне объективное объяснение (Зуев Ю. А. 1995). Показательно, что в научной литературе особо отмечалось и первоначальное стремление Ф. Хирта искать соответствия на иных территориях (Shiratory K. 1928, p. 97-98). Кроме того, если Ф. Хирт исходит из тождественности Яньцай (аорсы) и Алань (аланы), то остается необъяснимым тот факт, что аорсы никогда не фиксировались как некая самостоятельная и заметно значимая политическая сила в Крыму, тем более, имевшая собственную государственность.

Как уже отмечалось, мало, что дает нам для установления положения Яньцай упоминание о расстоянии до него от Дай в 16000 ли, которое использует Ф. Хирт (Hirth F. 1899, s. 251). Непонятно и предположение, что китайцы могли прилагать к Аральскому морю и сведения о более западных морских бассейнах. Объяснять сведения Чжан Цяня о большом озере, «не имеющем берегов», рассказами индо-скифов и бактрийцев о судоходстве на Черном

море (Hirth F. 1899, s. 252-253) весьма сложно. Во-первых, для указанных народов такая торговля могла быть связана только с торговыми маршрутами через Кавказ, а берега Черного моря у него, отнюдь, не всегда столь пологие. Во-вторых, для индо-скифов столь отдаленные морские пути были не известны, а бактрийцы могли быть более осведомлены, например, о Каспийском море. В принципе, все попытки перенести на описание Арала сведения о других западных морях за счет смутных представлений китайцев о далеких землях не продуктивны. «Смутные» представления не годятся для таких «четких» выводов.

Обращаясь к аргументации Ф. Хирта, касающейся непосредственно истории ираноязычных кочевников, прежде всего, остановимся на вопросе об аланорсах, тем более, что автор особо отмечает мнение У. Томашека о вероятном представлении ими конгломерата аланов и аорсов (Tomaschek W. 1894, col. 1285; 1894, col. 2659-2660). Птолемей (Ptol. VI, 14, 9, 13) помещает данный народ далеко на крайнем севере. Аорсы же фиксируются гораздо южнее возле Яксарта, устье которого путается с устьем Эмбы. У нас нет уверенности и в хронологическом совпадении сведений о народах. Отдельно друг от друга аланы и аорсы упоминаются в Европейской Сарматии (Ptol. III, 5, 19, 22).

Далекая северная локализация аланорсов делает практически невозможным определение для западных авторов прямого соотношения аорсов и аланов. Кроме того, создание составного этнонима, как уже отмечали исследователи, было обычно для греко-римской традиции. В иранском же мире такая традиция отсутствует. Если бы такое название и было искусственно составлено, то оно должно было относиться к Восточной Европе, где археологические материалы, кстати, свидетельствуют не только

о совместном проживании носителей ранне- и среднесарматских культур на одних территориях, но и об их смешении. Более корректным представляется этимологизация данного названия вне прямой связи с этнонимом «аорсы», примеры которой представлены в науке (Marquart J. 1905, s. 85-87; Humbach H. 1959, s. 36; Герценберг Л.Г. 1972, с. 46; Абаев В.И. 1949, с. 156; Стрижак О.С. 1991, с. 65).

Касаюсь же перечисления Плинием (Plin. NH. VI, 80, 1-9) «скифских племен», остается только недоумевать, какую доказательную силу в данном пассаже источника обнаруживал Ф. Хирт. Сами «скифские племена» у Плиния включают в себя не только ираноязычных кочевников, но и иные народы. Между аорсами и аланами были помещены трогодиты. Согласно характеру изложения, аланы оказываются более связаны с роксаланами. О том, что аланы были тесно связаны с аорсами или прежде назывались аорсами (Hirth F. 1910, p. 41-42), в источники речи не идет.

Лингвистическая сторона вопроса в отождествлении Яньцай с аорсами и сама история становления гипотезы Ф. Хирта была кратко, но достаточно подробно рассмотрена Ф. Теггартом (Teggart F.J. 1939, p. 201-203). К сожалению, на это среди отечественных исследователей обратил серьезное внимание, видимо, только В.П. Шилов (Шилов В.П. 1983, с. 40). Например, В.А. Кузнецов, склоняясь в пользу гипотезы Ф. Хирта и отмечая некоторых своих предшественников в этом предпочтении, считает мнение В.П. Шилова, ссылающегося на конкретные исследования, опровергающие филологическое и историческое отождествление Яньцай и аорсов, чрезмерно категоричным (Кузнецов В.А. 1992, с. 21). Но так ли это? Постараемся вновь рассмотреть историографию интересующего нас вопроса, во многом следуя краткому, но весьма информативному анализу, предпринятому Ф. Теггартом.

Изначально сопоставление названий Яньцай (An-ts'ai) и аорсов (Aorsi) базировалось на признании в первой слоге An передачи иностранного Ar (в китайском языке звук n передавал звук r в иноэтнических названиях). Однако затем Ф. Хирт признал, что древнее произношение названия государства было не An-ts'ai, а Am-ts'ai. Формы lam-ts'ai, lam-ts'ad, 'Am-ts'at, Am-sat, läm-ts'ât, lap-ts'ât, läp-sât устанавливали и другие исследователи (Marquart J. 1905, s. 240; Karlgren B. 1923, no. 1052; de Groot J. J. M. 1926, s. 15-16; Maenchen-Helfen O. 1944-1945, p. 230; Shiratory K. 1956, p. 232; Зуев Ю. А. 2002, с. 48). Осознавая всю возникшую трудность с финальным -m, Ф. Хирт привел несколько сомнительных, с его же точки зрения, примеров, но заявил: «Почему мы должны иметь лингвистический прецедент для «m=r» вообще перед лицом столь многих косвенных улик?». Данному «оригинальному» выводу предшествовали и некоторые другие наблюдения Ф. Хирта.

Исследователь, разбирая окончание -p первого слога названия Хэсу (hōp), связал его с группой иероглифов, имеющих финальное -an, которое в современном китайском языке читается как im и уар, ар. Несмотря на различное современное звучание, было сделано предположение, что когда-то оба иероглифа могли быть взаимозаменяемыми, и старое финальное могло бы занимать промежуточное положение между m и p. Не стоит и говорить, что сама предположительность наблюдения, не имеющая конкретного подтверждения непосредственно в зафиксированном в китайских источниках названии государства, не может служить основанием для предлагаемого вывода.

Ф. Хирт попытался воспользоваться и данными европейских источников. Эта попытка была изначально подсказана сопоставлением У. Томашека аорсов с арзоями

Плиния (Tomaschek W. 1889, s. 37). Но, на самом деле, Плиний писал об абзоях (Abzoae). Сведения об арзоях (Arzoae) содержались в карте Певтенгера, которая, хотя по своей форме и содержанию восходит к первым вв. н. э., но была составлена лишь в кон. XII-нач. XIII вв. Кроме того, данный источник, как неоднократно замечали исследователи, содержит много разнообразных ошибок. Ф. Хирт (Hirth F. 1899, s. 251), используя непосредственно работу У. Томашека, предложил новое уравнение «An-ts'ai = Arsai», в котором явно представлена ошибочная форма An-ts'ai и введен исторически недоказуемый для истории аорсов Arsai. Лингвистическая сторона доказательств Ф. Хирта встретила аргументированные возражения (Marquart J. 1905, s. 84-85, 240-241; 1920, s. 292), указывающие на иное древнее произношение названия, которое, в свою очередь, связывалось с массагетами.

Тогда Ф. Хирт (Hirth F. 1910, p. 41, n. 1) вопреки фактам предположил, что абзои у Плиния (единственный вариант чтения, и лишь в одном из изданий дается форма Anthi — А. Т.) появились вместо арзоев по ошибке. Но даже, если это было не так, как отметил автор, оно может помочь объяснить финальные *m* и *p* двух китайских транскрипций. Название «абзои» могло бы быть латинским искажением греческого названия, которое слышалось с дигаммой как "Αφορσοι. Мы вновь сталкиваемся с предположительными реконструкциями, причем, противоречащими фактическому положению.

Кроме того, написание Arzoae карты Певтенгера является несомненной ошибкой в написании «аорсы». И если Arzoae этой карты, в целом, соответствуют расположению аорсов и верхних аорсов, по описанию Страбона, то Abzoae Плиния оказываются к востоку от верхних аорсов Страбона. Определять Arzoae и Abzoae как «верхних, т.

е. предгорных аорсов» (Мацулевич Л. А. 1947, с. 132), нет оснований. Далее Ф. Хирт еще более запутал ситуацию, посчитав возможным связать названия Яньцай и Хэсу с названиями аланов в монгольских источниках A-su, A-siï (Hirth F. 1910, p. 42). На этом его разработки закончились. Интересно, что близкий подход ранее демонстрировал В. Сент-Мартен, сопоставлявший Jan-thai, An-thai (A-lana) с As и далее с Ou-sun (Vivien de Saint-Martin. 1850, p. 105-106).

В конечном итоге, сам Ф. Хирт заявил, что в своей работе, он, прежде всего, придавал особое значение исторической, а не лингвистической идентификации (Hirth F. 1910, p. 41). Таким образом, на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация. Многие историки и археологи ссылаются на лингвистические доказательства Ф. Хирта, в то время как тот считал основой своих доказательств исторические данные. Но, как можно убедиться, не существует строго научных ни лингвистических, ни исторических доказательств в пользу гипотезы Ф. Хирта. Некоторые отечественные исследователи, отметив мнение Ф. Теггарта, О. Мэнчен-Хэлфена и К. Еноки о фонетической невозможности идентичности яньцай-аорсы, посчитали, что она никоим образом не снимает вопроса о соотношении между аорсами и аланами (Гаглойти Ю. С. 1967, с. 80). Мы же убеждены в обратном. Впоследствии, видимо, только Э. Пуллиблэнк (Pulleyblank E. G. 1962, p. 220) возвращался к проблеме о возможной идентификации Яньцай и аорсов, но, что показательно, оставил ее под вопросом. Заметим, что в то же время Ф. Хирт (Hirth F. 1899, s. 236), основываясь на данных китайской энциклопедии VIII в. Тун-дянь о названии страны Су-и, или Су-дэ (Согдиана) также T'ö-kü-möng, считал современных туркмен потомками аланов, покоренных хуннами.

Не меньше, чем вариантов локализации страны Яньцай, было предложено вариантов этнической идентификации ее населения. Предлагалось связать его с абзоями, массагетами, сарматами, аланами, антами, аварами, кыпчаками, асами, ясами-осетинами, эфталитами и т. д. (Teggart F. J. 1939, p. 200-202; Shiratory K. 1928, p. 99; Enoki K. 1955, p. 49; Sulimirski T. 1970, p. 142; Marquart J. 1920, s. 292; Vivien de Saint-Martin. 1850, p. 105-106; Charpentier J. 1917, s. 361; Пассек В. В. 1838, с. 146; Григорьев В. В. 1871, с. 90; Бичурин Н. Я. 1950, с. 261; Зураев А. П. 1966, с. 125; Малявкин А. Г. 1989, с. 201; Зуев А. Ю. 1995, с. 40-41; Мацулевич Л. А. 1947, с. 134; Гумилев Л. Н. 1993, с. 162; Арсанукаев Р. Д. 2002, с. 84; Ченг Д. 2008, с. 9-10 и др.). В данном случае коснемся только тех этнических идентификаций, которые соответствуют этническим реалиям того периода.

В названии Яньцай (Am-ts`at) усматривали (Marquart J. 1920, s. 292), как уже отмечалось, передачу имени массагетов во множественном числе (ma`ss (j) aga-ta). Такое решение послужило посылком для его подтверждения данными европейских источников. Полагают, что основными претендентами на роль населения государства, действительно, остаются массагеты. По Страбону (Strabo. XI, VIII, 6-7), они обитали, в том числе, на болотистых участках рек, среди которых особо выделяется Аракс, впадающий большинством рукавов в море на севере, а одним — в Гирканский залив (Цуциев А. А. 1999а, с. 40-41). Но такое доказательство сложно признать корректным.

У Птолемея (Ptol. VI, 10, 13) массагеты упоминаются отдельно от аланов (Charpentier J. 1917, s. 361). Известно, что сведения об Араксе и массагетах Геродота (Her. I, 201, 205-211, III, 36) подразумевают Аму-Дарью (Пьянков И. В. 1975, с. 66; Юсупов Х. 1986, с. 195-196), что и повторяют

Страбон, указывающий на аналогичное мнение Эратосфена, Дионисий Периегет, Помпей Трог, Птолемей (Strabo. I, IV, 13, VIII, 1, 6-8; Dionys. Perieg. 738-740; Trog. I, 8, 2; Ptol. VI, 10, 2). Например, такая яркая черта, как изготовление местным населением одежды из шкур тюленя, по Геродоту (Her. I, 202), точно соответствует признакам Каспийского моря, но никак не Арала.

Особо стоит отметить, что обычно массагеты представлялись европейским писателям как первый от восточного побережья Каспия народ, к востоку от которого находились уже другие народы, прежде всего, саки. Не противоречат такому положению и результаты современных исследований, согласно которым, кочевники в районе Сыр-Дарьи принадлежали к сакскому миру. Пожалуй, стоит отметить еще одно частное наблюдение. По Страбону (Strabo. XI, VII, 4), за Яксартом росли ели, которых не было в верхней и восточной Азии, а тамошние скифы использовали еловые стрелы. Возможно, данная информация может каким-то образом соотноситься и со сведениями китайских источников о хвойных деревьях на земле Яньцай.

Как мы могли убедиться, попытка чтения названия Яньцай как названия аорсов была неудачной. Обратимся непосредственно к данным письменных источников, сохранившим сведения об аорсах. Впервые о них упоминает Страбон, чьи сведения отражают ситуацию, фиксировавшуюся его источниками с кон. II в. до н. э. (Strabo. I, II, 1), что, повторимся, по времени совпадает с первой информацией о Яньцай китайских источников. Согласно этим сведениям, аорсы фиксируются по левобережью Дона, а верхние аорсы — по северному и северо-западному побережью Каспия, что для реальной географии означает «к западу от Волги».

Следует учитывать, что реальные сведения в указанных районах касались лишь низовий Дона и «устья» Каспия. Следовательно, аорские группировки располагались ближе к меотийскому и каспийскому побережьям, и наш источник не позволяет распространять владения аорсов далеко на север. Остается добавить еще одно частное замечание. Если информации о каких-либо народах к северу от донских аорсов у Страбона не было, то севернее верхних аорсов имелись некоторые данные о скифах-номадах и сарматах (также скифах) (Strabo. XI, II, 1). Следовательно, севернее верхних аорсов фиксируется, как минимум, еще два отличных от них объединения кочевников, что уже отмечалось исследователями (Скрипкин А. С. 1990, с. 197).

К востоку от «устья» Каспия Страбон фиксирует уже не аорсов, а «восточных скифов». Он указывает на известные сведения о саках и массагетах к востоку от Каспия, но считает их неточными и неправдоподобными (Strabo. II, V, 7, XI, VI, 2). Далее Страбон (Strabo. XI, VII, 1) уточняет, что непосредственно к востоку от устья Каспия обитают даи, прозываемые апарнами, за которыми находится пустыня. Предполагают (Смирнов К. Ф. 1984, с. 15-16), что их имя (daha — «самец», «мужчина») отложилось в названии р. Урал Яик-Даикс, известном древним авторам (Ptol. VI, 14, 2-5, Амт. Марс. Res Ges. XXIII, 6, 63). В целом, данные Страбона не позволяют располагать аорсов в Северном Причерноморье или в Крыму, на Южном Урале или между Каспием и Аралом, к северу от Арала, т. е. там, где некоторые исследователи ищут государство Яньцай.

Следует напомнить, что Ф. Хирта и А. Гутшмида к идентификации Яньцай и аорсов подтолкнула работа Б. Рихтгофена (Richthofen B. 1877, s. 463), на что особое внимание обратил Ф. Теггарт (Teggart F. J. 1939, p. 201-202). Б. Рихт-

гофен, описывая торговые маршруты из Китая на запад, отметил торговый народ аорсов, известный только из западных источников, который жил к северу от Каспия и на Нижней Волге. Замечание исследователя о месторасположении аорсов было сделано в соответствии с широко принятой в то время интерпретацией сообщения Страбона (Strabo. XI, V, 8), согласно которой, верхние аорсы располагались дальше на север, чем те, которые обитали на Дону.

Ф. Теггарт заметил, что такой подход наталкивается на многие трудности. Особенно это требует признания, что пространное описание Страбоном торговли верхних аорсов с армянами и мидийцами совершенно ошибочно. Оно влечет за собой заключение, что существовали знания о народах к северу от Дона, хотя сам Страбон (Strabo. XI, II, 2) ясно отмечал недоступность информации о том регионе. Затем оно неизбежно влечет за собой предположения в отношении мест обитания аорсов «дальше на север», чем Дон: во внутренней части Скифии, в стране на север от Каспия, на территории между Уралом и Алтайскими горами (Vivien de Saint-Martin. 1852, p. 127; Humboldt A. 1843, p. 179; Marquart J. 1905, s. 83-84; Cavaignac E. 1928, p. 238).

Ф. Теггарт справедливо отметил, что все эти трудности исчезают, если взять описание Страбона как изложение действительного положения. Именно престиж знаменитой работы Б. Рихтгофена и сподвиг Ф. Хирта и А. Гутшмида «исправить» его замечание о том, что аорсы упоминались только западными писателями. Поэтому А. Гутшмид заявил, что поскольку, как сказано в «Вэй люэ», Яньцай простиралось на запад до границ Римской империи, это и заставляет заключить, что они являются аорсами. Делая это заключение, однако, А. Гутшмид упустил из виду тот факт, что аорсы исчезли почти за 200 лет до того вре-

мени, к которому относился пассаж из «Вэй люэ». Остается только присоединиться к приведенным замечаниям. Кроме того, на западе с Римом, по данным китайских источников, граничило не Яньцай. О необоснованности указанных трактовок, стремящихся вывести места расселения верхних аорсов глубже на север от каспийского побережья или к востоку от Волги, свидетельствует и предложенный анализ.

Следует отметить и еще один существенный факт. А. Гутшмид (Gutshmid A. 1888, s. 69) стремился подкрепить идею о взаимосвязи Яньцай с аорсами и аланами мыслью о том, что после последнего упоминания аорсов у Тацита аланы появляются на месте именно аорсов. Данное положение повторил О. Менчен-Хелфен (Maenchen-Helfen O. 1945, p. 78). Но, как справедливо заметил Е. Тойблер (Täubler E. 1905, s. 22-23), аланы появляются, отнюдь, не на месте аорсов, а письменные источники фиксируют и период их одновременного проживания. Данное замечание представляется вполне объективным. В его пользу говорят теперь не только известные в прошлом нарративные источники, но и открытые позже. Даже совпадение прежних мест обитания аорсов и последующих аланов не указывает на их прямую преемственность, но вполне может свидетельствовать о появлении аланов в процессе миграции с востока на некогда принадлежащих аорсам землях. Подобные процессы многократно известны в истории миграций. Кроме того, сама география таких миграций у кочевников вела к освоению новыми пришельцами территорий предшествовавших им кочевых объединений.

Следующий автор, закончивший свой труд около 43 г. н. э., Помпоний Мела использовал еще сведения эллинистических авторов, но отразил и более близкую ему по

времени этнокарты. В Северном Причерноморье у р. Букес источник упоминает амаксобиев (Mela. II, 2, 4-5). Сравнения со сведениями Птолема (Ptol. III, 5, 17) и Плиния (Plin. NH. IV, 80) показали, что Ἀμαξόβιοι (Амахобии) («живущие в повозках») назывались аорсы (Мачинский Д. А. 1974, с. 131; Скржинская М. В. 1977, с. 42). У устья Танаиса отмечаются иксаматы (Mela. I, 114, 2-3), которые, как полагали некоторые исследователи, постепенно продвинулись сюда с юга (Максименко В. Е. 1983, с. 16). Таким образом, наблюдается миграция придонских аорсов на запад, когда прежние места их обитания занимают другие народы, что не позволяет считать этих аорсов населением продолжавшего существовать Яньцай.

Информация об аланах вообще отсутствует, поэтому не представляется возможным рассматривать и вопрос о переименовании Яньцай в Алань. Причем, Помпоний Мела сообщает, что по Танаису обитали савроматы, разделенные на многие племена, каждое из которых имело свое название (Mela. I, 116, 1-2). Здесь явно используется более ранняя информация, но и она никак не может быть соотнесена со сведениями о едином государстве Яньцай с единым названием. Никаких сведений о верхних аорсах мы более не имеем, что позволяет полагать изменение этнической ситуации и в ранее занимаемом ими регионе. С востока до устья Каспия Помпоний Мела размещает скифов (Mela. I, 11, 6-7), которые никак не соотносятся ни с сарматами, ни с аорсами, в частности. Ближайшими же из известных народов к северо-восточному побережью Каспия, от древнего устья Аму-Дарьи, называются дербики (Mela. III, 39, 3-4), которые в античных источниках представляют массагетов.

Единожды об аорсах рассказывал Тацит (Tac. Ann. XII, 15-19) при описании войны за боспорский престол 49 г.

н. э. Исследователи давно отмечали, что сам маршрут появления на Таманском полуострове объединенного войска римлян, боспорцев и аорсов свидетельствует о проживании этих аорсов к западу от Дона (Мачинский Д. А. 1974, с. 129-132). Примечательно, что в рукописях труда Тацита этноним передан и в форме Adorsi (Advorsi, Adossi) — «внешние/малые аорсы» (Charpentier J. 1917, p. 356; Altheim F. 1959, s. 73; Черняк А. В. 1992, с. 95-102; Алемань А. 2003, с. 37, 60), что препятствует их отождествлению с большими аорсами и аорсами Страбона.

Цари Великой Аорсии упоминаются в декрете, найденном у подножия Мангупа. Исследователи полагают, что данное упоминание связано с событиями 62 г. н. э., нашедшими отражение в элогии из фамильной усыпальницы в Тибуре возле Рима наместника Мезии Плавтия Сильвана Элиана (CIL, XIV, 3608) (Vinogradov Yu. G. 1994, p. 72-73; Виноградов Ю. Г. 1994, с. 166-169; Щукин М. Б. 1994, с. 217-218). В таком случае подтверждается различие локализации упоминаемых аорсов и аорсов Страбона, а также невозможность их связи с государством Яньцай или его переименованием в Алань, нахождением в зависимости от Кангюй, что не соответствует «величию» Аорсии. Заметим, что археологические исследования указывают на нахождение Аорсии «под политическим лидерством и в составе аланской орды» (Симоненко А. В. 2012, с. 249-250; 2012а, с. 268, 2012б, с. 298-299). Но данное положение не ведет к переименованию государства, что может указывать на различные основания в отражении исторических событий в греческой и ханьской традициях.

В труде Плиния, который был закончен в 77 г. н. э., в Северном Причерноморье, как и у Помпония Мелы, фиксируются гамаксобии-аорсы. В этом же регионе становятся известны источнику аланы и роксоланы (Plin. NH. IV, 80, 2,

5-6). Между ними не устанавливается никакой связи, тогда как, по китайским источникам, Яньцай было переименовано в Алань. По Танаису размещаются сарматы и савроматы, якобы, произошедшие от браков с амазонками (Plin. NH. VI, 19, 3-5). В целом, на запад от «устья» Каспия размещаются скифские номады и савроматы со многими именами (Plin. NH. VI, 38, 6-7), что созвучно с информацией Помпония Мелы. Вместе с тем, видимо, у устья Дона располагаются некие камаки (Plin. NH. VI, 21, 2).

Нет никаких сведений и о верхних аорсах, а территории до пересыхающего при отливах «устья» Каспия отводится талам (Plin. NH. VI, 17, 2-3). Непосредственно у «устья» Каспия, на бывших местах верхних аорсов, оказываются утии (Plin. NH. VI, 38, 8-9). Согласно Плинию, данная информация восходит к сведениям Марка Теренция Варрона, служившего легатом у Помпея в 67-49 гг. до н. э. С учетом данной датировки следует обратить внимание на то, что на местах аорсов и верхних аорсов появляются камаки, сопоставимые (Каменецкий И. С. 1971, с. 168) с камами самого Плиния на Яксарте (Plin. NH. VI, 50, 7), и утии, которые могли представлять собой юэчжей китайских источников (Pulleyblank E. 1966, p. 17-18; Зуев Ю. А. 1995, с. 49; 2002, с. 10, 22, 38). Изменение этнической ситуации на местах за счет появления здесь, в том числе, и кочевников из Закаспия несарматского происхождения, могло происходить со 2-й пол. II в. до н. э. (Plin. NH. IV, 85, 4, 6-7, VI, 22, 4-7). Но аорсы и верхние аорсы еще в 48-47 гг. до н. э. представляли собой внушительную военную силу (Strabo. XI, V, 8).

Видимо, сам Плиний исходил из сведений об отсутствии к его времени аорсов на отводимых им некогда Страбоном территориях, заполняя образовавшиеся пустоты сведениями из разновременных источников. Но

он не привлек в данном случае сведений об аланах. С другой стороны, фиксация утиев на землях аорсов могла бы рассматриваться как подтверждение точки зрения некоторых исследователей, что собственно аорсы были выходцами из Центральной Азии и не имели отношения к формированию прохоровской культуры (Ростовцев М. И. 1993, с. 92; Зураев А. П. 1966, с. 140-141; Sulimirski T. 1970, р. 115-117, Скрипкин А. С. 1997, с. 22-23; Вайнберг Б. И. 1999, с. 248). Они могли возглавить родоплеменной союз, в который вошли сарматы, а также какие-то иные центральноазиатские группы. С данной позиции интересно отметить приводимое в том же отрывке Плиния название утидорсов, вторая часть которого созвучна названию аорсов (Charpentier J. 1917, s. 356).

Некоторые авторы полагают, что Плиний размещал аорсов на восточном побережье Каспия (Гаглоев Ю. С. 1962, с. 153-154), другие считают помещение Плинием аорсов где-то в Согдиане очень сомнительным (Цуциев А. А. 1999, с. 37-38). Но в используемом ими отрывке (Plin. NH. VI, 48, 3) аорсы вообще не фигурируют, а упоминаются арси (Arsi). Вообще нет никаких оснований доводить владения аорского объединения до Приаралья и Нижней Сыр-Дарьи, как делали другие авторы (Мацулевич Л. А. 1947, с. 133).

На восток от «устья» Каспия помещались скифские абзои, разделенные на многие племена со своими названиями (Plin. NH. VI, 38, 7-8). Выше уже упоминалось о неудачной попытке связать абзоев с арзоями карты Певтенгера, чтобы таким образом идентифицировать их с аорсами. Аорсы и абзои располагались на разных территориях. В то же время сведения о разделении абзоев на многие племена со своими названиями не дают возможности идентифицировать абзоев с населением Яньцай, кото-

рое, к тому же, располагалось значительно восточнее от «устья» Каспия. Вполне возможно, что название «абзoi» в источнике носило такой же собирательный характер, как и название «сарматы» в греко-латинской традиции. Поэтому вероятность приложения данного названия к названию Яньцай значительно понижается.

Однако недавно свидетельство об абзоях было вновь привлечено в связи с определением этнического состава Яньцай. В утерянном толковании текста «Хань шу цзе-гу», цитированном в комментариях к «Ши цзи» (ШЦ, 123), Яньцай отождествляется с Хэсу/Хапецо (<Нар-sǒ, Нар-sou, Нар-so, yâr-suo) (de Groot J. J. M. 1921, s. 229; Karlgren B. 1923, no. 75, 823). Это государство упоминается в «Жизнеописании Чэнь Тана» (ХШ, 70). Комментатор Янь Шигу приводит сведения Ху Гуана о том, что другим названием Яньцай является Хэсу, и на этом основании полагает, что оба названия идентичны. Ф. Теггарт (Teggart F. J. 1939, с. 203) пришел к заключению о точной передаче данным названием слова «Abzoae», что было критически воспринято другими учеными (Humbach H. 1969, s. 39-40).

Ю. А. Зуев (Зуев Ю. А. 1995, с. 41) особо указывал на замечание (Мацулевич Л. А. 1947, с. 132), что под абзоями и арзоями следует подразумевать «верхних аорсов», которые, по Страбону, владели наибольшей частью побережья Каспия, ведя караванную торговлю. Исследователь полагал, что термин яньцай/аньцай/хэсу/абзой является политонимом, в значительной степени синонимичным термину сармат, а аорсы, которых Птолемей отмечал рядом с присырдарьинскими яксартами, были одновременно и абзоями, и сарматами Азиатской Скифии, или Азиатской Сарматии.

Было высказано и сомнение по поводу идентификации Хэсу с Яньцай (Габуев Т. А. 2002, с. 27). Однако такой под-

ход не представляется достаточно аргументированным. Во-первых, следует более доверять сведениям китайских источников, идентифицирующих государства, чем просто предполагать, что Хэсу было небольшим владением, граничившим с востока с Кангюй, а после завоевания его шаньюем Чжичжи, сошедшим с исторической арены. В данном случае допускается даже прямое противоречие с данными источника, т. к. Чжичжи не завоевывал это государство. Им были отправлены послы в Хэсу, Давань и другие владения с требованием ежегодных подношений. Ему не посмели отказать. Кроме того, указывается, что Чжичжи непосредственно напал на Усунь и Давань, но не на Хэсу (ХШ, 70) (Таскин В. С. 1973, с. 126; Боровкова Л. А. 2001, с. 297).

Таким образом, Чжичжи не покорял страну силой, а получил дары, причем, не только с Хэсу, за счет обретенной им славы в период грабежей в Усунь. Во-вторых, относить идентификацию государств за счет вольного толкования поздних комментаторов и предлагать еще более позднее собственное некорректно, т. к. такая идентификация принадлежит, например, Ху Гуану. Оценкой подобных трактовок, как нельзя лучше, служит замечание В. Б. Ковалевской (Ковалевская В. Б. 1984, с. 84): ««Признание» или «непризнание» достоверности высказываний древних авторов, исходя лишь из общих концепций исследователя, без должного их анализа, в принципе неконструктивно».

Что касается доводов Ю. А. Зуева, то в них заложены некоторые противоречия. Приводимое им мнение Л. А. Мацулевич ошибочно. Абзои, бесспорно, не могут быть отождествлены с аорсами, располагаясь на разных территориях и имея различные характеристики. Что касается арзоев, упоминаемых на карте Певтенгера, то, как было отмечено, с ними связана весьма искаженная картина

размещения аорсов и верхних аорсов Страбона. Поэтому форма «арзои» должна представлять собой искажение формы «аорсы» и не может претендовать на роль исторически достоверного этнонима. Ни о каком совпадении локализации арзоев и абзоев речи быть не может.

Не совсем понятно, о каких сарматах Азиатской Скифии говорит автор, т. к. ни один из источников там не размещал сарматов. Судя по всему, автор отождествляет Азиатскую Сарматия с Азиатской Скифией. Но территории, покрываемые этими названиями в прошлом, были различными. Некоторое сомнение вызывает и постулирование единого политонима яньцай/аньцай/хэсу/абзой. Есть определенные основания говорить о предшествовании названия Хэсу названию Яньцай (Кюнер Н. В. 1961, с. 180). Сама идентификация названий, проведенная еще Янь Шигу, неубедительна, т. к. использованное им сообщение Ху Гуана говорит об одной стране, известной в истории под двумя разными названиями, а не об идентичности этих названий.

В отношении абзоев следует высказать еще одно замечание. Кроме Плиния ни один автор, ни до него, ни после него, не знал такого этнонима. Видимо, нельзя исключать, что в названии скифских абзоев представлено искажение названия скифов-абиев Гомера (Hom. Iliad. XIII, 6), которых другие источники (Ptol. VI, 15, 3; Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 53; Steph. Byz. s. v. Αβιοι) помещают к востоку от Каспия (Ельницкий Л. А. 1949, с. 302; 1961, с. 133). Известно, что Аммиан Марцеллин в описании Персии использовал множество источников. Привлекались им и данные Птолемея, но через посредничество каких-то других сочинений (Иванчик А. И. 1999, с. 30).

В его работе (Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 53) Abii располагаются где-то к северу от гирканов, что может пример-

но соответствовать размещению абзоев Плиния. Кроме того, еще со времен завоевательных походов Александра Македонского образ абиев (Αβιοί, Abii) неоднократно использовался в рассказах о среднеазиатском регионе. Судя по всему, имя абиев (смотри возможную этимологию названия: Тохтасьев С. Р. 2008, с. 195) в реальной этногеографии прилагалось как к дербикам, так и к массагетам в целом (Пьянков И. В. 1964, с. 127; 1969, с. 173-175). Настаивать на буквальной передаче китайским Хэсу (Horsu, Hor-suo) Abzoeae Плиния, а, тем более, определять через китайские тексты право на существование этнонима Abzoeae (Лубо-Лесниченко Е. И. 1988, с. 369), как представляется, нет достаточных оснований.

На 2-ю пол. I в. н. э. приходится творчество Валерия Флакка, который уделял большое внимание историческому и этнографическому материалам. Показательно, что в его произведении вообще не упоминаются сираки и аорсы. Вместе с тем, исследователи, отмечая персонафикацию в именах героев названия рек, полагают, что в имени одного из скифских вождей Rhadalus (исправляют на Rhadanus) (Val. Flac. Argon. VI, 69) отражено название Волги 'Ра, которое будет известно в дальнейшем только Птолемию (Пьянков И. В. 1997, с. 55).

Привлечение сведений об аорсах у Птолемея, написавшего свой труд «Географическое руководство» («География») в 60-х гг. II в. н. э. (самые поздние сведения произведения относятся ко 2-й четверти II в. н. э.), позволяет более конкретно обратиться к сведениям данного автора. Птолемей действительно помещает аорсов на Яксарту (Ptol. VI, 14, 10), возле которого им, как и многими другими европейскими авторами, размещались саки, по мнению многих современных исследователей, составлявшими и основу государства Кангюй. Но уже давно обращает на

себя внимание тот факт, что приводимые им координаты 97°48' (Ptol. VI, 14, 2) позволяют идентифицировать устье Яксарта с р. Эмба (Татищев В.Н. 1962, с. 180; Teggart F.J. 1939, p. 196; Вайнберг Б.И. 1999, с. 215-216). На карте Птолемея аорсы помещены с правого берега р. Даикс, т. е. Урала. Поэтому считать сведения Птолемея свидетельством локализации аорсов на Сыр-Дарье невозможно.

Птолемей упоминает аорсов и в Европейской Сарматии. Здесь они известны ему как под собственным названием, так и под обозначением «гамаксобии» (Ptol. III, 5, 7, 10). Независимо от аорсов упоминаются и скифы-алауны, а между алаунами и гамаксобиями помещаются карионы. В Азиатской Сарматии у устья Танаиса Птолемей называет яксаматов (Ptol. VI, 14, 10). Следовательно, автор передает картину, сложившуюся после миграции аорсов в Северное Причерноморье, которая фиксировалась источниками после Страбона. Поэтому само сохранение сведений об аорсах на востоке представляется анахронизмом, восходящим к источникам, использованным Страбоном.

Вряд ли в таком случае следует придавать большое значение упоминанию аорсов «на Яксарте». Как уже отмечалось, если у Страбона, как и у его непосредственных последователей, Каспий представлялся вытянутым строго на север заливом Океана, то данные Птолемея указывают на получение новых сведений, позволяющих отметить появление более реальных географических данных о развороте Каспия в его северной части к востоку, куда впадали неизвестные ранее реки. Поэтому, видимо, аорсы Птолемея соответствуют верхним аорсам Страбона, причиной «переноса» которых на восток послужил отмеченный разворот северной оконечности Каспия к востоку. Кроме того, если верно наблюдение исследователей о появлении сведений о Волге-Ра у Валерия Флакка, то

отсутствие у него сведений об аорсах могло бы лишь подтвердить анахронизм в упоминании аорсов у Птолемея.

Видимо, следует уделить несколько большее внимание и предположению Ф. Хирта о возможной связи названия Яньцай и Хэсу с названиями алан в монгольских источниках A-su, A-sii (Hirth F. 1910, p. 42). Данное предположение нашло своеобразное продолжение в исследованиях зарубежных специалистов. Я. Шарпентьер (Charpentier J. 1917, s. 347-388), отождествляя усуней китайских источников с Asiāni Помпея Трога и Ἀσιῶι, Πασιῶι (конъектура Ἀσιῶι) Страбона как правителей завоевавших Бактрию тохаров, сопоставлял их с осетинами, потомками аланов. Исследователь приводил названия Ἀσιῶται, Ἀσιῶι, Ὀσιῶι Птолемея, а также связываемые с ними A-sou средневековых китайских, al-Ass арабских, Assi, Aas европейских, Ясы русских источников, как примеры самоназвания аланов. Отмечались им и данные китайских источников о государстве Яньцай, переименованном в Алань. Автор пришел к выводу, что асии-асиане (усуни) не могут отделяться от народов, чье название начинается с As или Os, и относятся к аланскому племени. Это вытекает, как считал исследователь, частью из сходства этнонимом, частью из совпадений территорий обитания.

О. Менчен-Хелфен (Maenchen-Helfen O. 1945, p. 74, n. 32, 78-79), привлекая как варианты названия Aorsi, Arzoe (карта Певтенгера), Arsitis (местность в Гиркании, по Птолемею), Ἀσιῶι (Птолемея), приводил их к *arsi или *ārsi. Ārsī рассматривается как самоназвание тохаров. Ученый считал, что Я. Шарпентьер был на правильном пути в доказательстве идентичности Ārsī-Asii-Asiani с Asaiōi (Asiotae), но отрицал идентичность усуней и асиан. Отмечая сведения об аорсах II-I вв. до н. э. от Каспия до Дона и археологические свидетельства о приходе центральноазиат-

ских кочевников, О. Менчен-Хелфен обращал внимание на письменные свидетельства о появлении в Восточной Европе тохаров, совпадающие с появлением аорсов, полагая, что Aorsi-Arsi и Tagorae пришли в одной миграционной волне, а Arsi и Tagorae идентичны Asii-Asiani reges Tocharorum. Arsi Плиния сопоставляются с Asii и представляются идентичными Ārsī. Интересно, что практически аналогичный подбор соответствий был самостоятельно приведен и Л. А. Мацулевич (Мацулевич Л. А. 1947, с. 133; Боталов С. Г. 2007, с. 60-63).

Г. Бейли (Bailey H.W. 1949, p. 135-139) отмечал возможную связь между Asi (Assi), Ās, *ārsiya, приводя сведения из сообщения ал-Масуди о королевском войске Хорезма Arsīya или al-Arsīya, Arsi Плиния и Ἀρσιτικὴ Χώρα Птолемея. Ās, средневековое название осетин, могло восходить к более древнему *Ars. И. Основываясь на решениях своих предшественников, Н. К. Дибвойз полагал, что большую часть юэчжей составляли тохары, во главе которых стояли арсы (Дибвойз Н. К. 2008, с. 68). Гершевич (Gershevich I. 1955, p. 486, n. 2) отмечал, что если аланы были действительно переименованными аорсами, то Ās, как средневековое название осетин, восходящее, по Г. Бейли, к более раннему *Ars, могло быть более поздней формой от Aors (oi), несмотря на *фонетические трудности*. В данной связи автор указывал на разработку О. Менчен-Хелфена, хотя отмечал ее слишком широкий охват. В. Минорский (Minorsky V. 1958, p. 146, 147, n. 1; Минорский В. Ф. 1963, с. 193-194, сн. 23) особо остановился на сообщении ал-Масуди о выходцах из окрестностей Хорезма al-Larisiya (Arsiya, Arīsia etc.), поступивших на службу к хазарскому царю. По его мнению, Arsiya звучит очень близко к Aorsi (Yen-ts'ai). По-персидски, Aorsi стало Ās.

Г. Ньюли (2002, с.37-38), в целом, принимает установле-

ние связи между названием аланов *Ās* и названиями *Ars* и *Aorsi*, усложняя его гипотезой о пребывании аорсов в Хорезме, где они, якобы, подверглись влиянию народов, называвших себя и называвшихся другими *ārua-*, *āruāna-*. А. Алемани (2003, с. 38, 349) предполагает идентификацию *al-Arsīyah* ал-Масуди с *Arsā* Абу Хамида ал-Гарнати, что напоминает ему *Aorsoi*. В свою очередь, сведения об *al-Arsīyah* ал-Масуди сопоставляются со сведениями ал-Бируни о племени *al-Lān* и *Ās*, которые проживали между Хорезмом и Гурганом на Нижней Аму-Дарье, но из-за изменения русла реки вместе с печенегами переселились на побережье Каспия. Однако автор полагает, что В. Минорский зашел слишком далеко, предложив эволюцию *Aorsi* > *Ās*. О. Б. Бубенок, используя гипотезу О. И. Прицака о том, что средневековый этноним *kangaras* мог производиться от *Kangar* (тох. «камень», и отсюда Кангюй) и *As* (от аорсы), полагает, что в нем могли отразиться данные китайских источников о переименовании Яньцай в Алань и подчинении государства Кангюй (Бубенок О. Б. 1997, с. 46, 82-83; смотри также: Андрианов Б. В., Левина Л. М. 1979, с. 97-98). Другие исследователи также предполагали связь между *Ās* и *Aorsi* (Marquart J. 1903, s. 332; Dunlop D. M. 1954, p. 206; Lewicki T. 1976, p. 32).

Практически, все указанные разработки построены на цепочках предположений, каждое из звеньев которых само является предположением. Особенно это сказывается в том, что предлагаемые лингвистические реконструкции находятся в явном противоречии с известными нам историческими фактами. Создается впечатление, что зачастую вопреки этому исследователи упорно добивались цели выдвижения собственных гипотез, именно выбирая подходящие, на их взгляд, данные, привлекая необходимые для гипотез разработки других ученых, либо

упуская их, как и уже известные к тому времени контраргументы.

Переименование Яньцай в Алань не может трактоваться как смена названия в рамках единого этнического массива аорсов. Во-первых, нет никаких доказательств, что население Яньцай составляли именно аорсы. Во-вторых, факт переименования государства в китайских источниках более свидетельствует о его зависимости от смены правящей верхушки в государстве (Хван М.Ф. 1960, с. 674-675) или от появления в нем нового этнического элемента, который и мог обусловить появление нового названия. Связывать названия аорсов с названиями Асиоц, Asiani и т. д. также нет никаких оснований, поскольку сами источники никоим образом не свидетельствуют об этом. У того же Страбона носители данных названий известны на абсолютно разных территориях, но в одно и то же время, т. е. название аорсов не претерпевало никаких изменений. Точно так, у Птолемея они упоминаются одновременно.

Увязывать сообщения о царях тохаров асианах с усунями также нет оснований, хотя данная гипотеза получила распространение и среди отечественных специалистов, активно используясь вплоть до последнего времени. Поводом к тому служат сообщения китайских источников о разгроме больших юэчжей усунями в Семиречье. Но китайские источники говорят о том, что усуни остались на захваченных территориях, включив в свой союз лишь некоторую часть побежденных. Основная же масса больших юэчжей ушла на запад под руководством собственных правителей или, по некоторым данным, под руководством супруги погибшего правителя.

Усунни никогда не распространяли своих владений на запад (Dorneich Ch. M. 2010, p. 85). Единичные случаи уxo-

да групп усуней в сторону Кангюй также не имело известных по данным китайских источников последствий для их участия в процессе подчинения Яньцай со стороны Кангюй (подробнее эти проблемы будут рассмотрены далее). Учитывая же достаточно тесное взаимодействие ханьцев с усунями, подчинение Яньцай даже отдельной отколовшейся группировкой усуней непременно нашло бы отражение в китайских источниках. Что касается позднейшей истории al-Larisiya, то мы ничем не можем подтвердить их связи ни с прежними аорсами, ни с аланами. Нет конкретных данных и о пребывании собственно аорсов или аланов в Хорезме.

Интересно, что и с точки зрения предлагаемых наукой этимологических решений для названий аорсов и асиев существуют известные трудности. Одни исследователи полагают, что слово *ārsī* не может быть сближено с засвидетельствованным классическими писателями этническим термином *Ἀσίοι*, *Asiani*, *reges Thoharorum* (Фрейман А. А. 1952, с. 131-132, 134; Скрипкин А. С. 19896, с. 290). Соответственно, из логики доказательств выпадает и его сближение с *Аорсои*. В то же время оно остается востребованным и у отечественных исследователей. Признающий его В. П. Яйленко, вместе с тем, дает интересное решение для объяснения *Arsi* Плиния через иран. **ārya-* + **xsay-* «царские арии» > среднеир. **arsay* и со среднеиранским стяжением *rs > s/š*. Далее автор вновь выводит указанную основу к *Ἀσίοι*, *Asiani*, *As* (Яйленко В. П. 1995, с. 66). Но предполагаемое развитие может быть сопоставлено с решением (Dorneich Ch. M. 2010, p. 2-3, 58) о передаче в китайском названии юэчжей (*Rouzhi*) *Ar-si*, которое с учетом *rs > s/š* и дает *Asi*.

Практически все исследователи (Humbach H. 1969, s. 36) возводят название аорсов к авест. *auruša* — «белый»

(Tomaschek W. 1889, s. 37; Vasmer M. 1923, s. 32; Altheim F. 1959, s. 70; Абаев В. И. 1996б, с. 19; Ченг Д. 2008, с. 9 и др.). К данной основе восходит и осет. *ors/urs* — «белый», что препятствует предлагаемому переходу *Aorsi* > *Ās*. Интересно, что Г. Ньюли особо отметил (Ньюли Г. 2002, с. 30) наличие в осетинском языке формы *Assi*, а не *Asi*, препятствующей, по его мнению, сопоставлению с *Asioi*. Но данное наблюдение не совсем верно, т. к. наряду с формами *Assi* и *æsson* в осетинском представлены и формы *Asi*, *Asy*, *asiag*.

Кроме того, название асов, признавая всю сложность такого решения, сопоставляют с авест. *âsu* — «быстрый», «проворный» (Vasmer M. 1923, s. 33; Ахвледиани Г.С. 1960а, с. 33; Thordarson F. 1987, p. 764; Абаев В. И. 1996, с. 80). Предлагались и иные, более сомнительные этимологии (Bailey H.W. 1946, p. 2-3; Vernadsky G. 1959, p. 49). В любом случае, мы получаем не только сомнительную трансформацию этнонима, но и изменение его значения. Такие трансформация и изменение могли произойти при формировании грузинского «овсы», возможно, через абхазское посредничество (Ахвледиани А. 1960, с. 212; Волкова Н.Г. 1973, с. 107; Кварчия В.Е. 1982, с. 47-49; но Дзиццойты Ю.А. 2009, с. 221, сн. 45) за счет ложноэтимологического осмысления *Ās*. Но данный случай не имеет отношения к разбираемой проблеме.

Следует указать, что многие ученые вполне справедливо относятся отрицательно к приведенным выше разработкам. Если мы продолжим данную цепочку в сторону популярного у некоторых исследователей отождествления асиев западноевропейских источников и усуней китайских источников, то ситуация окончательно заходит в тупик. Кстати, буквальный перевод иероглифического написания «усунь» дает значение «внуки ворона», что со-

относится с легендой о выжившем наследнике убитого правителя усуней (Charpentier J. 1917, s. 357; Maenchen-Helfen O. 1945, p. 74; Крюков М.В. 1988, с. 233; Зуев Ю.А. 2002, с. 23-32; Кадырбаев А.Ш. 2009; Dorneich Ch. M. 2010, p. 85). Предлагались различные этимологические решения для названия усуней (Краузе В. 1959, с. 47; Henning W.В. 1977, p. 591; Зуев Ю.А. 2002, с. 23). Возможно, специалистам следует рассмотреть один из примеров лексического схождения между осетинским и хотано-сакским языками, минуя другие иранские языки. Речь идет о названии птицы — осет. *zum/zum* (*zumarǰ, dzumarǰ*) — «горная индейка», «улар» и хот.-сак. *usūmä, ysumä* (Bailey H.W. 1959, p. 353; 1977, p. 42).

Я уже касался вопроса о невозможности рассмотрения названия «аланорсы» Птолемея как отражения тесной связи аланов и аорсов. Анализ данных различных письменных источников подтверждает отсутствие взаимосвязи между ними, что частным образом отрицает и давнее мнение (Пфаф В. Б. 1872, с. 116 и др.) о связи переименования Яньцай в Алань с аорско-аланским союзом. Вместе с тем, упоминание аланорсов Птолемеем как рассматривалось (Bleichsteiner R. 1918, s. 9; Maenchen-Helfen O. 1945, p. 78; Мацулевич Л. А. 1947, с. 141; Смирнов К. Ф. 1954, с. 204; Скрипкин А. С. 1990, с. 216-217 и др.), так до сих пор и продолжает рассматриваться как фиксация конфедерации аланов и аорсов (Алемань А. 2003, с. 151; Молев Е. 2003, с. 265; Боталов С.Г. 2007, с. 55; Чёнг Д. 2008, с. 9; Bârcă V., Symonenko O. 2009, p. 459; Мармونتова Т.В. 2011, с.91 и др.) или предлагается чтение «аланы и аорсы» (Altheim F. 1959, s. 71; Ньюли Г. 2002, с. 28-29 и др.). Кроме того, недавно было высказано мнение (Габуев Т.А. 1999, с. 68, 87), что аланорсы, которые помещаются возле северо-западной оконечности Тянь-Шаня, должны помещаться в Кангюй, а

аланы-скифы — в Яньцай-Алань. Автор исходит из того, что Птолемей фиксирует алан-скифов и аланорсов на самом севере «Scythia intra Imaum Montem».

Такое решение не представляется столь бесспорным. Автор трактует сведения источника, как описание области на севере «Scythia intra Imaum Montem». Видимо, в данном случае им использован русский перевод отрывка из труда Птолемея (Удальцов А. Д. 1946, с. 45; Шелов-Коведяев Ф. В. 1991, с. 55). Но аланы-скифы и аланорсы могут помещаться не на севере самой «Scythia intra Imaum Montem», а в области к северу от этой Скифии, вблизи неизвестной земли (Ptol. VI, 14, 9). Фраза Птолемея об области проживания интересующих нас народов «...ταύτης της Σκυθίας τήν μὲν πρὸς ἄρκτους πασαν...» буквально означает: «...от этой Скифии (*gen. separat.*) к северу (*praep. cum acc.*) всю...» (смотри, например, соответствующий перевод: Алемань А. 2003, с. 150). Поэтому аланы-скифы и аланорсы оказываются вне пределов собственно Азиатской Скифии. Точно так, и на карте, прилагаемой к работе Птолемея, эти народы оказываются севернее собственно Скифии. Интересно, что Ф. В. Шелов-Коведяев приводит и решение, что скуобены, располагающиеся между аланами-скифами и аланорсами (все три народа располагаются на одной линии запад-восток), находились, примерно, в районе верховья р. Сосьвы, притока р. Тавды, впадающей в р. Иртыш (Шелов-Коведяев Ф. В. 1991, с. 62).

Сама Азиатская Скифия располагается к востоку от Волги (ῥα), простираясь до некоего ее поворота, имеющего координаты 85°–54° и далее вдоль меридиана до неизвестной земли. У Птолемея впервые появляются достаточно точные данные о р. Кама (Мачинский Д. А., Кулешов В. С. 2004, с. 54-56), которая рассматривается как восточный исток реки Волга (Ptol. VI, 14, 10-11). Возле

нее отмечены 'Роѳооко, название которых, как полагают, может быть непосредственно связано с отмеченным названием Волги (Шрамм Г. 1997, с. 76). Севернее них и помещены аланы-скифы и аланорсы (Ptol. VI, 14, 9). Таким образом, эти народы оказываются в Приуралье, причем, очень далеко к северу.

Восточный исток Волги располагается на 61° с. ш., что оказывается гораздо севернее, более или менее, точно известного предела Скифии на 54° с. ш. (Ptol. V, 8, 12). На карте аланы-скифы и аланорсы отмечены сразу под линией 63° , которой Птолемей, вслед за Помпонием Мелой, определяет пределы известной земли (параллель Тулы). Если к такому соотношению добавить современные данные по локализации р. Кама, то никакой речи о Яньцай или Кангюй быть не может. Аланы-скифы вообще могут оказаться в Приуралье.

В конечном итоге, заметная туманность в определении северных территорий только подчеркивает для нас невозможность увязывания аланов и аланорсов с государствами Яньцай и Кангюй. По ал-Хваризми, использовавшему сведения Птолемея, аланы располагались восточнее Волги и южнее Уральских гор (Калинина Т. М. 1988, с. 95). Затрудняет поиск вероятной локализации аланов и несомненное их вхождение в число тех народов, которые Птолемей одновременно размещает как к востоку, так и к западу от Волги.

Кроме того, аланы-скифы и аланорсы составляют линию запад-восток, тогда как взаиморасположение Яньцай и Кангюй идет по линии север-юг или северо-запад — юго-восток. Птолемей дает координаты Аланских гор $105^{\circ}/59^{\circ}30'$ и $118^{\circ}/59^{\circ}30'$ (Ptol. VI, 14, 3). Их сопоставляют с Мугоджарами (Мацулевич Л. А. 1947, с. 141; Алемань А. 2003, с. 151). Другие исследователи сопоставляют их с

Норосскими горами источника (Ptol. VI, 14, 10-11) (Лубо-Лесниченко Е. И. 1988, с. 370). Непосредственно над Аланскими горами помещаются массеи, а уже к северо-западу и северо-востоку от них располагаются скифы-аланы и аланорсы. Массеи, сетианы, сюэбы составляют триаду народов, располагавшуюся непосредственно южнее триады скифы-аланы — сюобены — аланорсы. Кроме того, если Яньцай и Кангюй непосредственно граничили друг с другом, то между скифами-аланами и аланорсами оказываются сюобены.

В другом отрывке непосредственно под аланорсами Птолемей (Ptol. VI, 14, 13) помещает анареев. С ними связаны Анарейские горы. Здесь же отмечаются горы Аскатанка и народ аскатанков, которые непосредственно и граничат на востоке с горой Имаон. Место соединения Аскатанка и Имаона лежит на $140^{\circ}/43^{\circ}$ (Ptol. VI, 13, 1). Эти горы служили южной границей «*Scythia intra Imaum Montem*», а за ними к югу находилась страна саков (Ptol. VI, 13, 1, 3; 14, 13). Горы Аскатанка отождествляют с Ферганским хребтом, Джунгарским Алатау, Тянь-Шанем в целом (Горбунова Н. Г. 1976, с. 29) или частью Гиндукуша (Пьянков И. В. 1977, с. 56). Анареи вместе с тапуриями-скифами и галактофагами располагаются у Тапурских гор (Ptol. VI, 14, 12), отождествляемых обычно с западными отрогами Тянь-Шаня.

Если рассматривать название «анареи» как «неарийцы», то и с этой точки зрения мы теряем возможность отождествлять аланорсов с населением Кангюй, т. к. южнее находились народы, которые были тоже «арийцами». Однако следует учитывать, что у ираноязычных народов существовала традиция противопоставления «арийцы» — «неарийцы» в рамках собственного мира. Единственным соседом кангюйцев неарийского происхождения были

сюнну, но они располагались на востоке от них. Соседство аланорсов с анареями более подходит для Приуралья или Зауралья, где издавна с ираноязычными племенами соседствовали, например, финно-угорские народы.

Что касается локализации Птолемеем самого Арала, то наиболее вероятным представляется его идентификация, возможно, при объединении с Сарыкамышской котловиной, с Оксианским озером (Зуев Ю. А. 1977, с. 289; Пьянков И. В. 1997, с. 274-275), центр которого имел координаты $111^{\circ}/45^{\circ}$ (Ptol. VI, 12, 3). Этот водоем под названием озера Оакс или Оксийского озера отмечался Плинием и Аммианом Марцеллином (Plin. NH. VI, 48, Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 59). Сведения Аммиана Марцеллина считают бесспорным указанием именно на Аральское море (Бартольд В. В. 1965, с. 32). Таким образом, у нас нет никакой возможности совместить представления о локализации скифов-аланов Птолемея и данные китайских источников о землях Яньцай возле Арала. Следует напомнить, что в Яньцай, помещаемым у Аральского моря, предлагалось локализовать аланорсов Л. А. Мацулевич, с указанием, в целом, на расселение алан-скифов и аланорсов в Приаралье и в низовьях Сыр-Дарьи, куда и доводились владения союза аорсов (Мацулевич Л. А. 1947, с. 134, 141). Подходы к данному решению были заложены еще Э. Шаванном, который сопоставлял переименование Аньцай в Алань ханьских источников со сведениями Птолемея об аланорсах (Chavannes E. 1905, p. 558-559, n. 5).

Что касается Кангюй, то у Птолемея его население может быть связано с $\iota\alpha\xi\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\iota$, проживавшими на соименной реке (Ptol. VI, 14, 10), или располагавшимися у Яксарта $\Sigma\alpha\upsilon\alpha\rho\alpha\iota\kappa\alpha\iota$ (Ptol. VI, 14, 14) (Gutschmid A. 1888, s. 71-72). Но наибольшего доверия вызывает сопоставление с проживавшими у Яксарта скифами Καχάγαι (Ptol. VI, 14, 11), чье

название представляется прямым эквивалентом для названия Кангюй китайских источников (Marquart J. 1938, s. 188; 1946, s. 318-319). В любом случае, ни аланы-скифы, ни аланорсы не входят в перечень народов и не являются соседями народов, располагавшихся возле Сыр-Дарьи, Арала или Аму-Дарьи, т. е. на территориях, которые давали бы хоть какую-то возможность для желаемой некоторыми авторами интерпретации.

В принципе, следовало бы полагать, что скифы Καχάυαι (Καύυαι/Καύχαι? — А. Т.) и Ἰαξάρται являются одним и тем же народом, т. к. располагаются на одной и той же территории. В первом случае мы могли бы иметь дело с этнонимом, а во втором — с названием народа, данным в связи с его обитанием возле Яксарта. Однако и этноним Καχάυαι может оказаться связан с названием реки Канга. Интересно, что яксарты помещаются Птолемеем вдоль всего течения реки до его поворота у Тапурских гор (Ptol. VI, 14, 10). Исток Яксарта имеет координаты 125°/43°, а поворот — 120°/48°30' (Ptol. VI, 12, 1; 13, 1). Видимо, под Тапурскими горами следует подразумевать хребет Каратау, который располагается вдоль р. Сыр-Дарья до р. Сарысу. Этот хребет несколько не доходит до расположения современного г. Кзыл-Орда.

Как уже отмечалось, именно несколько южнее от него отмечается четыре системы древних сырдарьинских протоков, радиально расходящиеся от современного сырдарьинского русла к западу. К югу же от них располагаются высокие пески пустыни Кызыл-Кум. Вполне вероятно, что именно такое положение и объясняет сведения о повороте реки на запад (смотри иное решение: Горбунова Н. Г. 1976, с. 28). Не исключено, что название Канг-Кангха относилось к области слияния Сыр-Дарьи, Сарысу и Чу, образовывавшим большое озеро, окруженное системой ка-

налов, часть из которых функционирует и сегодня (Вайнберг Б. И. 1999, с. 282-283). Таким образом, мы находим не только соответствие кангюйцам китайских источников в лице Καχάγαι и Ἰαξάρται Птолемея, но и географическую обусловленность их северной границы, которая вполне соответствует предложенным расчетам по локализации Кангюй и Яньцай. В принципе, если принять трактовку сообщения Птолемея о расположении алан-скифов и аланорсов на самом севере Скифии, то и в этом случае они оказываются далеко вне интересующих нас территорий.

Приведенные наблюдения однако могут оказаться и излишними. Дело в том, что исследователи давно обращали внимание на явную путаницу у Птолемея в вопросе размещения народов, что прямо касается его локализации аланов. Азиатским аланам-скифам в Европе соответствуют алауны-скифы. Причем, название последних явно искажено, возможно, за счет упоминавшегося названия кельтского народа алаунов, обитавшего в европейской Норике (Ptol. II, 14, 2), хотя дело может оказаться и не столь однозначным (Lebedynsky Ia. 2002, p. 59). Кстати, форма Αλαυνοι, вопреки утверждениям некоторых отдельных авторов (Перевалов С. М. 2002, с. 211), встречается только в описании Европейской Сарматии (Алемань А. 2003, с. 149), тогда как в Азиатской Скифии предстает в форме Αλανοι. Рядом с аланами-скифами и аланорсами отмечаются сюобены, сюэбы и тектосаки. Последние народы, бесспорно, являются европейскими свебами (Удальцов А. Д. 1946, с. 45) и тектосагами.

Многие исследователи сопоставляли птолемеевых робосков с его же европейскими борусками (Ptol. III, 5, 22), находя кавказские соответствия для асманов, паниардов, канодипсов и кораксов. Известны и другие примеры перемещения Птолемеем сведений с запада на восток (Ере-

мян С.Т. 1970, с. 402, 403). В таких сообщениях логичнее усматривать не отражение миграций, а географическую аберрацию. Заметим, что и для азиатских аланов Птолемея находили соответствия в его же оринях и оранах Плиния (Plin. NH. VI, 21) к западу от Волги (Herrmann A. 1920, col. 2134-2138).

Поэтому не исключено, что мы имеем дело с прямой интерполяцией Птолемеем сведений о европейских народах в контекст описания Азиатской Скифии, который мог быть произведен за счет использования представлений Посидония о народах самого северного кельтоскифского пояса. В результате тектосаги, свебы и аланы как самые северные народы у Посидония были помещены Птолемеем у самого полярного круга. Их появление в Скифии также могло отражать применение данного названия для Восточной Европы (Щеглов Д.А. 2002, с. 350-352). К данному переносу могут иметь отношения и названия Сюэбских и Аланских гор, последние из которых также дублируют название гор в Восточной Европе. Причем, там они осмысливаются как далекая **северная граница** Сарматии (Шелов-Коведяев В. 1976, с. 63-65), что может прямо соотноситься с представлениями о крайнем северном расположении алан-скифов и аланорсов в Азии. Показательно, что Маркиан Гераклеяский, отмечающий алан-сарматов, помещает в Аланских горах (Marc. Perip. II, 39) истоки р. Рудона, координаты которой (Ptol. III, 5, 1) позволяют идентифицировать ее с р. Неман, т. е. они вновь оказываются далеко на севере. О переносе европейских сведений на азиатские могла бы свидетельствовать и греко-римская традиция искусственного конструирования составных этнонимов.

Если же попытаться все-таки осмыслить появление сведений Птолемея об аланых-скифах и аланорсах как от-

ражение каких-то реалий, то, несколько забегая вперед, необходимо отметить следующее. По данным китайских источников, сведения о Яньцай-Алань проявляют определенную связь данного образования с такими образованиями как Янь и Лю. Археологические данные позволяют говорить о появлении со 2-й пол. II в. до н. э. на территории Яньцай юэчжей, пришедших из Центральной Азии. Зауральские же степи превращаются в места летних кочевий юэчжей, центрами объединений которых служили районы Приаралья, Средней и Нижней Сыр-Дарьи. Во II в. н. э. зауральские степи получают новый толчок в своей истории за счет появления здесь носителей, так называемой, позднесарматской культуры, связанных с центральноазиатским регионом. Аналогичные события происходят и в Южном Приуралье (Любчанский И.Э., Таиров А.Д. 1995, с. 72-73; Яблонский Л.Т. 1998а, с. 104-105; Иванов В.А., Любчанский И.Э. 2001, с. 85). Тогда, возможно, именно появление центральноазиатских мигрантов и послужило основой для сведений об аланах-скифах и аланорсах на далеком азиатском севере.

Подводя итог рассмотрению вопроса о географической локализации Яньцай и этнической принадлежности его населения, следует сказать следующее. Данное государство располагалось непосредственно к востоку от Аральского моря. Его население не имело никакого отношения ни к сарматам, ни к аорсам, в частности. Исходя из данных письменных источников, следует полагать, что его население было представлено частью кочевого населения, которое, в целом, определялось письменными источниками как саки.

Сведения китайских источников позволили полагать и присутствие в определенное время аланов к востоку от Арала. К сожалению, европейские источники не дают

нам достаточно надежной информации. Упоминание аланов, аланорсов и Аланских гор у Птолемея, как мы видели, должно вызывать к себе настороженное отношение. Работа Птолемея впоследствии была достаточно активно использована арабскими авторами. Выше упоминалось, например, что ал-Хваризми, основываясь на данных Птолемея, указывал г. Алан на востоке (Калинина Т.М. 1988, с. 96). Ал-Идриси называл несколько аланских городов в Восточном Причерноморье, чьи названия сопоставимы с названиями гор у ал-Хваризми и Птолемея в «*Scythia intra Imaum Montem*», предполагая использование одной из карт какой-то обработки сочинения последнего. Среди них упоминается и древний г. ал-Ланийа, дескать, послуживший источником для названия аланов (Бейлис В.М. 1984, с. 209-216). Вероятно, г. Алан ал-Хваризми и г. ал-Ланийа ал-Идриси выступает на месте восточных Аланских гор Птолемея.

Вместе с тем, интересно, что средневековые арабские источники, во многом основывающиеся на сведениях Птолемея, помещали аланов с запада именно до Таласа и Семиречья (Калинина Т.М. 1988, с. 137). В данной связи следует заметить, что Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 14, 61*) поселяет вокруг Имавских и Аппурийских гор (Тянь-Шань и хребет Каратау — Киргизский хребет) народы, входившие в «персидские границы», которые отмечаются практически по материалам Птолемея. Именно на оконечности этих гор Аммиан Марцеллин и помещал место соприкосновения народов с крайними пределами аланов. В другой раз Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 16*) утверждал, что аланы на востоке были среди народов, чьи земли доходили, как он узнал, до р. Ганг. Обычно исследователи видят в данном пассаже отражение сведений о Кушании, которая захва-

тила северо-восточные районы Индии. Однако вполне корректным представляется решение, что на самом деле под Гангом следует подразумевать Канг, т. е. Сыр-Дарью (Пьянков И. В. 2002, с. 228).

В латинской версии греческой повести Псевдо-Каллисфена (*Ps.-Call. Vita Alex.* 39, 7), составленной Юлием Валерием (*Jul.Val. Epit.* 2), среди народов Востока, внося изменения в оригинал, включаются скифы, аланы, оксидраконты, серы. Несомненно, упоминание аланов, учитывая привязку данного перечисления ко временам Александра Македонского, представляет собой явный анахронизм. Причина такого положения нам неизвестна. Причем, такая привязка не являлась исключительной, что явствует из сообщения Орозия (*Oros. Adv. paganos.* VII, 34, 5). Но хронологическая неувязка не может препятствовать рассмотрению приведенной этнокарты как таковой. Аланы помещаются между скифами и оксидраконтами. Скифы здесь представляют известные нам закаспийские народы, а оксидраконты — оксидранков и окситаггов (*Ptol.* VI, 12, 4; *Plin. NH.* VI, 48), обитавших возле Оакса. Следовательно, аланы могут оказаться среди приаральских народов. Таким образом, у нас появляются некоторые основания помещать азиатских аланов по данным европейских источников примерно там же, где помещается Алань китайских.

ГЛАВА V. ЭПОХА ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ

(по данным письменных источников)

Само появление сведений о странах западных варваров, в том числе, и о Яньцай, в китайских источниках было изначально вызвано стремлением найти себе среди них союзников в борьбе с сюннами. Этот поиск имел и первого адресата в лице юэчжей, которые некогда жили возле ханьских границ и господствовали над сюннами, но затем, после долгих и кровопролитных войн, были изгнаны на запад своими бывшими подчиненными. Поскольку, как мы уже успели убедиться, многие вопросы по истории центральноазиатского региона, в том числе, и истории азиатских аланов, решаются в русле тех бурных событий, обратимся непосредственно к анализу имеющихся в нашем распоряжении сведений письменных источников.

Известно, что со II в. до н. э. степной пояс Евразии был охвачен интенсивными военно-миграционными процессами, которые прямо повлияли на изменения этнополитической обстановки не только в Центральной Азии, но и оказали свое влияние на историю кочевников Восточной Европы. Источник этих процессов, развивавшихся по «принципу домино», лежал на крайнем востоке расселения номадов. Как полагают некоторые исследователи (Haloun G. 1937, s. 316-317; Bailey H.W. 1937, p. 907; Enoki K. 1959a, p. 12; Pulleyblank E.G. 1966, p. 17-19, 29; 1995; Henning W.B. 1978, p. 223; Крюков М.В. 1988, с. 236; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1998, с. 172-173; 2005, с. 21-25; Liu X. 2001, p. 265; Narain A.K. 2000, p. 4-6; Yan Fu. 2009 и др.), в китайских источниках эти кочевники, известные под названием юэч-

жей, фиксируются, вероятно, уже в VII в. до н. э. или даже ранее. Впоследствии, после миграции на запад, они стали известны европейским авторам под названием тохаров, а после завоевания Греко-Бактрийского государства — кушан. Китайцы же, хотя им позднее также стало известно и наименование тохаров, сохраняли в своих исторических хрониках название юэчжей.

Следует, видимо, кратко остановиться на проблеме этнолингвистической идентификации юэчжей-тохаров, поскольку она нередко служит «камнем преткновения» в научных исследованиях, авторы которых изначально исходят из прямо противоположных представлений. Дело в том, что в Куче и Карашаре в начале XX в. были сделаны сенсационные открытия раннесредневековых документов на двух диалектах неизвестного индоевропейского языка (западная группа *centum*). На основании уйгурского колофона сочинения Майстрисимит Ф.В. К. Миллером, а следом за ним Э. Зигом и В. Зиглингом данный язык и получил названия «тохарского».

С одной стороны, данное заключение привело к сопоставлению выявленного названия языка с историческими тохарами-юэчжами, сыгравшими заметную роль в мировой истории, а с другой — сподвигло ученых поднять вопрос о «индоевропейской прародине» и о весьма древнем расселении индоевропейцев на далеком востоке азиатского региона. В результате западноевропейские исследователи получали в свое распоряжение «ожившую» историю носителей индоевропейского языка группы *centum* (в нее входят хеттский, италийские, кельтские, германские, греческий, «тохарский»), которая значительно расширяла на восток горизонты истоков европейской цивилизации.

К сожалению, подобное положение вплоть до последнего времени получает свою фиксацию и в отечественных

научных изданиях (Камболов Т.Т. 2006, с. 25; Берлизов Н.Е. 2011, с. 40). Однако именно отечественным исследователям принадлежит и приоритет оперативного вскрытия ошибки в приписывании названия «тохарский» вновь открытому индоевропейскому языку (Фрейман А.А. 1952, с. 123-135; Краузе В. 1959, с. 44, 46). Данное заключение разделяется и рядом зарубежных специалистов. Вместе с тем, заложенная индоевропейская идея о происхождении тохаров-юэчжей породила обширное исследовательское направление, которое продолжает развиваться по сей день.

В его арсенале оказываются не только исследования проблемы о самой древней миграции индоевропейцев на восток (Бронников Н.А. 1914, с. 42-112; Pulleyblank E. G. 1966; Дьяконов И.М. 1989, с. 11; Семенов В.А. 1993, с. 25-29 и др.), находящие крайнее выражение в постулировании нахождения там самой индоевропейской прародины (Narain A.K. 1987; 2000). Им обусловлена и попытка распространения тохарского (индоевропейского) происхождения не только на юэчжей, но также на усуней, даваньцев и кангюйцев китайских источников (Haloun G. 1937, s. 254; Pulleyblank E.G. 1966). Нам же, прежде всего, следует отметить живучесть представлений о принадлежности тохаров-юэчжей к носителям индоевропейского языка группы centum (Lin Mei-cun. 1988, p. 91-95; Yu T. 2011, p. 12-16; Торланбаева К.У. 2011, с. 246).

Возможно, именно данное положение порождало осторожные высказывания других специалистов, например, об открытости вопроса о соотношении истории прототохаров с историей ираноязычных племен или о трудностях определения изначальной принадлежности имени тохаров ираноязычным кочевникам или прототохарам (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1989; Абаев В.И. 1965, с. 138; Иванов В.В. 1992, с. 6-31; Цзи Сянь-линь. 1959, с. 145;

Кадырбаев А. Ш. 2009). Дело в том, что в дополнение ко всем трудностям исследований неприложным оставался тот факт, что в процессе своей весьма дальней миграции на запад тохары-юэчжи проходили территории, населенные ираноязычными народами, представители которых включались в состав их объединения. В конечном итоге, им удалось обосноваться в Бактрии с ее многочисленным ираноязычным населением и создать там собственную Кушанскую империю. Поэтому теми же сторонниками идеи индоевропейского происхождения юэчжей-тохаров логично было полагать их иранизацию в ходе этих исторических событий.

Следует отметить, что еще в начальный период изучения вопроса об этнолингвистической принадлежности исторических юэчжей-тохаров, когда выдвигались различные гипотезы (Minns E. H. 1913, p. 110; Rawlinson H. G. 1912, p. 128; Klaproth J. 1826, p. 132, 287-289; Feist S. 1924, s. 31-33, 111-121 и др.), зародилось и наиболее аргументированное направление, доказывающее и признающее их ираноязычность (Laufer B. 1917; Bailey H. W. 1937, p. 883-921; 1953, p. 533-536; 1985, p. 110-142; Enoki K. 1959, p. 227-232; Абаев В. И. 1949, с. 82; 1956, с. 70; 1996а, с. 242; Кляшторный С. Г. 1964, с. 102, 109; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1985, с. 395; Коновалов П. Б. 1989, с. 70-73; Оранский И. М. 1988, с. 47; Кондратенко А. П. 1991, с. 6, 11, 13; Иванов В. В. 1992, с. 17; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 1992, с. 31-48; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 2005, с. 21-25; Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z. 1999, p. 174; Пьянков И. В. Tezcan M. 2002, p. 250-270 1995, с. 27; Piankov I. V. 2010, p. 103-104 и др.).

Обратимся непосредственно к сведениям письменных источников, повествующих о бурных событиях прошлого, внесших столь существенные изменения в историю кочевников центральноазиатского региона. Первопричи-

ной данных изменений стало создание на границах Хань мощного государства Сюнну (хунну), которое развило активную внешнеполитическую деятельность (разночтение «хунну» и «сюнну» связано с тем, что первый иероглиф названия пишется как «ху», а читается как «сю», т. е. «сюнну» представляет собой фонетическое воспроизведение графического «хунну»). Судя по всему, именно этот период служил точкой отсчета для восприятия собственной истории самими сюннами, соответственно с него начинают поступать и сведения в Хань, которая непосредственно столкнулась с новой угрозой со стороны северных варваров.

Согласно «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу» (ШЦ, 110, 123, ХШ, 94/1, 96/1, ХХШ, 118), некогда юэчжи, обитавшие в районе Ганьсу (Ковалев А. А. 2004, с. 262-263; Дибвойз Н. К. 2008, с. 67; Боровкова Л. А. 2005, с. 14-19, 31-32, 39-40; Dorneich Ch. M. 2010, p. 84), были сильным и процветающим народом, имевшим в своем распоряжении 100000 воинов, в то время как сюнну, обитавшие к востоку от них в одной из частей Ордоса, не представляли собой какой-либо опасности и даже находились в подчинении у юэчжей. Сами ханьцы рассматривали объединение юэчжей именно как государство (Кычанов Е. И. 1997, с. 38-39). Учитывая значительное число воинов юэчжей, дающее возможность на основании данных тех же ханьских источников определять общее число населения, примерно, в 500000, следует полагать, что юэчжийское объединение представляло собой родоплеменной союз с жесткой иерархией власти. Исследователи уже справедливо обращали внимание на то, что известные по письменным источникам племена, носящие единое название, на самом деле представляли собой именно родоплеменные объединения.

Шаньюй сюнну Тоумань, старшей женой которого была юэчжийка (Кадырбаев А. Ш. 2009), под давлением

империи Цинь около 220 г. до н. э. или в 215-214 гг. до н. э. вынужден был бежать на север и в течение 10 лет оставаться там. Видимо, воспользовавшись падением Цинь и наступившей эпохой внутреннего противостояния, завершившейся созданием империи Хань, Тоумань вернулся на прежние места проживания. Вскоре после возвращения Тоумань, желавший сделать своим наследником младшего сына, отправил своего старшего сына Маодуня в заложники к юэчжам. Затем он совершил нападение на юэчжей, рассчитывая на расправу с заложником. Однако Маодунь сумел бежать, и восхищенный такой смелостью отец даже передал под его начало 10000 воинов. В конечном итоге, Маодунь убил отца и сам стал шаньюем. Он нанес поражение своим восточным соседям дунху, а затем и западным — юэчжам. Вероятно, эти события произошли в промежутке 206-202 гг. до н. э. Вскоре Маодунь объединил под своим началом многие окружающие варварские народы, и его армия стала наиболее мощной и опасной не только для других варваров, но и для Хань.

В конечном итоге, сюнну и Хань сумели нормализовать свои взаимоотношения на основании договора о мире и родстве. Но в 177 г. до н. э. правитель западными землями сюнну, спровоцированный поведением ханьцев, совершил набег на ханьские земли. В наказание за это, как сообщал Маодунь в письме императору, нарушитель договора, в войско которого были включены и ранее покоренные северные кочевники, был послан на запад, чтобы найти и напасть на юэчжей. Сюнну нанесли тяжелое поражение юэчжам, многие из которых были убиты или сдались в плен. Сюнны установили свое господство и в других владениях, в том числе у усуней, которые проживали на одних землях с юэчжами.

Некоторые исследователи даже полагали, что подчинившиеся сюнну народы ранее находились под властью юэчжей (Енокі К. 1959, р. 229). Последний раз Маодунь упоминается в китайских хрониках в 174 г. до н. э., видимо, вскоре умирая. На престол взошел его сын Цзиюй под именем Лаошан-шаньюя. Именно в годы его правления (он умер в 162 или 158 гг. до н. э.) сюнну наносят окончательное поражение юэчжам. Но некоторые другие сведения позволяют полагать (Боровкова Л. А. 2001, с. 60), что разгром юэчжей состоялся около 167 г. до н. э. Из черепа погибшего правителя юэчжей Кидолу Лаошан делает себе чашу. Ханьцы узнают о расселении сюнну на бывших землях юэчжей в Ганьсу только в 121 г. до н. э., когда выбьют оттуда сюнну.

Таким образом, долгое кровопролитное противостояние сюнну и юэчжей закончилось окончательным разгромом последних. Основная масса юэчжей навсегда покидает свои родные земли и, стремясь оторваться от сюнну, уходит на запад. Как считали некоторые исследователи, к такому исходу их подталкивали и начавшиеся песчаные заносы (Бронников Н. А. 1914, с. 108). Последнее предположение не подтверждается источниками, поскольку сюнну, заняв юэчжийские земли, долго прославляли этот благодатный край. Ушедшие на запад юэчжи получили в китайских источниках название да-юэчжи, т. е. «большие юэчжи». Та небольшая часть, которая не смогла последовать за своими соплеменниками и осталась, получила название хяо-юэчжи, т. е. «малые юэчжи». Они перешли во владения цянов (тибетцы, район Кара-нор). Какая-то часть юэчжей осталась на своих местах, будучи включенной в объединение хуннов.

Поселения юэчжей, непосредственно находившиеся на захваченных сюнну землях, упоминаются в рассказе о пу-

тешествии Чжан Цяна на запад (ШЦ, 123) в 139-126 гг. до н. э. Представители юэчжей переселялись и в Хань. Их потомком мог быть, например, знаменитый ханьский генерал Хо Цюйбин (Кравцова М. Е. 2004, с. 95-100), который в 121 г. до н. э. нанес поражение суннам именно в Ганьсу, т. е. на бывшей родине своих предков. Именно сюда Хань тогда предложила вернуться усуням, некогда обитавшим здесь вместе с юэчжами. Интересно, что потерпевшие поражение и перешедшие затем со своими подчиненными в 121 г. до н. э. на сторону Хань князья Хунье и Сюту, по мнению исследователей, были этническими юэчжами (Зуев Ю. А. 2002, с. 28-29). В таком случае, в их подчинении могли находиться именно их соплеменники.

Упоминания о потомках малых юэчжей сохраняются в письменных источниках вплоть до X в. н. э. (Перих Ю. Н. 1963, с. 121). Позднее, вероятно, на родину предков возвращались и потомки ушедших юэчжей (Yan Fu. 2009). Да-юэчжи, достигнув района Семиречья, нанесли поражение правителю саков (Sai-wang), обитавших здесь, и вынудили их уйти на юг. Но значительная часть саков осталась на своих местах, как нередко случалось в истории кочевников, войдя в состав образовавшегося нового родоплеменного объединения.

Некоторые исследователи полагали (Herrmann A. 1914, col. 1770-1806), что именно к данному периоду и региону относится упоминание Ταϋουραϊοι Птолемея (Ptol. VI, 14, 7-14). Данное упоминание Птолемея, как и упоминание им гор Ταϋουρον орос и города Τοϋαρα πολιο, приурочивают к крайнему восточному региону торгового пути в Ганьсу, а город Τοϋαρα πολιο идентифицируют со столицей юэчжей Чжаову, г. Ганьчжоу (Перих Ю. Н. 1963, с. 121; Dorneich Ch. M. 2010, p. 71). Эта далекая восточная локализация тохаров известна и другим европейским письменным источникам:

Thocari (Plin. VI, 22; Avien. 933-935), Τοχοροι (Dionys. Perieg. 753).

Однако юэчжам не удалось превратить захваченные земли в свою новую родину. Видимо, с упоминавшимися выше событиями 177 г. до н. э., когда сюнны подчинили себе и Усунь, связана дальнейшая история юэчжей. Ее описание сохранилось в «Ши цзи» и «Хань шу», которые представляют несколько разнящиеся сведения (Yu T. 2006, p. 10, 17, n. 19; Dorneich Ch. M. 2010, p. 84-85). Согласно «Ши цзи» (ШЦ, 123), некогда сюнну напали на маленькое царство Усунь и убили его правителя-куньми. Чудесным образом спасшийся новорожденный сын убитого правителя был взят на воспитание шаньюем сюнну. Когда он возмужал, то стал успешно командовать войсками. Шаньюй вернул ему управление над усунями, приказав возглавить защиту западных городов, и куньми, тренируя несколько десятков тысяч своих воинов для наступательного боя, вел нападения на соседние мелкие народы. После смерти шаньюя куньми повел свой народ в дальнейшее переселение, где вступил на престол и, усилившись и получив зависимое население, перестал подчиняться сюнну. Сюнну послали против него отборное войско, но не смогли добиться успеха, что окончательно укрепило независимость усуней.

Согласно «Хань шу» (ХШ, 61), правителя-куньми усуней Наньдоуми убили юэчжи. Чудом спасшийся его новорожденный наследник был взят на воспитание шаньюем сюнну. Когда он возмужал, то ему вернули управление над усунями, и куньми успешно командовал войсками. Во время обоснования юэчжей в Семиречье он был уже в силе и испросил разрешения у шаньюя отомстить юэчжам за смерть отца. Куньми разгромил юэчжей, подчинив их часть себе, и остался жить в Семиречье. Среди его подчиненных оказались части юэчжей и саков. Войско его понемногу усили-

лось. После смерти шаньюя куньми отказался подчиняться сюнну, а после неудачной военной попытки сюнну вернуть его в подданство обрел окончательную независимость. Юэчжи были вынуждены вновь уходить на запад.

Ориентируясь на время смерти шаньюя сюнну (162 или 158 гг. до н. э.), что вполне оправдывает необходимый срок для возмужания рожденного около 177 г. до н. э. наследника куньми, следует полагать, что юэчжи, изгнанные из Ганьсу около 167 г. до н. э., оставались в Семиречье не столь продолжительное время (из последних работ, определяющих иную хронологию событий, смотри: Yu T. 2006, p. 3-13). Обращает на себя внимание тот факт, что именно после обоснования в Семиречье усуньский куньми, подчинив часть юэчжей, обретает зависимое население, коронует, а его войско усиливается. Если мы вспомним, что до этого сами юэчжи инкорпорировали в свой состав значительную часть прежнего сакского населения, то теперь в состав усуней должны были быть включены части юэчжей и саков. Таким образом, усуньский куньми, еще во время подчинения сюнну вернувший себе власть над собственным народом, теперь взошел на престол в качестве правителя нового усуньско-юэчжийско-сакского родоплеменного объединения, что незамедлительно отразилось на военном потенциале нового образования, оказавшегося способным успешно противостоять самим сюнну. Некогда маленькое царство Усунь на новом месте превратилось в мощное кочевое объединение.

Значительное число исследователей датирует исход юэчжей из Семиречья 139 г. до н. э., ориентируясь на сообщения источников о путешествии Чжан Цяня к юэчжам и о смерти шаньюя сюнну Цзюньчэня, наследовавшего власть после Лаошан-шаньюя. Однако Цзюньчэнь-шаньюй скончался в год возвращения Чжан Цяня, т. е. в 126 г. до н. э. Про-

веденный анализ сообщений источников Л. А. Боровковой аргументировано свидетельствует в пользу ориентира на время смерти Лаошань-шаньюя (Боровкова Л. А. 2001; смотри из последних работ: Yan Fu. 2009; Dorneich Ch. M. 2010, p. 1-23).

Чжан Цянь мог узнать историю изгнания юэчжей из Семиречья усунями только в период своего первого пленения сюннами в самом начале своего путешествия. Усуньский куньми, переселившийся в Семиречье, объявил о своей независимости, узнав о смерти шаньюя сюнну. Затем сюнны пытались вернуть его в подчинение силами отборного войска, а после неудачи больше не предпринимали такие попытки. Таким образом, возможность рассказа о тех событиях, даже только для определения о больше не предпринимавшихся попытках вернуть в подчинение усуней, свидетельствует о том, что те события произошли гораздо раньше. Чжан Цянь не мог это узнать только во время своего второго пленения сюннами на обратном пути, т. к. в этот год, воспользовавшись сумятицей у суннов, вызванной смертью их шаньюя, он сразу бежал. Поэтому шаньюем, скончавшимся при объявлении усунями своей независимости в Семиречье, мог быть только Маодунь. А в 139 г. до н. э. его наследнику Лаошан-шаньюю еще было далеко до кончины.

В источниках постоянно подчеркивается, что усуньский куньми уже возмужал ко времени своего похода на юэчжей, что, прежде всего, подчеркивает его молодость. Но куньми явно родился до 177 г. до н. э., когда Усунь была подчинена сюннами. К 139 г. н. э. тогда ему было около 40 лет, что по меркам того времени должно было рассматриваться уже как зрелый, даже пожилой возраст. Интересно, что Чжан Цянь ничего не знал о прошлой борьбе в Семиречье юэчжей с саками. Причиной такой потери информации,

кроме непосещения ханьским послом Усунь в Семиречье, могла служить именно отдаленность событий от времени деятельности Чжан Цяня. Если бы события происходили непосредственно в преддверии или в начале путешествия Чжан Цяня, они бы выступили в неразрывной связи (переселение юэчжей в Семиречье и изгнание ими оттуда саков — переселение усуней в Семиречье и изгнание оттуда ими юэчжей).

Кроме того, данный объем информации мог быть результатом именно того, что усунь бросились в Семиречье именно вскоре после переселения туда юэчжей, когда сюнны знали только об уходе юэчжей в данный регион, но не знали подробностей истории освоения ими этого региона (ШЦ, 123), которые, в связи с рассказом о столкновении усуней с юэчжами в Семиречье, появятся только в «Хань шу» (ХШ, 61). Такая форма информации и была законсервирована в истории об уходе усуней из-под власти сюнну. Именно скоротечность событий в истории юэчжей в Семиречье объясняет сообщения «Ши цзи», что юэчжи после разгрома сюннами сразу проходят за Фергану (Давань) и расселяются к северу от Дася (Греко-Бактрия).

Рассказ же Чжан Цяня о современном ему положении в Усунь (~117 г. до н. э.) описывает куньми усуней старым, имевшим 10 самостоятельных сыновей, у старшего из которых уже был свой взрослый сын-наследник Цзюньсюйми, ставший куньми после ранней смерти своего отца, а царство разделенным на части. Данное положение в царстве вполне объяснимо, если точка отсчета освоения усунями Семиречья лежит ~160 г. до н. э., но нереальна, если помещается ~139 г. до н. э. Следует полагать, что основателем Усуньского царства в Семиречье был куньми Лецяоми, скончавшийся в глубокой старости (ХШ, 96/2), примерно, на рубеже II-I вв. до н. э.

Несомненно, крайне тяжелая полоса в жизни юэчжей (долгие кровопролитные войны с суннами, тяжелая и дальняя миграция в Семиречье, боевое столкновение в Семиречье с саками) неминуемо должно было сказаться на ослаблении их военного потенциала. Кроме того, не только людские потери и земельные утраты, тяжелые миграции и напряжение психо-физических сил могли вести к тому. Серьезные потрясения коснулись и царской семьи юэчжей. В 167 г. до н. э. погибает их правитель от рук шаньюя сунну, и юэчжи окончательно покидают свою родину в Ганьсу (ХШ, 96/1). Во главе юэчжей оказывается сын погибшего правителя (ШЦ, 123).

Вместе с тем, переводчики текстов «Ши цзи» и «Хань шу» столкнулись с некоторыми трудностями. Отмечалось, что существуют и варианты чтения «супруга» (Толстов С.П. 1948, с. 326; Zürcher E. 1968, p. 359; Hulsewe A. F. P., Loewe M. A. N. 1979, p. 208; Narain A. K. 2000, p. 33-34; Yu T. 2006, p. 16, n. 9; Dorneich Ch. M. 2010, p. 23), т. е. после гибели юэчжийского правителя народ возглавила его вдова. Впоследствии Сюй Сун указывал, что, согласно «Чжан Цяньчжуань», усуньский куньми также убил юэчжийского правителя. Следовательно, могли быть уничтожены представители сразу двух поколений юэчжийских правителей. Согласно «Чжан Цяньчжуань», юэчжей, уходящих из Семиречья на запад, повела вдова погибшего правителя.

О данном факте упоминали в комментарии Цзи-цзйе («Пояснения») Пэй Иня и в справке в «Хань шу» в «Повествовании о Чжан Цяне» (Кюннер В. Н. 1961, с. 75, 103). Таким образом, китайские источники дают нам два варианта развития юэчжийской истории. По первому, на протяжении всей миграции на запад во главе юэчжей находилась вдова убитого сунну правителя. По второму, она возглавила свой народ после гибели второго юэчжийского правителя

от рук усуней. Данная вариативность напоминает таковую и по вопросу о гибели усуньского куньми от рук сюнну или юэчжей (Зуев Ю. А. 2002, с. 10-32; Боровкова Л. А. 2005, с. 42-46).

Ориентиром для дальнейшего продвижения служит Давань (Фергана). Однако среди исследователей существуют некоторые разногласия в восприятии данного ориентира. Одни из них переводят интересующий отрывок в «Ши цзи» (ШЦ, 123) как «прошли через Давань и на запад от этой страны» (Zürcher E. 1968, p. 360; Крюков М. В. 1988, с. 238), другие как «продвинулись дальше на запад, за Давань» (Watson B. 1961, p. 268; Dorneich Ch. M. 2010, p. 21). Также разнятся переводы и «Хань шу» (ХШ, 96/1), говорящие о проходе юэчжей через Давань или о проходе мимо Давани, что во втором случае привело к утверждению о недопущении юэчжей даваньцами на свою территорию (Боровкова Л. А. 2001, с. 113, 164; 2005, с. 32-33, 50, 58).

Согласно «Ши цзи» (ШЦ, 123), юэчжи нанесли удар по Дася (Греко-Бактрия), но потерпели поражение и подчинились ей, поселившись к северу от р. Гуйшуй, где основали ставку правителя (Кюннер В. Н. 1961, с. 110; Боровкова Л. А. 2001, с. 101; 2005, с. 23-36, 73-74; Попов А. А. 2008, с. 92-95). Данный уточненный перевод исправляет другую интерпретацию, что юэчжи захватили Дася (Бичурин Н. Я. 1950, с. 103; Zürcher E. 1968, p. 361; Крюков М. В. 1988, с. 361). Судя по всему, юэчжи, истощенные многолетними войнами и переселениями (за срок, не превышающий продолжительность жизни одного поколения, они прошли около 4000 км, с женами, детьми, стариками, всем имуществом и стадами), соответственно терявшие свое население, воинов и самих правителей, оказались не в силах захватить для мест нового проживания богатую Греко-Бактрию. Возможно, к данному положению

относится более позднее сообщение Аммиана Марцелина, что среди многих подчинявшихся бактрийцам народов первыми являлись тохары (Amm. Marc. XXIII. 6, 57), которые ранее, по Птолею (Ptol. VII, 11), проживали в Бактриане среди прочих народов. Как указывалось выше, традиционное отождествление р. Гуйшуй с р. Сыр-Дарья в данном случае представляется сомнительным. Более вероятным следует полагать, что юэчжи после неудачной атаки на Греко-Бактрию поселились в долинах рр. Зеравшан или Кашкадарья. Подтверждением тому может служить то же указание источника (ШЦ, 123), что к р. Гуйшуй прилежит и государство Аньси, т. е. Парфия.

Интересно, что в «Ши цзи» (ШЦ, 123) также утверждается, что Кангюй на юге признавал номинальную власть юэчжей (Watson B. 1961, p. 234) или подчинялся юэчжам (Zürcher E. 1968, p. 360). В то же время мы не имеем прямого указания на расположение юэчжей непосредственно на территории Кангюй. Видимо, здесь следует обратить внимание на некоторые данные европейских источников. Как было отмечено выше, центр сакского царства Кангюй располагался где-то в районе среднего течения Сыр-Дарьи. Определение же его южной границы относительно данной реки может быть связано со следующими сведениями. Персидские и европейские письменные источники указывают на то, что Сыр-Дарья служила границей между саками или скифами и Согдом, соответственно по правобережью для первых и по левобережью для второго. В то же время письменные источники сохранили и сведения об обитании саков со стороны левобережья, к югу от Сыр-Дарьи, т. е. на согдийской территории. Ко времени Александра Македонского восходят и сведения об открытости левобережных территорий для перехода на них кочевников из-за Сыр-Дарьи (Щеглов Д. А. 2003, с. 196-199).

Исходя из этих данных, можно полагать, что появление и расселение юэчжей возле Зеравшана, которое признается и некоторыми зарубежными исследователями (Benjamin C.G. R. 2003), т. е. в географическом районе Согда, где, видимо, обитали и сакские группировки, и который входил, как минимум, в зону интересов Кангюй, и определили сложение отмеченных в китайских источниках отношений между юэчжами и кангюйцами. Именно в Согде помещает тохаров Птолемей (Ptol. VI, 12, 4) и карта Певтенгера (TP. Segm. XI, 5), а Плиний — Arsi (Plin. NH. VI, 48, 3) (с какими-то другими событиями могло бы быть как-то связано упоминание (Anon. Raven. II, 8) провинции Tosarion в Гиркании).

Следует подчеркнуть, что юэчжи могли расселиться именно в Согде, а не в Кангюй. Данное замечание относится к утверждениям некоторых ученых, что Кангюй и был Согдом или юэчжи расселились на правом берегу Сыр-Дарьи, а не Зеравшана. Но, более вероятно, что впоследствии Согд был закреплен как одно из подчиненных Кангюй владений. Расселение юэчжей на территории Согда напоминает и давно высказывавшееся решение, что в 160-159 г. до н. э. юэчжи способствовали отпадению в результате военного противостояния (Just. XLI, 6, 3) от Греко-Бактрии Согдианы (Charpentier J. 1917, s. 350). Кроме того, расселение юэчжей за Сыр-Дарьей на территории Кангюй предопределило бы их пограничное положение по отношению к Согду, а не Греко-Бактрии. Некоторые исследователи полагали, что саки появились в Согде вслед за юэчжами (Marquart J. 1901, s. 205; McGovern W. M. 1939, p. 134), хотя приведенные выше наблюдения свидетельствуют о присутствии сакских группировок там и до появления юэчжей.

На основании указанных сведений мы можем полагать, что ослабленные долгими и тяжелыми потрясениями

юэчжи предприняли попытку овладения Греко-Бактрией. Но их максимальным успехом могло бы быть только отторжение от той Согдианы. Это, с одной стороны, и могло привести к признанию, по крайней мере, номинального вассалитета от юэжей со стороны кангюйцев, а, с другой стороны, такого же номинального вассалитета юэжжей со стороны Греко-Бактрии. Во втором случае речь могла идти о взаимных уступках, когда Греко-Бактрия соглашалась с частичной потерей некоторых своих территорий в обмен на прекращение боевых действий, а юэчжи, наконец, получали на некоторых формальных условиях столь долгожданные и пригодные для их жизни земли.

Кроме того, Греко-Бактрия, которая при Евкратиде I (~170-145 г. до н. э.) воевала с парфянским царем Митридатом I (171-138 гг. до н. э.), как справедливо отмечают исследователи (Боровкова Л.А. 2001, с. 114), вполне могла рассчитывать за счет расселения юэжжей на своих северных границах получить надежный буфер против набегов других кочевников и боевых действий Парфии. Но, видимо, вскоре после смерти бактрийского правителя, усилившего свое присутствие в Согдиане в последние годы своего правления, кочевники, располагавшиеся в Согдиане, открыли новый этап своих боевых действий. Они наносят удары по Мараканде и Ай-Ханум. Эти удары исследователи связывают с саками, повторный же удар по Ай-Ханум, произошедший через несколько лет, связывают с юэжжами (Liu X. 2001, p. 266; Rapin C. 2007, p. 48, 50; Dorneich Ch. M. 2010, p. 39).

Именно в таком состоянии и мог застать юэжжей возле Зеравшана ханьский посланник Чжан Цянь. Как полагают исследователи, он прибыл к ним в 129-128 или не ранее 125 г. до н. э., начав свое путешествие, затянувшееся из-за пленения его сюннами, в 139-138 или 136 г. до н. э. Юэчжи

отказались мстить и заключать союз с Хань против сюнну, что объяснялось их удовлетворенностью своей жизнью на богатых, редко подвергавшихся нападениям землях, стремлением к миру и благополучию, что вполне понятно с точки зрения их предшествующей истории и устоявшимися договорными отношениями с Кангюй и Греко-Бактрией.

Интересы юэчжей теперь были сосредоточены на новой родине и в новом регионе, и проблемы далекой Хань их не интересовали. Кроме того, исследователи вполне обоснованно обратили внимание на тот факт, что после неудачной попытки заключить договор непосредственно с юэчжами Чжан Цянь отправился в Греко-Бактрию, где также не смог добиться решения о заключении договора с юэчжами. Такое обращение за решением ханьских проблем к Греко-Бактрии подтверждает как вассальную зависимость от нее юэчжей (Боровкова Л. А. 2001, с. 96-97), так и номинальный характер такой зависимости.

Однако очень скоро ситуация начинает меняться, и юэчжи переходят к активной внешней военно-политической деятельности. В 128 г. до н. э. парфянский царь Фраат II (138-128 гг. до н. э.) в ходе своего противостояния с сирийским царем Антиохом VII вызвал к себе неких «скифов». Но к моменту прибытия тех военные действия были закончены, и Фраат II отказался платить «скифам», за что был убит ими. Не исключено, что под именем «скифов» источник (Just. XLII, 1, 2-5) обобщенно подразумевал кочевников. Но высказывалось и мнение, что под «скифами» могли подразумеваться конкретно тохары (Junge J. 1939, s. 101). Напряжение в отношениях Парфии и кочевников нарастало и далее. Преемник Фраата II Артабан I уже выплачиваетномадам дань, а в 124 г. до н. э. (Бикерман Э. 1975, с. 197) он был ранен тохарами (Thogarii) и умер (Just. XLII, 2, 1-2). Скорее, оба правителя, действительно столкнулись

с тохарами, а не с саками (Дибвойз Н.К. 2008, с. 69). Только сыну последнего Митридату II Великому (123-88 гг. до н. э.) удалось справиться с нависшей угрозой (Narain A.K. 1962, p. 134).

Вполне вероятно, что именно в такой ситуации, как отмечается в «Хань шу», юэчжи переселились в Греко-Бактрию, и все владения этой страны подчинились им (ХШ, 96/1). В последнее время отечественные специалисты обратили внимание на тот факт, что переселение юэчжей и покорение Греко-Бактрии в трактовке источника воспринимается как носящее мирный характер явление. Объяснение тому усматривают в ослабленном и раздробленном состоянии Греко-Бактрии, а также в ее опасениях угрозы со стороны Парфии, окрепшей при Митридате II Великом (Боровкова Л.А. 2001, с. 167-168; Пилипко В.Н. 2003, с. 125-126). Такое решение было сформулировано и зарубежными исследователями (Narain A.K. 1962, 2000), представляясь вполне приемлемым. Возможно, к такому развитию событий следует отнести упоминаемые исследователями сведения кашмирской хроники «Раджатарангини», что в Бактрии народ был слабым и потому предпочел не вступать в бой, а подчиниться юэчжам (Аради Е. 2013, с. 371).

Действительно, протекавшие в регионе военно-политические события, в центре которых находились Парфия и Греко-Бактрия, дают определенные основания для такого решения. В период правления греко-бактрийского царя Евкратиды I страна изнурялась как внутренними противостояниями, так и войнами с другими странами. Как уже упоминалось, тогда происходит отпадение от Греко-Бактрии Согдианы. Она теряет и другие свои сатрапии. Впоследствии в долинах Кабула и Инда возникают отдельные маленькие царства, приходит в упадок власть царства и на ее северных территориях. Евкратид I был убит собствен-

ным сыном, и, согласно нумизматическим данным, после этого в Греко-Бактрии правило около 20 царей. Именно данное состояние царства и могло позволить юэчжам освоиться в Согдиане, достигнув определенных формальных отношений с Греко-Бактрией.

Тяжелое положение Греко-Бактрии во многом определялось нарастающей мощью военного давления со стороны Парфии при Митридате I. Парфяне отторгают у Греко-Бактрии часть территорий. Зачастую Митридат I прибегает в своих действиях против Греко-Бактрии к союзу с кочевниками. Так, в результате покорения Дрангианы на ее территории расселяются саки (Сакамена). Около 145 г. до н. э., как отмечалось, кочевники громят Ай-Ханум (Литвинский Б. А., Седов А. В. 1984, с. 127; Пичикян И. Р. 1991, с. 231; Rapin С. 2007, р. 50).

Но при преемниках Митридата I, Фраате II и Артабане I, уже сама Парфия приходит в упадок, подвергаясь ударам со стороны кочевников. Ситуацию удалось переломить только Митридату II Великому. Но и в его действиях ощущается стремление минимизировать угрозу со стороны кочевников. Например, он переходит от политики непосредственного включения захваченных территорий в свою империю к политике признания союзнических государств под его верховным правлением. Это, в первую очередь, касается сакских владений в Дрангиане, Арахозии и Гандхаре. Возможно, парфянам удастся распространить свою власть и на некоторые западные территории Греко-Бактрии (Strabo. XI, IX, 2), например, упоминавшуюся Маргиану, как полагают (Tarn W.W. 1951, р. 45), между 124 и 115 гг. до н. э.

Таким образом, различные кочевнические группировки, располагавшиеся к северу и северо-востоку от Парфии и Греко-Бактрии, имели достаточный опыт во внешних военно-политических отношениях с указанными царствами.

Их давлению, кроме осознания возможности получения богатой добычи, могли способствовать процессы ослабления этих государств. С другой стороны, активное отторжение Парфией земель Греко-Бактрии могло не только дополнительно будоражить кочевников в их стремлении к добыче, но вызвать определенные опасения и противодействия. В первую очередь, это касалось юэчжей. Они обрели долгожданный покой на богатых землях к северу от Греко-Бактрии, достигнув с ней вполне приемлемых и необременительных отношений. Теперь угроза с запада, со стороны Парфии, могла сулить ухудшение положения не только Греко-Бактрии, но и им. Поэтому, юэджи активно включаются в противоборство с парфянами и, в конечном итоге, без всякого сопротивления занимают оставшиеся Греко-Бактрийские владения.

Мирное переселение юэжей могло быть обеспечено не только слабостью Греко-Бактрии, но расчетом той на получение мощного военного вливания сил кочевников, которые могли способствовать противодействию Парфии. Долгие же мирные отношения с юэчками, видимо, приведшие к хорошему взаимопониманию и взаимоадаптации, делали такой выбор для Греко-Бактрии гораздо менее потрясающим, чем угроза завоевания Парфией. Кроме того, перспектива смены греческого господства на господство ираноязычных, т. е. родственных в этнокультурном плане основному населению царства, кочевников также могла играть свою положительную роль.

С другой стороны, это позволяло бы и противопоставить объединению сил Парфии с кочевниками собственное объединение с кочевниками. В то же время в лице юэчжей население государства находило противовес парфянским правителям Аршакидам, которые являлись выходцами из среды кочевников-даев и, используя родственные связи,

могли рассчитывать на помощь определенных кочевнических группировок. Юэчжи же обеспечивали солидный противовес неродственным им Аршакидами.

Согласно последним расчетам, переселение юэчжей в Греко-Бактрию и установление там их власти, видимо, при удержании и прежних территорий к северу от государства, произошло где-то на рубеже 100-99 гг. до н. э. (Боровкова Л. А. 2001, с. 167), хотя предлагается и более поздняя датировка (Narain A. K. 2000, p. 39). По сообщениям «Хань шу» и «Хоу Хань шу», переселившиеся в Греко-Бактрию юэчжи разделились там на 5 владений, подчинявшихся единому правителю (ХШ, 96/1, ХХШ, 118). Исследователи до сих пор спорят о том, было ли это делом рук собственно юэчжей или разделение произошло на основе других скифских кланов или на основе уже существовавшего в государстве до их прихода административного деления страны. Для нашего исследования данный вопрос пока не столь важен. Лишь отметим, что фактическое сохранение раздробленности государства могло подтвердить правильность его выбора в пользу юэчжей, которые, видимо, не внесли сколь-нибудь новых и болезненных изменений в его жизнь.

Сведения китайских источников о том, что еще в Семиречье в состав юэчжей были включены саки, позволяют полагать, что данная, как минимум, двухсоставная конфедерация кочевников, возможно, имевшая к тому времени уже и потомков от смешения юэчжей и саков, и стала новыми хозяевами греко-бактрийских земель. Кроме того, известные действия центральноазиатских саков на северном направлении и сложившиеся тесные отношения юэчжей и кангюйцев не исключают, а, возможно, даже полагают участие и иных сакских группировок в тех событиях.

Данное положение подтверждают и сведения европейских источников. Страбон (Strabo. XI, VIII, 2), передающий

свидетельство Аполлодора, вероятно, через посредничество Посидония, сообщает, что Бактрию у греков отняли асии, пасиане, тахары и сакараулы (Ἀσίοι καὶ Πασίανοι καὶ Ταχάροι καὶ Σακαραυλοί), которые переселились с той стороны Яксарта рядом с областью саков и согдиан, занятой саками (Пьянков И. В. 1997, с. 246; Щеглов Д. А. 2006, с. 291, сн. 21). Обращает на себя внимание то, что в источнике, как и в китайском сообщении, речь идет именно о переселении, а не о завоевании. Указание на отнятие Бактрии у греков свидетельствует о смене господствующей силы в государстве без ущерба для основного ираноязычного населения страны. Здесь же мы находим и подтверждение распространения саков на собственно согдийских территориях, хотя Сыр-Дарья признавалась официальной границей между согдийцами и саками.

Некоторые исследователи полагают, что кочевники переправились с «северного берега» Сыр-Дарьи, иногда даже соответствующе переводя данный отрывок. Однако в отрывке речь идет о другой, противоположной для согдийцев стороне реки. Следует учитывать, что Страбон по традиции Эратосфена представлял Яксарт текущим сначала с юга на север, а потом поворачивающим на запад и впадающим в Каспий. Именно по линии запад-востока в источнике соответственно располагаются Бактрия, Согдиана и саки, разделяемые между собой текущими с юга на север Аму-Дарьей (Окс) и Сыр-Дарьей (Яксарт) (Strabo. XI, I, 4, VIII, 1, 2, 4, 8, XI, 2). Следовательно, Страбон мог подразумевать и переход кочевниками реки с востока на запад (Dorneich Ch. M. 2010, p. 79-80), а не с севера на юг. Координатные уточнения Птолемея позволили полагать, что за исток Сыр-Дарьи могла, например, приниматься р. Ходжа-Бакырган (Горбунова Н. Г. 1976, с. 28).

Исследователи, переводившие интересующий нас отрывок из «Географии» Страбона, как указывающий на приход всех кочевников с «северного берега», а не с «другого берега» Сыр-Дарьи (как собственно и обозначено в источнике), зачастую подразумевали первоначальное расселение их на землях Кангюй. Наши данные не позволяют согласиться с такой трактовкой. Такое определение, вероятно, относится, например, только к сакараулам. Упоминания об этих кочевниках содержится в произведениях различных древних авторов. Исследователи, признавая в них одну из группировок саков, по-разному решали вопросы о значении второй части их названия и о месте их первоначального расселения (Литвинский Б. А. 1972, с. 170-171). Что касается их локализации, то она, как отмечалось ранее, дана только у Птолемея (Ptol. VI, 14, 14), располагавшего их возле Сыр-Дарьи, и у Орозия (Oros. I, 2, 43), который их знает гораздо южнее, на пространстве до горы Оскобар (Паропамис) (Пьянков И. В. 1997, с. 259-261), что может соотноситься уже и с событиями первого разгрома Ай-Ханум.

В целом, существует два основных решения о происхождении сакарауков. Согласно первому, сакарауки, тождественные сакараулам Страбона, были представителями Кангюй, располагавшегося на Средней Сыр-Дарье (Gutshmid A. 1888, s. 71-72). Второе решение проистекает из признания тождественности названий сакарауков и сайван китайских источников, что встретило аргументированные возражения (Pulleyblank E. G. 1970, p. 159, n. 12). Данное решение подразумевает признание в сакарауках саков Семиречья. Однако оно не может быть принято, исходя из исторических соображений.

Нам известно, что часть тех же юэчжей, после миграции их основного объединения, вошла в состав объединения сюнну (у них провел долгие годы своего пленения Чжан

Цянь). Впоследствии часть саков Семиречья, после миграции их основного объединения, вошла в объединение юэчжей, а затем, после миграции основного объединения юэчжей, части юэчжей и саков вошли в объединение усуней. Но никогда создававшиеся объединения не получали свое обозначение через определение их составных частей. Они носили названия победителя и гегемона таких объединений (сюнну, юэчжи, усунь).

У нас вообще нет примеров создания неких конфедераций кочевых племен на основании равноправия их составных частей, поскольку отношения строились на основании подчинения и признания главенствующего положения той группировки кочевников, название которой и становилось общим известным названием нового родоплеменного союза. Кроме того, подобное положение побежденных не позволяло им выступать некой автономной силой, а тем более быть выделенными сторонними наблюдателями, особенно, в случаях массовых миграций или боевых выступлений. Поэтому наиболее вероятным представляется отражение в сообщении Страбона факта совместного выступления юэчжей и их сакских союзников Кангюй, что могло обеспечиваться указанными выше причинами.

Некоторые разногласия среди ученых вызывает упоминание Страбоном неких пасиан, для названия которых предпринимались попытки подобрать созвучные названия, имеющиеся в различных источниках. Некоторые исследователи (Charpentier J. 1917, s. 366; Haloun G. 1937, s. 244, n. 2; Altheim F. 1959, s. 62-63; Яйленко В.П. 1995, с. 63 и др.) предположили небольшую опisku Ἀσιοὶ καὶ Ἀσιανοὶ, вместо первоначальной Ἀσιοὶ <η> Ἀσιανοὶ (асии, или асиане), т. е. передачу в источнике двух форм одного названия. Данное исправление, казалось, находит свою поддержку в «Прологах» Помпея Трога, сохранных в про-

изведениях Марка Юниана Юстина. Но данная проблема может оказаться полностью снята, т. к. не исключено, что у Страбона, как и у Помпея Трога, речь шла только об *Ἀσίοι* и *Σακαραυλοί*, а сведения о *Πασιανοί* и *Ταχάροι* (*ἡ Ἀσιανοί* και *Ταχάροι*) были позднее внесены в сам текст из пояснительных маргиналий его рукописи (Dorneich Ch. M. 2008, p. 76-96; иное решение: Yu T. 2011, p. 1-7).

В одном из «Прологов» упоминается о захвате Бактрианы и Согдианы (неверно приуроченный ко времени правления Диодота, что вызвало со стороны ученых предложения некоторых конъектур) скифскими племенами сарауков и асиан (*Saraucae et Asiani*) (Pomp. Trog. Prol. XLl), в другом — об асианах — царях тохаров и гибели сарауков (*reges Tocharorum Asiani interitusque Saraucarum*) (Pomp. Trog. Prol. XLII). Таким образом, определяется единство между асианами и тохарами, а также совместное наступление на Согдиану и Бактрию тохаров и саков. Именно период постепенного обретения юэчжами Бактрии (для ее названия Дася некоторыми исследователями (Зуев Ю. А. 2002, с. 21) также полагается юэчжийское происхождение, сложнее предполагать (Филанович М. 2007, с. 214) связь с пребыванием дахов в Бактрии) мог отразиться в сообщениях Птолея и Аммиана Марцеллина (Ptol. VI, 11, 6, *Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 57*).

Спустя более 100 лет один из пяти юэчжийских правителей Гуйшуан-сихоу Цюэцзюэ подчинил себе остальных и стал основателем единой могущественной Кушанской империи (XXШ, 118). У исследователей не вызывает сомнения тот факт, что этим правителем был Куджула Кадфиз. Время же создания единого государства юэчжей на землях бывшей Греко-Бактрии определяется первой четвертью I в. н. э. (Боровкова Л. А. 2001, с. 176).

ГЛАВА VI. ЭПОХА ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ

(По данным археологии)

Те далекие и, во многом, судьбоносные для них миграции ираноязычных кочевников на запад события, несомненно, должны были оставить свой след в археологических памятниках. Поэтому вполне закономерным является давно поднятый вопрос о таком следе. Учитывая данные ханьских источников о миграциях на запад различных группировок кочевников, попытаемся скоррелировать их с археологическими свидетельствами и некоторыми дополнительными наблюдениями.

Решение исследователей о достаточно ранней фиксации китайскими источниками юэчжей может быть, в целом, соотнесено с синхронными археологическими свидетельствами расселения ираноязычных номадов на крайнем востоке Евразии (Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. 1978, с. 179-185; Деопик Д. В. 1979, с. 62-67; Курочкин Г. Г., Субботин А. В. 1994, с. 7; Ковалев А. А. 1996, с. 121-127; 2007, с. 25-76; Лысенко Н. Н. 2001, с. 58-84; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 2005, с. 21-25). Вполне вероятно, что именно к периоду до начала миграций относятся свидетельства европейских источников о тохарах на далеком азиатском востоке (Ptol. VI, 16, 2, Plin. NH. VI, 54, Dion. Perieg. 753, Ravenn. II, 8, 2), которые могут восходить к данным Аполлодора.

Домиграционное расселение юэчжей непосредственно на территории Ганьсу определяется исследователями по расположенным здесь погребениями в подбоях VI-IV вв. до н. э. могильника Хамадун у г. Минкин (провинция Ганьсу). Погребенные укладывались головой на север

в ниши западных стен подбоев, закрывавшихся палками. Из ритуальной пищи фиксируются головы быков, лошадей, овец. Близкие им погребения обнаружены в 300 км в Даодуньцзы у г. Тонксин (провинция Нинся). Одиночные подбои в V-III вв. до н. э. известны в Центральной Азии. Подбойные памятники встречены в двух могильниках Тувы, Минусинской котловины, Субаши (Субаш, Субэйси) провинции Синьцзян. Все они образуют особую группу погребений местного населения, которая вошла во II-I вв. до н. э. в союз сюннов.

Некоторые исследователи на материалах могильников Субаши и Янхай в уезде Шаньшань (Пичан) отмечают вероятные следы непосредственных контактов, которые могли перерасти в этнокультурный взаимообмен и смешение с носителями пазырыкской культуры Алтая, чьи южные владения могли распространяться на часть территории современного Синьцзяня. Не исключается и этническая однородность населения Горного Алтая и Синьцзяня. Шаньшаньские могильники обычно связываются с местом обитания народа гуши (чэши, цзюйши), следы которого отмечаются и в других районах Северного и Восточного Синьцзяня. Этноплеменное образование Гуши располагалось возле оз. Лобнор. Впоследствии оно распалось на Цзюйши Заднее и Цзюйши Переднее, а на основе последнего затем сформировалось государство Гаочань. Данное синьцзянское население отождествляется с юэчжами (Молодин В.И., Комисаров С.А. 2003, с. 115-118; Кондратенко А.П. 1991, с. 6-13; Боталов С.Г. 2007, с. 59; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 2009, с. 72-74, 77-79).

Согласно китайским источникам, на одной территории с юэчжами первоначально обитали усунь. Судя по всему, они были непосредственными соседями к востоку от юэчжей и к западу от сунну. Изначальное помещение

юэчжей и усуней на сопредельных землях предполагает и близость их археологических памятников, прежде всего, подбойных и катакомбных погребений (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 40-41, 75-77; 1998, с. 33-34).

Памятником продвигавшихся на запад номадов считают могильник Чаухугоу III, в 30 км от Карашара (Хеджо) на южных склонах Восточного Тянь-Шаня на востоке Таримской впадины (Синьцзян) (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 75-76, 83-90). В нем преобладали курганы с погребениями в грунтовых ямах с заплечиками, идентичными сарматским Южного Приуралья, и в решетчатых гробах, сопоставимых с образцом из погребения на поселении Актобе 2 Средней Сыр-Дарьи, имеющих прототипы в Уйгараке. Отмечены гробы-колоды, восходящие к образцам более раннего периода Саяно-Алтая, и досчатые гробы, сходные с суннскими Забайкалья. Там же фиксируются погребения в подбоях в северной стенке могилы с ориентировкой костяков в восточном полукруге и закладкой подбоя палками и сырцовым кирпичом.

Как мы знаем, юэчжи, после разгрома их сунну, продвинулись на запад и заняли Семиречье. Они изгнали оттуда основную часть местных саков, инкорпорировав их остатки в свое объединение. Впоследствии сами юэчжи были изгнаны усунями, которые надолго стали хозяевами Семиречья, в свою очередь, подчинив остатки юэчжей и саков. С местным сакским населением того времени связывают могильники Чильпекской группы, в которых преобладают погребения в грунтовых ямах. Курганы этой группы обычно располагаются цепочками, лишь позднее разбрасываясь бессистемно. Подобные захоронения распространены по всему Семиречью, а также на Чарыне, Таласе, Чу и Тянь-Шане. Представленный в них обряд погребения признается исследователями непосредственным

развитием предшествующего сакского, т. е. его носители были прямыми потомками прежнего сакского населения. Антропологически погребенные принадлежат к европеоидным типам, и только около 10% к смешанному (европеоидный с примесью монголоидных признаков).

С усунями могла бы быть связана Айгырджальская группа подбойных и катакомбных могил, появляющаяся во II-I вв. до н. э. Катакомбы данного типа отличаются тем, что продольные оси входной ямы и камеры находятся на одной оси, т. е. камера служит, как бы, продолжением линии входной ямы (катакомбы-«чулки», «языковидные» катакомбы или катакомбы льяндакского типа, по Ю. А. Заднепровскому, катакомбы II типа, по К. Ф. Смирнову и А. Г. Максимовой). Значительная часть покойных укладывалась головой на запад, реже на восток. Но следует помнить, что подбойно-катакомбные погребения были связаны и с юэчжами. Подбои по всем особенностям своей конструкции идентичны подбоям могильника Чаухугоу III.

Памятники обеих групп сосуществуют очень долго (II в. до н. э.-V в. н. э.). Причем, курганы Айгырджальской группы не образуют самостоятельных могильников, как правило, встречаясь в могильниках местного сакского населения, что может указывать на демонстрацию идеи обретения новой родины и наследования данной земли и его прежнего населения под собственной властью и эгидой. Здесь, несомненно, протекали процессы как соседского проживания, так и смешения, что вполне соответствует сведениям ханьских источников (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 17, 36-37, 39). Обращают внимание на тот факт, что памятники Айгырджальской группы составляют около 20%, а Чильпекской — 80%. Это может свидетельствовать в пользу того, что основную часть создано-

го в Семиречье родоплеменного объединения во главе с усунями составляли потомки местных сакских племен. С другой стороны, данное соотношение указывает на не столь незначительное присутствие в этом объединении юэчжей.

Но нам следует оговориться, что прослеживаемое передвижение на запад юэчжей на основании наблюдений за распространением специфических подбойно-катакомбных погребений не означает, что только данные погребальные конструкции были присущи юэчжам. Собственно в самых восточных некрополях, отождествляемых с юэчжами, речь более точно должна идти не о подбойно-катакомбных погребениях, а о ямно-подбойно-катакомбных погребениях, т. к. данные могильники представляют и простые ямные формы погребений. Однако последние, видимо, в силу своей конструктивной простоты, придающей ей универсальную форму, располагающую к широкому применению на различных территориях и у различных народов, не могут служить наглядным примером для выявления путей миграций. Тем более, что юэчжийская миграция происходила на территориях, заселенных племенами достаточно близких юэчжам и друг другу в этнокультурном плане. Поэтому придание первостепенного значения наблюдениям за распространением подбойно-катакомбных погребений (Сверчков Л.М. 2011, с.148) обусловлено лишь спецификой конструкций данных погребений, кроме того, легко выделяемой в качестве инноваций на территориях, где появлялись юэчжи.

Обращавшиеся к сведениям ханьских источников исследователи, как отмечалось выше, разошлись во мнении о проходе через территорию Ферганы изгнанной теперь уже из Семиречья основной части юэчжей. По европейским источникам мы, практически, ничего не знаем об

этой стране. Единственное вероятное предположение, что Фергана скрывается под названием Вандабанда, отмеченным Птолемеем (Ptol. VI, 12, 4) (Григорьев В. В. 1873, с. 62; Markwart J. 1946, s. 295-296). Исследователи полагают, что к моменту миграции юэчжей население данной страны составляли потомки саков.

Согласно археологическим данным, присутствие юэчжей на землях страны считают вполне очевидным. Основная масса подбойных захоронений сконцентрирована в междуречье Ляйляка-Исфары-Соха на юге Ферганы, где они составляют 75% из всех изученных памятников. Единичные погребения обнаружены в юго-западной, северной и восточной частях Ферганы. Эта группа памятников когда-то рассматривалась как отдельная карабулакская археологическая культура (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 77). Впоследствии было предложено называть ее карабулакско-варухской, или кугайско-карабулакской.

Сегодня нет сомнения, что эти захоронения могут быть сопоставимы с аналогичными погребениями Семиречья и более восточных районов (Литвинский Б. А. 1995, с. 282). О появлении тохаров в Давани свидетельствуют и данные антропологии (Брыкина Г. А. 1982, с. 124). По мнению некоторых ученых, сами китайские названия Ферганы Давань/Даюань (*Тахwār) и ее столицы Гуйшан явились передачей названий тохаров-кушан, которые впоследствии установили здесь свою власть (Pulleyblank E. G. 1966, p. 22, 26; Бернштам А. Н. 1952, с. 243; Gorbunova N. G. 1986, p. 68).

Согласно сведениям китайских источников, усунь, создавшие свое государство в Семиречье, навсегда остались здесь, и, судя по всему, просуществовали до сер. V в. н. э. Поэтому вполне логичным представляется положение, что распространение далее на запад подбойно-катакомбных погребений типа семиреченских отражает процесс

дальнейшей миграции юэчжей. С данной точки зрения, в первую очередь, привлекают внимание материалы могильников с курганными захоронениями в подбоях и катакомбах в Бухарском аозисе (Лявандак, Хазара, Кую-Мазар, Кызыл-Тепе, Шахри-Вайрон, 2 кургана у Агалык-Сая).

Большинство из них зафиксированы на левобережье Зеравшана, в степи Малик. Могильники располагались вдоль р. Зеравшан, причем, Куюмазарский могильник — непосредственно возле древней оборонительной стены Кампыр-Дувал. Подобные некрополи известны и в районе Самарканда (например, могильник Миранкуль, 2 погребения у с. Янги-Курганча и др.). Здесь наблюдается та же бессистемность в расположении курганов могильников, как и в Семиречье. В продольных стенах входных ям подбоев имеется ступень, а в катакомбных погребениях — ступенчатые входные ямы. Представлены и примеры, когда ниша подбоя охватывает продольную и торцевую стороны входной ямы. Таким образом, может подтвердиться известное положение о первоначальном появлении юэчжей на землях Согда.

Близкие по ряду определяющих признаков могильники появляются южнее Зеравшанской группы, в районе правобережья Аму-Дарьи, т. е. в Северной Бактрии (Южный Таджикистан). В Бишкентской долине, в районе р. Кафирниган, это такие могильники как Тулхарский, Аруктауский, Коккумский, БМ IV-VI, в излучине Аму-Дарьи — Бабашовский, в долине р. Вахш — Ксиров. Основная часть погребений собственно Тулхарского могильника, расположенного у подножия Бабатага, несомненно, связанного с событиями падения Греко-Бактрии (Мандельштам А. М. 1966, с. 161-162), датируется I в. до н. э.-II в. н. э. (Литвинский Б. А., Седов А. В. 1984, с. 120-134).

Кроме Бухарского оазиса, как мы знаем, подобные не-

крополи открыты в Ганьсу, Таримской впадине, на Тянь-Шане, в Семиречье, Фергане и Алае, а также в Южной Туркмении. Могильники Бухарского оазиса, Южного Таджикистана и Южной Ферганы объединяют в Тулхарскую группу II в. до н. э.-сер. I в. н. э. В отличие от семиреченских погребений, в тулхарской группе покойники обычно укладывались головой на север или на юг. Выше отмечался вероятный многокомпонентный состав юэчжийского объединения. О пестроте состава юэчжей, появившихся в Северной Бактрии, свидетельствуют и антропологические материалы (Абдуллаев К. 2000, с. 149-155).

Мы уже заметили, что разногласия исследователей по поводу факта появления юэчжей на территории Ферганы на основании разнящихся переводов одних и тех же свидетельств ханьских источников находят свое положительное решение на основании археологических данных. Поэтому вполне логично, что история, например, более северных от бывшей Греко-Бактрии земель остается вообще мало озвученной источниками. Эти земли были весьма удалены как от европейских центров, в том числе и их азиатских владений, так и от Хань. Поэтому только наблюдения за археологическими данными позволяет, по крайней мере, с известной долей приближения, наметить ход развития там исторических событий, учитывая контекст происходивших тогда этнополитических изменений.

Сравнимые с погребениями тулхарской группы погребения появляются в Центральном Кызыл-Кумах. Со II в. до н. э. в Присарыкамьшской дельте (Левобережный Хорезм) распространяются многочисленные могильники с катакомбами и подбоями, для которых указывается на связь с материалами Лявандакского и Кюю-Мазарского могильников (Лоховиц В. А., Хазанов А. М. 1979, с. 111-132; Лохо-

виц В. А. 1979, с. 134-150; Вайнберг Б. И. 1979, с. 174-176). В них сосредоточен комплекс нового вооружения, в состав которого входит и «гуннский лук», своеобразный набор керамики, отличной от местной, в том числе и парфянские образцы. Входы в катакомбы и подбои закрывались известняковыми плитами, деревянной решеткой, реже — кусками глины или комбинированным способом. У некоторых курганных насыпей прослеживаются ровики, которые известны и в курганах с захоронениями в ямах с дромосами, относимых к погребениям местных хорезмийских кочевников.

Подтверждением вторжения восточных номадов, захвативших и Греко-Бактрию, могут служить следы гибели в пожарах городищ и усадеб, которые долгое время остаются в запустении, прерывание строительства других (Итина М. А., Левина Л. М., Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. 1996, с. 25; Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. 2000, с. 52). Было выдвинуто и предположение, что мы имеем дело с откатом на север групп кочевников, принявших участие в событиях в Греко-Бактрийском государстве, в том числе, и возвращение собственно хорезмийских кочевников (Яблонский Л. Т. 2000, с. 68-72). Мы не можем отрицать вероятности подобного развития событий, хотя бы только в свете известных и более ранних угроз кочевников с севера на границах Парфии и Греко-Бактрии. Однако основным источником движения в Хорезм, как представляется, следует признать группировку юэчжей, отколовшейся от юэчжей, расселившихся в Согде и Северной Бактрии.

Возможно, что отказ юэчжей от союза с Хань против сюнну был продиктован не только отсутствием интереса к событиям на давно покинутой и теперь далекой родине, не только втягиванием юэчжей в военно-поли-

тические события на юге, но и военной экспансией части их сил на севере. В данном случае могли сказаться и проявления процесса дезинтеграции юэчжийского объединения при ослаблении в нем центральной власти после гибели правителей, что вынудило возглавить отступление на запад царственную вдову. С рубежа II-I вв. до н. э. начинается чекан монет новой царской династии Хорезма, подражающий в самом начале монетам греко-бактрийского царя Евкратиды. На монетах наносится династическая тамга, что подтверждает главенствующую роль среди завоевателей именно юэчжей. С I в. н. э. вводится новое летоисчисление «хорезмийской эры». Полагают весьма вероятным, что, примерно, тогда же начинается строительство нового династического центра — Топрак-кала.

Культурно однотипные погребения появляются на Узбое, Заузбойском плато, Устюрте (аналоги им отмечаются среди памятников Южной Туркмении (Мандельштам А. М. 1984, с. 173-175)), что позволило предположить их связь с юэчжами (Юсупов 1977, с. 127-131; 1986, с. 150). Однако основная масса подобных погребений концентрируется на территории Хорезма. Сопоставимая ситуация складывается и в районе Нижней Сыр-Дарьи. Здесь также со II-I вв. до н. э. наблюдается появление новых типов погребений, чуждых образцов керамики, сопоставимых с материалами из Тянь-Шаня, Присырдарьи и предгорий Южного Казахстана, крепостей с новой для региона планировкой (Ашак-асар, Карак-асар, Северная и Южная Кос-Кала). С I в. до н. э. в инвентаре погребений обнаруживаются признаки, связывающие их с культурным влиянием сунну. Наиболее вероятной считается связь появления указанных инноваций с приходом юэчжей (Левина Л. М. 1996, с. 374; 1997, с. 8, 12).

В то же время, по мнению других специалистов, зауральские степи превращаются в места летних кочевий юэчжей, центрами объединений которых служили районы Приаралья, Средней и Нижней Сыр-Дарьи. Для зауральских и северо-казахстанских степей отмечается воздействие со стороны присырдарьинских культур Южного Казахстана, что, в частности, выражается в преобладании подбойно-катакомбных традиций, а также в керамическом комплексе, связанным с районом р. Арысь, каунчинской культурой, Келесской степи (граница Южного Казахстана и Узбекистана, древний Чач) и Ферганой (Любчанский И. Э., Таиров А. Д. 1995, с. 72; Боталов С. Г., Усманова Э. Р. 1998, с. 154; Боталов С. Г., Мосин В. С. 2006, с. 431).

Интересно, что соответствующая атрибуция подбойно-катакомбных погребений позволила некоторым исследователям предположить, что появление аналогичных погребальных памятников в том же Левобережном Хорезме в кон. IV-на рубеже IV-III вв. до н. э. также было связано с появлением юэчжей, миграция которых осталась неизвестной для письменных источников. В Хорезм, как полагают, юэчжи могли продвинуться через Узбой и Заузбойское плато (Вайнберг Б. И. 1999, с. 241-242). С приходом юэчжей и с их непосредственным участием в окончательном сложении раннесарматской культуры в Южном Приуралье связывают появление там катакомб II типа (Таиров А. Д. 2004, с. 126). Данные решения интересны с точки зрения последующей миграции на запад юэчжей после их разгрома сунну.

Л. А. Боровкова предположила, что путь ухода юэчжам могли указать сами сунны, знавшие о ситуации на западе и заинтересованные в скорейшем уходе юэчжей с наименьшими потерями для себя, почему они и не пытались добить гонимых юэчжей (Боровкова Л. А. 2001, с. 109;

2005, с. 46). Возможно, это было и так. Но, вряд ли, юэчжи знали о ситуации на западе хуже сюнну, скорее, наоборот. Кроме того, их путь лежал в места обитания племен близких им, а не сюнну, в этнокультурном отношении. Поэтому путь отступления мог быть выбран самостоятельно, имея для юэчжей собственные благоприятные условия. С другой стороны, было ли вообще у юэчжей возможным иное направление для отступления? Учитывая же материалы из Левобережного Хорезма и Южного Приуралья, а также отмечаемые специалистами более древние миграции кочевников на запад (например, в связи с проблемой центральноазиатского импульса в формировании скифской культуры) можно предположить, что, в целом, движение юэчжей на запад могло повторять ранее известные маршруты передвижения центральноазиатских ираноязычных кочевников.

Как отмечали исследователи (Заднепровский Ю.А. 1997, с. 56), появление на окраинах земледельческих оазисов Хорезма и Согда новых кочевнических группировок, не исключено, указывает на определенную зависимость местного оседлого населения от появившихся кочевников, которых они допустили на свои земли. Видимо, мы можем утвердительно говорить о таком положении, исходя, например, только из образцов известного чека на монетах того периода в обоих регионах. С.П. Толстов отмечал сходство тамг на монетах новой династии хорезмийских правителей с кушанскими (Толстов С.П. 1948, с. 184). Однако последующие исследования установили, что хорезмийские тамги, с одной стороны, отличны от кушанских, эфталито-хионитских и турано-кангюйских (Вайнберг Б.И. 1977, с. 73-77; Новгородова Э.А. 1984, с. 118-123), а, с другой стороны, близки образцам Бухары и Согда. Но в то же время отмечается и связь между двумя

группами тамг (Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. 1976, с. 69-71), а хорезмийский чекан появляется по примеру сородичей из Греко-Бактрии (Вайнберг Б. И. 1999, с. 252).

Таким образом, мы наблюдаем процесс подчинения различными юэчжийскими группировками отдельных государственных образований. Но здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием. Исследователи тамг, определяя их хорезмийские образцы как юэчжийские, в то же время, видимо, вполне обоснованно считают их принадлежащими иной группировке юэчжей, отличной от кушанской (достаточно вспомнить о 5 отдельных владениях юэчжей до их объединения кушанами — А. Т.). В китайских источниках позднее появляются сведения о «юэчжах дома Чжаову». Распространение тамг, типа хорезмийских, связывается с движением племен с территории Монголии, условно получая название тамг «юэчжей дома Чжаову».

Обращается внимание на появление подобных тамг в Восточной Европе, в ареале расселения сарматских племен, где они получают у специалистов название «сарматские». С движением племен из районов Алтайской Монголии и Джунгарии (возле озера Эби-Нор в Китае) предлагается связать распространение подкурганых подбойных и катакомбных захоронений с южной ориентировкой погребенных вплоть до Северного Прикаспия и далее на запад с юэчжами, отличными от кушан. Участие в событиях, связанных с падением Греко-Бактрии, племен с севера позволила исследователям считать эту волну условно «сарматской», а группу племен, с которой связываются условно тамги «рода Чжаову», «сарматской», или принадлежащей «сарматскому кругу племен».

Первое, что бросается в глаза, это вся «условность» приводимых «сарматских» определений, которая подрыв-

вает возможность дискуссии. Данное направление смыкается с предположениями о существовании некой восточной группы «сарматских» племен (Мандельштам А. М. 1978, с. 139-141). Даже только формально можно указать на некоторые несостыковки в приведенных рассуждениях. Наименование «сарматскими» тамг, найденных в Европе, определялось на начальных этапах их изучения. Но сегодня не вызывает сомнений, что эти тамги распространились на запад за счет появления там их хозяев, мигрантов из Центральной Азии.

Разделение погребений в катакомбах и подбоях по признаку южной или северной ориентировке погребенных тоже достаточно условно. Такие погребения одновременно присутствуют, например, в Фергане, да и в том же Хорезме (Мандельштам А. М. 1966, с. 80, 160-162). Северная и южная ориентировка представлена в погребениях Тулхарской группы. Из предложенной схемы полностью выпадают погребения Айгырджальской группы в Семиречье, где покойники укладывались головой на запад, реже — на восток. Западная ориентировка представлена и в подбойных погребениях могильника в Ксирове, в долине р. Вахш. Данный могильник атрибутируется как юэчжийский (Денисов Е. П. 1984, с. 138). Известное указание на приход части номадов с севера, как мы знаем, не подтверждается собственно письменными источниками.

На самом деле, следует, видимо, признать, что основой для таких «условных» решений послужили известные решения, которые были предложены в ходе исследования могильников в Южном Таджикистане. Например, О. В. Обельченко, на основании изучения Лявандакского и Кую-Мазарского могильников, пришел к выводу, что сведения ханьских источников о завоевании Греко-Бактрии мигрантами с востока ошибочны, поскольку архео-

логический материал позволяет признать в тех мигрантах племени сарматского мира (Обельченко О.Б. 1961, с. 170-176). Другие исследователи, посчитав такой вывод слишком прямолинейным и категоричным, полагали, что Лявандакский могильник, наряду с некоторыми другими, располагающимися вплоть до Хорезма, указывает на присутствие сарматского или сарматоидного элемента (Лоховиц В. А. 1979, с. 146-147; Лоховиц В. А., Хазанов А. М. 1979, с. 129). Интересно, что другие ученые, разделяя точку зрения о сарматоидных чертах в культуре населения Зеравшанской долины (а также Кангюй), полагали, что через Фергану данное влияние опосредственно «ретранслировалось» далее на восток, в связи с чем предлагалось обратить внимание на культуру жителей окрестностей оз. Лоб-Нор, могильники Лоулани (Литвинский Б. А. 1969, с. 64-65; 1976, с. 55).

Решение об участии сарматов в южной экспансии на основании материалов Зеравшана и т. д., которое долгое время отстаивал О. В. Обельченко (Обельченко О. В. 1992, с. 140-144, 224), в той или иной форме было воспринято, прежде всего, сарматологами (Скрипкин А. С. 1984, с. 91-95, 1990, с. 201-220; Смирнов К. Ф. 1973, с. 174-175, 1984, с. 117; Мошкова М. Г. 1989а, с. 163, 1989б, с. 46; Берлизов Н. Е. 1990, с. 4, 10; Железчиков Б. Ф. 1997, с. 41). Специалисты же по среднеазиатской археологии, как мы видели, отнеслись к данному решению более скептически, указывая на возможное проявление каких-то культурных и, возможно, этнических связей с сарматским миром (Шишкин В. А. 1963, с. 18). С другой стороны, предлагается связать подобные погребения с дахами-парнами как носителями прохоровской культуры (Марущенко А. А. 1959). Эти дахи, известные на западе под именем аорсов, и признаются хозяевами среднеазиатских «сарматских»

(прохоровских) памятников, в то время как археологическая атрибуция собственно сарматов считается делом будущего (Пьянков И. В. 1994, с. 202-203; 2004, с. 214-218). Кроме определенной связи погребений с дахами не исключается и их вероятная связь с сакараваками (Мандельштам А. М. 1978а, с. 140; 1984, с. 176-177).

В конечном итоге, специалисты по среднеазиатской археологии прямо выступили против сарматской атрибуции среднеазиатских погребений (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 106-111, Литвинский Б. А. 1995, с. 325-327; Горбунова Н. Г. 1991, с. 27; 1994, с. 61; 2001, с. 148-150). Было справедливо отмечено, что указание на исходную территорию наступления сарматов от Алтая до Приуралья (Обельченко О. В. 1961, с. 173) противоречит известным фактам распространения памятников сарматов только до территории Северного Казахстана, тогда как далее до Алтая обитали иные кочевнические народы. Действительно, если мы обратимся к карте распространения сарматских памятников в III-I вв. до н. э., составленной по наиболее полной на сегодняшний день сводке (Статистическая обработка., 1997, карта-вкладыш), то обнаружим, что на востоке сарматские памятники концентрируются вдоль течения Волги, далее к востоку, обходя непригодные для жизни Рын-пески, уходят на север и северо-восток от низовий Малого и Большого Узеней, по течению Урала и его притоков. Такая же конфигурация распространения сарматских памятников сохраняется и для I-II вв. н. э. (Статистическая обработка., 2002, карта-схема I).

В Средней Азии интересующие нас захоронения представлены исключительно основными в курганах погребениями, тогда как у сарматов наблюдается господство впускных погребений. Нет в Средней Азии и таких специфических для сарматов погребений как диагональные.

Собственно, среднеазиатские захоронения не представляют примеров соблюдения сугубо сарматского погребального обряда. Наличие же сходных с сарматскими некоторых форм оружия, пряжек, зеркал или, например, тех же курильниц (Смирнов К. Ф. 1973, с. 172-175) не говорит о том, что погребенные, инвентарь захоронений которых содержал данные элементы, были сарматами, но может указывать на определенные связи с сарматским миром, близким этнически, культурно и самим кочевым образом жизни.

Но вполне оправданным представляется действительное наличие сходных черт между среднеазиатскими памятниками и памятниками ранне- и среднесарматской культур. Какова же природа этого сходства? Ответ на данный вопрос могут дать известные наблюдения по проблеме формирования раннесарматской культуры, который достаточно полно освещен в научной литературе (Туаллагов А. А. 2007, с. 135-143).

Окончательным центром формирования раннесарматской (прохоровской) культуры послужил Южный Урал, которое начиналось за счет миграций и смешения кочевников из Центральной Азии, Средней Азии (саки) и Восточной Европы (скифы) в Зауралье и на Южном Урале. Процесс данного формирования протекал, с одной стороны, в тесных контактах, вплоть до генетических, с населением лесостепной зоны (видимо, древние угры), а также при сохранении тесных связей с оседлым, полукочевым и кочевым населением, в том числе за счет общих мест зимовок, Казахстана, Средней Азии и Алтая.

Сохранение кочевниками достаточно устойчивых и тесных связей с оседлыми центрами приводило к их втягиванию в военно-политические события на юге. Так, в кон. V-нач. IV вв. до н. э. урало-аральские кочевники уча-

ствуют в удачной борьбе Хорезма против персидского господства. Возможно, с этими событиями связано прерывание строительства мощной крепости и дворцового сооружения для ахеменидского сатрапа недалеко от Кюзели-гыра. Отражением участия уральских кочевников в противостоянии Кира Младшего и Артаксеркса II в 401 г. до н. э. исследователи считают находки из Филипповского кургана «Большой» и кург. № 8., погр. № 5 Мечет-Сая, Долинного 1-й трети IV в. до н. э. С изменением же политики по отношению к кочевникам в державе Ахеменидов связывают появление с кон. V в. до н. э. на Устюрте и Мангышлаке памятников уральских кочевников (погребения Каскажол, Джангар, Патма-сай, комплекс святилищ типа Байте).

С кон. V-нач. IV вв. до н. э. в Зауралье, где наблюдалась экспансия на запад саргатского (угорского) населения, приведшая к большей консолидации кочевников с городским (угорским) населением, наступила резкая аридизация, ведущая к ухудшению экологической обстановки. Уменьшение продуктивности пастбищного хозяйства при увеличении населения за счет инкорпорации части городского населения нашло свой обычный и практически единственно возможный выход в миграции кочевников, начавшейся в сер. IV в. до н. э. или в 1-й пол. IV в. до н. э., ближе к ее концу, в Южное Приуралье, где эколого-климатические изменения шли пока менее резко. Здесь произошло окончательное быстрое сложение прохоровской культуры за счет этно-культурной и социальной близости вступивших в прямой контакт сторон.

Реконструируемая археологически исследователями история сложения сарматского мира находит свое подтверждение и по данным антропологии. Население Южного Урала савроматского времени по комплексу при-

знаков имеет морфологическое сходство с кочевническими группами Казахстана и Приаралья VII-V вв. до н. э. В целом, указывается на единую генетическую общность ранних кочевников Южного Урала и саков. Отмечается включение в состав кочевников Зауралья этнического компонента из лесостепного региона. Антропологические исследования определяют сложный и многокомпонентный характер сложения сарматской культуры, обусловленный активным участием в данном процессе как предшествующего по времени населения, так и номадов Зауралья и Средней Азии.

Возрастающая аридизация с резким усилением континентальности климата, давление зауральских кочевников и демографический взрыв вызвали кризисную ситуацию в обществе южноприуральских номадов, которая была вновь решена за счет обычного для таких обществ выхода. С сер. IV или рубежа IV-III вв. до н. э. начинается массовый исход сарматов из региона. Дополнительно воздействовали на миграции разразившиеся в кон. IV-III вв. до н. э. кризисы в греческих государствах Северного Причерноморья, что отрицательно сказалось на функционировании «торгового пути Геродота». К кон. IV в. до н. э. происходит и угасание некогда могущественной Скифии, игравшей важную роль на этом пути.

Вполне вероятно, что часть уральских номадов участвовала в борьбе среднеазиатских народов с силами Александра Македонского (329-327 гг. до н. э.). Тому могло способствовать втягивание в военные события саков, массагетов и дахов, с которыми кочевники Южного Урала были не только в близком родстве, но и в постоянном непосредственном контакте на местах зимних пастбищ в Кызыл-Кумах, на Средней и Нижней Сыр-Дарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье, в низовьях рр. Чу и

Сарысу, а также на местах летовок в восточных и северных районах Южного Приуралья. Следует заметить, что в Восточном Приаралье в V-IV вв. до н. э. появляются погребения, характерные для тяньшаньских саков. С другой стороны, здесь начинают фиксироваться материалы типичные для гороховской, саргатской и соседних лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья, предгорных и присырдарьинских районов Южного Казахстана, локальных вариантов среднесырдарьинских культур.

Не только использование традиционных маршрутов кочевий, но и стремление приблизиться как к оседлым центрам земледелия, так и ближе к театру военных действий могли обусловить появление прохоровского населения на Устюрте и п-ве Мангышлак. Ухудшение климатической и демографической ситуаций в Южном Приаралье не оставляли шансов и времени сарматам для сохранения своего прежнего состояния в регионе, вынуждая их мигрировать. В то же время следует учитывать, что в результате македонского завоевания, последующей борьбы диадохов, борьбы Бактрии и Парфии за независимость, включения значительной части Средней Азии в состав Селевкидского государства происходит разрыв связей кочевников с оседлыми центрами, переориентация торговли земледельческого населения на запад и юг, что наносило ощутимый урон экономическим связям номадов.

В такой ситуации кочевники, видимо, в том числе и уральские, передвигались на окраины земледельческих оазисов, где стремились закрепиться. В то же время, очевидно, южное направление не стало основным в экспансии уральских кочевников. Здесь основную роль должны были играть племена сако-массагетского мира, которые были более территориально и экономически связаны с

земледельческими центрами и стремились исправить ухудшение своего положения. Они могли служить своеобразным «буфером» для сарматской экспансии.

В данном случае показательна история дахов, которые, что важно для нас, представляя изначально одну из наиболее северных групп сако-массагетского мира, находились в тесных, непосредственных контактах с сарматами. На рубеже IV-III вв. до н. э. или в нач. III в. до н. э. дахи активно действуют в северной Парфии и Маргиане. В это время подверглись разрушению Александрия Маргианская и Александрополь в Нисае. Маргианский оазис по приказу Антиоха I Сотера обносится системой длинных стен. Вполне вероятно, что причиной столь активных военных действий дахов в южном направлении послужила дестабилизация обстановки в Средней Азии в связи с македонскими завоеваниями. В конечном итоге, в сер. III в. до н. э. дахи захватывают Парфию, еще долгое время затем опираясь на силы своих соплеменников, оставшихся на родных землях на севере. Затем они присоединяют Гирканию и Комисену, первая из которых служила объектом набегов и для апасиаков (Polyb. X, 28).

Конечно, сарматы, а точнее, их часть, могла прилагать усилия для собственного прорыва на юг. Их давлением в кон. III-нач. II вв. до н. э. могло быть обусловлено возведение «длинных стен» на северо-западных границах Хорезма. Их отдельные подразделения, в силу указанных выше причин, могли участвовать в составе других сако-массагетских отрядов в боевых рейдах на юг, например, в таких, которые вызвали необходимость создания оборонительных валов (Кампыр-дувал) на севере Согда. Стоит вспомнить, как в 206 г. до н. э. греко-бактрийский царь Евтидем даже пошел на временный союз с Селевкидом Антиохом III перед опасностью вторжения кочевников,

одинаково угрожавших северным границам обеих стран (Polyb. XI, 34, 1-11).

Но в своем стремлении приблизиться к среднеазиатским земледельческим центрам они вряд ли могли выдержать конкуренции со стороны сако-массагетских племен, обладавших столь же значительным военным потенциалом, но имевших, в отличие от сарматов, благополучную ситуацию у себя на родине, которая, кроме того, была, с одной стороны, ближе к этим земледельческим центрам, а, с другой стороны, отрезала свободный подход к ним с более северных территорий. Успех в наступлении на южном направлении мог сопутствовать даям-дахам (парны), с которыми связывают распространение соответствующих погребений, но не связанных с юэчжийским движением (Балахванцев А. С. 2005, с. 64-67; Филанович М. 2007).

В результате всех складывавшихся неблагоприятных обстоятельств, основным направлением давления и миграций сарматов стало не южное, а западное. Миграции были действительно массовыми и привели к резкому сокращению населения Южного Приуралья. Родина сарматов навсегда превратилась в крайнюю периферию их расселения, а центром Азиатской Сарматии становится Поволжье. Именно в таком состоянии она находилась к моменту появления юэчжей, и, естественно, никакие уральские номады не могли уже проявлять сколь-нибудь заметную активность и самостоятельность в событиях, связанных с падением Греко-Бактрии. Со II в. до н. э. исчезают и памятники Устюрта, ранее свидетельствовавшие о сезонных миграциях сарматов. Но нельзя исключать, например, предположения о вовлечении расположившимися в Приаралье и на Сыр-Дарье юэчжами части зауральских кочевников в эти события

(Любчанский И.Э., Таиров А.Д. 1995, с. 72-73). Сложнее согласиться с мнением, что кочевники Южного Урала во II в. до н. э.-II в. н. э. вошли в государственные образования Кангюй и Яньцай (Аланья) (Таиров А.Д. 2010, с. 81).

С учетом всего перечисленного, проявление некоторых сарматских черт в среднеазиатских памятниках становится вполне закономерным и объяснимым. Они же более свидетельствуют в пользу того, что говорить о какой-либо военной экспансии на юг сарматов как заметной и самостоятельной силы не приходится. Следует также учитывать, что отмечаемые сарматские черты достаточно быстро исчезают. С другой стороны, их учет дополнительно свидетельствует в пользу многокомпонентности состава кочевников, участвовавших под главенством юэцжей в наступлении на Греко-Бактрию. И здесь речь, прежде всего, должна идти о саках, обитавших в районе Сыр-Дарьи.

Следует согласиться с наблюдением (Горбунова Н.Г. 1991, с. 27), что именно западная среднеазиатская группа подбойно-катакомбных погребений имеет черты сходства с памятниками ранне- (ее заключительного этапа — А. Т.) и среднесарматских культур. Кроме указанных ранее памятников с соответствующими подбойными погребениями последние обнаружены в Шаушикумском могильнике на Средней Сыр-Дарье. Известны они и в Ташкентском оазисе, в долине р. Ахангаран. Все подбои здесь сооружены в западных стенах входных ям, покойники лежат головой на север. Их черепа несут на себе следы искусственной деформации и монголоидные черты. Ярко же выраженная монголоидность была присуща погребенным в подбоях могильника Куль-Ата, в районе слияния рр. Сыр-Дарья и Чирчик.

На северных склонах Каратау известны могильники, содержащие погребения в грунтовых ямах, которые датируются II в. до н. э. – I в. н. э. или первыми веками н. э. (Беркары, Тамды, Кенсай и др.). Исследователи помещают их на территориях Кангюй или Усунь. Данная разногласия обусловлена тем, что р. Талас признается границей между двумя странами, поскольку здесь некогда располагался мятежный шаньюй сюнну Чжичжи. В них обоснованно определяются характерные для сакских племен черты, что позволяет признать в хозяевах данных некрополей потомков местных сакских племен. Памятники отарокаратауской культуры распространены от Сыр-Дарьи до низовьев Таласа и Чу.

С рубежа н. э. здесь, как и в других районах, появляются могильники каунчинской (памятники долин Келеса-Чирчика-Ангрена) и джунской культуры (могильник западнее и северо-западнее г. Янги-Юль, вдоль правого берега арыка Джун), которые по всем признакам отличны от этих могильников и атрибутируются как «позднекангюйские» (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 20-21). Исследователи признают их значительное сходство с кенкольскими. Но, вполне вероятно, что так называемая джунская культура (возле г. Янги-Юль, возле с. Нау, исследован еще один курган с соответствующим катакомбным погребением) является лишь вариантом каунчинской культуры (Оболдуева Т. Г. 1988, с. 167). Предметы каунчинского происхождения представлены в катакомбных погребениях долины Зеравшана (Акджар-Тепе, Сазаган, Курган-Тепе). вполне вероятно, что могильники кенкольского типа и каунчинской культуры на Сыр-Дарье принадлежали основной или господствующей здесь части кочевников.

В верховьях долины р. Талас, на левом берегу р. Кенкол, на пограничных землях Кангюй и Усунь, появляются

захоронения в Т-образных катакомбах I-V или II-IV вв. н. э. Кенкольского могильника (тип I, по К.Ф. Смирнову и А.Г. Максимовой). Курганы располагаются бессистемно, что свойственно и ориентировке погребений. Входные ямы достаточно длинные (2-8 м), расширяющиеся ко входу в камеры, располагавшемуся к югу от торцевой стороны входной ямы. В продольных стенах входных ям, у входов в камеры, симметрично вырубались ниши. Вход в камеры закрывался каменными плитами, деревянными плахами, реже — сырцовым кирпичом. Камеры большие, овальные, со сводчатым потолком. Отмечается и коробовый свод. Входную яму с камерой соединял коридорчик-дромос. Уровень дна камеры находился ниже уровня дна входной ямы (ступенька).

Покойные укладывались на деревянном ложе, в гробу, на подстилке из кошмы или на циновке или на каменных плитах пола. Мужские захоронения сопровождаются предметами вооружения (данная черта свойственна и джунским погребениям). В них представлены сложноставные луки с костяными накладками, костяные наконечники стрел, а также деревянная посуда, что связывает их с кругом древностей сюнну. Особое внимание привлекают деревянные подносы и столики. Глиняная же посуда и некоторые категории бытовых предметов имеют местное происхождение.

Погребения с данной конструкцией катакомб встречаются и в других районах Таласской долины. Длина их входных ям также варьируется от менее 2 м до 8 м. Чем яма короче, тем шире ее торцевые стенки, чем длиннее — тем она уже и глубже. Входные ямы соединяются с камерами ступенчато или непосредственно, или через небольшой дромос. В долине представлены и могильники с грунтовыми погребениями, принадлежащие местному

сакскому населению. Последние составляют 60% от общего числа памятников, т. е. кенкольские погребения, занимая 40%, уступают им по численности.

В антропологическом плане погребенные в Кенколе большей частью представлены памиро-ферганским европеоидным типом и в меньшей — европеоидным типом с монголоидной примесью. Данный митисизированный тип указывает на связь пришельцев с областями непосредственных контактов европеоидов и монголоидов, что предпочтительней для восточной части Центральной Азии и Восточного Туркестана (в джунском могильнике представлены памиро-ферганский и средиземноморский типы). У большинства погребенных черепа носят следы искусственной деформации, что отмечается и в погребениях Тянь-Шаня, Ферганы, Алая, Ташкентского оазиса, Южного Таджикистана. Данный признак отмечается с первых же монетных изображений правителей Кушании, а также на монетных изображениях согдийских правителей с конца I в. до н. э.

Что касается самой конструкции погребальных сооружений типа кенкольских, то она не имеет своих истоков как в местных памятниках, так и в памятниках сюнну, для которых характерны погребения в плиточных могилах рядового населения и в подземных, вставленных друг в друга деревянных срубах, с ведущими к ним входными ямами, знати. Над погребением сооружалась квадратная каменно-земляная насыпь. Насыпь из камня и земли возводилась непосредственно над входной ямой, что придавало ей форму «шлейфа» или «хвоста». В то же время следует отметить, что данные насыпи более корректно называть каменными выкладками, которые достаточно наглядно отличаются от собственно курганных насыпей. Встречаются также прямоугольные ямы со срубом или без него и дощатым гробом.

Специфика Кенкольского могильника привела к его разноречивой этнической атрибуции специалистами (Кожомбердиева Э.И. 1998, с. 12-18; Смагулов Е., Павленко Ю. 1992, с. 200; Свиридов А.Н. 2012, с. 113-128). Его определяли как сюннуский, местный, в том числе, кангюйский, или кангюйско-сюннуский. Исследовавший Кенкольский могильник А.Н. Бернштам считал его, как и соответствующие катакомбы Семиречья, Ферганы и Ташкентского оазиса, принадлежащими сюнну, исходя из представлявшегося ему распространения власти сюнну на северо-восточную часть Средней Азии (Бернштам А. Н. 1948, с. 175-176; 1949, с. 359; 1950, с. 69; 1951, с. 102-117; 1952, с. 60-72; сравни: Подушкин А. 2008). Однако данное решение было справедливо отвергнуто на основании отсутствия подобных погребальных сооружений в собственной традиции сюнну, а также разбора ошибочности трактовок и допущений, представленных исследователем при привлечении данных письменных источников (Сорокин С.С. 1954, с. 131-147; 1956а, с. 97-111; 1956б, с. 3-14; 1958, с. 15-194; Maenchen-Helfen O. 1944-1945, p. 240; Берлизов Е. Н., Каминский В. Н. 1993, с. 106-107).

Возможно, в решении проблемы происхождения соответствующих катакомбных погребений в районе р. Талас, некогда располагался мятежный шаньюй сюнну Чжичжи, следует учитывать некоторые дополнительные наблюдения. Как отмечал А.Ш. Кадырбаев, левое (восточное) крыло сюннуского объединения было представлено юэчжийской фратрией «хуянь» (хуйан, хайан). Речь идет об оставшихся на востоке юэчжах, которые стали вассалами сюнну и в китайских источниках известны под названием «хун» (в современном языке «вэнь»). С ними связана область Цзюйянь (Каян) — «Белый», сведения Птолемея о скифах-хаурациях, т. е. юэчжийском «правителе Хунье»,

юэчжийском племени хунье китайских истчников. Именно среди них и управлял Худу-усы (Хада-аси, Хада-йаси), получивший тронное имя Чжичжи (Кадырбаев А. Ш. 2009). Возможно, данная ситуация и являлась дополнительным стимулом для правителя Кангюй в привлечении именно Чжичжи в союзники против Усунь.

Курганы кенкольского типа исследованы в Чуйской долине (могильник Кум-Арык в 20 км к ю-з от г. Кара-Балта), где представлены и сакские курганы. Аналогичная ситуация представлена в Кетмень-Тюбе, где выделена торкенская группа I-V вв. н. э. с Т-образными катакомбами по типу кенкольских. Могильники сосредоточены в долине р. Чичкан, в междуречье рр. Чичкан и Торкен, в долине р. Торкен и в двух районах на левом берегу р. Нарын. Во входных ямах отмечаются ступеньки, переход из ямы в камеру ступенчатый, потолок камеры сводчатый. Входы в камеру закрывались камнем, сырцовым кирпичом, комками глины, редко — керамическим шлаком.

Покойники укладывались на земляном полу, в арчовых гробах и на арчовых ложах. Материалы погребений указывают на заметную социальную и имущественную дифференциацию местного общества. Отличаются своим вооружением погребения воинов в больших катакомбах, часто сопровождаемые богатыми женскими погребениями. Черепа погребенных отмечены признаками искусственной деформации и монголоидной примесью. Вполне вероятно, что население Кетмень-Тюбе было этнически близким носителям обряда погребения в катакомбах кенкольского типа долин Таласа и Чу. Его связывают с мигрантами, появившимися здесь в последние века до н. э. Антропологи связывают погребения в Кетмень-Тюбе с юэчжами (Гинзбург В.В., Трофимов Т.А. 1972, с. 129). Катакомбы кенкольского типа открыты на Гульбинском мо-

гильнике в Узбекистане (Ташбаев Ф., Пардаев М. Х., Грицина А. А. 2008, с. 184-189).

На севере Ферганы также исследованы Т-образные катакомбы, входные ямы которых, в отличие от длинных и узких входных ям катакомб соседних Таласа и Кетмень-Тюбе, обычно короче и имеют прямоугольную или овальную формы. Они присутствуют в Исфаринском, Ворухском, Кайрагачском, Тураташском, Карабельском могильниках. В последнем катакомбы отличаются достаточно длинными входными ямами, достигающими 6-7 м. Входные ямы ориентированы с запада на восток, где примыкают к камерам, с которыми соединяются ступенчато. Отмечается, что по характеру насыпей и катакомбной конструкции погребения данного могильника наиболее близки катакомбам Таласской долины.

Наиболее исследованным является могильник Гурмирон к югу от г. Касансай. В основании его курганов отмечаются выкладки каменных колец. Погребенные укладывались головой на восток, на подстилке или подсыпке из гальки. Ряд погребений датирован с рубежа II-I вв. до н. э., последними веками до н. э., но основная масса — I-II вв. н. э. По предметам, найденным в погребениях, могильник Гурмирон сопоставим с могильником Кайрагач первых веков н. э., расположенным в долине р. Ходжа-Бакырган, которая, как отмечалось, могла восприниматься западными авторами как верховья р. Сыр-Дарья. Но там катакомбы имеют более длинные входные ямы (отмечаются ступеньки, спускающиеся в сторону камеры, а погребенные — меридиональную ориентировку). В свою очередь, могильник Кайрагач сближается с могильником Ширинсай у Беговата и памятниками юго-восточных районов Ташкентского оазиса. На северных склонах Алайского хребта обнаружены памятники с Т-образными катаком-

бами, входные ямы которых очень короткие (хангизский тип).

На правом берегу Средней Сыр-Дарье в районе Чардара исследованы три могильника, в которых представлены катакомбы кенкольского типа, что дало возможность относить их к кенкольской культуре. Наибольшее их количество происходит из Шаушикумского могильника (здесь отмечены и катакомбы лявндакского типа, подбои, грунтовые ямы), расположенного возле поселения Шаушукум. В нем встречены предметы, датирующие их временем не позднее I в. н. э. (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 110). Камеры его катакомб овальные, подпрямоугольные. Длинные входные ямы, подходящие к камере с юга или запада, как правило, имели ступени, вдоль торцевой или продольных стен. Отмечаются переходы из входных ям в камеры в виде дромоса. Переход ступенчатый, отмечаются примеры наличия 2 ступеней. Погребенные чаще ориентированы головой в восточном секторе, реже — на запад. Умерших сопровождал богатый инвентарь. Выделяются погребения воинов.

В 15 км юго-востоку от него расположен могильник Актобе. В отличие от других могильников, входы в камеры здесь были заложены сырцовыми кирпичами. К сожалению, могильник оказался сильно ограбленным. Наиболее близким к Ташкентскому оазису является могильник Жаман-Тогай, располающийся в 25 км к юго-востоку от Актобе. Некоторые входные ямы его катакомб также имели ступени. Здесь встречены предметы суннуского круга, что позволило атрибутировать его как суннуский, хотя отмечалось и различие самих погребальных сооружений. Поводом к такому решению, кроме собственно археологических наблюдений, послужило предположение (как и в случае с Кенкольским могильником), что при дви-

жении шаньюя Чжичжи часть сюнну дошла до Средней Сыр-Дарьи.

Непосредственно в Ташкентском оазисе такие катакомбы первых веков н. э. исследованы в Янги-Юльском и Вревском могильниках, в Туябугузе. Особое место занимают погребения могильника Каунчи II, по названию которого названа соответствующая археологическая культура, которую затем было предложено называть каунчи-джунской. В могильнике у станции Вревская представлен вариант подземной сводчатой входной ямы, соединенной с поверхностью ступенчатым спуском. Отмечается наличие ступеней в южной, приближенной ко входу в камеру, стороне входных ям, после которых дно заметно понижается в сторону входа (Агзамходжаев Т. 1961, с. 223-234). Представленная в них керамика достаточно своеобразна. Ведущая роль в ней принадлежит сосудам с зооморфными ручками. Катакомбы кенкольского типа были обнаружены в Отрарском оазисе (Кок-Мордан и др.) и в Борижарском могильнике на р. Арысь, в районе впадения в нее р. Бадам.

На р. Арысь и Талас становятся известны и другие соответствующие катакомбные могильники (Подушкин А. Н. 2008. С. 147-154; 2010. С. 207-217; 2011, с. 97-104; 2012, с. 488-496; Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. 2005, с. 70-96). По мнению исследователей, ближайшими аналогиями Борижарскому могильнику представлены в Шаушукуме, Актобе, Жаман-Тогай. По устройству и обряду погребений наиболее близки аналогичным с р. Арысь, могильникам Кетмень-Тюбе (Акчий-Карасу, Кара-Тектыр, Боз-Тобе, Джал-Арык, Торкен), Чаткала (Узун-Булак, Миянкол, Чукурчак), Ферганы (Кра-Булак, Карабель, Тура-Таш, Кайгарач, Гурмирон) и Ташкентского оазиса (Той-Тобе, Янги-Юль, Пскент, Джун, ст. Вревская) (Ержигитова А. А.

2011, с. 117). В настоящее время предлагается говорить не о каунчинской, кенколькской, отрарско-каратауской, джетыасарской (жетыасарская) культурах, а о вариантах одной «сырдарьинской» культуры (Смагулов Е. А. 2004, с. 284-301; Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. 2005, с. 159-164; Токказиева Ж. К. 2008, с. 193-197).

Т-образные катакомбы исследованы в Коктепе и в могильнике Орлат у городища Курган-тюбе (Кызыл-Кумы). Получившее наибольшую известность орлатское погребение из кург. № 2, где были найдены оригинальные костяные пластины с изображениями, датировалось концом II-I вв. до н. э.-рубежом н. э. по сведениям о падении Греко-Бактрийского государства. Их было предложено связать с кангюйцами, которые во II в. до н. э. захватили Согд (Пугаченкова Г. А. 1983, с. 14-16; 1985, с. 525-530; 1989, с. 150-153). Подобные погребения отмечаются и в других памятниках Согда (Иваницкий И. Д., Инноваткина О. Н. 1988).

Захват Согда кангюйцами, но по следам юэчжей, как уже отмечалось, предполагали и другие исследователи (Marquart J. 1901, s. 205; McGovern W. M. 1939, p. 134). Г. А. Пугаченкова выделяла 8 географических групп таких катакомбных памятников, ареал которых совпадает с предполагаемыми исследователями границами Кангюй. Ю. А. Заднепровский (Заднепровский Ю. А. 1997, с. 102) считает определенным, что курганы кочевников II в. до н. э.-II в. н. э. в Согде, районов Самарканда и Бухары, как и в других южных районах, принадлежали пришедшим с севераномадам. Следует отметить, что заниженная датировка погребения из кург. № 2 не подтверждается анализом происходящего из него вещевого комплекса. Наиболее вероятно, что его следует отнести к I-II вв. н. э. (Маслов В. Е. 1999, с. 219-229). Несомненно, материа-

лы данного некрополя указывают на культурные связи с сунну, Хань, Алтаем и Сибирью. В последнее время могильник непосредственно связывают с тохарами-юэчжами, рассматривая их появление в контексте тех событий, что привели к падению Греко-Бактрии (Бернар П., Абдуллаев К. 1997, с. 84).

В группу погребений II-IV вв. н. э. входят и погребения в Т-образных катакомбах долины Зеравшана (например, могильники Сазаган, Кызыл-Тепе, Акджар-Тепе). Для них характерны овальная или прямоугольная формы камер, которые соединялись с входными ямами с северной или южной сторон, восточная ориентировка погребенных, заклад входа в камеру сырцовым кирпичом, положение умерших в дощатых гробах, скрепленных железными скобами.

Некоторые исследователи полагают, что катакомбы кенкольского типа появляются раньше на Сыр-Дарье, чем в Бухаре. В целом, они выявлены, примерно, в 140 пунктах (более 1500 изученных курганов). Несомненно, указанные выше памятники несут на себе вполне ощутимые признаки культурных связей с более восточными регионами. Самыми древними Т-образными катакомбами в Восточном Туркестане считаются два погребения с полукруглыми камерами, сводчатым потолком, с расположенными на одном уровне днищами камер и входных ям в могильнике Тэмилуктэ уездного центра Синьюань на северном берегу р. Кунгес, впадающей в р. Или. Могильник датируется III-II вв. до н. э.-I в. н. э. Здесь также встречаются подбой и могила с заплечиками. Могильник считается юэчжийским.

В 4,8 км к северо-востоку от Лоулани исследован могильник Пинтай II-I вв. до н. э. — I в. н. э., в котором усматривают развитие катакомбных могил Тэмилуктэ. Речь

идет об обнаруженной катакомбе, имевшей узкую наклонную входную яму длиной около 4 м, несколько расширяющуюся ко входу в камеру. Камера примыкает к северной торцевой стенке входной ямы со смещением к юго-западу. Камера квадратной формы с несколько расширяющимися кверху стенами. Несомненно, в целом, материалы из Восточного Туркестана указывают на существенную роль сакского этнического элемента в древней истории этого региона (Литвинский Б. А. 1995, с. 258-259, 263, 277, 310).

Интерес представляют Т-образные катакомбы, включенные в группу погребений 2-й пол. III-VI вв. н. э., могильника Астана, расположенного в 1-2 км к западу от дер. Астана, в Турфанском оазисе. Впоследствии на этой территории образуется государство Гаочань. Катакомбы имели длинные (8-10 м) входные ямы, которые посредством дромоса соединены с подквадратными по форме камерами. Вход в камеру закрывался комьями земли, иногда применялась глиняная обмазка. Потолки камер оформлялись в форме балдахинов или усеченных пирамид. К данному периоду (его заключительной фазе) относятся катакомбы с входными ямами длиной 3,7-4,9 м, ссужающимися на входе в камеры двумя пилонами. Камеры квадратной и прямоугольной форм, невысокие. Более богатые захоронения совершались в гробах, бедные — на деревянном ложе. Здесь же представлены и подбойные могилы. В следующие периоды катакомбные погребения на этом могильнике получают свое дальнейшее развитие, имея параллели в материалах могильника Ярхото, располагающегося в 1 км западнее дер. Ярхо, в Турфанском оазисе. Материалы указанных могильников дали основание считать Турфан 1-й пол. I тыс. н. э. самым восточным ареалом распространения подбойно-ката-

комбных погребений, которые по своему характеру наиболее близки среднеазиатским, особенно семиреченским и ферганским погребениям.

В вопросе об истоках катакомбного обряда погребений у сарматов было обращено внимание на хронологически предшествующие им погребения ранних кочевников в «грунтовых ямах с дромосами», нередко перекрытых деревянным накатом, а также сопоставимые с ним конструктивно бревенчатые наземные усыпальницы Мечетсай, Тагискен, Бесшатыр (Мошкова М. Г. 1974, с. 44; Железчиков Б. Ф. 1992, с. 92-93). Интересно, что конструктивно близкие многоактные захоронения доживают до первых вв. н. э. у скотоводов Хорезма (Яблонский Л. Т. 1998, с. 8-12). Катакомбные погребения I и II типов (по К. Ф. Смирнову) известны и у скифов, причем, их распространение связывается с приходом кочевников из Азии (Ольховский В. С. 1977, с. 127). Собственно в Азии Т-образные катакомбы известны непосредственно в районе низовий Зеравшана с эпохи поздней бронзы (Заманбаба). В Южном Таджикистане представлены и катакомбы вахшской культуры (Литвинский Б. А. 1995, с. 321-323).

Но, видимо, особое внимание следует уделить материалам культуры Чауху (могильники Чауху и Чунбак/Цюньбакэ) 1000-500 гг. до н. э. или даже несколько более раннего периода, которая охватывала районы предгорий Южного Притяньшанья (Синьцзян). Носители этой культуры признаются исследователями наиболее ранними из известных сегодня науке кочевниками-европеоидами Восточного Туркестана. Именно материалы данной культуры в последнее время все больше привлекаются сторонниками гипотезы центральноазиатского происхождения скифов. Среди различных конструкций погребальных сооружений на указанных могильниках встречаются и грун-

товые ямы с ведущими к ним входными ямами, которые были перекрыты каменными плитами или деревянными плахами, а также их наземные бревенчатые аналоги.

Вполне объективным следует признать наблюдение, что Т-образные катакомбы, в отличие от подбойно-катакомбных погребений западной среднеазиатской группы, более тяготеют к востоку региона (Горбунова Н. Г. 1991, с. 28). Судя по всему, их основная масса запаздывает и хронологически по отношению к этой группе, не опускаясь, как правило, ниже рубежа н. э. Сложно соотнести с реальностью и решение о сугубо кангюйской принадлежности подобных погребений, т. к. известные материалы свидетельствуют в пользу более восточных связей носителей данного обряда погребений.

Вполне оправданным представляется наблюдение о сходных, но не идентичных чертах азиатской группы Т-образных катакомб с памятниками позднесарматской культуры (Горбунова Н. Г. 1991, с. 28). Кроме того, на материалах джунских захоронений отмечается вероятность не только происходивших заимствований как результата культурных и экономических связей местного населения с сарматами, но и частичных переселений (Оболдуева Т. Г. 1988, с. 167). Следует вспомнить, что еще Л. Г. Нечаева связывала происхождение северокавказских катакомб первых веков н. э. со Средней Азией (Нечаева Л. Г. 1956, с. 14; 1961, с. 159).

К. Ф. Смирнов хоть и не разделял полностью данное мнение, но считал его наиболее оригинальным, поскольку Т-образные катакомбы Алхан-Калинского могильника, по его мнению, были особенно близки среднеазиатским, в частности бассейна Сыр-Дарьи (Смирнов К. Ф. 1972, с. 80). А. М. Левина отмечала определенную близость джеты-асарского керамического комплекса и одновременно

некоторых отдельных элементов погребального обряда каунчинской культуры (юэчжи или потомки кангюйцев, по мнению автора) с материалами аланской культуры Северного Кавказа (Левина А. М. 1971, с. 241). Наиболее близкими аналогами подкурганых катакомб Центрального Предкавказья признавались катакомбные погребения Средней Азии, памятники Нижней и Средней Сыр-Дарьи, кон. I тыс. до н. э.-сер. I тыс. н. э. (Габуев Т. А. 1986, с. 20).

Близкую, но весьма своеобразную гипотезу отстаивал Н. Е. Берлизов. По его мнению, катакомбный обряд погребения аланов Центрального и Северо-Восточного Кавказа восходит, с одной стороны, к погребальным традициям поздних скифов Крыма, а с другой стороны, к катакомбной культуре Ферганы и Памиро-Алая. К этой группе примыкают и грунтовые катакомбы Верхней и Средней Кубани и Кабардино-Балкарии (Берлизов Н. Е. 1990, с. 5; 1991, с. 25; 2005, с. 20; Берлизов Н. Е., Лопатин А. П., Цокур И. В. 2003, с. 167). Исследователь отмечает, что встречающиеся в центральных подкурганых катакомбных погребениях Северного Кавказа туалетные наборы, зеркала, оружие и состав керамического набора, обычай искусственной деформации черепа находят себе параллели в катакомбных погребениях Ферганы и Памира I в. до н. э.-III в. н. э. В мужских погребениях отмечены остатки луков «гуннского типа», а также панцири, аналогичные доспехам из могильника Акчий-Карасу в Средней Азии (расположен на берегу р. Нарын — А. Т.). Особо отмечаются находки ранних образцов деревянных столиков-фынгов, столь характерных для осетинской традиционной культуры, в Кенкольском могильнике.

М. Г. Мошкова в качестве рабочей гипотезы предположила, что в 1-й пол. II в. н. э. начались какие-то передви-

жения кочевников из Северной Бактрии (тогда прекращают существования Аруктауский, Тулхарский и Коккумский могильники), которые привели в движение многие другие кочевые объединения Средней Азии. Одна из их частей дошла до Волги и междуречья Волга-Дон, способствуя формированию позднесарматской культуры, внося такие признаки погребального обряда, как северная ориентировка, узкие грунтовые ямы и подбои (Мошкова М. Г. 1994а, с. 22). С движением из Средней Азии связывал соответствующие изменения и А. С. Скрипкин (Скрипкин А. С. 1984, с. 114-115).

ГЛАВА VII. АЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (по данным археологии)

Анализ известных на сегодняшний день археологических материалов позволяет скептически отнести к гипотезе о сколь-нибудь значительной миграции сарматов с их родины в южном направлении. В то же время все меньше сомнений остается у исследователей в отношении обратного по своей направленности влияния — западной миграции центрально- и среднеазиатских кочевников на историю сарматского мира. Она, как и в случае с Хорезмом, обходится молчанием в письменных источниках. Видимо, данное молчание вполне закономерно, поскольку отражает направление миграцией через территории, сведения о которых лежали слишком далеко от центров письменных цивилизаций, а происходившие тогда события препятствовали возможности получения аутентичной информации.

Исследователи давно отмечали (Бернштам А. Н. 1947а, с. 136-137) распространение в культуре южнорусских степей многих среднеазиатских элементов, фиксируемых до меридиана Ташкента. Аналогичное положение признавалось для Северного Кавказа (Мацулевич А. Л. 1947, с. 143). Указывалось (Ставиский Б. Я. 1977, с. 108; 1992, с. 17), что на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье пришли те же племена (тохары), что и в Парфию и Греко-Бактрию. Замечали (Мандельштам А. М. 1978а, с. 140-141), что черты культуры юэчжей, с которой связаны погребения в Северной Бактрии, близки параллельной культуре сар-

матских племен западной части степного пояса, и ставили вопрос о причинах такого сходства, указывая на бесспорное передвижение с востока юэчжей.

К последствиям вторжения тохаров относили разрушения городов и хоры Азиатского Боспора в 4-й четверти II в. до н.э. и появление новых среднеазиатских приемов в строительстве (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 142; 1974, с. 158). Возможно, с данными событиями связаны сведения Мовсеса Хоренаци (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 9) о смутах на Северо-Западном Кавказе, в стране Булгар (явный анахронизм) на рубеже II-I вв. до н. э. Сведения о последних, как полагают, древнеармянский автор черпал из работы Мар Абаса Котина о событиях 149-127 гг. до н. э.

Но следует учитывать, что появление центрально- и среднеазиатских кочевников в Восточной Европе являло собой продолжение тех же процессов создания многокомпонентных объединений, которые наблюдались непосредственно в предшествующий период западной миграции юэчжей-тохаров. Здесь оно получало свой дополнительный импульс за счет непосредственных контактов с сарматами, объединения которых были достаточно мощными и многочисленными. Кроме того, географически обусловленное продвижение через территорию Заволжья должно было затронуть и местных кочевников, у которых, практически у трети населения, по данным антропологии, отмечается долихокрания, присущая скифам, куюсайцам и сакам Южного Памира (Трофимова Т. А. 1979, с. 77-85; Дебец Г. Ф. 1948, с. 146-148, 160-163, 167-171; Гинзбург В. В. 1960, с. 36-37; Фирштейн Б. В. 1970, с. 95).

Несомненно, появление ярких восточных инноваций в памятниках Восточной Европы должно маркировать непосредственное появление здесь азиатских кочевников. Именно под заметным влиянием этих кочевников несар-

матского происхождения, принесших с собой традиции, характерные для саяно-алтайского и минусинского районов (отдельные находки имеют аналогии в южносибирских, суннских и китайских древностях), происходило дальнейшее развитие прохоровской культуры во II-I вв. до н. э. (Десятчиков Ю.М. 1973, с. 142; 1974, с. 158; Керемов Б.М. 1986, с. 15; Еременко В.Е., Шукин М.Б. 1992, с. 110-111; Taylor Т. 1992, с. 66-71, Яценко С.А. 1992, с. 195; 1992а, с. 76, 78; 1993б, с. 97-98; 1993г, с. 15-16; Симоненко А.В. 1993, с. 111, 2010, с. 24; Раев Б.А., Яценко С.А. 1993, с. 111-112; Раев Б.А. 2000, с. 198-199; Raev В.А. 1998, р. 71-78; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993, с. 178-179; Шукин М.Б. 1994, с. 145-146, 149, 196, 2005, с. 61-62; Мордвинцева В.И. 1994, с. 71, 1998, с. 34-35; Мошкова М.Г. 1994а, с. 19; Зайцев Ю.П. 1994, с. 100; 1999, с. 127-147; 2000, с. 41; Скрипкин А.С. 1992, с. 19, 23, 25, 41; 1992а, с. 34-35; 1993, с. 3-9; 1994б, с. 15-16; 1995, с. 77-79, 87-89; 1996, с. 102-104, 1996а, с. 80; 1997, с. 12-14; 1999, с. 123-126; 2000, с. 17-29; 2000а, с. 141-142; Пуздровский А.В. 1995, с. 324; 1999, с. 209, 219; 2001, с. 92-93; Сергацков И.В. 1996, с. 114; 1997, с. 88; 1999, с. 145-147; Клепиков В.М. 1998, с. 24; Скрипкин А.С., Минеева О.И. 2004, с. 212-214 и др.).

Вполне закономерным представляется заключение, что последующее формирование среднесарматской культуры было связано с событиями II в. до н. э. в Средней Азии (Яблонский Л.Т. 2004, с. 146). В Поволжье, на Иловле, на Нижнем Дону и к западу от Дона появляются кочевнические захоронения с северной ориентировкой погребенных, что явно отличает их от традиционной южной ориентировки раннесарматских погребений. В данной связи указывается на наличие соответствующей традиции у юэчжей и сунну (Скрипкин А.С. 2001, с. 37). Прояв-

ление восточных инноваций в памятниках раннесарматской культуры привело исследователей к закономерной необходимости выделения ее особого этапа в рамках II-I вв. до н. э. Вместе с тем, следует учитывать, что раннесарматская культура сохраняет ряд присущих ей характерных черт на всем протяжении своего существования.

Подтверждением присутствия в последних вв. до н. э. - рубежа н. э. в Предкавказье соответствующих азиатских этнических элементов считают богатейшее катакомбное погребение у хут. Комарово Моздокского района Северной Осетии, чьи материалы обнаруживают близкие параллели с материалами тохаро-юэчжийских (по другой трактовке (Rapin С. 2007, р. 51-55; Dorneich Ch.M. 2010, р. 52), кангюйских, сакараукских) погребений Тилля-Тепе в Афганистане (Керефов Б. М. 1986, с. 15; Абрамова М. П. 1990, с. 126; Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2007, с. 330). Было обращено внимание, что обнаруженные ювелирные украшения в погребениях из Моздокского района (Комарово, кург. № 1, погр. № 24, Павлодольская, кург. № 2, погр. 1) могут свидетельствовать именно о влиянии традиций новых кочевнических группировок с востока (Королькова Е. Ф. 2003, с. 80).

Конструктивно комаровское погребение имеет свои аналогии на Северном Кавказе. Их появление здесь (Прикубанье, Закубанье, Ставрополье, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Дагестан), как отмечали ученые, хронологически и культурно совпадает с распространением в Северном Причерноморье, в Крымской Скифии и на Боспоре, а также в Средней Азии. Они обычно включаются исследователями в общий круг сарматских памятников. Такие катакомбы господствуют среди погребений ранней группы, например, Нижне-Джунатского могильника (Кабардино-Балкария), материалы которого, как и мо-

гильника Чегем II, некоторые исследователи связывают с пришедшими прикаспийскими аорсами или среднеазиатскими племенами, тохарами (Чеченов И. М. 1978, с. 7; Керефов Б. М. 1978, с. 18; 1988, с. 130-131).

Аналогичные сарматские катакомбы у с. Калмыково, объединенные с одним из вариантов катакомб I типа, сближались с памятниками среднеазиатских могильников Кую-Мазарский, Лявандакский и Кара-Булакский (Синицын И. В. 1959, с. 201-202). Отмечалось, что подбойно-катакомбные погребения Нижнего Поволжья было бы соблазнительно выводить из Средней Азии (Шилов В. П. 1958, с. 428-429). Стоит напомнить, что и М. П. Абрамова ранее не отрицала возможную генетическую связь появления катакомб на Северном Кавказе с традициями Средней Азии, справедливо отмечая взаимовлияние местных (северокавказских) и пришлых племен (Абрамова М. П. 1967, с. 154-155).

Указанные наблюдения напоминают о том, что комаровское погребение, как и отдельные погребения Центрального Предкавказья, Нижних Дона и Поволжья, объединяется по характеру открытых в нем материалов с памятниками «зубовско-воздвиженской группы» в Прикубанье. Памятники данной группы давно привлекают внимание специалистов (Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989, с. 71-141; Абрамова М. П. 2007, с. 18-19). Они представляли собой погребения в прямоугольных или подквадратных ямах, у части которых прослежены деревянные конструкции (столбы, перекрытия). Причем, они не являлись основными погребениями в курганах, а впускными в курганы более ранних эпох, для которых могла применяться дополнительная досыпка насыпей курганов. В насыпях курганов отмечается наличие ритуально-поминальных мест. В последнее время памятники данной группы на

Северном Кавказе фиксируются в окрестностях Новороссийска, в Прикубанье, в Восточном Закубанье, в Нижнем Подонье, в Центральном Предкавказье и вплоть до территории Нижнего Терека. Также они отмечаются в Нижнем Повольжье и на Южном Буге (Малышев А. А., Трейстер М. Ю. 1994, с. 59-72; Берлизов Н. Е. 1999, с. 16; Раев Б. А. 2000, с. 198-199; 2008б., с. 57; Беглова Е. А. 2007, с. 376-393; Воронятов С. В. 2011, с. 47; 2012, с. 170-172). Датируется эта группа памятников в пределах I в. до н. э. или сер. I в. до н. э. и I в. н. э. или сер. I в. н. э.

В сер. I в. н. э. на Средней Кубани появляются богатые курганы «Золотого кладбища» с погребениями в катакомбах I и II (преобладают) типов (Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994; Ждановский А. М. 1984, с. 72-99; Каминский В. Н., Берлизов Н. Е. 1993, с. 68-76; Берлизов Н. Е. 1997, с. 20-23; 1998, с. 10-14). На левой террасе р. Кубань, вблизи устья р. Лаба у ст. Некрасовская открыта синхронная курганная группа. В ней представлены прямоугольные ямы (одна из них содержала столбовую конструкцию, известную по «зубовско-воздвиженской группе») и катакомбы. Конструкция катакомб, детали обряда и ряд категорий инвентаря позволяют отнести их к кругу памятников «Золотого кладбища», которые, в целом, датируются, примерно сер. I в. н. э.-нач. III в. н. э. В то же время катакомбное погребение из кург. № 8 у ст. Казанская относится к группе погребений 2-й пол. I в. до н. э.-1-й пол. I в. н. э. (Гущина И. И., Засецкая И. П. 1992, с. 49, 51), что указывает на определенную синхронизацию памятников обеих групп. Отмечаются и другие материалы, непосредственно связывающие между собой памятники «зубовско-воздвиженского типа» и «Золотого кладбища», что напоминает о решении, высказанном еще в начале изучения данных памятников, о рассмотрении «зубовско-воздвиженских» памятников как хронологического этапа в рамках еди-

ной группы «Золотого кладбища» (Каминский В. Н. 2000, с. 86-95).

Особую близость к памятникам «Золотого кладбища», как определяют исследователи, проявляют основные подкурганские катакомбы возле сс. Учкеекен, Терезе и Усть-Джегута (Карачаево-Черкессия). Отмечается, что катакомбы «Золотого кладбища» обнаруживают и сходство с ранними катакомбами II-I вв. до н. э. Центрального Предкавказья и катакомбами Дайламана (Иран) (Скрипкин А. С. 1990, с. 213-214; Сергацков И. В. 1998, с. 47). В отношении катакомб Дайламана В. А. Кузнецов упоминает о названии р. Аланичай в Ленкорани и о племени и округе alan в Мукринском Курдистане (Кузнецов В. А. 1992, с. 51; Алиев И. 2009, с. 114-129; Алиев И. Г., Асланов Г. М. 1975, с. 72-88). Группа катакомбных погребений в первом регионе в настоящее время может быть значительно пополнена материалами курганов-кладбищ у с. Заманкул (Ростунов В. Л., Березин Я. Б. 2007), а также иных курганных погребений с территории Северной Осетии, которые, к сожалению, во многом остаются неопубликованными, и соседних областей.

Обычно исследователи связывали памятники «зубовско-воздвиженской группы» с сарматами (Алексеева Е. П. 1976, с. 129, 157), сираками (Смирнов К. Ф. 1952, с. 14) и родственными им племенами (Березовская Л. Ю. 1989, с. 84, 85). Однако не исключали и возможность атрибутировать их как принадлежащих меотской знати (Абрамова М. М. 2000, с. 126-127). В русле развития первой точки зрения было предложено выделение данной группы как особой социальной прослойки в общей массе сарматских древностей Прикубанья того периода (Берлизов Н. Е. 1993а, с. 10). В то же время, судя по всему, предполагается

связь с традициями Приуралья и Зауралья (Берлизов Н. Е. 1999, с. 18-19).

Другая группа исследователей считала возможной связь данных памятников со среднеазиатскими асиями (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 78) или, в достаточно осторожной форме, с ранними аланами (Каминский В. Н. 1989, с. 96; Щукин М. Б. 1992, с. 117). Последнее решение уже утвердительно определялось за счет широко представленных в них инноваций, которые в основном генетически связаны с культурой юэчжей, а также саками Семиречья, Саяно-Алтая и сюнну (Раев Б. А., Яценко С. А. 1993; Раев Б. А. 1994, с. 24; Яценко С. А. 1993а, с. 76, 78).

Несмотря на критические высказывания (Берлизов Н. Е. 1993а; 1998а, с. 34; Абрамова М. П. 2000; 2007), данное решение представляется вполне вероятным (Raev B. A. 1998, p. 71-78; Яценко С. А. 2003, с. 315-316). Предлагалось и не связывать центральноазиатские черты памятников непременно с аланами, поскольку их появление могло диктоваться приходом не только аланов, но и тохаров или других восточных мигрантов (Сергацков И. В. 1997, с. 88; 1999, с. 146-147). Интересно, что материалы Подгорненского комплекса могильников междуречья рр. Аксай и Сал фиксируют связи с кочевым и оседлым населением Согда, бассейна Зеравшана, рассматриваясь в связи с событиями 2-й пол. II в. до н. э. передвижений азиатских кочевников и разгрома Греко-Бактрии (Мошкова М. Г. 1994а, с. 19).

Памятники «Золотого кладбища» предлагалось атрибутировать как принадлежащие меотской знати (Анфимов Н. В. 1958, с. 44; 1987, с. 220), в состав которой допускается вхождение представителей сираков, а позднее и аланов (Абрамова М. П. 2007, с. 51). Его хозяевами, как полагают некоторые исследователи, могли быть участ-

ники некоего варварского военного объединения, находящиеся на службе у Рима (*socii*) и противостоящие натиску кочевников и, прежде всего, аланов (Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994, с. 39-40; Щукин М. Б. 1994, с. 208-209). Ряд исследователей настаивает на связи погребений с сарматами-сираками (Ждановский А. М., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 1988, с. 113; Ждановский А. М., Марченко И. И. 1988, с. 52-53; Каминский В. Н., Берлизов Н. Е. 1993, с. 75-76; Берлизов Н. Е. 1990, с. 14; 1997, с. 22-23; 1999а, с. 13-14; Марченко И. И. 1996, с. 138). Другие исследователи считают их хозяев сарматами и, в частности, аланами (Смирнов К. Ф. 1952. С. 13; 1972, с. 78-80; Нечаева Л. Г. 1961, с. 151; Виноградов В. Б. 1963, с. 107; 1968, с. 51; Ждановский А. М. 1984, с. 95-97; 1985, с. 15-17; 1992, с. 46-53; Каминский В. Н. 1989, с. 96; Каминский В. Н., Цокур И. В. 1998, с. 16; Раев Б. А. 1994, с. 24; Симоненко А. В. 2010, с. 250).

Наиболее спорной является попытка атрибутировать памятники «Золотого кладбища» как меотские. Судя по всему, данное направление более продиктовано авторским стремлением отстоять собственную концепцию по вопросу происхождения катакомбного обряда погребения за счет влияния местного населения. Гипотеза о римских федератах сосредотачивается на выявлении соответствующего импорта в погребениях, оставляя в стороне вопросы самого погребального обряда. Обращает на себя внимание, что нередко одни и те же исследователи приписывают погребения сарматам (сиракам) и аланам, что, вероятно, продиктовано рассмотрением аланов как части собственно сарматского мира или появлением аланов на территории сиракского союза, что, в частности, позволяет рассматривать хозяев «Золотого кладбища» как сираков-дружинников, вошедших в аланский союз и участвовавших во внешних военных акциях аланов.

Вместе с тем, уже неоднократно обращалось справедливое внимание на то, что погребения, входящие в круг памятников «Золотого кладбища», отличаются наличием специфических черт, связывающих их с непосредственным проникновением сако-юэчжийских группировок Центральной Азии (Ждановский А. М. 1987, с. 36-37; Симоненко А. В. 1989, с. 61, 64, 69-70; 2010, с. 250; Ждановский А. М., Яценко С. А. 1991, с. 44-45; Шукин М. Б. 1992, с. 114; Яценко С. А. 1993а, с. 63, 65), что соответствует и наблюдениям за памятниками «зубовско-воздвиженской группы». Хотелось бы обратить дополнительное внимание и на некоторые другие черты погребальных сооружений и погребального обряда, которые находят параллели как в памятниках азиатского региона, так и в синхронных сарматских и несколько более поздних аланских памятниках Северного Кавказа.

Погребения типа «Золотого кладбища» представляли собой основные или единственные впускные курганные погребения, что соответствует традициям носителей средне- и позднесарматской культур, отождествляемых с историческими аланами. Хронологически же ближе к северокавказским памятникам стоят именно аналогичные средне- и центральноазиатские погребения. Причем, в катакомбных погребениях там также практикуется положение погребенного ногами ко входу. Заклад их входов в погребальные камеры деревом или сырцовым кирпичом находит свои параллели в Азии, поэтому отнесение сырцовых закладов к влиянию лишь традиций Азиатского Боспора и, в частности, синдского (Абрамова М. П. 2007, с. 40) не представляется столь бесспорным (смотри также: Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2011, с. 197-198). Заметим, что Ю. М. Десятчиков относил появление использования сырцового кирпича в строительном деле того периода на

Азиатском Боспоре именно к последствиям появления среднеазиатского населения. Позднее аналогичное наблюдение было сделано и в отношении Зилгинского городища (Северная Осетия).

Катакомбы «Золотого кладбища», особенно II типа, несомненно, близки кубанским катакомбам, которые исследователи связывают с сираками. Вместе с тем, особо оговаривался территориальный разрыв между сиракскими катакомбами и катакомбами сарматов междуречья Волга-Дон. С учетом же находок подобных катакомб в более южных регионах, в междуречье Сал-Маньч, предполагается возможность последующего заполнения данной лакуны. Однако сам факт широкого распространения катакомб II типа у сираков, значительно больший, чем в остальном сарматском мире, все-таки допускает влияние традиций Азиатского Боспора на «сильно меотизированных» сираков (Абрамова М. П. 2007, с. 39).

Следует сразу отметить, что распространение катакомб II типа гораздо шире у самих северокавказских кочевников того периода и вне сиракского объединения. Они, вместе с производными от них катакомбами III типа, составляют, например, значительный процент в курганном некрополе у с. Заманкул в Северной Осетии (Ростунов В. Л., Березин Я. Б. 2007). Неоднократно такие погребения зафиксированы в курганах Моздокского района Северной Осетии. Отмечены они и восточнее, в курганах у с. Коби Шелковского района Чечни (Березин Я. Б., Ростунов Е. В. 2000, с. 20) и в Дагестане (Маслов В. Е., Красильников К. И., Пярых Г. Г. 2013, с. 33-39). Возрастает количество находок катакомб II типа и на Ставрополье (Белинский А. Б., Березин Я. Б., Калмыков А. А. 2000, с. 17; Березин Я. Б. 2007, с. 67-99).

В кург. № 4 у ст. Казанская фиксируется наличие около-

курганного ровика. Околокурганные ровики или ровики в насыпях курганов изредка начинают фиксироваться в памятниках среднесарматской культуры, хотя они известны и с более раннего времени в кочевнических погребениях. Впоследствии они будут заметно представлены, например, в курганных аланских некрополях Центрального Предкавказья, напоминая не только о конструктивных особенностях сарматских, в том числе, грунтовых погребений, но и приаральских памятников, хотя последние относятся к погребениям оседлого населения (Кульчар В. 1997, с. 126-137; Левина Л.М. 1996, с. 60, 90-91; Ковалевская В.Б. 2005, с. 81; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2007, с. 464-465; Туаллагов А.А. 2007, с. 216). Околокурганные рвы представлены и в памятниках позднесарматской культуры (Мошкова М.Г. 2009, с. 91). В курганах «зубовско-воздвиженской» группы отмечается устройство в насыпях жертвенно-поминальных мест. Аналогичные места отмечают, например, в курганах у г. Курганинск и у с. Заманкул.

Во входных ямах катакомб у ст. Тбилисской фиксируются как угловые, так и поперечные ступени для спуска. Аналогичная конструктивная деталь будет затем широко применяться в аланских погребениях Центрального Предкавказья. Изредка встречающиеся дромосы (кург. № 25, погр. № 9 у ст. Михайловская, кург. №№ 1, 8 у ст. Тбилисская) также станут обычной деталью в конструкциях раннеаланских катакомб.

В части курганов, раскопанных у ст. Тбилисской, отмечается обряд погребений коней как в отдельных ямах, так и во входных ямах катакомб на слое земляного заполнения. Прежде всего, следует отметить, что погребения коней, как отдельные, так и во входных ямах катакомб, известны по материалам сарматского курганного некро-

поля у с. Заманкул. Следует обратить внимание и на захоронения коней на мощном слое заполнения входных ям катакомб в грунтовых могильника городища «Спорное I» и могильника № 3 Прочноокопского городища. Позднее погребения лошадей во входных ямах на слое заполнения отмечается в аланских катакомбах могильников Клин-Яр III (Ставрополье) (Флеров В. С. 2000, с. 42, 46, 115, рис. 16) и у с. Брут, в раннесредневековом аланском могильнике Даргавса (горная зона Северной Осетии) (Туаллагов А. А. 2008).

Возможно, данный ритуал связан с представлениями о достижении загробного мира душой умершего, этнографически зафиксированный у осетин. С близкими представлениями сопоставляли и помещение коней на ступенях подбоев или перекрытиях ям в раннесредневековых тюркских погребениях (Ивченко А. В. 1999, с. 69). Наличие деревянных гробов в погребениях «Золотого кладбища» нельзя однозначно относить за счет влияния только местных традиций, т. к. использование гробов отмечается и у сарматов, что, как мы знаем, имеет и другие азиатские параллели.

В курганах «Золотого кладбища» представлены и дополнительные детские захоронения, что находит себе параллели в аланском кургане LXII у с. Альды (Абрамова М. П. 2007, с. 55). В двух курганах у ст. Тбилисской обнаружены черепа со следами искусственной деформации. В погр. № 13, кург. № 4 у ст. Киевская (Северная Осетия) (материал не опубликован), представлявшим собой катакомбу II типа, также обнаружен деформированный череп. Прежде наиболее ранняя находка деформированного черепа на Северном Кавказе происходила из кат. № 24 Чегемского кургана-кладбища рубежа н. э. (Керефов Б. М. 1988, с. 82). Обряд деформации черепа, несомненно, свя-

зан с аланами, которые могли принести его из Центральной Азии (Ходжайов Т.К. 1999, с. 194).

Необходимо отметить, что в памятниках «зубовско-воздвиженской группы» представлены только большие грунтовые ямы, что при сравнении с комаровской катакомбой подтверждает многокомпонентность появившейся в Восточной Европе центральноазиатской волны кочевников. В отношении прикубанских катакомб, прежде всего II типа, исходя из богатства содержащихся в них материалов и вооружения, высказана точка зрения об их социально-дифференцирующем значении в рамках единого этнического круга (Ждановский А. М., Марченко И. И. 1988, с. 47; Ульянова О. А. 1989, с. 76; Марченко И. И. 1996, с. 137-138).

Исходя из скопления «княжеских» курганов (Хохлач, Садовый, Высочино, Кобяково и др.), мощный центр складывавшегося аланского объединения помещают на Нижнем Дону (Раев Б. А. 1978, с. 92-93; 1985, с. 130-131; Раев В. А. 1986, р. 58-63; Скрипкин А. С. 1990, с. 214-215; Безуглов С. И., Захаров А. Б. 1992, с. 148-156). Исследователи обращали внимание на тот факт, что отмеченные погребения, в отличие от «Золотого кладбища», были совершены в «широких» квадратных и прямоугольных ямах, со специально оформленными мощными, стратиграфически сложными выкидами вокруг могил, с которыми, как правило, связаны самые богатые и престижные приношения. Фиксируется наличие ниш-тайников, также с богатыми материалами, как в самих могилах, так и за их пределами. Отмечается обряд положения покойников вдоль стенок. Донские памятники, таким образом, демонстрируют иные конструкции погребальных сооружений и иную специфику погребальных обрядов, что, прежде всего, ставит вопрос об объединении под названием ала-

нов в письменных источниках различных кочевых группировок.

Вместе с тем, указывается на близость материалов погребений Нижнего Дона и Средней Кубани, включение последней и его населения в территорию аланского союза, южную границу которого и охраняли хозяева «Золотого кладбища» (Раев Б. А. 1979, с. 210; 1985, с. 131; Ждановский А. М. 1983, с. 83-84; Ждановский А. М., Марченко И. И. 1988, с. 51-54). Здесь также концентрируются элементы центральноазиатского происхождения, которые компактно отмечаются на Нижней Волге, что дало спорный повод некоторым исследователям (Яценко С. А. 1993, с. 61) очертить границы складывающегося аланского союза различных племен. Полагали даже (Ждановский А. М. 1979, с. 42-44; 1984а, с. 54-55), что хозяева «Золотого кладбища» попали во враждебное сиракское и меотское окружение.

Отмеченные погребения, появляющиеся на Северном Кавказе с сер. I в. н. э., свидетельствуют о принадлежности их хозяев к высшим слоям кочевого общества. Такое положение вполне могло вызвать предположение о появлении аланской аристократии в составе идущих в авангарде «дружинных» отрядов раньше своих рядовых соплеменников (Мошкова М. Г. 1989, с. 45). Но вполне справедливо было на тот момент и замечание, что мы можем иметь дело с совпадением этнического и социального начал (Яценко С. А. 1993, с. 61).

Сама идентификация выявленных новых археологических памятников с аланами обусловлена синхронным появлением в нарративных источниках сведений об аланах, чья письменная локализация совпадает с территориальным расположением этих памятников. Ранее уже отмечалось, что на втором выделяемом этапе развития раннесарматской культуры явственно ощутимо влияние

восточных традиций, связанных с этническими инновациями, т. е. с непосредственным появлением центральноазиатских кочевников. Четкая же фиксация письменными источниками аланов, как отмечвали исследователи, совпадает с перемещением в Восточную Европу целого культурного пласта, имеющего, как и прежде, в основном центральноазиатское происхождение.

В аланских памятниках того времени из Приднепровья, Придонья, Прикубанья и Поволжья выделяют специфические инновации центральноазиатского происхождения (Раев Б. А. 1984; 1989, с. 116; Щукин М. Б. 1992, с. 114-116; 1994, с. 207; 2005, с. 63-65; Алексеева Е. П. 1976, с. 206-218; Смирнов К. Ф. 1950, с. 102; Шилов В. П. 1959, с. 429; Толстов С. П. 1961, с. 133, Максимов Е. К. 1966, с. 54; Медведев А. П. 1983, с. 124-126; Мошкова М. Г. 1989, с. 45; Клейн Л. С. 1976, с. 228-234; Засецкая И. П. 1989, с. 35-47; Каминский В. Н. 1990, с. 13-14, 34; Симоненко А. В., Лобай Б. И. 1991, с. 6-52; Симоненко А. В. 1989, с. 61, 64, 69-70; 1992а, с. 161; 1993, с. 84, 112-113; 2010, с. 99-100, 104, 242, 250; 2010а, с. 392-342; Simonenko A. 2001, p. 53-72; Яценко С. А. 1993, с. 60-69; 1994а, с. 85-86; 1994б, с. 206; 2000, с. 172-179; Ждановский А. М., Яценко С. А. 1991, с. 44-45; Ждановский А. М. 1987, с. 36-37; Скрипкин С. А. 1984, с. 114; 1989, с. 179; 1989а, с. 86-88; 1990, с. 200, 206-222; 1992, с. 19-20, 25-26, 29-32, 36-41; 1994б, с. 17; 1995, с. 88-90; 1996а, с. 162-168; 1997, с. 12, 14, 23-24, 56-61; 1999, с. 126-130; 2000б, с. 96-98; Беспалый Е. И. 1992, с. 188; Балонов Ф. Р. 1996, с. 18; Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. 1976, с. 69-70; Гугуев В. К. 1990, с. 72; Мордвинцева В. И. 1998, с. 34-35; Mordvintseva V. 1999, p. 147; Клепиков В. М., Скрипкин А. С. 1997, с. 36-37; Сергацков И. В. 1997а, с. 21; 1998, с. 46-47; 1999, с. 140-142; 1999а, с. 36-39; Цуциев А. А. 1999, с. 78-82; Маслов В. Е. 1999, с. 224; Иштванович Э., Кульчар В.

1998, с. 11, 13; Ilyasov J. 2003, р. 278, 303 и др.). Причем, такие вещи, как отмечали исследователи, нередко носят в большей части этноопределяющий характер (вооружение, конская узда, поясные пряжки, изобразительные памятники и др.).

Неоднократные активные участия средне- и центральноазиатских кочевников в миграциях в Восточную Европу делают вполне объяснимыми наблюдения специалистов о проявлении в осетинском языке следов контактов с сакским, хорезмийским, согдийским и афганским языками (Harmatta J. 1952, р. 10-16; 1970; Altheim F. 1950, s. 208-221; Bailey H.W. 1977, р. 39-43, Миллер В.Ф. 1992, с. 598; Бенвенист Э. 1965, с. 23; Bielmeir R. 1977, s. 22; Добродомов И.Г. 1981, с. 39; Гагкаев К.Е. 1981, с. 17; Dorneich Ch.M. 2010, р. 58). В азиатский регион ведут фольклорные связи осетинского эпоса, аланская и асская топонимики (Толстов С.П. 1948а, с. 493; Снесарев Г.П. 1975, с. 76, 85, 93; Пахалина Т.М. 1976, с.180; Дзиццойты Ю.А. 1992, с. 181-182; Толстова Л.С. 1984, с. 187; Цуциев А.А. 1999, с. 132).

Вполне вероятными представляются выводы исследователей, что политико-культурное господство аланов привело к широкому распространению среднесарматской (сусловской) культуры, в которой отмечаются существенные отличия в погребальном обряде по сравнению с раннесарматской культурой. Действительно, распространение памятников среднесарматской культуры на территориях прежних носителей раннесарматской культуры совпадает с появлением на данных территориях аланов письменных источников. Поэтому вполне закономерно решение исследователей о приложении названия исторических аланов к носителям среднесарматской культуры.

В Южном Приуралье в складывающемся среднесар-

матском археологическом комплексе ощущается определенная преемственность с раннесарматскими традициями. В конечном итоге, оформление археологического комплекса среднесарматской культуры определялось, видимо, неоднократным появлением в регионе азиатских кочевых групп с юга и востока. Видимо, данное влияние шло в русле тех глобальных изменений в истории ираноязычного кочевого мира, которое диктовалось бурными событиями в азиатском регионе. Однако количество среднесарматских памятников в Южном Приуралье достаточно ограничено и значительно уступает их количеству на более западных территориях. Южное Приуралье продолжает оставаться периферией сарматского мира в силу уже отмечавшихся миграционных процессов и неблагоприятной климатической обстановкой. Именно на рубеж н. э. приходится пик аридизации в регионе. Поэтому данный регион не может рассматриваться как центр формирования среднесарматской культуры.

Появление памятников среднесарматской культуры по-разному определяют для отдельных регионов, примерно, в рамках сер. I в. до н. э.-сер. I в. н. э., с явной тенденцией к смещению к рубежу н. э. Было предложено и выделение в рамках I в. до н. э. особого переходного этапа от раннесарматской к среднесарматской культуре. Следует признать вполне объективным вероятные хронологические расхождения для фиксации памятников среднесарматской культуры на различных территориях. Но именно ко 2-й пол. I в. н. э. происходит нивелировка среднесарматской культуры на всей обширной территории ее распространения. К этому периоду признаки раннесарматской культуры явно угасают, хотя отдельные материалы свидетельствуют о продолжении существования ее носителей и во 2-й пол. I в. н. э. Показательно, что

именно с данным процессом совпадает появление сведений об аланах в нарративных источниках.

Процесс формирования среднесарматской культуры не был одноактным, но, в конечном итоге, как отмечалось, привел к формированию достаточно стабильного археологического комплекса. Происходило последовательное продвижение его носителей на запад, в процессе которого не только явно ощущается вытеснение прежнего раннесарматского населения на запад и на север, но и сохранение на прежних местах проживания оставшегося раннесарматского населения. В результате на отдельных территориях наблюдается как сосуществование, так и взаимодействие носителей раннесарматской и среднесарматской культур. Известна значительная серия захоронений, сочетающих признаки обеих культур.

Такое положение подтверждает реальность определенной преемственности между указанными культурами, которая поддерживается и данными антропологии. Интересно, что на последней стадии раннесарматской культуры вместо семейно-родовых курганов-кладбищ появляются парные синхронные погребения под общей курганной насыпью или со вторым впускным несколько позже погребением. Аналогичные захоронения известны и в среднесарматской культуре. Протекавшие сложные этнокультурные процессы интеграции кочевых обществ и вели к выходу на историческую арену нового лидера в лице аланов. Видимо, освоение носителями среднесарматской культуры территорий Южного Приуралья и Заволжья происходило достаточно мирно, тогда как к западу от Волги происходили и боевые столкновения.

Как уже отмечалось, миграции отдельных групп центрально- и среднеазиатских кочевников на запад, вплоть до Дона, вполне уловимы по данным археологии и антро-

пологии в течении II-I вв. до н. э. Но, видимо, к рубежу н. э. на данном направлении их отдельные, спорадические миграции начинают приобретать все более масштабный и целенаправленный характер, что и ведет к появлению памятников среднесарматской культуры к западу от Волги. Показательно, что именно здесь концентрируются материалы, связанные своим происхождением с азиатскими культурными традициями и одновременно отсутствующие в Приуралье.

Так, и вполне обоснованно связываемые с аланами памятники I в. н. э. на Нижнем Дону и в Прикубанье отличает именно проявление в погребальном обряде и в погребальном инвентаре, в том числе, выполненном в оригинальном полихромном зверином стиле, именно азиатских традиций, которые, соответственно, не имеют корней в памятниках раннесарматской культуры. К их числу относят и женские погребения, свидетельствующие о весьма высоком положении части представительниц женского пола в среднесарматском обществе, что почти не наблюдалось у ранних сарматов, но находит параллели в традициях кочевников «савроматского» периода и опять-таки в центральноазиатском регионе. В археологическом комплексе среднесарматской культуры отмечают и возрождение других архаических черт, которые были известны у ранних кочевников, но не были представлены уже в раннесарматском комплексе (небольшие котлы со сливом и зооморфными ручками, наборы из двух, большого и малого, котлов, короткие мечи с волютообразным навершием, лепные сосуды, особая зооморфная стилистика, положение даров у края могилы, сооружение дромосов).

Необходимо отметить вполне закономерно поставленный исследователями вопрос об определении выделяе-

мых периодов, как отдельных археологических культур, объединенных в единую сарматскую этноисторическую общность, представленную в рамках родства восточно-иранских народов при различной этнической близости ее компонентов, и отмеченных включением новых этнических компонентов, несущих свою окраску археологического комплекса в материальной культуре и погребальном обряде (Мошкова М. Г. 1983, с. 19; Скрипкин А. С. 1990, с. 187; Симоненко А. В. 2011, с. 150). Поэтому следует полагать, что именно носители центрально- и среднеазиатских традиций, установившие свою власть на новых территориях, были той этнической средой, с которой изначально и были связаны аланы.

В создававшиеся аланские родоплеменные объединения включались не только остатки местного раннесарматского населения, но и мигрировавшие на запад носители, так называемого, обряда диагональных погребений (Симоненко А. В. 2000, с. 133-144). В Южном Приуралье диагональные погребения существовали, начиная с кон. VI в. до н. э. и, практически, вплоть до I-II вв. н. э. Отдельные диагональные погребения раннего периода отмечаются на Алтае, на Верхней Оби и в междуречье Обь-Иртыш, свидетельствуя об ограниченном проникновении на данные территории приуральских кочевников.

В первые века н. э. происходили миграции носителей диагонального обряда погребения, прежде всего, в Поволжье, где фиксируется их наибольшая концентрация. Видимо, второй подобный район находился и на севере, в бассейне р. Иловля. Диагональные погребения, не исключено, начинают появляться к западу от Волги еще в I в. до н. э. Они распространяются в Северном Причерноморье. Фиксируют обход их носителями с севера раннесарматского населения и достижение ими позднее Дуная.

На Северном Кавказе диагональные погребения появляются в Калмыкии, на Ставрополье, в Восточном Приазовье, в районе рр. Сал и Маныч, в низовьях р. Кирпили, на Дону, на подходах к Санчарскому перевалу. Полагалось, что в районе Маныча лежала южная граница распространения подобных погребений, а далее располагалась своеобразная нейтральная зона до территорий, где преобладали катакомбы. Однако открытие диагональных погребений в Чечне и Дагестане (Малашев В. Ю. 2011а, с. 257-258) свидетельствует о продвижении носителей диагональных погребений гораздо южнее.

Таким образом, на Северном Кавказе концентрация признаков среднесарматской культуры наблюдается именно в элитарных («княжеских») захоронениях, материалы которых отличает связь с центральноазиатскими и сибирскими традициями. Эти погребения, несомненно, не имели генетической связи с раннесарматской культурой и принадлежали азиатским мигрантам, установившим свою власть на новых землях. Как отмечали исследователи, сложные обряды погребений, богатые одежды, аксессуары и другой социально престижный и драгоценный инвентарь, в том числе, выполненные в полихромном зверином стиле, свидетельствуют не только об этнографическом отличии новой социальной (военной и жреческой) элиты от раннесарматского населения, но маркируют ее постоянную и строгую социально-культурную и религиозно-идеологическую, сакральную дифференциацию от всего остального общества.

Такое положение особенно показательно на фоне, видимо, гораздо менее социально стратифицированного общества предшествующего раннесарматского населения. Конечно, нельзя полагать, что раннесарматское об-

щество было эгалитарным, чему противоречат известные археологические материалы и данные письменных источников. Но, несомненно, элита того общества не имела такой явной этнокультурной и сакральной обособленности. Вполне вероятно, что именно представители этой элиты и были одними из первых «аланов» на Северном Кавказе.

Среди среднесарматских памятников отмечаются и те, которые принадлежали представителям группы, занимавшим вторую после «княжеской» ступень в социальной иерархии (Безуглов С. И., Захаров А. Б. 1992, с. 148-156). В настоящее время известно и заметное количество памятников рядового населения носителей среднесарматской культуры, для которых также отмечают тяготение к предметам центральноазиатского и сибирского происхождения. Именно на их уровне наблюдается как первоначальное сосуществование с рядовым местным и мигрировавшим сюда приуральским населением носителей раннесарматской культуры, так и последующее культурное сближение и смешение.

Сама резкая смена социального устройства в кочевых обществах Северного Кавказа, как и некоторые другие наблюдения, позволяют полагать, что она происходила путем завоевания и силового удерживания местных территорий и включения в создающиеся новые родоплеменные объединения носителей раннесарматской культуры. Причем, создатели этих новых объединений — носители среднесарматской культуры — должны были реализовывать здесь собственную модель общественного устройства, при которой ее верховная элита составляла особую военно-сакральную касту, видимо, управлявшую, в том числе, при помощи и посредничестве следующей элитарной группы основной массой рядовых общинников.

Именно в последнюю на правах подвластного населения могли включаться оставшиеся на местах представители раннесарматской культуры. В результате, основная масса раннесарматского населения в скором времени была ассимилирована новыми хозяевами. Вместе с тем, отмечают и отдельные примеры сближения элит носителей ранне- и среднесарматской культур.

Наиболее мощное родоплеменное объединение складывается на Нижнем Дону, связываясь некоторыми исследователями с миграцией сюда кочевников из Южного Казахстана. Такое развитие событий напоминает отмечавшееся исследователями положение в период складывания в Южном Приуралье раннесарматского общества, когда в результате миграций в этот регион происходило формирование своеобразных этнокультурных объединений на основе объединения этнически родственных коллективов при усилении социально-имущественной стратификации и при обособлении военной знати, которая для маркировки своего элитарного статуса использовала в погребальной обрядности социально престижные символы.

Последний этап «сарматской эпохи» связан с распространением памятников позднесарматской культуры. Позднесарматский археологический комплекс, как полагают, складывается, видимо, к 3-й четв. II в. н. э. и существует вплоть до IV в. н. э. включительно. В Южном Приуралье, где в этот период только начинается улучшение природно-климатических условий, а, соответственно, кочевое население остается достаточно немногочисленным, смена среднесарматского археологического комплекса позднесарматским происходит практически единовременно. На западном же направлении вновь отмечается не столь резкая смена археологических культур, видимо,

обусловленная заметно более многочисленным кочевым населением к западу от Волги.

В позднесарматской культуре, как и в среднесарматской, господствуют индивидуальные центральные погребения под курганными насыпями, но отмечается заметное изменение в соотношении типов погребальных сооружений. Происходит резкая смена господствующей ориентировки погребенных из южного сектора в прямо противоположный — северный, что отмечалось для памятников Нижнего Заволжья, Иловли и Северного Причерноморья на заключительном этапе раннесарматской культуры под воздействием проникновения азиатских nomadов. Распространяется обряд искусственной деформации головы, несомненно, связанный с центральноазиатским импульсом.

С тем же источником связывают распространение длинных мечей без металлического навершия и перекрестия, которые уже фиксируются и в памятниках среднесарматской культуры, с длинным штырем для деревянной рукояти нередко с халцедоновым навершием, с перекрестиями и скобами из нефрита, сложные луки с костяными накладками «гуннского типа». Особый интерес представляет изучение костюма позднесарматского населения, своеобразие комплекса которого, как и комплекса костюма среднесарматского населения, определялось, по мнению исследователей, результатами миграций nomadов с востока. Следует признать, что в сложении позднесарматской культуры также явственно ощущается средне- и центральноазиатский импульсы (Габуев Т.А. 1986, с. 20; Мошкова М.Г. 1989, с. 45; 1994а, с. 22-23; 2004, с. 32-34; 2009, с. 94; Горбунова Н.Г. 1991а, с. 21; Лоховиц В.А. 1968, с. 160; Ягодин В.Н. 1970, с. 103-107; Скалон К.М. 1961, с. 126; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. 1972, с. 173; Скрип-

кин А. С. 1980, с. 51, 52; 1994б, с. 17-18; 1995, с. 90-91; Сергацков И. В. 1996, с. 114; 2000, с. 224-225; Гугуев Ю. К. 2000, с. 150-151; Безуглов С. И. 2000, с. 169-182; 2008, с. 286; Медведев А. П. 2000, с. 100-104; Ковалевская В. Б. 2005, с. 80-81; Аржанцева А. И., Деопик Д. В. 1989, с. 83, 92-93; Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2004; Туаллагов А. А. 2008, с. 47-48; Шаров О. В. 2008, с. 381-382 и др.).

На западном направлении складывание позднесарматского археологического комплекса происходит, в первую очередь, в Заволжье. Здесь в 1-й пол. II в. н. э. увеличивается количество подбойных погребений, в массовом порядке распространяется северная ориентировка погребенных и обряд искусственной деформации черепа. В то же время в регионе сохраняются традиции остающегося на своих местах прежнего кочевого населения: широкие ямы с диагональным положением погребенного, меловая подсыпка, мечи с кольцевым навершием, некоторые типы ранних форм сарматских зеркал. В междуречье Волга-Дон тогда лишь эпизодически фиксируются северная ориентировка погребенных и обряд искусственной деформации черепа.

В сер. II в. н. э. позднесарматская культура распространяется по всему Нижнему Поволжью, но исследователи отмечают и продолжение сосуществования средне- и позднесарматского населения. Некоторые погребальные традиции, например, такие как укладка перевернутого котла в специальную ямку, отмечаемые в раннесарматское (заключительный этап) и среднесарматское время, продолжают существовать и в позднесарматский период. Ощущается и складывание синкретических по своей культуре групп. В диагональных погребениях квадратные ямы сменяются на широкие прямоугольные, диагональное положение — на положение по длинной оси ямы, по-

являются деформированные черепа и северная ориентировка. Отмечают погребение-кенотаф, в котором инвентарь был выставлен по диагонали ямы. Но, в конечном итоге, диагональные погребения полностью исчезают, увеличивается количество подбоев и узких ям.

Тогда же происходит распространение позднесарматской культуры в междуречье Дон-Волга, которое отмечается и по одновременному широкому распространению здесь катакомбных погребений. Эта мощная волна носителей позднесарматской культуры докатилась до Нижнего Дона, чем определяется разрушение Танаиса и его оборонительной системы, появление нового ономастикона в Танаисе (не позднее 155 г. н. э., как считают исследователи, хотя следует учитывать, что первые иранские имена появляются в Танаисе не в 155 г. н. э., а в 104 г. н. э. (КБН. № 1259)). Судьба Танаиса была, видимо, определена результатом конфликта с новыми хозяевами степей (Внуков С. Ю. 2007, с. 163-177). Именно эта волна и стала определяющим фактором в окончательном формировании позднесарматской культуры. На Нижнем Дону исчезают среднесарматские «княжеские» погребения, однако некоторое время сохраняются, например, подквадратные ямы с диагональным расположением погребенных, но уже иногда с деформированными черепами и новым инвентарем.

Судя по всему, данный удар имел своей основной целью не разрушение Танаиса, а захват господства в регионе, где располагался этот важный экономический центр, т. е. устранение власти носителей среднесарматской культуры. Об этом свидетельствует достаточно быстрое возрождение Танаиса, а также быстрое проникновение в него носителей позднесарматской культуры, которые вскоре занимают в нем весьма высокое положение, а

также начинают оседать и на располагавшихся рядом меотских городищах. Процесс ассимиляции носителей среднесарматской культуры здесь прошел достаточно интенсивно, но и он свидетельствует о генетической преемственности нового археологического комплекса с предшествующим. На севере междуречья Дон-Волга также прослеживается проявление культурных инноваций, но здесь плотность населения была явно меньшей.

Социальная структура позднесарматского общества являет еще один своеобразный феномен. По сравнению со знатью предшествовавшего аланского объединения его новая знать не практиковала ярко выраженного социально-культурного и религиозно-идеологического обособления. В погребальной практике ее социальная специфика находит выражение в высокой степени унификации военной экипировки, что предполагает развитую форму военной иерархии, видимо, по дружинному принципу. Впечатляющий масштаб «всаднического» феномена и совершенная военная организация предполагают наличие объекта военной экспансии — центров цивилизации (Безуглов С. И. 1997, с. 137-138). Видимо, в этом и лежала первопричина наступления носителей позднесарматской культуры на боспорский регион. Боевые действия аланов распространяются и на другие районы, как в западном, так и в южном, закавказском направлениях.

Согласно исследованиям антропологов (Балабанова М. А. 2001, с. 3-7; 2003, с. 75), поздние сарматы диагностируются как чрезвычайно агрессивная группа, профессиональная направленность которой, отличная от предшествующего сарматского населения, определяется как воинская, с различной спецификой: воины-катафрактарии и легковооруженная конница. Преобладающими характеристиками для них являлись антропологиче-

ская однородность, обычай искусственной деформации черепа, несущий сословно-знаковую функцию (Тур С.С. 1996, с.237-249). Резкое преобладание мужского населения свидетельствует о подвижном, неоседлом образе жизни. Полагается, что позднесарматское общество было устроено по типу мужских военных союзов, а появившееся в первые века н. э. понятие «аланы» должно восприниматься не как этноним или название племенного союза, а как название мужского союза.

Такое положение вновь, в какой-то мере, напоминает ситуацию в период складывания на востоке раннесарматской культуры, когда в силу определенных обстоятельств происходило распространение значимых прежде для кочевой элиты черт погребального обряда на всех членов общества, изменение почти всей культуры. За данными процессами стояло укрепление позиции воинских предводителей и их дружин, т. е. усиление военной агрессивности общества. Данный процесс протекал и на фоне социальных изменений в обществе (исчезновение погребений прежней знати), что дополнительно стимулировало активизацию и напряжение в охваченных изменениями коллективах.

Говоря о менее выраженном религиозно-идеологическом обособлении позднесарматской знати, все же следует признать, что данный вывод исходит из сопоставительных наблюдений и не может уловить каких-то иных признаков, менее осязаемых для современных исследователей, но, возможно, обладавших огромным значением для современников. Например, известно, что для раннесарматской культуры отмечают южную ориентировку погребенных как изначальное средство идеологического обособления военного и, возможно, жреческого сословия, но впоследствии перенятого и остальным обще-

ством. Полагают, что идея «юга» была связана с культом «военного божества». Особое место южного направления определяется и по другим элементам как погребальных конструкций, так и погребального обряда. Но южное направление еще у древних индоиранцев соотносилось с хтоническим миром, тогда как северное — с верхним.

Северное направление в ориентировке основных в скифских курганах катакомб подбойной конструкции объясняется северноориентированным макетом мироздания. Образ севера как верхнего мира и загробной обители, присущий скифской мифо-географической модели, представлен и в Нартовском эпосе осетин. Погребения в центре кургана, семантически тождественном мировой горе, исходя из соотнесения с центром мира, имело наивысшее сакральное значение. Поэтому смена южной ориентировки на северную в позднесарматских захоронениях при господстве центральных подкурганых погребений могли подразумевать установление новой религиозно-мифологической доктрины, которая сама по себе и являлась мощным орудием в определении судьбы и положения в обществе ее приверженцев и важнейшим фактором в вопросе обособления от окружающего населения. Возможно, души аланских воинов уносились в мир, наподобии скандинавской Вальхаллы.

В предгорной зоне Центрального Предкавказья начинает складываться новый аланский центр, который сыграет выдающуюся роль в истории не только этого северокавказского региона, но и всего Северного Кавказа в целом (Туаллагов А. А. 2007, с. 193-284). По имеющимся на сегодняшний день данным, не позднее 2-й пол. II в. н. э. начинают функционировать обширные курганные могильники в предгорной зоне (Владикавказская равнина, Северная Осетия) у с. Брут, г. Беслан. К настоящему вре-

мени исследовано несколько сот подкурганных погребений. Наиболее ранняя группа погребений сегодня датируется 2-й пол. II в. н. э., а ее складывание, как полагают, вполне вероятно, начинается в кон. I-нач. II вв. н. э. (Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. 1999, с. 190, 200; Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2004, с. 41-42; 2007; 2009; Габуев Т. А. 2005, с. 270-272; Малашев В. Ю. 2007, с. 487-501; Ковалевская В. Б. 2005, с. 80; Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000, p. 246 и др.). Этим же веком датируют закладку курганного могильника у с. Алхан-Кала (Чечня). Речь идет об основных подкурганных погребениях в катакомбах I типа (по К. Ф. Смирнову). Фиксируются околокурганные ровики. Подобные погребения исследованы и в степной зоне Северной Осетии — в Моздокском районе (у ст. Виноградная, хут. Октябрьский). Известны и грунтовые погребения в подобных катакомбах. Разрушенные грунтовые катакомбные погребения с керамикой III-IV вв. н. э. обнаружены в г. Владикавказ (Абрамова М. П. 1997, с. 22; Кузнецов В. А. 1980, с. 64-66).

Но только у с. Брут еще в 1995 г. В. Л. Ростуновым было зафиксировано около 1200 курганов, а также наличие грунтовых погребений (Ростунов В. Л., Березин Я. Б. 2007, с. 24). Вполне аргументировано заключение, что благодаря исследованиям, например, брутских катакомб сегодня исчезла та хронологическая лакуна, которая отделяла отмечаемые аланские подкурганные катакомбы от грунтовых горных катакомб раннесредневекового периода (Ковалевская В. Б. 2005, с. 99). Кроме того, учитывая данные по Бесланскому и Брутскому могильникам, а также могильника Зарагиж II (Кабардино-Балкария), сегодня уже нельзя согласиться с выводом о том, что распространение подкурганных центральных катакомб алан в степных районах Центрального Предкавказья происходило

заметно ранее, чем в предгорной полосе (Абрамова М. П. 1975, с. 232). В настоящее время появляется возможность говорить об одновременном распространении таких погребений в обеих зонах еще во II в. (Нечаева Л. Г. 1956, с. 10; Виноградов В. Б. 1963, с. 72-74; Коробов Д. С. 2003, с. 71; Ковалевская В. Б. 2005, с. 79).

Входные ямы катакомб (прямоугольной или трапециевидной формы) могли соединяться с камерами (овальной или прямоугольной формы, своды стрельчатые, купольные или узкие горизонтальные с наклонными стенками, повышающимися или понижающимися от входа в камеру к противоположной стенке) посредством дромоса, а дно камеры катакомбы находилось заметно ниже уровня дна входной ямы (ступенька). Входные ямы имели как меридиональную, так и широтную ориентировку, когда камеры обычно примыкали к их северным или западным торцевым стенам. Для спуска во входной яме вырезались ступени в углу или вдоль одной из продольных стен, вдоль противоположной ко входу в камеру торцевой стенки во всю ее ширину, несколько беспорядочно или в форме «винтовой лестницы». Во всех зафиксированных случаях погребенный лежал вдоль длинной оси камеры, т. е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Часто использовалась угольная посыпка дна камеры. Следы поминальных тризн и горения отмечаются на уровне древней дневной поверхности, под курганной насыпью. Сопровождающий покойников инвентарь мог располагаться не только в камере катакомбы, но и во входной яме. Отмечены случаи погребения во входных ямах лошадей.

По мнению исследователей, по конструктивным особенностям погребальных сооружений и погребального обряда могильники у г. Беслан и с. Брут близки материалам могильника Экажево I (Ингушетия). Эту группу, в

свою очередь, сближают с памятниками у ст. Виноградная и хут. Октябрьский, с которыми объединяются погребения у с. Братское (Чечня). Но степная, северная группа имеет и некоторые собственные отличия. К ней тяготеет и группа могильников у сс. Алды, Алхан-Кала (Чечня) (Коробов Д. С. 2003, с. 36-37, 60, 68-75, 123-124). В курганном могильнике у с. Брут, как будто, фиксировали и подбойное погребение (Габуев Т. А. 2005, с. 270-271). У ст. Моздок (Северная Осетия) были исследованы основные подкурганные погребения, которые по конструкции, как полагают (Виноградов В. Б. 1963, с. 79-80), могли также представлять собой не катакомбы, а подбои. Интересно, что подбойные погребения (*bajbyn/bajbun*), не связанные с позднейшей мусульманской традицией, долгое время использовались не только в Северной Осетии, но и в Южной Осетии, где их предварительно белили (Кокоева А. Б. 1998, с. 146).

В настоящее время представлено две гипотезы об истоках их формирования. Одни исследователи связывают их с продолжением традиций прежних грунтовых катакомбных погребений ираноязычного населения и приходом среднеазиатских (центральноазиатских) кочевников. Другие считают их результатом взаимодействия преждего ираноязычного местного населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, и кочевников среднесарматского времени, которые дополнили его возведением курганных насыпей и околокурганных ровиков. Полагается впоследствии и некоторое включение позднесарматского компонента (Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009, с. 106-114, 144-162; Габуев Т. А. 2013, с. 222-232). Данные гипотезы, что отмечается и самими их авторами, пока не имеют окончательных фактологических доказательств в свою пользу. В целом, складывающееся положение

укладывается в общую картину сосуществования частью пересекающихся друг с другом «автохтонистской» и «миграционной» гипотез о происхождении аланов, что несет свой потенциал получения научных дивидендов.

Несмотря на, во многом, объективные на сегодняшний день возражения (Горбунова Н. Г. 1991а, с. 21; Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. 1999, с. 189; Абрамова М. П. 2007, с. 65; Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009; Малашев В. Ю., Торгоев А. И. 2012, с. 206-209) не теряет своей научной актуальности гипотеза (Габуев Т. А. 1986, с. 20; 1997, с. 78, 79; 1999, с. 61-66; Берлизов, 1990, с. 8-10; Гмыря Л. Б. 1993. С. 362-363; Боталов С. Г. 2007, с. 81-91, 98; Сверчков Л. М. 2011, с. 150, 184) о появлении подобных катакомбных погребений с приходом новой волны кочевников из Азии, где зафиксированы, например, катакомбы «кенкольского типа». Интересно, что в неопубликованной работе С. С. Куссаевой «Склеповые сооружения Северной Осетии и их связь со средневековой аланской и позднейшей осетинской культурами» был поставлен вопрос о генезисе средневековых осетинских склепов, полагающий преемственность между аланскими катакомбами, средневековыми осетинскими склепами и современными осетинскими погребениями *kængæ ingæp*. Сопоставление аланских катакомб с осетинскими «*kængæ ingæp* («сделанная могила») было независимо произведено уже и в наше время (Кузнецов В. А. 1999, с. 173).

Последние сближает с северокавказскими погребениями ориентировка, размеры и формы входных ям и камер, наличие в яме ступеней для спуска, ступени и дромоса при переходе из ямы в камеру, формы сводов камер и наличие в них ниш, заклады входов в камеру каменными плитами и деревом, забивание входных ям булыжником, зольная подсыпка дна камеры, обряд ис-

кусственной деформации черепов погребенных (кольцевого типа) и др. Хронологически азиатские катакомбы, видимо, все же несколько опережают их появление в Восточной Европе.

Появление восточных мигрантов могло определяться некоторыми военно-политическими событиями в азиатском регионе (Гумилев Л.Н. 1960а, с. 123-124; Боковенко Н.А., Засецкая И.П. 1993, с. 85; Мошкова М.Г. 1994а, с. 22; Яценко С.А. 1998, с. 86; Цуциев А.А. 1999а, с. 19; Шаров О.В. 2012, с. 396-401). Однако следует иметь в виду, что такая привязка носит определенный характер условности, т. к., во-первых, сведения письменных источников, конечно, не охватывают всей картины исторических событий, а, во-вторых, не могут безоговорочно определять связь тех или иных миграций с конкретными событиями. Данное положение следует учитывать и при рассмотрении гипотез о причинах появления аланов в Восточной Европе в сер. I в. н. э. (Rostovtzeff M. 1929, p. 46; McGovern W. 1939, p. 247; Скрипкин А.С. 1984, с. 95; Симоненко А.В. 2010а, с. 399).

Одновременно материалы аланских подкурганых катакомбных погребений из Северной Осетии могут быть сопоставимы с позднесарматскими памятниками. Например, под курганной насыпью, на уровне древней дневной поверхности, отмечаются следы поминальных тризн и горения, что известно по памятникам позднесарматской культуры, которые дают и примеры сооружения околочурганых ровиков. Наблюдаются примеры увязывания вершины кургана не с самим погребением, а с местом проведения тризны. В данной связи следует отметить замечания исследователей, что намеренное смещение центра насыпи по отношению к захоронению в целях уберечься от разграбления являлось особенностью сар-

матского погребального обряда еще во II-1-й пол. III вв. н. э. (Беспалый Е. И. 2000, с. 156; Гугуев Ю. К. 2000, с. 147). Подобное смещение, например, отмечается и для подкурганых катакомб более раннего времени у р. Арысь.

Вместе с тем, некоторые черты погребальных сооружений и погребального обряда подкурганых катакомбных захоронений на территории современной Северной Осетии, как уже отмечалось, возможно, имеют свои параллели в кочевнических памятниках предшествующего периода. При сближении Т-образных подкурганых катакомб с Т-образными катакомбами предшествующего местного населения (Заманкул, Нижний Джулат, Чегем) (Абрамова М. П. 1993, с. 186; Малашев В. Ю. 2000, с. 211; Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009 и др.), видимо, следует учитывать как материалы, например, грунтовых могильника городища «Спорное I» и могильника № 3 Прочноокопского городища (Раев Б. А., Марченко И. И. 2005, с. 230-231; Лопатин А. П., Лопатина Т. Е. 2006, с. 236-237; Березин С. Я., Березин Я. Б. 2007, с. 46; Раев Б. А. 2011, с. 371-372; Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2011, с. 195-198), так и появление данных о ранних, но впускных в курганы подобных погребениях кочевников Северного Кавказа (Каминский В. Н. 1990а, с. 98-100, рис. 31; Туаллагов А. А. 2007, с. 211; Прокопенко Ю. А. 2007, с. 227).

В долинах рр. Терек, Сунжа, Кума и на сопредельных территориях в этот период зафиксировано и значительное количество, так называемых, «земляных городищ», близких между собой по своей конструкции. Они были заложены и функционировали практически единовременно во II-IV вв. н. э. Некоторые из них, возможно, продолжали существовать и позднее. Наиболее археологически изученным из подобных городищ является Зильгинское, с которым непосредственно связан Бесланский

могильник. Примечательно, что исследователи отмечают использование среднеазиатских строительных приемов при возведении городища, а также находки на городище среднеазиатской керамики.

Все известные на сегодняшний день материалы в своей совокупности позволили исследователям полагать, что во 2-й пол. II-IV вв. н. э. аланы создали в Центральном Предкавказье мощное, возможно, протогосударственное объединение с весьма высокоразвитой культурой. Для этого единого в культурном и этническом отношении общества были характерны высокая общественная организация и мощный экономический потенциал, позволившие возводить сложные курганные погребения и поселения, что требовало колоссальных трудовых и организационных затрат от всего населения. В это время на данной территории наблюдаются исключительная плотность концентрации населения и значительное количество поселений с урбанистическим типом экономики. Население центральнопредкавказской Алании поддерживало интенсивные экономические связи с Закавказьем, Боспором, с территориями Дона, Урала и Аральского моря (Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000; Савенко С. Н. 2013, с. 107; Мошкова М. Г. 2009, с. 129-130; Малашев В. Ю. 2013. С. 27-28).

Несомненно, центральнопредкавказская группа изначально заметно отличалась от иных позднесарматских группировок (Мошкова М. Г. 2008, с. 243-264), которые могут быть также связаны с историческими аланами. Возможно, консолидация в Центральном Предкавказье аланского населения была, в том числе, реакцией на реальные или потенциальные угрозы со стороны располагавшихся к северу кочевников, которые также стали известны под названием аланов, хотя некоторые исследователи и со-

мневаются в возможности такого определения носителей позднесарматской археологической культуры.

С сожалением следует отметить, что основная масса материалов уже исследованных аланских памятников на территории современной Северной Осетии того периода все еще не введена в научный оборот и остается неизвестной для широкого круга специалистов. В то же время археологические исследования по другим регионам отмечают не только, например, заметное влияние там центральнопредкавказских центров керамического производства, но и фиксируют мощную военную экспансию центральнопредкавказских аланов на север, что выразилось, в частности, в появлении их памятников на территории современных Ставрополя, Нижнего Дона, Калмыкии, а также вплоть до более западных районов, левобережья р. Днепр.

Наращение мощи и давления северокавказских аланов на окружающие территории неоднократно отмечалось исследователями (Харматта Я. 1967, с. 207-208; Кузнецов В.А. 1992, с. 56; Яценко С.А. 1993в; 1997), указывавших в данной связи на ряд известных фактов, зафиксированных нарративными и археологическими источниками. В 234/235-239/240 гг. н. э. на Боспоре появляется второй соправитель по имени Ининфимей, которого справедливо считают узурпатором из среды номадов. Полагают, что в 1-й пол. III в. н. э. аланы сокрушили Малую Скифию в Крыму. В 235 г. н. э. нападению, в ходе которого пострадали крепостные стены, подвергается Фанагория. С 236 г. н. э. начинают восстанавливаться укрепления Тагнаиса. Видимо, аланы тогда прорываются и в Западную Европу. В 239 г. н. э. разгрому подвергаются Горгиппия и Раевское городище. В этот период отмечают зарытие кладов монет не только на территории Боспора, но и на вар-

варских землях Средней Кубани. В сер. III в. н. э. аланы из Центрального Предкавказья громят Танаис. Окрестности Горгиппии и Танаиса были навсегда потеряны Азиатским Боспором, а укрепленные поселения меотов на Кубани были сожжены. О большой важности для Боспора отношений с аланами, согласно надписи из Гермонассы 208 г. н. э. свидетельствует наличие целой коллегии аланских переводчиков.

На Нижнем Дону аланы из Центрального Предкавказья достаточно активно смешиваются с местным позднесарматским населением, что определяет непрерывную генетическую линию развития здесь сарматского археологического комплекса. Судя по всему, нижнедонские аланы сохраняют свою достаточно широкую автономию, но и поддерживают тесные связи с центральнопредкавказской метрополией. Родственная им группировка располагается возле Дуная. Интересно, что на Нижнем Дону представлены как погребения непосредственно сравнимые с центральнопредкавказскими, так и погребения, сочетающие центральнопредкавказские и местные признаки. Подобное положение отмечают и для памятников междуречья Волга-Дон, Ставрополя и Калмыкии. В этот период устанавливаются связи с Боспором и носителями черняховской культуры.

В Нижнем Поволжье отмечают приход кочевников из Восточного Предкавказья (Кривошеев М. В. 2004, с. 122). Возможно, данная миграция была обусловлена давлением со стороны аланов Центрального Предкавказья или внешнеполитическими факторами. Намечаются признаки переселения с Кавказа и в Южное Приуралье (Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. 2004, с. 116-118; 2008). Могильники лесостепной Башкирии на правом берегу р. Белая, возможно, связаны с сарматами, отступившими из запад-

ной части Северного Причерноморья (Трибунский С. А. 2003, с. 17-19). Остатки отступивших на восток сарматских племен концентрируются в Заволжье. Полагают, что новые хозяева нижнедонского региона отрезали восточные районы Сарматии от контактов с боспорскими и центральноевропейскими центрами (Кривошеев М. В. 2004, с. 122-123). С таким положением может быть связано исчезновение сарматских и сарматоидных погребений после сер. III в. н. э. в лесостепном Подонье.

Наблюдаемое мощное становление центральнопредкавказской Алании делает вполне логичным, но не единственно возможным, высказанное исследователями предположение, что появление с нач. III в. н. э. от Центрального Предкавказья до Танаиса «варварских подражаний» денариям Марка Аврелия было организовано аланами (Яценко С. А. 1997, с. 156). Практически, мы имеем первый прецедент создания аланами единого объединения ираноязычных кочевников, охватившего заметную часть Северном Кавказе и просуществовавшего в таком виде вплоть до гуннского вторжения.

ГЛАВА VIII. АЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (по данным европейских источников)

Гипотеза о связи передвижений представителей сарматского мира с массовыми миграциями на запад центральноазиатских кочевников, часть которых непосредственно появляется и в Восточной Европе, имеет давнюю и надежную историографическую традицию, в которой свое место занимают и проблемы выхода на историческую арену аланов и этногенеза современных осетин (Charpentier J. 1917; Bleichsteiner R. 1918; Vernadsky G. 1944; 1946; 1959; Maenchen-Helfen O. 1945; Harmatta J. 1950; 1970; Sulimirsky T. 1970; Frye R.N. 1998; Rostovtzeff M. 1929; Ростовцев М. И. 1993; Рерих Ю. Н. 1963; Десятчиков Ю. М. 1973; Ставиский Б. Я. 1977; Смирнов К. Ф. 1984; Керефов Б. М. 1988 и др.). При обращении к проблеме фиксации в западноевропейских источниках появления центральноазиатских кочевников на восточноевропейских территориях, в первую очередь, привлекает к себе внимание изменение в них внутреннего содержания определения «скифы».

Оно находит свое отражение уже в произведении Страбона, чьи сведения о Северном Причерноморье и Кавказе, как отмечалось ранее, восходят к кон. II в. до н. э., счастливо хронологически совпадая с интересующими нас событиями. Д. С. Мачинский, обратив внимание на причисление к скифам роксолан, считает, что «скифами» в источнике называются крымские кочевники и народы к востоку от Каспия. В причерноморских степях к ним причисляются только роксоланы, противопоставляемые сарматам, что

может указывать на их закаспийское происхождение. Для населения между Доном и Каспием отмечается особый термин, выступающий в несколько близких вариантах («сарматы и скифы», «сарматы, или/тоже скифы») (Мачинский Д. А. 1974, с. 126). А. В. Симоненко посчитал использование термина «скифы» достаточно условным, обращая внимание на отсутствие каких-либо скифов к востоку от Дона (Симоненко А. В. 1993, с. 109).

Постараемся суммировать сведения о скифах, содержащиеся в источнике. Страбон отводит им земли за Танаисом, которые простирались до закаспийских скифов. Более точно они размещаются где-то в Прикубанье (Strabo. II, V, 7, 31), вероятно, включая в себя неизвестных ранее набианов, панксанов, аррехов. Страбон упоминает скифов между Меотидой и Каспием и в Центральном Предкавказье (Strabo. II, V, 7; III, IV, 31; XI, III, 3, VI, 2, VIII, 8). Термином «скифы» географ (Strabo. I, III, 21; VII, III, 7-8; VII, IV, 3, 7; VI, 3; XI, II, 5; XII, III, 26; XIII, I, 22) обозначает древних скифов Причерноморья и поздних скифов Крыма. Отмечается его использование древними авторами для обозначения жителей северных стран вообще и «верное» различие между гиперборейями, савроматами и аримаспами над Понтом, Истром и Адриатикой и саками и массагетами к востоку от Каспия (Strabo. I, II, 27-28; XI, VI, 2).

Первая группа народов ко времени Страбона уже не соответствовала реальной этногеографии, оставляя определение «скифы» для закаспийского населения. Наиболее часто упоминаются (Strabo. I, II, 1; II, I, 3, IV, 7; III, IV, 17, 31; VII, III, 9; XI, I, 7, VI, 2, VII, 1, 4, VIII, 1-2, 5, 8, IX, 2-3, XIV, 15; XVII, I, 46, III, 24) «скифы» от устья Каспия до Восточного моря и Индии (даи, саки, массагеты, пасиане, тохары, сакаравлы и др.). Однажды Страбон, перечисляя народы от северных стран и Океана, называет «скифов-кочевников, живущих в

кибитках, а еще далее от них вглубь страны — сарматов (тоже скифы)» (Strabo. XI, II,1). Но ранее разъяснялось, что кочующие в кибитках скифы и сарматы есть древние гиппемолги, жившие у северного океана (Strabo. I, I, 6; VII, III, 2), т. е. объединение здесь скифов и сарматов — не этническая идентификация, а модернизация древних легендарных представлений. Источники Страбона не знали реальных народов к северу от Танаиса, поскольку кочевники не допускали туда иноземцев.

Их достоверные данные относились к народам по восточному направлению от Танаиса к Каспию и на юг к Кавказу, где на роль «сарматов» реально могут претендовать аорсы и сираки. Используемые здесь сочетания «савроматы, а также скифы», «скифы и/или сарматы» при наличии отдельных упоминаний «скифов» свидетельствуют о различном происхождении народов, фигурирующих под этими названиями. «Скифы» не принадлежат к кругу древних причерноморских скифов и их потомков, оставляя только признание их закаспийского происхождения. Потому и пришельцы в Северное Причерноморье роксоланы названы последними из известных скифов (Strabo. II, V, 7), т. к. они занимали самое западное положение в обширном «скифском мире». Кроме того, географ отводил роксоланам в реальности неоправданно глубокое северное положение. Страбон отнес на Кавказе к скифам гелов и легов (Strabo. XI, V, 1). Гелы/кадусии традиционно размещались к востоку от Каспия (Plin. NH. VI, 48, Dion. Perieg. 1018-1019, Euseb. VI, 10, 18-22). Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 8, 38, XXXI, 2, 13) помещал гелонов (гелы — Honor. A, 13) вместе с аланами и массагетами где-то на севере, используя одно из положений Страбона.

Диодор Сицилийский помещал «скифов» (массагеты, саки, аримаспы) от Океана, Индийского океана до Каспия,

Меотиды и Танаиса, а также в стране в горах до Кавказа (Diod. Sic. II, 43). Первая территория, обходя районы Северного Кавказа, соотносится с легендарными представлениями о северных народах. К востоку от низовий Танаиса расселяются савроматы. Стране в «горах до Кавказа» может соответствовать закавказская Сакасена (Strabo. II, I, 14; XI, VII, 2, VIII, 4, XIV, 4), а Северный Кавказ отдается легендарным амазонкам, оставляя скифам плацдарм выше, на севере.

Плиний знал древних скифов и их потомков на Дунае и в Крыму, отмечая, что скифами считают вообще все племена к северу от Истра (Plin. NH. III, 149, IV, 41, 44, 85). Их имя сохраняется за отдаленными народами, переходя в известных землях в имена сарматов и германцев (Plin. NH. IV, 80). К ним относятся на севере «скифы» возле аримаспов, скифы-антропофаги и «номады» (Plin. NH. VI, 35, 53, 55, IV, 88, VII, 9). Последний термин прилагается и к кочевым скифам (Plin. NH. IV, 84), когда-то известным Геродоту (Herod. IV, 56). Они с гилеями помещаются на Гиппанисе в Синдской Скифии, что кроме путаницы рек, может диктоваться влиянием отмечаемой нами этнокарты Прикубанья. Плиний (Plin. NH. VI, 38) помещал скифов вокруг Скифского залива, причисляя к ним савроматов, номадов и абзоев (вероятно, древние абии).

Показательно, что в соответствии со складывавшимися представлениями скифы-антропофаги, которых во времена Геродота (Herod. IV, 8) помещали в Европе, теперь Плинием отмечаются где-то на севере Азии. Для номадов и абзоев, представления о которых достаточно близки (Strabo. VII, III, 2), можно определить только их далекое, северное происхождение. Как Арриан (Arr. Anab. IV, 1), Птолемей помещал абиев-скифов на востоке Азии. Скифские народы Плиния жили за Яксартом (саки, массагеты, напеи, палеи и

др.). Плиний (Plin. NH. VI, 53) помещает каких-то скифов за пустыней у горного хребта Табиса.

Для Птолея «*Scythia intra Imaum Montem*» простиралась от Волги до Алтая и Тянь-Шаня, а за ней начиналась «*Scythia extra Imaum Montem*» (Ptol. VI, 15, 16). Все эти земли и населялись скифами, к которым причисляются, в частности, и аланы-скифы, локализуемые к северу от «*Scythia intra Imaum Montem*». На таком фоне особо показательно прямое отнесение в Северном Причерноморье к скифам только тавро-скифов и алаун-скифов (Ptol. III, 5, 7, 19). Особо отметим, что скифы-аланы, а вместе с ними аланорсы, оказываются далеко на севере, чем реализуется известная нам схема маркировки окраин Ойкумены.

Юлий Солин (Solin. V, 21, XV, 14, XIX, 3, XLIX, 5) размещал скифов возле персов, причисляя к ним массагетов, эседонов, сатархов и апалеев. Массагеты и скифы-апалеи затем появляются между Черным и Каспийским морями. К западу от Дона скифы и массагеты передвигаются куда-то вглубь земель, к северу, отличаясь суровыми нравами, которые Геродот считал скифскими. Следовательно, Юлий Солин использует известное восприятие «скифов».

Приведенные данные заставляют полагать, что к кон. II в. до н. э. у западноевропейских авторов обнаруживаются сведения о появлении в Восточной Европе неких кочевников, ранее обитавших к востоку от Каспия. Эти кочевники (их различные группировки) и получают название «скифы». Возможно, к такому осмыслению образа мигрантов подталкивали известные древние, теперь уже книжные, сведения о восточной прародине скифов, откуда они впервые и появились в поле зрения западных цивилизаций. Ушедшая же в прошлое история некогда могущественной Скифии в Северном Причерноморье и собственно закат истории скифов оставляли «вакантным» данное название.

Наше внимание, прежде всего, привлекает сообщение Страбона о скифах Центрального Предкавказья (Strabo. XI, III, 3). Ни один из предшествовавших источников не упоминал о размещении здесь собственно скифов. Археологические данные свидетельствуют о том, что скифы давно покинули этот регион. Данное положение дополнительно позволяет подозревать, что под названием «скифы» скрывались какие-то другие группировки кочевников. Проведенный анализ характера использования данного термина Страбоном и его ближайшими последователями дает право полагать, что под названием «скифы» в данном случае скрывались мигранты с востока. Поэтому вполне вероятным представляется предложенное отождествление «скифов» Страбона с тохарами (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 137). В пользу такого решения говорят археологические данные, а также, возможно, предлагаемые некоторыми исследователями наблюдения за топонимикой Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, осетинской антропонимикой, фольклором и т. д. (Керефов Б. М. 1988, с. 88-138; Кузнецов В. А. 1992, с. 31-32; Козырева Т. З. 1977, с. 252; Намиток А. 1939, л. 13-14).

Появление тохаров в Восточной Европе определяется и за счет информации Плиния (Plin. NH. IV, 82, 85, VI, 15, 22), отметившего переход через Танаис (Дон) многих племен, в том числе сатархеев, сатархеев-спалеев, тагоров, поселение к востоку от Нового Херсонеса скифов-сатавков и г. Стактары. Полагают (Пьянков И. В. 1997, с. 233), что Плиний передавал сведения Апполодора в обработке Артемидора, и ту же информацию, но в обработке Посидония, изложил Страбон (Strabo. XI, VIII, 2), говорящий о Якарте. Путаницу Дона и Сыр-Дарьи предполагали и другие авторы (Tarn W. W. 1936, p. 516; Ельницкий Л. А. 1961, с. 190). Однако сравнение сведений говорит в пользу их разделения.

Плиний (Plin. NH. VI, 49) достаточно хорошо различал эти реки (Скрипкин А.С. 1984, с. 93). Сатархеи, промышленявшие пиратством, упоминаются и в посвянительной надписи Ахиллу Посидея из Неаполя 40-х гг. II в. до н. э. (IOSPE. I². № 672). Стефан Византийский, цитирующий Каллистрата Гераклеяского (II-I вв. до н. э.), отмечает саторхеев на Меотиде. Предположительно имя сатархов восстанавливается в херсонесском декрете о взятии Калос Лимена (IOSPE. I². № 353, 2) (Пуздровский А.Е. 1999, с. 210).

Фиксируемый факт перехода тохарами Дона находит свое продолжение и по материалам других источников. Вдоль Тендровской Косы располагались сартаги (Mela. II, 4, 7), называемые другими источниками скифами-сардами (Plin. NH. IV, 82), таврами (Dionys. Perieg. 298-320), скифами (Avien. 435-4613). Птолемей (Ptol. III, 5, 11, 10, 2, 4) именует их тавро-скифами, а тагров и троглодитов помещает возле Дуная, как и другие авторы. Возле Днепра Птолемей помещает пагиритов.

Впервые на основную часть данных указанных нарративных источников, видимо, обратил внимание О. Менчен-Хелфен (Maenchen-Helfen O. 1945, p. 71-81), справедливо заключивший, что какая-то часть тохаров продолжила свой путь на запад через Среднюю Азию и во II в. до н. э. перешла Дон. Дальнейшую судьбу тохаров исследователь связывал с сообщением раннесредневековой армянской «Ашхарацуйц» об ас-дигорах/аш-тикорах и с современными осетинами-дигорцами (Зуев Ю.А. 2002, с. 7). В поддержку данного решения высказался А.Н. Бернштам, указав и на имеющиеся археологические данные (Бернштам А.Н. 1947а, с. 136-137; 1951, с. 148). О генетической связи тохаров и осетин-дигорцев писали и другие авторы (Намиток А. 1939, с. 13-14; Гаглойти Ю.С. 1969, с. 175). Неоднократно указывалось, что название ас-дигоров прямо сопостави-

мо со сведениями о «царях тохаров асианах» (Pomp. Trog. Prol. 42) и об асиях и тахарах, участвовавших в захвате Греко-Бактрии в кон. II в. до н. э. (Strabo. XI, VIII, 2). Следует отметить, что пары асиане-тохары, асии-тахары и ас-дигоры, видимо, сопоставимы с аспакарами (Филимонов М. В. 1995, с. 59) на востоке ойкумены Птолемея (Ptol. VI, 16, 5). Некоторые исследователи задевают упоминание Птолемеем уттокоров/аттокоров (Зуев Ю. А. 2002, с. 21-22).

Тесная связь между тохарами и асиями позволяет полагать и их совместное появление на Северном Кавказе. Видимо, следует обратить внимание на упоминание Плинием (Plin. NH. IV, 82) Anasi и Issi, перешедших Дон вместе с тохарами. Как давно отмечали исследователи, тот же Плиний (Plin. NH. VI, 19) к востоку от Танаиса называет мессениан, которые сравнимы с Μασσαῖοι в «Scythia intra Imaum Montem» и Ασιῖοι (Ασσιῖοι) к востоку от Танаиса Птолемея (Ptol. VI, 14, 9, V, 9, 16). Далее на Северо-Западном Кавказе Плиний (Plin. NH. VI, 21) называет автаков и мазамаков. Наиболее близко к имени автаков у самого Плиния (Plin. NH. VI, 50) предстает имя Astacae (Astocae), помещаемых в Закаспии. Видимо, под названием Ασιῶται и Ιασῶται они известны Птолемею (Ptol. VI, 14, 9-10) на востоке. Название мазамаков фонетически сближают с названиями мессениан Плиния и массеев Птолемея.

Впоследствии средневековые источники неоднократно будут отмечать на Северном Кавказе асов. Интересные данные были приведены Г. Шраммом. Он обратил внимание на сведения германского героического эпоса «Песня о битве с гуннами», восходящего к преданиям южнорусских готов, о Ясских горах. Г. Шрамм решил сопоставить их с Уралом (Шрамм Г. 1997, с. 120-121). Однако история этих готов, фиксация асов на Северном Кавказе, а также Ясских гор средневековыми русскими источниками, позволяет более надежно идентифицировать Ясские горы

германского эпоса с Кавказом. Следовательно, фиксация асов непосредственно на Северном Кавказе, как минимум, в его предгорьях, должна быть значительно более ранней, чем, например, фиксация их «Ашхарацуйц», составленной в VII в. н. э.

М.И. Ростовцев связывал с юэчжами роксолан (Ростовцев М.И. 1993, с. 92), которые, возможно, появляются в Восточной Европе к 125 г. до н. э. (Harmatta J. 1950, p. 25). Некоторые исследователи попытались сопоставить время появления катакомб в Центральном Предкавказье с появлением роксолан (Кузнецов В.А. 1997, с. 158-159; Гутнов Ф.Х. 1998, с. 98; 1999, с. 83-84). Если мы вполне можем полагать миграцию в данный регион тохаров (юэчжей), то определять их как роксолан некорректно, т. к. нам ничего не известно о появлении роксолан в Центральном Предкавказье, как, впрочем, и вообще на Северном Кавказе (Altheim F. 1957, s. 87), а надежно связываемые с роксоланами памятники Таврии имеют лишь одну катакомбу того времени, но и та имеет некоторые отличительные конструктивные особенности (Симоненко А.В. 2010, с. 17-19). Даже, если исходить из отождествления роксолан с асами или тохарами (Гутнов Ф.Х. 2011, с. 12), то и в таком случае нет надежных оснований для признания ранних впускных катакомб из Моздокского района Северной Осетии принадлежащими именно роксоланам.

Кроме Центрального Предкавказья, как мы знаем, тохары появляются к западу от Дона и в Крыму. Сведения письменных источников позволяют нам выделить еще один район их расселения. Ю.М. Десятчиков, также осторожно отождествлявший с тохарами сатархов Крыма, относил разрушения городов и хоры Азиатского Боспора в 4-й четверти II в. до н. э. и появление новых среднеазиатских приемов в строительстве к последствиям вторжения тохаров,

частью которых могли быть аспургиане (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 142; 1974, с. 158; Vinogradov Ju. G. 2003, p. 222-223), располагавшиеся в районе Кубани. Сопоставляли тохаров с аспургианами и другие исследователи (Пуздровский А. Е. 1999, с. 220).

Страбон (Strabo. XI, II, 16, V, 7-8) помещал в горах Северо-Западного Кавказа недалеко от сираков троглодитов («пещерники»). С ними связывают горных сарматов-эпагерритов (Plin. NH. VI, 16) и агоритов (Ptol. III, 8, 17-25), располагая в верховьях Кубани (Алексеева Е. П. 1976, с. 132-133; Керемов Б. М. 1988, с. 127). Помпоний Мела (Mela. II, 10, 11) считал крымских сатархов троглодитами. Было справедливо подмечено, что прилагаемая к крымским сатархам характеристика, на самом деле, должна относиться к троглодитам, обитавшим в горах Северо-Западного Кавказа (Ольховский В. С. 1981, с. 56-57) и, что немаловажно, недалеко от сираков.

Признание сатархов «пещерниками» напоминает о сатархях-спалеях (σπηλαιοί — «пещерники») Плиния (Plin. NH. VI, 22), некогда перешедших Дон. Юлий Солин (Solin. XIX, 3, XLIX, 5) отмечает и скифов-апалеев между Черным и Каспийским морями (Давудов О. М. 1996, с. 241), а сатархов и апалеев — в Средней Азии. Они известны там и Плинию (Plin. NH. VI, 50). Спалеи Плиния (Plin. NH. VI, 22) размещены на Охарии, т. е. на Кубани. В имени кантиокаптов предполагают слияние названий кантиков и сапеев, также помещаемых Плинием (Plin. NH. VI, 22) на Кубани. Последние сопоставимы с сатархьями-спалеями.

Помпоний Мела (Mela. I, 114) отмечает рядом с сирахами фикуров, видимо, соответствующих фиакам Овидия (Ovid. Epist. IV, 21), которые располагались рядом с гениохами и ахейцами. Фикоры Помпония Мелы напоминают о названии фикаров (пирахов), фагуров и аспакаров Птоле-

мея (Ptol. VI, 16, 5) и Плиния (Plin. NH. XXXVII, 110) на востоке ойкумены, за которыми скрываются тохары. Валерий Флакк (Val. Flac. VI, 140-145) упоминал сатархов рядом с эксоматами и торинами, т. е. яksamатами, обитавшими на Дону, и торетами, обитавшими где-то в Прикубанье. Считать сообщение Валерия Флакка о проживании тохаров на Кавказе не заслуживающим доверия (Яценко С. А. 1997, с. 155) нет оснований.

Появление в письменных источниках форм «сарты», «сартаги», «сарды», вместо формы «сатархи», было определено заимствованием из греческого источника II-I вв. до н. э. (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 140). К востоку от Дона Птолемей (Ptol. VI, 14, 10) локализует сварденов, известных затем на Боспоре (TR. IX, 3) как сардеты, что напоминает о скифах-сардах. Плиний (Plin. NH. IV, 88, VI, 20, 22) знает возле Меотиды и Кубани напеев, напров и авхетов. Их названия сопоставимы с именами легендарных предков скифов и древними скифскими авхатами. Сам Плиний (Plin. NH. VI, 50) дублирует историю народов событиями на землях к востоку от Сыр-Дарьи. Показательно, если на западе уничтожение инапеев и танаитов приписывается авхетам, то на востоке напеев громят спалеи. Последние и оказываются известны на западе как сатархеи-спалеи. Они же сопоставимы со скифами-сатавками. По Страбону (Strabo. XI, V, 8), возле сираков располагались набиане и панксаны (пагианы). Набиане, возможно, сопоставимы с нерипами, перешедшими Дон вместе с тагорами.

К востоку от Меотиды у Плиния (Plin. NH. VI, 16) размещаются серры и кефалотомы («головорезы»). Поскольку соседние серрам кефалатомы тождественны сиракам (Десятчиков Ю. М. 1974а, с. 8), локализуемым в районе Кубани, то и сами серры должны были располагаться рядом. Серры под именем сернов (серны указаны в лучших рукописях, и

лишь в одной фигурируют сербы) и серреев упоминаются и далее Плинием (Plin. NH. VI, 19). Их название сопоставимо с именем скифов-сардов. Название серов сопоставимо и со сведениями (Plin. NH. VI, 88) о серах, обладавших яркой европеоидной внешностью и поставлявших шелк в бассейне Тарима. Не исключено, что с этой группой кочевников связаны и сербы (сирбы) (Ptol. V, 8, 7-32), располагавшиеся и к востоку от Ставропольской возвышенности.

Открывающаяся картина появления в Восточной Европе центральноазиатских кочевников, прежде всего тохаров, будет неполной, если не обратить внимание и на вероятную фиксацию здесь иных мигрантов. Плиний упоминает неких а (с) гаматов (Plin. NH. VI, 21), которые сопоставимы с яксаматами, располагавшимися тогда к востоку от Нижнего Дона. Недалеко от агаматов помещались камаки, сопоставимые с камами самого Плиния (Plin. NH. VI, 59) на Яксарте (Каменецкий И. С. 1971, с. 168). Плиний (Plin. NH. VI, 47), заимствующий сведения с карты Агриппы, помещал в Бактрии команов. Помпонию Мела (Mela. I, 13) называет их хоаманы. У Птолемея (Ptol. VI, 11, 6) отмечаются комы.

На Северо-Западном Кавказе Плиний (Plin. NH. VI, 21) помещает неких мазамаков (мазакасов, мазакаков, масаков). Предполагается (Кузнецов В. А. 1992, с. 29; Яценко С. А. 1998, с. 86-87), что под именем масаков скрываются массагеты. Интересно, что в имени первого легендарного насельника на земле балкаро-карачаевцев Мысак также усматривали отражение названия исторических массагетов (Гадло А. В. 1979, с. 68).

Птолемей на далеком европейском севере помещает кареотов (Ptol. III, 5, 9), чье название фонетически близко его яксартским сакам-каратам. К востоку от аорсов располагаются карионы и саргатины. Название первых сопоставимо с именем каронов (осет. *kæron* — «конец, край»

(Десятчиков Ю.М. 1973, с. 138)), некогда перешедших Дон вместе с тохарами (Plin. NH. VI, 21). Саргеты вместе с массагетами помещались где-то далеко на севере Аммианом Марцеллином (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 8, 38). Возможно, в имени саргатиев мы имеем дело с вариантом имени сартагов и т. д. Сагартиев на востоке упоминает Геродот (Herod. I, 125, III, 93) и сам Птолемей (Ptol. VI, 2). В то же время полагают (Десятчиков Ю.М. 1973, с. 137-138), что саргеты Аммиана Марцеллина могут быть сопоставлены со скифами-апалеями Солина (Solin. XIX, 3), располагавшимися рядом с массагетами Дагестана, и апалеями Плиния. Собственно массагеты будут упоминаться у Дуная, а также Дона и Азовского моря различными западноевропейскими авторами, а армянские авторы надежно локализуют их на территории современного Дагестана.

Плиний разместит между северо-западными отрогами Кавказа и Ставропольской возвышенностью саканов, что может свидетельствовать о путанице в источнике, либо о появлении здесь среднеазиатских саков (Harmatta J. 1950, p. 27). К востоку от Дона Птолемей располагает закатов (Cannate карты Певтенгера?), которые известны ему и в Азии (Ptol. VI, 14, 10). Предполагают, что закаты также представляли собой саков (Удальцов А.Д. 1946, с. 44). Интересно, что позднее одним из союзников правителя даков Децебала называется царь саков Сардоний (Aur. Vict. De Caes. XIII, 3). Не исключается, что г. Сацидова (Суцидава), располагавшийся на р. Прут, в низовьях р. Алута, служил племенным центром саков (Колосовская Ю.К. 2000, с. 89-90). Лукан сообщал о варварской Коне возле Дуная (Luc. Bell. Civ. III, 200), которая была и в отдаленных частях Европы у сарматов (Schol. III, 201), т. е. на Дону. Ее, конечно, нельзя прямо соотносить с Кангюй, но возможно допущение о появлении в Восточной Европе сакских мигрантов с Сыр-Дарьи (Мацулевич Л.А. 1947, с. 127, Скрипкин А.С. 1992, с. 41).

Рядом с закатами и асеями Птолемей ставит хенидов, в названии которых усматривали искаженное название хуннов (Удальцов А. Д. 1946, с. 44, 46; Зураев А. П. 1966, с. 120). Унны/тунны были соседями скифов, обитавших на севере Каспия (Dionys. Perieg. 718-732, Eustath. ad Dionys. Perieg. 730). Между бастарнами и роксоланами помещены хуны. В них приходится видеть появление центральноазиатских хуннов, хотя исследователи ставили под сомнение их существование здесь, считая сведения ошибкой Птолемея или переписчиков его труда (Maenchen-Helfen O. 1944-1945b, p. 244-252). Современные исследователи также ставят под сомнение достоверность сведений Птолемея и Дионисия Периегета и связь упоминавшихся в них хуннов с гуннами (Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Болелов С. Б. 2007, с. 128). Маркиан Гераклеяский (Marc. Perip. II, 39) помещает европейских хуннов по Борисфену за аланами. Именно эти хунны, как полагали, впоследствии могли помогать остготам против аланов (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 3), заключивших союз с победителями гуннами (Кулаковский Ю. 2000, с. 263, сн. 1). Возможно, их происхождение связано с указанной проблемой юэчжийского происхождения левого крыла суннуского союза, о чем говорилось выше.

Как мы видим, западноевропейские нарративные источники дают нам определенное основание полагать, что интенсивные миграционные процессы, охватившие степной пояс Евразии со 2-й пол. II в. до н. э. привели к появлению в Восточной Европе различных группировок кочевников, начальный этап в миграции которых зафиксирован ханьскими источниками. Но для последних крайне западная история данных миграций вполне закономерно оставалась не известной. Вполне возможно, что в ряду данных миграций следует рассматривать и сообщение об утиях Плиния (Plin. NH. VI, 39), которых ассоциируют с аорсами как одним

из юэчжийских (тохарских) племен (Pulleyblank E. 1966, p. 17-18; Зуев Ю. А. 1995, с. 49). Плиний точно указывает на источник своей информации. Им является сообщение Марка Теренция Варрона, а, следовательно, может датироваться, примерно, сер. I в. до н. э. Современные исследователи, как уже отмечалось, также не исключают, что собственно аорсы были выходцами из Центральной Азии и не имели отношения к формированию прохоровской культуры.

Собственно фиксация в Восточной Европе аорсов, как и сираков, по данным письменных источников происходит не ранее II в. до н. э. Тот же Страбон считал их беглецами с востока, что может служить глухим отголоском бурных событий на территориях к востоку от Каспия. Некоторые исследователи полагали, что и этноним «сираки» возник в дахо-массагетской среде Закаспия. Сираков рассматривали и как ветвь саков. На основании данных некоторых письменных источников предполагалось, что сираки, представители сармато-дахской конфедерации, продвинулись на Северный Кавказ из Средней Азии через Иран и Закавказье, выйдя через верховья р. Кубань. Археологические данные не позволяют проверить справедливость такого предположения. Но следует отметить фиксацию на территории древней Армении саков и сираков (Strabo. II, 1, 14, XI, VII, 2, VIII, 4, XIV, 4, Ptol. III, 12, 9, Plin. NH. VI, 29). У последних правил род Каренианов (Камсаров). Он был связан этническим родством с саками и в то же время был родственником царскому роду Аршакидов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 34), происходившему из племени даев-парнов.

Одним из аргументов в пользу закаспийского происхождения сираков для ученых служит сообщение Полиэна о сакском герое Сираке, заманившем войска Дария (Polyaen. Strat. VII, 12). Топоним «сирак» отмечается на территориях

Зеравшана, Самарканда, Ташкента и Ферганы. «Сирак» служит названием таджиков в устах тюркоязычных народов. Перечисление Плиния (Plin. NH. VI, 48) племен за Оксом ограничено сирматами и сарапарами, вторых из которых считают сираками. Другие исследователи считают более реальной связь этнонима с топонимом их прародины Серики в Восточном Туркестане, возле тохаров Турфана и Ганьсу (Мачинский Д. А. 1989, с. 15-16, 20; Ельницкий Л. А. 1977, с. 118; Ростовцев М. И. 1993, с. 92; Десятчиков Ю. М. 1974а, с. 4, 8-11; Скрипкин А. С. 1997, с. 27; Herrmann A. 1923, col. 1678; Kretschmer K. 1929, col. 283; Kothe H. 1969, s. 75-77; Куклина И. В. 1985, с. 109-110; Круглов-Мавродин Е. А. 2001, с. 51; Шрамм Г. 1997, с. 136-137; Huuse P. 1998, s. 170-171).

Сираки, как аорсы и многие другие кочевники, будут причисляться греко-латинскими источниками к сарматам. Впервые данное название как определение некой территории и кочевников появляется в III в. до н. э. (Theoph. De Aquas. Fr. 172, Ant. CLII (167), Ps.-Scymn. 874-885). Город под названием Сарматина был известен к востоку от Каспийского моря (Strabo. XI, VII, 2; Ptol. VI, 17, 4; Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6). В Средней Азии фиксируются и топонимы «сармат», «самат». Появление в западноевропейских источниках этнонима «сарматы» совпадает с приходом с востока носителей прохоровской культуры. Среди них могло быть, например, само племя сарматов. Вскоре, как справедливо отмечают исследователи, в античной и римской литературе складывается собственная традиция использования этнонима «сарматы», который прилагается к различным группировкам кочевников, часто превращается для них в собирательный, становится синонимичным этнониму «савроматы» и т. д. Но, как вновь справедливо отмечают исследователи, в меньшей степени он воспринимался теми, на кого распространялся, а данные археологии

достаточно убедительно показывают, что под известными из нарративных источников племенами скрывались родо-племенные объединения.

Возвращаясь к вопросу о фиксации в Восточной Европе тохаров, отметим выявляемые сведения об их расселении, в том числе, возле сираков на Кубани. Интересно, что Страбон (Strabo. III, IV, 31) сообщал о расселении «скифов» за Доном до «восточных скифов», а более точно размещал их рядом с ахейцами, зигами и гениохами. Позднее Тацит упоминал «скифского царя», жившего возле гениохов (Tac. Ann. II, 68). Данное совмещение сведений о близкой локализации тохаров и неких «скифов», т. е. азиатских пришельцах, на Кубани представляется весьма симптоматичным для решения вопроса о появлении здесь аланов.

ГЛАВА IX. О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАНОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Проблема первого упоминания аланов в Восточной Европе до сих пор не нашла своего окончательного решения. Наиболее ранними сведениями о появлении аланов некоторые специалисты считают сообщения о закавказском походе 65 г. до н. э. римского полководца Помпея в ходе военных кампаний римско-боспорского противостояния. Их участие в событиях, как полагают, оказалось отмечено в произведениях Аннея Лукана (*Luc. Bell. Civ. VIII, 215-255*) (Teggart F.J. 1939, p. 222), Валерия Флакка (*Val. Flac. Argon. VI, 40-45*) и Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 5, 16*). Не исключается вовлеченность в события и других более мелких ираноязычных племен, например, кочевавших у устья Кубани аспургиан (Раев Б. А. 1994, с. 24).

Об участии в тех событиях кочевников Нижнего Дона, Кубани и Центрального Предкавказья, как полагают исследователи (Смирнов К.Ф. 1952, с. 14; Марченко И.И. 1996, с. 128-129; Раев Б.А., Яценко С.А. 1993, с. 117; Ждановский А.М. 1990, с. 43; Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. 1998, с. 26, 28), свидетельствуют и археологические материалы. Среди них выделяются известные нам памятники «зубовско-воздвиженской группы», в которых представлены и свидетельства об участии местных воинов в закавказском походе 65 г. до н. э. На основании анализа материалов части памятников группы и близких им погребений на Нижнем Дону и в Поволжье было предложено связать их с

мигрантами из Центральной Азии, которые принесли юэчжийские и саяно-алтайские элементы культуры. Их острожно и сопоставляли с аланами и событиями 65 г. до н. э. (Щукин М. Б. 1992, с. 117).

Сторонники аланской версии считают весьма показательным тот факт, что в отличие от других авторов, не определяющих этнической принадлежности участников тех событий, все три источника точно указывают на аланов. Оппоненты полагают, что не стоит доверять этим гораздо более поздним по отношению к событиям источникам. Следует учитывать известную вольность поэтических произведений при их обращении к историческим фактам, а также вероятную путаницу аланов с албанами, против которых действительно воевал Помпей. Появление в произведениях аланов могло быть продиктовано столкновениями римлян с воинственными аланами именно в период создания произведений Лукана и Валерия Флакка. Боевая слава этих кочевников вполне могла произвести впечатление на слушателей (Täubler E. 1909, s. 14; Гамрекели В. Н. 1961, с. 63; Акопян А. А. 1987, с. 105; Абрамова М. П. 1993, с. 171, 175; Щукин М. Б. 1994, с. 209; Браунд Д. 1994, с. 171; Сергацков И. В. 1998, с. 45; Габуев Т. А. 1999, с. 7-10, Алемань А. 2003, с. 44). Указанные возражения достаточно весомы.

Вполне очевидно, что поэма Лукана полна примеров вольного обращения с историей. В связи с Юлием Цезарем он также упоминает аланов (Luc. Bell. Civ. VIII, 222-225), хотя для этого никто никогда не находил оснований. Автор описывает нахождение в лагере Помпея Цицерона, что противоречит исторической действительности. Но Цицерон сыграл значительную роль в утверждении Помпея командующим против Митридата и все время его поддерживал (Шелов Д. Б. 1977, с. 198-200). Явная путаница присутствует в самом обращении Помпея, которое адресуется парфян-

скому царю Ороду II, вступившему на престол спустя 7 лет после похода Помпея.

Видимо, не следует апеллировать к позднему характеру источников, упоминающих аланов, т. к. и противопоставляемые им источники также составлены гораздо позднее. Определенные трудности намечаются и при выяснении соотношения свидетельств внутри и между двух противопоставляемых групп источников. Например, родной дядя Лукана философ Сенека отмечал набеги аланов через Дунай на римские провинции (Sen. Thy. 629-630). Сам Лукан вторгавшихся определял как массагетов (Luc. Bell. Civ. II, 45-55). Поэтому следует полагать, что в римских кругах, в которые были одновременно вхожи близкие родственники Сенека и Лукан, существовали представления об идентичности аланов и массагетов (Гаглойти Ю. С. 1995, с. 57). Данная идентификация прямо выражена у Аммиана Марцеллина, т. е. его свидетельство восходит ко времени Лукана.

Такое отождествление могло бы отражать реальное положение, поскольку, согласно «Дербент-наме» (Шихсидов А. Р., Айтберов Т. М., Орозаев Г. М.-Р. 1993, с. 21), в области Маскат (Маскут, Мускут) (массагеты прикаспийского Дагестана) жили люди, приведенные из Алана. Показательно, что район Меотиды и Танаиса, где расположились аланы, еще долгое время будет ассоциироваться в западных источниках с местом обитания массагетов. Кроме того, находки трофейных щитов, захваченных на Дунае, обнаружены в памятниках Нижнего Дона рубежа I-II вв. н. э., что свидетельствует о набегах за Дунай именно нижнедонских аланов. Что касается аланов Анавсия в поэме Валерия Флакка, то их крайняя враждебность к албанам не позволяет видеть в них противников Помпея, а сами сведения, вероятно, восходят к источнику Плиния (Plin. NH. IV, 80)

(Ростовцев М.И. 1925, с. 60). Причем, Плиний (Plin. NH. V, 84) совмещает сведения о Южном Буге и Кубани. Полагать путаницу аланов с албанами у Лукана или считать его сведения указанием на обитание аланов непосредственно у кавказских проходов также нет весомых оснований.

Во второй группе источников, действительно, рассказывается о столкновениях Помпея с албанами изначально в северо-западной части их государства (Plut. Pomp. XXXIV-XXXVI, App. Mithr. 103, Dio Cass. XXXVI-XXXVII, Strabo. XI, III, 5). Затем эти авторы утверждают, что на стороне албанов выступили легендарные амазонки, когда Помпей стал продвигаться на восток, по направлению к Каспийскому морю, т. е. в сторону земель самих амазонок. Как полагают исследователи, образ амазонок в определенных случаях связывался с историей реальных кочевников Северного Кавказа.

Показательно, что, продвигаясь к восточной части Албании, согласно Диону Кассию, римляне добровольно получали продукты от местного населения, почему и не обижали его (Dio Cass. XXVII, 3-4), т. е. местные албаны не воевали с Помпеем. По Плутарху, против Помпея тогда выступил не сам албанский царь Орис, а его брат Косис. На основании анализа письменных и археологических источников был сделан вывод (Алиев И. 1975, с. 150-165), что римляне столкнулись не с самими албанами, а с ираноязычными кочевниками, которые издавна играли важную роль на севере закавказских государств, имея оплот в Камбисене и Сакасене, а теперь выступили под предводительством брата албанского царя Косиса.

Отмеченная выше идентификация аланов с массагетами была известна и Диону Кассию. Здесь, в первую очередь, следует отметить представления о тесной «связи» страны массагетов Северо-Восточного Кавказа с амазонками (Ере-

мян С. Т. 1967). Таким образом, и вторая группа источников позволяет полагать вероятность участия в тех событиях северных кочевников. Причем, они явно оказываются не-сарматского происхождения, а по контексту представлений о кочевниках Северо-Восточного Предкавказья могут быть идентифицированы с массагетами, которых первая группа источников и отождествляет с аланами.

Наконец, в последнее время было предложено интересное решение в пользу реальности упоминания для того времени аланов, за счет восхождения сведений к информации Посидония, который умер около 50 г. до н. э. (Щеглов Д. А. 2002, с. 350-352). Само мнение о столь раннем появлении сведений об аланах не ново (Müllenhoff K. 1892, s. 81). Загадочным остается утверждение Орозия (Oros. Adv. raganos. VII, 34, 5) о том, что об аланах писал Помпей Трог. Если сведения Помпея Трога об аланах относились им ко временам Александра Македонского, то они явно ошибочны. Но само знание об аланах Помпеем Трогом уводит знакомство с ними в I в. до н. э.

Следующий хронологический промежуток, вплоть до сер. I в. н. э., когда появляются уже надежные сведения о размещении аланов в Восточной Европе, также остается спорным для исследователей. Конечно, можно предполагать, что появление возле Дуная языгов, ранее обитавших возле Азовского моря и Дона, было вызвано толчком со стороны аланов в первые 10-летия I в. н. э. (Подосинов А. В. 1984, с. 131). Однако в нашем распоряжении нет конкретных фактов для подтверждения именно такого развития событий.

Видимо, следует обратить внимание на упоминавшееся сообщение Тацита о попытке Аршакида Вонона в 16 г. н. э. бежать из Киликии через армян, албанов и гениохов к своему родственнику «скифскому царю» (Tac. Ann. II, 68).

Исследователи считают, что он стремился попасть к прикаспийским маскутам, к аорсам, к аланам или на Боспор (Еремян С. Т. 1967, с. 48; Тревер К. В. 1959, с. 116-117; Пьянков И. В. 2002, с. 227). Предпочтительнее выглядит последнее решение, поскольку оно основано на традиционных для того времени представлениях о расположении варварских народов. Как уже отмечалось, со времени описываемых Страбоном событий «скифами» зачастую называли кочевников, обитавших к востоку от Волги и Каспийского моря. И для самого Тацита реальные скифы, состоявшие в кровном родстве с парфянскими Аршакидами, и Скифия располагались к востоку от Каспия (Тас. Ann. VI, 36, 41, 44). Поэтому упоминание «скифского» царя может, как минимум, свидетельствовать о наличии в 16 г. н. э. на Северо-Западном Кавказе представителей азиатских кочевников.

Упоминание в интересующем нас эпизоде факта родства между Аршакидами также весьма показательно. Согласно армянским и грузинским источникам, эта династия, происходившая из среды обитавших некогда у Аральского моря кочевников даев-парнов, в разное время посадила своих представителей на престолы Парфии, Иберии, Армении, Албании, а также у северокавказских маскутов. На территории Армении были представлены и их кровные родственники, возглавлявшие объединения сираков и сарков. Восточная линия происхождения Аршакидов дополнительно подчеркивалась отдельными сведениями, хотя исторически и сомнительными (если только не является искаженным отражением данных о сасанидских кушаншахах), о родстве Аршакидов с правителями Кушании.

Исследователи уже отмечали, что упоминаемые в армянских источниках «правители Севера», как одна из ветвей династии Аршакидов, могли быть боспорскими аспургианами. Эти аспургиане рассматриваются некоторыми

учеными как центральноазиатские мигранты в район Прикубанья и вероятные участники закавказских походов Митридата VI Евпатора. С их деятельностью связывают воцарение в 7/8 г. н. э. на престоле Боспора основателя аланской династии Аспурга. Интересно, что когда гораздо позднее Шапур I из рода Сасанидов, свергнувших династию Аршакидов, обратился с письмом к известным ему правителям, то в ответ последовала негативная реакция со стороны тех царей, которые сами принадлежали к роду Аршакидов. С ними упоминаются и некие «тавроскифы» (Capit. Duo Valer. 7), название которых свидетельствует о проживании данного народа на территории Боспора. Не исключено, что в данном случае речь шла о династии боспорских правителей.

Приведенные наблюдения делают вполне закономерным заключение, что сведения о «скифском царе», находившемся возле гениохов, стоят в какой-то связи с упомянутым пассажем Валерия Флакка о гениохах и аланах Анавсия («Ненасытный» или «Холостой») (Val. Flac. Argon. VI, 42) (Bachrach B.S. 1973, p. 124), хотя, несомненно, Валерий Флакк увязывал события с более древними временами и легендами (Val. Flac. Argon. VI, 265-278). Этногеографическое окружение аланов вполне справедливо рассматривается как указание на их обитание в северо-западной части Кавказа. Здесь же помещались и аспургиане. По Страбону, они расселились на земле синдов (Strabo. X, II, 11). Его сведения интересно сравнить с вымышленным рассказом Лукиана Самосатского (~80-120 гг. н. э.) о событиях в Боспорском царстве (Luc. Tox. 51-55). Отмечалось, что хотя в рассказе имена боспорских царей и созвучны именам Спартокидов, но сами события относятся к периоду появления в регионе аланов.

В то же время приводимые сведения о стране Алании, об

отношениях аланов с Боспором, их этнокультурная характеристика и особенности военной тактики рассматриваются как достоверные. Согласно данному рассказу, после войны, вспыхнувшей из-за обманного увоза дочери боспорского царя и его аланской жены, аланы обязались перед Боспором подчинить синдианов. Несомненно, имелись в виду синды, центр объединения которых располагался в районе совр. г. Анапа. Таким образом, если у Страбона земля синдов отходит аспургианам, то у Лукиана Самосатского покорением синдов занялись аланы, т. е. на месте аспургиан оказываются аланы (сравни: Смирнов А. А. 1948, с. 206). Интересно, что в Нартовском эпосе осетин народ чинты, за которым скрываются исторические синды, считаются самым близким народом для нартов, т. е. эпических предков осетин.

Одним из наиболее сложных в аланистике остается вопрос о закавказском походе 35 г. н. э. Первопричиной такого положения стали разночтения в латинских и греческих копиях «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, а также их издательские взаимоотношения. В латинских вариантах копий, восходящих к переводу в Виварии Кассиодора VI в., участниками событий называются *Scythae* (Ios. Ant. Jud. XVIII, 96-98). В копиях же на греческом языке, т. е. на том языке, на котором впервые данный труд был представлен, но созданных гораздо позже в X-XI вв., вместо *Scythae* упоминаются Ἀλανοί. Большинство позднейших издателей, кроме Б. Низе, исправляло греческие варианты, в которых на основании данных латинских вариантов, ценность которых для реконструкции первоначального текста не вызывает сомнений, вместо Ἀλανοίς указывалось Σκύθας. В то же время Тацит, сохранивший для нас значительно более подробный рассказ о событиях, называл их участников сарматами (Tac. Ann. VI, 33-35), а Дион Кассий — скифами

(Dio Cass. LVIII, 26). С данными событиями некоторые исследователи связывали и другие сведения, сохранившиеся в письменных (поэтических) источниках (Sen. Thyes. 374-375; Val. Flac. Argon. VI, 120-128, 232-238, 751).

Предпринятые в последнее время попытки отдельных авторов трактовать события в свете аланской истории, причем, охватывающей и район Придарьяля, привлекли к себе внимание некоторых исследователей (Дзукаева Н. В. 2000, с. 72-79; Цуциев А. А. 2001, с. 70-71; Гутнов Ф. Х. 2001, с. 124-125; 2002, с. 45-46; Глебов В. П., Парусимов И. Н. 2000, с. 78; Глебов В. П. 2001, с. 196; 2002, с. 38; 2002а, с. 137; Лысенко Н. Н. 2002, с. 328; Lebedynsky Ia. 2002, р. 43, 151, 163; Камболов Т. Т. 2006, с. 143; Кузнецов В. А., Романова Г. Б. 2006, с. 47; Воронятов С. В. 2009, с. 82, сн. 2). Однако данные попытки не только слабо аргументированы и крайне уязвимы для критики, но и не вносят ничего нового в известные науке данные (Харматта Я. 1965, с. 145; Черняк А. Б. 1984, с. 211, прим. 20; Браунд Д. 1994, с. 173; Бози Ф. 2002; Сергацков И. В. 2008, с. 65; Балахванцев А. С. 2009, с. 10-11; Туаллагов А. А. 2009; 2012; 2012а; 2013; 2014). Утверждение об отношении событий 35 г. н. э. к группировкам аланов, якобы, обитавших уже тогда возле Дарьяльского и Дербентского проходов (Перевалов С. М. 2012), происходит лишь из субъективной убежденности.

Следует обратить внимание на упоминавшихся Тацитом Adorsi (Advorsi, Adossi), участвовавших в событиях 49 г. н. э. (Tac. Ann. XII, 15-19). Как справедливо было подмечено, тацитовские адорсы оказываются в одном ряду с аланорсами Птолемея (Ptol. VI, 14, 9) и утидорсами Плиния (Plin. NH. VI, 39) (Charpentier J. 1917, р. 356), вторые из которых, как отмечалось ранее, могли быть связаны с утиями-юэчжами. Интересно, что на основании сведений Плиния о царстве Ванния, которое было разрушено в 50 г. н. э., было предложено

отнести появление алан (Plin. NH. IV, 80) к западу от Дона ко времени не позже 49 г. н. э. (Teggart F.J. 1939, p. 174).

Однако вряд ли следует привязывать всю этнографическую картину северопричерноморского региона в источнике именно к данной дате. Сложно привлекать и сведения, продиктованные христианской традицией, утверждающей, что крещение апостолом Андреем аланов произошло в 40 г. н. э., т. к. данные сведения не подлежат исторической проверке. А. Алемани заметил, что «Фиест» Сенеки, в котором упоминаются аланы, как и некоторые другие драмы поэта, мог быть написан во время ссылки автора на Корсику в 41-48 гг. н. э. (Алемань А. 2003, с. 54), т. е. знакомство с аланами произошло ранее сер. I в. н. э.

Точка зрения исследователей о том, что наиболее достоверные сведения об аланах в нарративных источниках появляются только с сер. I в. н. э., представляется вполне обоснованной. Свое подтверждение она находит и в археологических материалах. В то же время известные на сегодняшний день материалы показывают, что сведения об аланах отдельных письменных источников до указанного периода сочетаются со сведениями об отличных от сарматов кочевниках, которые появляются на Северном Кавказе с азиатского востока. Нам, действительно, точно не известно, называли ли себя те кочевники аланами, но их этнокультурная близость с аланами последующего периода, подтверждаемая и данными археологии, возможно, и является причиной ретроспективного распространения на них данного названия в письменных источниках.

Интересно, что неизвестный нам автор (Heges. 5, 50), пересказавший одно из свидетельств Иосифа Флавия, рассматривал аланов как «...племя дикое и долго нам неизвестное, поскольку они сдерживались внутри вместе с другими дикими и неукротимыми племенами непроходи-

мостью местности...». Исследователи же давно обратили внимание на тот факт, что первая фиксация в источниках какого-либо этнонима не является показателем времени сложения данного народа (Дьяконов И.М. 1951, с. 90). Но, видимо, следует иметь в виду, что в цитированном сообщении могло сказаться и влияние легенд о построенных на востоке Александром Македонским заповор против варваров, что при географической абберации было перенесено на Кавказ. Согласно элoгию из фамильной усыпальницы в Тибуре наместника Мезии Плавтия Сильвана Элиана, в 62 г. н. э. римляне столкнулись на Дунае, в том числе, с «ранее неизвестными либо враждебными... царями». О начале набегов аланов за Дунай в 62-64 гг. н. э. и сообщал известный нам Анней Сенека (Sen. Thyes. 629-630).

Поэтому вполне правыми могут оказаться те исследователи, которые считают «ранее неизвестных царей» предводителями аланов (Teggart F.J. 1939, p. 221; Яценко С.А. 1993в, с. 83; Скрипкин А.С. 2010б, с. 175-176; Симоненко А.В. 2010, с. 240; Воронятов С.В., Еременко В.Е. 2013, с. 55-56). Таким образом, следует полагать, что в Риме могли осознавать, что аланы и прежде населяли восточноевропейские территории среди других кочевых народов, но попали в поле зрения римлян только после активизации их военных действий, которые и позволили выделить их среди других. Такое запаздывание в идентификации аланов соотносится и с данными археологических источников, ведь распространение памятников среднесарматской культуры начинается около рубежа н. э. или даже ранее, тогда как их носители будут четко отождествлены с аланами только в сер. I в. н. э.

Следующее свидетельство, основными фигурантами которого все исследователи признают аланов, является сообщение о походе аланов, живших возле Меотиды и Танаи-

са, через Гирканию в Мидию Антропатену (Ios. Bell. Jud. VII, 244-251; Cassiod. Ios. Bell. Jud. VII, 42; Heges. 50). Возможно, с данными событиями связаны и свидетельства о принуждении парфянского царя Вологеза к миру войной (Aur. Vict. De Caesar. 10, Epit. IX, 12, 17). С последствиями аланского вторжения (иногда как новое вторжение) связывают обращение в 75 г. н. э. парфянского царя за помощью в Рим, на которое хотел откликнуться сын римского императора Домициан (Suet. Dom. 2, 2).

Обычно с рассказом Иосифа Флавия сопоставлялся рассказ Мовсеса Хоренаци, на основании которого соответствующий эпизод появляется у Мовсеса Каганкатваци («История агван». I, VIII) и в грузинской «Картлис Цховреба». Продолжением истории похода аланов, по закавказским источникам, считают сообщения армянских «Мученичества Сукиасянов» и «Мученичества Воскянов», повествующих о крещении представителей аланской знати. Был сделан грузинский перевод «Мученичество св. Сукавейцев». Позднее в «Историях Армении» Лазаря Парпеци, Иованнеса Драсханакерци, епископа Уахтанеса и в кратком стихотворном отрывке Нерсеса Шнорхали повторяются приведенные сведения. Наконец, Аравелиане долго фигурируют в списках нахарарских родов, а в «Зоранамаке» отмечается их войско в 500 всадников.

Вместе с тем, наблюдается различная трактовка конкретных деталей того похода. Во-первых, часть ученых датирует данный поход не как Иосиф Флавий 72 г. н. э., а предлагает 68 г. н. э., 75 г. н. э. или помещает его не ранее 2-й пол. 70-х гг. I в. н. э., между 72 и 74 гг. н. э. Появились и утверждения, основывающиеся на различных комбинациях сведений письменных источников, что мы имеем дело, по крайней мере, с двумя аланскими походами 72, 75, 114 или в 115 гг. н. э. Во-вторых, предлагается локализовать места обитания аланов

в Центральном Предкавказье и помещать на самом Кавказе проходы, через которые они могли вторгнуться на юг. Однако, как представляется, вся указанная вариативность решений не имеет должных обоснований.

Указание Иосифа Флавия на движение приазовских аланов вокруг Каспия через Рагский перевал породило и несколько иных гипотез. Одни исследователи решили, что в данном случае к ним могли присоединиться военные контингенты из родственных закаспийских племен, другие посчитали, что речь следует вести только о закаспийских племенах. Во втором случае, соответствующим образом трактуется появление катакомбных могильников в Гиркании в Дайламане (Норузмахал, Кхаромруд, Шахпир), а также могильника в Мингечауре, которые сопоставляются со среднеазиатскими и, в частности, с ашхабадскими. В зависимости от принятия решения об участии среднеазиатских кочевников в походе рассматривается и их появление к северу от Кавказа. Как представляется, наиболее вероятным следует считать участие в походе приазовских аланов, которые продвигались через закаспийские территории и, не исключено, могли в тот момент присоединить к себе закаспийских кочевников (Туаллагов А. А. 2014).

Следующее упоминание аланов, по надписи из Керчи, относится к 80-м гг. I в. н. э. Она, видимо, вновь говорит об аланах, обитавших недалеко от Боспорского царства (Vinogradov Yu. 1994, p. 73-74; Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. 2005, с. 43; Сапрыкин С. Ю. 1998, с. 199-200; 2005, с. 46; Saprykin S. Ju. 2002, p. 197-203; Горончаровский В. А. 2005, с. 344-346). Некоторые исследователи полагают, что упоминавшийся посредник Сусаг при попытке правителя даков Децебала организовать посольство в Парфию через Северное Причерноморье (Plin. Sec. Epis. X, 74) мог быть правителем придонских алан (Яценко С. А. 1993в, с. 86).

Возможно, это и так. Но следует помнить и об упоминавшемся выше союзнике Децебала правителе саков Сардонии, т. е. Децебал мог использовать для посредничества и представителей иных ираноязычных группировок, сохранявших определенные связи с парфянами. С волнениями аланов связывают (Яценко С. А. 1992б, с. 48; 1993в, с. 86; Функ Б. 1992, с. 76-77, сн. 3) и секретное посольство в Рим в 111 г. н. э. боспорского царя Савромата I (Plin. Sec. Epis. X, 63-64, 67). Вполне вероятно, что аланы в кон. I-нач. II вв. н. э. вели достаточно активную военно-политическую деятельность по отношению к Боспору.

В 135 г. н. э. (недавно предложена и датировка 136 г. н. э.) меотийские аланы совершают новый грандиозный поход, в ходе которого опустошают Албанию и Мидию и каким-то образом затрагивают Каппадокию и Армению (Dio Cass. LXIX, 15, 1-3; Them. XXXIV, VIII, 33; Capit. Ant. Pius. 9, 39, 20; Arr. Ekt.). По мнению исследователей (Алемань А. 2003, с. 501-502), данные события описаны и в несторианской «Хронике Арбелы» Мшихазка (Мешихазека, Мешиха-Зеха). Они же согласуются со сведениями Мовсеса Хоренаци о разорении области Артаз, располагавшейся в Центральном Предкавказье, правда, за счет вторжения армянского войска. Оно было вызвано изгнанием брата Сатиник неким узурпатором (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 52), т. е. и здесь речь идет о столкновении между аланами.

Находки в могильниках у сс. Братское и Алхан-Кала золотых полихромных украшений, близких закавказским (гробницы питахшей Иберии), рассматриваются как указание на участие хозяев этих погребений в походе 135 г. н. э. (Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. 1993, с. 95, 106, 108). С данными событиями связывают и другие находки из Иберии (Treister M., Yatsenko S. 1997/1998, p. 58-59). По мате-

риалам могильника II в. н. э. в Клдеети (у г. Зестафони) уже давно был поставлен вопрос о непосредственном присутствии в Иберии того времени представителей аланов. Некоторые исследователи трактуют и данные Армазской билинговки как отражение усиления связей иберийской и аланской знати (Кузнецов В. А. 1992, с. 175-176).

Исследователи полагают выработку стиля «клуазоне» за счет тесных контактов алан, принесших полихромный стиль, и Картли. Указывается на наличие картлийских ювелирных изделий выполненных в степных традициях в могильнике Армазисхеви, а также вещей и родовых тамг непосредственно аланского происхождения (Яценко С. А. 1993б, с. 101-102; но: Щукин М. Б. 2005, с. 356). Здесь, например, в гробнице № 1 был, судя по надписи на портретной гемме, не позднее середины II в. н. э. погребен питиахш Аспагур (Трейстер М. Ю. 2010, с. 528-529).

Его имя, как и некоторые другие имена армазских надписей, рассматриваются отдельными исследователями с позиций фиксации проникновения аланов в высшие слои иберийской знати. Другие ученые трактуют упоминание в надписи великого подвига и многих побед дворуправителя Иодмангана как указание на сражения против аланов. Упоминание питиашха Публия Агриппы трактуется как утверждение Флавием Аррианом при иберийском дворе римского офицера из-за ответственности Фарасмана II за вторжение аланов (смотри историографию вопроса: Алемань А. 2003, с. 412, 423, 440-443, 477-478; Гаглойти Ю. С. 2007, с. 29-30, 32, 141-143; Гутнов Ф. Х. 1995, с. 28-30; 2011, с. 41, 49, 50, 53-56, 180-181).

Таким образом, у нас есть некоторые основания полагать фиксацию появления аланов в Центральном Предкавказье к сер. II в. н. э., хотя, в целом, данная территория остается все еще зоной информативного вакуума для европей-

ских наблюдателей. Данный период относится к истории появления носителей позднесарматской культуры, которые, вопреки мнению некоторых исследователей, могут быть отождествлены с аланами письменных источников.

Исследователи неоднократно суммировали известные из различных источников данные по истории ранних аланов (смотри, например: Яценко С. А. 1993, 1993в, 1997, 1998 и др.). Натиск носителей позднесарматской культуры был достаточно мощным. Вскоре римский император Антоний Пий (138-161 гг. н. э.), как сообщают источники (*Capit. Ant. Pius V, 5*), «...приходивших в движение алан не раз сдерживал». При Марке Аврелии (161-180 гг. н. э.) аланы упоминаются среди народов (*Capit. Marc. XXII, 1-2*), которые приняли участие в I Маркоманнской войне (167-175 гг. н. э.). С данными событиями исследователи связывают появление «алано-маскутских» погребений в Приорелье. В «терско-дагестанском» по обряду погр. № 8, кург. № 6 в Ростове-на-Дону был обнаружен набор италийских бронз кон. II в. н. э., что позволило предполагать участие погребенного в этой маркоманской войне. На Центральном Кавказе фиксируется кельто-германский обычай класть в погребения ножницы. Таким образом, у нас появляются основания полагать участие северокавказских алан в войнах в далекой от них Западной Европе.

Ранее отмечалось, что с 1-й пол. III в. н. э. нарастает давление аланов на Северо-Западном Кавказе, Боспоре и в Малой Скифии Крыма. Видимо, аланы тогда прорываются и в Западную Европу (*Capit. Gord. XXXIV, 3, 4*). В сер. III в. н. э. центральнопредкавказские аланы совершают мощную военную экспансию на север, одним из результатов которой стало подчинение донских аланов, хоть и сохранивших свою автономию в отношениях с новой метрополией. Сведения закавказских источников о

событиях 1-й пол. III в. н. э. дают некоторые основания полагать активное участие центральнопредкавказских аланов в военно-политических событиях на закавказском направлении.

В ряду надписей, имеющих отношение к центральнокавказским аланам, отмечают упоминавшиеся надписи Шапура I в Кааба-и Зардушт ~262 г. и верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.), фиксирующие, что наиболее вероятно, «Аланские ворота» (Луконин В. Г. 1979, с. 19; Ньюли Г. 2002, с. 19-26; Алемань А. 2003, с. 443-447 и др.). Появление таких сведений у персов, возможно, связано с событиями 260-х гг., когда картлийский царь Аспагур пытался найти помощь в борьбе с Персией у алан, для чего сам прибыл в их страну, где и скончался. Как сообщается в «Картлис Цховреба», именно после этих событий мцхетские послы и рассказали персидскому царю о близости к ним хазаров и овсов.

В армянской версии «Картлис Цховреба» («История Картли» — «Патмутюн Врац») сообщалось о соседстве с осетинами и аланами (Гаглойти Ю. С. 2007, с. 28-30, 133-137). Видимо, армянская версия может указывать на то, что грузинские и армянские источники один и тот же народ называли овсами и аланами, следуя собственным традициям. При сведении данных эти традиции могли и не совмещаться. Как представляется, две эти надписи, действительно, впервые дают определенное основание говорить о письменной фиксации расположения аланов в районе Придарьяля.

При римском императоре Аврелиане (270-275 гг. н. э.) аланы участвовали в Западной Европе в «скифских войнах» (Vor. Aurel. XXXIII, 4). С данными событиями связывают появление под г. Кисловодск лунниц киевского типа и сходство сосудов с крышками из катакомб в Алхасте и на территории Северной Осетии с погребальными урнами

провинциально-римских культур, а также находки здесь украшений в стиле «Кишпек-Закшув», двухчленных лучковых и двупластинчатых фибул, черняховских гребней и кубков (Берлизов Н.Е. 1996, с. 115; Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. 1993, с. 106, 109). Таким образом, появляются определенные основания полагать втягивание в далекие западноевропейские события и части северокавказских аланов.

После успешного установления своего господства на севере, ознаменовавшем окончательное сложение мощного аланского объединения, обладавшего значительным экономическим и военным потенциалом, центральнопредкавказские аланы переключаются на южное направление, видимо, стремясь как расширить границы своего влияния, так и заявить о своем могуществе и получить новое направление военной активности, сулящее богатую добычу. Вполне вероятно, что указание Аммиана Марцеллина о походах алан до Меотийского моря и Боспора Киммерийского, с одной стороны, и до Армении и Мидии (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 21), с другой стороны, основывалось не только на событиях I-II вв. н. э., но даже в большей степени на событиях III-IV вв. н. э.

Северокавказские аланы продолжают свои военные рейды в Закавказье, которые происходили вплоть до гуннского нашествия. Сопоставление сведений из труда Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm. imp. LIII, 244-251) с сасанидской надписью из Пайкули позволило исследователям установить, что в 291 г. н. э. боспорским царем Фофорсом, которого исследователи считают представителем аланской знати, было произведено вторжение в Лазику и Малую Азию. Одновременно его сын Вахнам вторгается в Армению. Этот военный рейд он совершил вместе с маскутами Прикаспийского Дагестана. За данны-

ми событиями может стоять укрепление связей северокавказских аланов с Боспорским государством в результате военного давления аланов на севере. Не исключено, что какое-то отношение они имели и к морским походам варваров при посредничестве боспорских правителей, представителей кочевой знати, в 254, 258 и 275 гг. н. э. (Zos. I, 31-33, *Vop. Tac.* XIII).

В целом, видимо, насчитывалось несколько относительно родственных аланских родоплеменных объединений: аланы Центрального Предкавказья, возможно, маскуты Северо-Восточного Предкавказья, аланы Дона и аланы, расположившиеся около Дуная. Гуннское нашествие имело катастрофические последствия, прежде всего, для алан-танаитов, располагавшихся на Нижнем Дону. Судя по всему, это объединение не получило серьезной поддержки со стороны своей метрополии, от аланов Центрального Предкавказья. Вместе с тем, как свидетельствуют археологические и письменные источники, аланы Центрального Предкавказья, как и маскуты Восточного Кавказа, хотя и могли быть потеснены гуннами, ставшими на время главенствующей силой, но сохранили свои позиции в регионе. Не исключено, что часть алан-танаитов смогла и укрыться у своих северокавказских сородичей. Вместе с тем, как отмечали исследователи, часть северокавказских аланов, как и алан-танаитов, могла быть увлечена гуннами в Западную Европу (*Pacat.* 32, 3-4, *Sidon. Carm.* II, 351, V, 470-479, *Epis.* IV, 1, 4).

Было обращено внимание на компиляцию ранее введенных в научный оборот эпиграфических памятников, а также известных данных письменных источников с точки зрения отражения в них известий именно о центральнокавказских аланах (Гутнов Ф.Х. 2005, с. 61, сн. 61; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009, с. 152). Данное замечание, поскольку

оно касается и вопроса первого упоминания аланов в данном регионе, могло бы иметь свое значение. Однако от данного подхода приходится отказаться (Браунд Д. 1991, с. 52; Туаллагов А. А. 2011а; 2013).

Учитывая, в частности, уже прозвучавшую «критику» в отношении не использования отечественными исследователями данных перечня должностей сенаторской карьеры Марка Гиррия Фронтоня Нерация Пансы, которые сначала были отнесены к «сомнительным» (*dubia*), а затем, видимо, исходя только из внутреннего убеждения и предположений некоторых зарубежных исследователей, переведены в разряд «наиболее ясных случаев» (Перевалов С. М. 2002, с. 211; 2002а, с. 106; 2003, с. 192), следует уточниться.

Данная надпись из итальянского Сепино состояла из 11 фрагментов, один из которых впоследствии был утерян. В IV в. камень с данной надписью был использован для основания перестраивавшейся базилики. Сама общая сохранность используемого реконструированного отрывка надписи «*leg (atus) pr (o) pr (aetoris) [imp (eratoris) Caesaris Vespasiani Aug (usti) exercit] us qui in A [---]*», в котором, возможно, сообщается о посылке пропреторского легата императора Цезаря Веспасиана в «А...», породило несколько гипотез об «Алании», «Албании», «Армении (Малой)», «Африке». Все эти конъектуры, в том числе и А [*lanos missus est* — -] (Boswort A. B. 1976, p. 75, n. 83; Wheeler E. L. 1997, p. 75, n. 51), встретили свои возражения.

Впрочем, такие возражения вполне понятны, т. к. «аланская версия» основана на реконструкции надписи и мнению (Torelli M. 1968, p. 173), что, исходя из должности Гиррия Фронтоня, его опытности в политических и военных делах на Востоке, приблизительной даты надписи около 75 г. н. э., когда римляне помогали укреплению иберийской крепости в Гармозике (надпись из Мцхета), а аланы втор-

лись в Парфию, он мог возглавить соответствующую восточную экспедицию. Предположение как интересно, так и необязательно, т. к. не имеет в свою пользу сколь-нибудь реальных доказательств. Само утверждение о расположении в то время Алании в Центральном Предкавказье, как и датировка именно 75 г. н. э. вторжения аланов именно из данного региона, также не имеют надежных оснований.

В принципе, именно сохранность надписи при отсутствии каких-либо иных сопоставимых источников делают абсолютно бесперспективным ее использование в исследованиях по истории аланов (Туаллагов А.А. 2011а, с. 170-171), разве только способствуя расширению библиографических списков в исследованиях. В научном плане это ведет к порождению новых сущностей без необходимости. В таком случае свое место в данном списке нашлось бы и для сетующего о том, «... что из 10-ти известных ему надписей I-III вв. с аланским этнонимом (включая спорные чтения), отечественные историки используют не более 3-х» (Перевалов С.М. 2008, с. 110). Показательно, что сам «критик», дав, наконец, только недавно более полную историографическую картину вопроса, заключил, что «степень сохранности надписи не позволяет удовлетворительно решить вопрос об аланском имени». Но и данное заключение не помешало ему включить эту надпись в свой список латинских надписей «аланской эпиграфики» (Перевалов С.М. 2011, с. 16).

ГЛАВА X. АЛАНЫ

К настоящему времени в научной литературе представлены различные гипотезы о происхождении аланов, которые, вряд ли, можно свести в строгую пронумерованную таблицу (Яценко С.А. 1993; Заднепровский Ю.А. 1994, с. 114; Скрипкин А.С. 2001, с. 30). Дело в том, что мы имеем дело с гипотезами, которые высказывались в различное время и соответственно базировались на известных на тот момент материалах и представлениях. Кроме того, нередко используемые в построениях исследователей этнические наименования, извлеченные из письменных источников, наполнялись самими исследователями различным этническим восприятием. Наблюдается и совпадение отдельных положений научных гипотез, которые носят более комплексный характер.

Н.Я. Марр в согласии с отстаиваемой им яфетической теорией происхождения языков рассматривал термин *alan* как принадлежащий коренному кавказскому населению (Марр Н.Я. 1916, с. 1395). Разделил такую точку зрения и Б.Е. Деген-Ковалевский (Деген-Ковалевский Б.Е. 1935, с. 28). Несомненно, сегодня данная гипотеза должна быть отвергнута на основании данных археологических и нарративных источников, да и собственно лингвистических исследований. В конечном итоге, именно к яфетической теории Н.Я. Марра восходят построения Л.А. Мацулевич о сложении аланской военно-демократической конфедерации в недрах сарматского объединения за счет его внутренней перегруппировки (Мацулевич Л.А. 1947). По-

этому гипотезу Л. А. Мацулевич о связи аланов с предшествующими сарматами следует рассматривать достаточно условно с точки зрения реалий истории как сарматов, так и аланов. Видимо, следует учитывать и тот факт, что «миграционистская» и «автохтонистская» лингвистические теории не всегда оправданно влияли и на другие гуманитарные дисциплины, в частности, археологию.

К. Мюлленхофф полагал, что аланами стала обозначаться оставшаяся на востоке часть савроматов после ухода на запад языгов и роксолан (Mullenhoff K. 1892, s. 42, 103). Данное заключение является одной из первых попыток связать проблему происхождения аланов с историей древнего ираноязычного кочевого населения Восточной Европы, зафиксированного письменными источниками. Однако весь корпус источников, имеющийся в распоряжении науки, не позволяет установить связь между савроматами и аланами. Что касается языгов и роксолан, то связываемые с ними археологические памятники не имеют ничего общего с савроматскими. Несомненно, языги и роксоланы были восточными мигрантами, тесно связанными в Восточной Европе с сарматами, складывание археологических культур которых, как отмечалось ранее, не имеет прямого отношения к савроматским памятникам.

Своеобразно гипотеза «автохтонного» происхождения аланов, но в рамках истории ираноязычных кочевников, нашла отражение в исследованиях Ю. С. Гаглойти, получив признание и у некоторых других авторов (Исаенко А. В., Кучиев В. Д. 1995, с. 10-31). Автор рассматривает скифов и сарматов, вторые из которых отождествляются им с савроматами, как генетически родственные и близкие этносы, в конечном итоге, представляя их как единый этнический комплекс. В то же время, исследователь, видимо, не отрицает наличие различных волн миграций с востока, например,

связанных с событиями в Средней Азии — падения Греко-Бактрии и движения сако-массагетских племен на запад.

В Северном Причерноморье сарматы ассимилировали основную часть скифов. Для Северного Кавказа предполагается развитие аналогичного процесса, но определяемого для центральной части Северного Кавказа как консолидация скифо-сарматских племен в единую народность. При этом учитывается прежняя, практически завершившаяся ассимиляция скифами, конкретно дандариями и исседонами, части племен иберо-кавказского языкового круга. Впоследствии, по автору, исседоны были поглощены аланами, а дандарии — аорсами, также отождествляемыми с аланами, т. е. история скифов непосредственно «состыковывается» с историей аланов, в том числе, за счет указания на доживание скифских племенных наименований до появления этнонима «аланы».

Ю.С. Гаглойти полагает, что основу сарматского этноса на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье составляли языги, имевшие вероятную генетическую связь с язаматами, роксоланы, сираки и аорсы, с последними из которых, в первую очередь, и были связаны аланы. Появление аланов на различных территориях не было связано с миграциями из более восточных регионов. Оно отражало факт перегруппировки внутри племенных союзов, генетически связанных со скифо-сарматским миром, с выходом на лидирующие позиции аланов (Гаглойти Ю.С. 1962; 1964; 1966; 1969; 1989; 1992; 1995).

Гипотеза Ю.С. Гаглойти встретила аргументированные возражения со стороны А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С. 2001). В данном случае хотелось бы остановиться на вопросах, которые касаются некоторых, на наш взгляд, узловых проблем отстаиваемой исследователем концепции, поскольку они затрагивают и некоторые составляющие

гипотез иных авторов. Ю.С. Гаглойти вполне справедливо указывает на роль кавказского этнического компонента в этногенезе аланов. Данная мысль уже давно озвучена исследователями (Vivien de Saint-Martin. 1850, p. 40; Bleichsteiner R. 1918, s. 6-8, 10-11). Нередко она повторяется и сегодня, что вполне соответствует логике современных теорий этногенеза. Однако зачастую такие утверждения лишены необходимых конкретных доказательств, хотя примеры последних вполне могут быть приведены. С момента своего появления на страницах письменных источниках аланы оказываются окружены упоминанием иных народов, что свидетельствует об их отличительности.

Если в отдельных источниках упущены сведения о народах, которые должны были бы обитать рядом с аланами, например, в некоторых регионах Северного Кавказа, то это еще не означает, что название *alan* приложимо и к ним. Здесь более проявляется проблема информированности самого источника. Наблюдения за проявлением, например, «окавказивания» материальной культуры, носителями которой были северокавказские аланы, вполне закономерно отражает процессы их интеграции в региональные условия обитания. Для выявления же фактов этнического смешения необходимо более детальное и конкретное изучение по отдельным категориям материалов, черт погребального обряда и т. д.

Антропологические материалы также не дают нам подобных конкретных свидетельств. Наблюдаемое обращение по данному вопросу к осетинской антропологии не вполне правомерно. Во-первых, современные исследования уже вскрыли ряд ошибок, допущенных прежними исследователями. Во-вторых, этногенез осетин связан с хронологически достаточно длительным процессом, который мог распадаться на отдельные периоды, характери-

зующиеся и своеобразием протекавших тогда этнических процессов. На сегодняшний день мы имеем результаты антропологических и иных исследований, свидетельствующих о непосредственном участии аланов в тех этнических процессах, которые привели к формированию осетинского этноса (Герасимова М.М. 1994, с. 55; 2004, с. 293-294; 2007, с. 409-424; 2008; Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. 2009; Гладкова Т.Д., Тот Т.А. 1973, с. 10; Халикова Е.А. 1978, с. 208-209). В пользу такого решения, видимо, могли бы говорить и данные генетики и др. (Рычков Ю.Г., Балановская Е.В., Жукова О.В., Нурбаев С.Д., Шнейдер Ю.В. 1996; Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Морозова И.Ю. 2002, с. 338-344; Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Rychkov S., Naumova O., Zhukova O., Stoneking M. 2004, p. 588-598; Ковалевская В.Б. 2005, с. 177-180; Зубов А.А., Халдеева Н.И. 1993, с. 83; Кочиев Р.С. 1979, с. 114-141; Чикишева Т.А. 2002, с. 157-158 и др.). Однако делать какие-либо окончательные выводы на основе, например, генетических исследований представляется преждевременным в силу только формирующейся базы таких исследований.

Аналогичная ситуация наблюдается в случае привлечения данных по осетинскому языку. Сегодня мы не можем определить точную хронологию проявления тех или иных влияний со стороны кавказских языков на осетинский, принадлежащий к иранской группе языков. Не всегда данные влияния отличимы от закономерного заимствования, например, в лексике. Нередко не учитываются примеры из ареала распространения других языков иранской группы, в частности, по вопросам развития системы склонения и т. д. (Гагкаев К.Е. 1967; Нахурцишвили Р.Л. 1969; Расторгуева В.С. 1976; Гуриев Т.А. 1998; Дзиццойты Ю.А., Салбиев Т.К. 2008 и др.).

Указанные замечания о доказательности некоторых ан-

тропологических и лингвистических аргументов является и отражением самой спорности подходов при решении вопроса о происхождении аланов, который в ходе самого изучения объединяется с вопросом о происхождении осетин. Представляется, что следует в определенной степени разграничивать, а порой и строго разводить данные вопросы и решать их отдельно, тем более обращаясь к раннему периоду истории аланов. Видимо, именно включение аланской проблемы в русло изучения этногенеза осетин и приводит к построению единой, взаимосвязанной генетической линии, объединяющей у некоторых исследователей различные древние кочевые ираноязычные народы практически в единое целое. Для решения вопроса об этногенезе осетин вполне закономерно обращение к истории ираноязычного населения Северного Кавказа в различные периоды. Но и тогда она не будет иметь столь прямолинейного и однозначного решения, как убеждены некоторые авторы.

Пожалуй, можно допустить, что привлекательности идеи о прямой генетической связи аланов с предшествующими им ираноязычными кочевниками Восточной Европы послужили некоторые научные гипотезы, прежде всего, выдвинутые отечественными археологами. В целом, в них представлена «автохтонистская» линия этногенеза аланов, памятники которых занимают свое место в единой культурно-хронологической системе савромато-сарматских древностей (Скрипкин А. С. 1990, с. 7-27). В конечном итоге, аланы оказываются продуктом окончательного слияния «скифо-сарматских племен» в одну этническую общность, полагается их «вызревание» в недрах сарматского, прежде всего, аорсского объединения. Сарматы оказываются прямыми потомками савроматов, включающими в свой состав на различных этапах и территориях отдельные группы

скифов и мигрантов из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

В работах различных исследователей, таким образом, постулируется прямая генетическая связь аланов с сарматами. Они либо прямо отождествляются, либо предстают частями единого этнического массива, в котором путем определенных перегруппировок со временем происходит выдвижение на лидирующие позиции аланов (Ламанский В. И. 1902, с. 118; Минорский В. Ф. 1963, с. 193-194, сн. 23; Виноградов В. Б. 1963, с. 162; Gnoli G. 1998, p. 161-163; Gershevich I. 1955, p. 486; Täubler E. 1909, s. 22, 23; McGovern W. 1935, p. 247, 463 и др.). Однако, как показывают современные исследования, постулирование изначальной генетической связи аланов с сарматами не находит своего фактического подтверждения.

Если мы обратимся к сведениям нарративных источников, то вынуждены будем признать, что в них аланы достаточно четко отделяются от сарматов и их более конкретных родоплеменных объединений. Бесспорная фиксация аланов письменными свидетельствами с начала 2-й пол. I в. н. э. совпадает с окончательным сложением среднесарматской культуры. Известный центр аланского объединения формируется на Нижнем Дону.

Исследованные здесь памятники, безоговорочно связываемые с аланами и к которым тяготеют известные памятники Кубани и Нижнего Поволжья, несут в себе те определяющие их черты, что не связаны с предшествующими сарматскими памятниками, но находят свои аналоги или прототипы в Центральной Азии и в Сибири. Причем, судя по всему, нижнедонские памятники отражают появление мигрантов с собственной сложившейся материальной культурой. Антропологические данные также свидетельствуют, что носители раннесарматской и среднесармат-

ской археологических культур не состояли в изначальном генетическом родстве.

Вместе с тем, как уже отмечалось, нижняя хронологическая граница распространения памятников среднесарматской культуры по различным регионам сегодня опускается до 1-й пол. I в. н. э. или до начала, рубежа н. э. (Скрипкин А. С. 1990, с. 165-188; Полин С. В. 1987, с. 132-133; Сергацков И. В. 1995, с. 157; 1999, с. 148; Ильюков Л. С., Власкин М. В. 1992, с. 230; Симоненко А. В. 1992, с. 29; Абрамова М. П. 1999, с. 98 и др.). Некоторые исследователи понижают ее до второй половины I в. до н. э. (Глебов В. П. 2001, с. 195; 2002, с. 28-37; 2004, с. 130). В таком случае вполне закономерно рассмотрение явного сдвига прежнего сарматского населения на запад вплоть до Дуная в конце I в. до н. э., что документируется сведениями письменных источников и археологическими данными, как отражения давления появившихся из Азии аланов. Упоминание же собственно аланов для того периода имеет свои определенные основания (Глебов В. П. 2002, с. 38), о чем говорилось и выше.

Следует помнить, что впервые соответствующие и достаточно яркие инновации центральноазиатского происхождения фиксируются в памятниках «зубовско-воздвиженского типа», датируемые временем со 2-й пол. I в. до н. э. Наблюдения за археологической картиной вполне могут быть соотнесены с приведенными ранее сведениями письменных источников, фиксирующими появление в Северном Причерноморье, Крыму, Волго-Донском междуречье и на Северном Кавказе ираноязычных кочевников средне- и центральноазиатского происхождений. Поэтому вполне справедливым представляется уже давно высказанное мнение тех исследователей, которые связывают кардинальные изменения в этнической истории кочевого ираноязычного населения Восточной Европы с массовы-

ми миграциями, охватившими степной пояс Евразии. Они были результатом возвышения на востоке сюнну, приведшего к уходу на запад юэчжей (тохаров), что определило историю падения Греко-Бактрии, сложные перегруппировки и миграции отдельных племен и родо-племенных объединений кочевников или их частей, в том числе и в Восточную Европу. Именно в ходе данных миграций и происходит появление на исторической арене аланов.

Как мы помним, исследователи высказывали и мнение, что те же аорсы не имели прямого отношения к сарматам, которых они возглавили, а являлись выходцами из среды центральноазиатских кочевников, охваченной упомянутыми миграциями. Гипотетически такой подход может быть приложен и в решении вопроса о происхождении собственно сираков и роксолан. Надо отметить, что сторонники «автохтонистской» версии о происхождении аланов отмечали не только контакты, но и включение в сарматскую среду представителей иных азиатских группировок кочевников, что придавало своеобразные черты материальной культуре и погребальному обряду, но считали его, видимо, второстепенным и неопределяющим в ходе аланского этногенеза. Антропологи полагают некоторое включение в среду сарматов Нижнего Поволжья II-I вв. до н. э. этнических элементов из Казахстана, Западной Сибири, Минусинской котловины, Алтая и Тувы (Балабанова М. А. 1999, с. 56).

В то же время наблюдается некоторая неопределенность и в этнической идентификации сарматов. К. Ф. Смирнов, утверждавший вызревание аланов в недрах аорсской конфедерации, видел истоки последней в исседоно-дахо-массагетской среде (Смирнов К. Ф. 1984, с. 66, 115). И. Маркварт считал аланов потомками верхних аорсов, предками которых были массагеты (Marquart J. 1931, s. 80-82). Дж. Вернадский частью связывал аланов с сарматами, среди

предков которых называл саков (Vernadsky G., Karpovich M. 1943, p. 66, 82-83, 88-89; Vernadsky G. 1944, 81-86; 1959, p. 49, 58). М.И. Ростовцев связывал аорсов и роксоланов с юэчжами, полагая, что в 1-й пол. I в. н. э. другое племя одержало победу в аорсской конфедерации Приаралья и дало ему название «аланы» (Ростовцев М.И. 1993, с. 92).

Т. Сулимирский также считал аланов и аорсов единокровными народами, но связывал истоки их культуры с Центральным Казахстаном и Семиречьем (Sulimirsky T. 1970, p. 113, 114, 116, 142). И. Алиев указывал, что значительную роль в формировании аланского этноса играли аорсы-тохары, в целом, предполагая, что главную роль в данном процессе играли не столько сарматы, сколько среднеазиатско-приаральские элементы (Алиев И. 1972, л. 327, 331). Как мы видим, в данных построениях аорсы, которые в Восточной Европе, судя по археологическим данным, возглавляли родо-племенные объединения носителей раннесарматской археологической культуры на ее заключительном этапе, отождествляются со средне- и центральноазиатскими мигрантами.

Аналогичное отождествление предлагалось и для самих аланов. Р. Блайхштайнер отождествлял аланов с саками (Bleichsteiner R. 1918, s. 8-9). С. Волин считал, что аланы первоначально жили на землях «саков тиграхауда», скорее всего, являвшимися теми же «саками, которые за морем» (Волин С. 1941, с. 134). В.В. Струве предполагал тождество аланов с массагетами-даями (дахами), которые были также известны как «саки, которые за морем», или «саки, которые за Согдом» (Струве В.В. 1968, с. 59-61, 112). Б. Лозински идентифицирует аланов с массагетами, арси-арсакидами и с юэчжами (Losinsky V. Ph. 1984, p. 127). Собственно, гипотеза о близости аланов с юэчжами имеет свою давнюю историографию (Fild H. 1953, p. 50). С. П. Толстов определял сар-

мато-аланов как продукт ассимиляции продвигавшихся с VIII-VII вв. до н. э. с востока саков с киммерийскими и массагетскими племенами. Движение аланов в Причерноморье представлялось ему проявлением внешней политики Кангюй (Хорезма). Позднее в Восточной Европе под именем аланов становятся известны массагеты (Толстов С. П. 1947, с. 44; 1948а, с. 146-147).

В. А. Кузнецов не исключает участие в этногенезе аланов тохаров, асиев и массагетов (Кузнецов В. А. 1992, с. 18-21), а Б. М. Керефов — тохаров и асиев сако-массагетского круга (Керефов Б. М. 1985, с. 227; 1988, с. 130-131). В. И. Абаев считал, что имеются веские данные о связи аланов с тохарами в Восточном Туркестане (Абаев В. И. 1949, с. 82). Т. А. Трофимова предполагала, что с аланами связаны могильники типа Тумек-Кичиджик (Трофимова Т. А. 1973, с. 25). А. А. Цуциев считал возможным говорить о родстве северокавказских аланов с бактрийскими юэчжами (Цуциев А. А. 1998, с. 115). Об аланах-массагетах писал и А. Н. Бернштам (Бернштам А. Н. 1951, с. 84). Об аланах, как представителях центральноазиатских кочевников, среди которых указываются массагеты и тохары-юэчжи, сегодня пишут и некоторые зарубежные авторы (Brzezinski R., Mielczarek M. 2002, р. 8, 10, 16, 36-37). Е. П. Алексеева полагала участие в формировании аланов среднеазиатских асиев сако-массагетского происхождения, входивших в состав массагетской конфедерации (Алексеева Е. П. 1976, с. 134-159). Не отрицал такую возможность и А. С. Скрипкин (Скрипкин А. С. 1989, с. 179). У некоторых авторов представления об аланах, видимо, понятны только им самим (Перевалов С. М. 2010, с. 318). В сравнении с другими их высказываниями (Перевалов С. М. 2012) создается впечатление механического смешения или использования выводов различных исследователей.

Примечательно, что Е. П. Алексеева при рассмотрении

проблемы появления катакомб в Восточной Европе обращала внимание (Алексеева Е.П. 1976, с. 145) на наблюдения (Толстов С.П. 1963, с. 30, 31, рис. 3, 4) о скоплении катакомб I-IV вв. н. э. в верховьях Сыр-Дарьи и в Южном Прибалхашье, сопоставимом с расселением там асиан. О генетической связи аланов с массагетами писали Л.Г. Нечаева, Д.А. Мачинский (Нечаева Л.Г. 1956, с. 13-14; Мачинский Д.А. 1974, с. 127) и др. Ю.С. Гаглойти, включающий аланскую проблематику в изучение этногенеза осетин, приводит несколько сложное для понимания положение о том, что вероятная генетическая связь осетин-дигорцев с тохарами отражает не их происхождение, а сохранение в этнической номенклатуре осетин массагетского названия (Гаглойти Ю.С. 1969, с. 175).

Многие из приведенных заключений исследователей не оставляют шансов для проверки (как и собственного подтверждения) в результате весьма размытых этнических идентификаций племенных массивов, которые они определяют через использование известных по письменным источникам азиатских этнонимов. Сложно на основании данных, как нарративных, так и археологических источников непосредственно возводить аланов к древнему среднеазиатскому сакскому населению. Приближаясь ко времени фиксации аланов в письменных источниках, мы не обнаруживаем ни одного свидетельства, способного хотя бы наметить такую связь. Признавая за этническую основу создателей Кангуй потомков местного сакского населения, мы не можем прямо связать его с населением Яньцай (Алань), которое хоть и было некоторое время подчинено Кангуй, но представляло собой автономное от него образование.

Большие сложности возникают и в случае попыток идентификации аланов с массагетами. Вполне справедли-

во замечание, что необходимо учитывать весьма вероятный распад задолго до появления на исторической арене аланов самого массагетского племенного союза (Скрипкин А.С. 2001, с. 30; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 2004, с. 5). Указание же на прямое отождествление аланов с массагетами, зафиксированное Аммианом Марцеллином, Дионом Кассием (источник Аммиана Марцеллина), достаточно условно именно с точки зрения попытки этнической составляющей определения «массагеты». Следует заметить, что тот же Аммиан Марцеллин, отождествляя аланов с массагетами (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 5, 16; XXXI, 2, 12), в своей этногеографической картине разделяет их (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 8, 38).

Никогда не отождествляют маскутов Северо-Восточного Кавказа с аланами армянские источники. Отдельно от Аланских ворот упоминается Махелония, т. е. маскуты армянских источников (Еремян С.Т. 1967, с. 51-52), в Каабаи-Зардушт. Отдельно упоминаются аланы и массагеты и у Птолемея (Ptol. VI, 10, 13). Видимо, единственно известным исключением является упоминавшееся сообщение «Дербент-наме» о том, что в области Маскат (Маскут, Мускут) жили люди, приведенные из Алана. Не представляется возможным безоговорочно принять решение (Михеев В.К., Бубенок О.Б., Хамрай О.О. 2008, с. 168) о переселении в I в. н. э. в Европу массагетов в составе аланской орды, а северокавказских маскутов прямо отождествлять с аланами. Вместе с тем, имеются некоторые факты для возможности определенного соотнесения истории аланов и маскутов (Гаглойти Ю.С. 2007, с. 163, 167).

Мы могли убедиться, что, начиная со 2-й пол. II в. до н. э., в письменных источниках изменяется внутреннее содержание определения «скифы», под которым начинают подразумеваться кочевые народы к востоку от Каспия. В

принципе, отдаленным поводом к такому развитию могло служить рассмотрение массагетов и скифов как родственных народов, включение массагетов в состав скифов (Нер. I, 201). Следует солидаризироваться с мнением исследователей, что определения «аланы-скифы» и «аланы-массагеты» являются взаимодополняющими и являются не более, чем указанием на закаспийское происхождение аланов (Скрипкин А. С. 1997, с. 42-43; 2001, с. 31; Габуев Т. А. 1998, с. 85; 1998а, с. 27-28; 1999, с. 125). Единственное с чем сложно согласиться, это с утверждением о том, что обозначаемое массагетское происхождение аланов значительно сужает круг тех народов, из среды которых могли выйти аланы (Габуев Т. А. 1998, с. 85; 1998а, с. 28).

Здесь следует остановиться на гипотезе С. А. Яценко, которая, во многом, и послужила поводом для рассмотрения современными исследователями вопроса о тождественности аланов и массагетов. Исследователь обратил внимание на тот факт, что после сер. II в. н. э., т. е. появления в Восточной Европе носителей позднесарматской археологической культуры, аланы были отождествлены с массагетами (Dio Cass. LXIX, 15, 1; Amm. Marc. XXXI, 2, 12). С этого же времени у «аланов» отмечены все три особенности культуры древних массагетов» (Яценко С. А. 1993в, с. 85). Однако, как уже приходилось отмечать, сопоставление сведений Лукана и Сенеки (Luc. Bell. Civ. II, 45-55; Sen. Thy. 629-630) указывает на восприятие аланов как массагетов уже с начала 2-й пол. I в. н. э.

В целом, представляется сомнительным признать «три особенности культуры древних массагетов» за этнодифференцирующие признаки культуры аланов. В число особенностей включается, например, «... и легендарное изготовление доспехов и оружия из меди», т. е. речь идет о свидетельстве Лаоника Халкокондила. Но, как отмечал еще

В. Ф. Миллер, оно не является аутентичным и, скорее, взято из какого-то источника, относящегося по времени к началу раннего средневековья (Миллер В.Ф. 1888, с. 118-119). Следует согласиться с замечанием, что в позднеаланский период оружие делалось исключительно из железа и стали (Кузнецов В. А. 1973, с. 213). Но и для периода, полагаемого В. Ф. Миллером, нет фактических оснований говорить об изготовлении аланами оружия из меди. Скорее, мы, действительно имеем дело с «легендарным изготовлением».

Указание на восприятие аланов как массагетов уже с начала 2-й пол. I в. н. э., сделанное, например, Ю.С. Гаглойти (Гаглойти Ю.С. 1995, с. 57), впоследствии принимается и самим С.А. Яценко (Яценко С.А. 1998, с. 86-87). Заметим, что другое сведение Лукана о массагетах (Luc. Bell. Civ. III, 266-283) явно отделяет тех от сарматов. Повторим, что выделение трех особенностей культуры вряд ли следует рассматривать как этнодифференцирующие. Видимо, более корректно признание самого С.А. Яценко, что под «аланами» письменных источников следует подразумевать различные группировки мигрантов из Туркестана (Яценко С. А. 1997, с. 160).

Итак, вопрос сопоставления «алан-скифов» и «алан-массагетов» не несет в себе проблемы противопоставления, но, находясь в зависимости от письменной традиции, отражает общее направление в поиске азиатских истоков происхождения аланов. Но прежде, чем перейти к такому, следует упомянуть и еще один подход к проблеме «алан-скифов». Он заключается в признании появления на рубеже IV-III вв. до н. э. и во II в. до н. э. на Кавказе кочевников, родственных скифам Крыма, что могло найти отражение в сообщении Аннея Лукана об аланах и Страбона о скифах Центрального Предкавказья. Появление же носителей позднесарматской культуры на Кавказе относится за

счет миграции кочевников из Ферганы и Памира, которые, в свою очередь, были потомками скифов Тираспольщины, переселившимся в конце I в. до н. э. на восток (Берлизов Н.Е. 1990, с. 9, 13-14; 1991; 1996, с. 113, 114; 1998а; Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. 1993, с. 106, 108; Берлизов Н.Е., Винидиктов А.П., Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. 2003).

Аргументация автора на основании археологических и антропологических материалах уже встретила соответствующие возражения (Заднепровский Ю.А. 1994, с. 114-117; Яценко С.А. 1994, с. 119-120, Абрамова М.П. 1997, с. 34-39; Герасимова М.П. 1998; Яблонский Л.Т. 1998б; Скрипкин А.С. 2001, с. 35). Как мы знаем, нет никаких доказательств и со стороны письменной традиции.

Следует отметить, что Ю.С. Гаглойти (Гаглойти Ю.С. 1991, с. 31-32), уделяющий основное внимание вопросу этногенеза осетин, рассматривает аланов как продукт внутренней перегруппировки в среде сармато-аланских племен, включивших в свой состав остатки скифских племен Северного Кавказа. Поэтому его нельзя причислять (Яценко С.А. 1993, с. 60) к сторонникам сугубо «скифской» версии происхождения аланов. В последнее время, опираясь на частное наблюдение И. Гершевича по поводу фонетики говоров южных осетин (Gershevitch I. 1992, p. 172), Ю.С. Гаглойти находит новое подтверждение древности истоков формирования «южной ветви осетинского этноса» (Гаглойти Ю.С. 1996, с. 55).

Поиск азиатских истоков происхождения аланов многими исследователями давно связывается с событиями, вызванными миграциями на запад юэчжей. Следует отметить и наблюдение, что археологически появление аланов в Восточной Европе соотносится с выявлением там центральноазиатских элементов в культуре номадов, при отсутствии среднеазиатских (Яценко С.А. 1993, с. 60, 61).

Таким образом, мы с большим основанием должны обращаться именно к вопросам истории восточной периферии кочевого ираноязычного мира Евразии. И здесь, в первую очередь, исследователи указывают на юэчжей и усуней.

В то же время следует отметить, что сарматская версия происхождения аланов имеет и своеобразное решение через привлечение данных по юэчжийской миграции. А.С. Скрипкин, если я правильно понимаю, отмечая значительную общность в развитии восточного ареала сарматского и сако-массагетского миров, считал предпочтительней следующую гипотезу о происхождении аланов. Предки аланов, являвшихся частью сарматских племен, могли принять участие в передвижении сако-массагетов на восток, а затем под давлением суннов появиться в Средней Азии в составе юэчжей. Они находились в близких отношениях с аорсами и формирование этих народов происходило в южноуральских и приаральских степях. Окончательно же аланы сформировались в сако-массагетской среде, приняв участие в завоевании Греко-Бактрии (Скрипкин А.С. 1990, с. 201, 220; 1997, с. 26-32). К сожалению, как представляется, на сегодняшний момент мы, прежде всего, не сможем диагностировать именно первый (сарматский) этап на предмет участия сарматов в миграции на восток.

Возвращаясь к поиску собственно центральноазиатских корней аланов, следует указать, что наиболее популярной является точка зрения, отождествляющая усуней с *Asioi*, *Asiani*, известными также по источникам как *Asiwtai*, *Osiilo* и *Asaioi*, которые, в свою очередь, и рассматриваются как аланы (Vivien de Saint-Martin. 1850, p. 106; Charpentier J. 1917, s. 362, 382-383; Haloun G. 1937, s. 252; Altheim F. 1959, s. 63; Абаев В.И. 1949, с. 41; Толстов С.П. 1948, с. 140-143; Перих Ю.Н. 1963, с. 120; Габуев Т.А. 1999, с. 83; Скрипкин А.С. 1992, с. 39; Frye R.N. 1998, p. 82; Sims-Williams N. 2002, p. 240;

Rapin C. 2007, p. 59 и др.). Интересно, что гипотеза о центральноазиатских корнях аланов оказывает свое влияние и на «автохтонистов», которые либо признают участие и асиев в этногенезе аланов (Кузнецов В.А. 1992, с. 18-21), либо «встраивают» их название в ряд яксаматов, языгов (Гаглойти Ю.С. 1995, с. 50), как и некоторые сторонники миграционной гипотезы (Лысенко Н.Н. 2002, с. 192, 417).

Некоторые исследователи связывают название Асию, Asiani с именем аорсов, что, как мы знаем, не имеет своего достаточного обоснования ни с лингвистической, ни с исторической точек зрения. Другие авторы считают асиев одним из племен массагетской конфедерации (Tarn W.W. 1951, p. 80-81; Толстов С.П. 1948а, с. 244, 245; Алексеева Е.П. 1976, с. 134-159; Кереев Б.М. 1985, с. 227; 1988, с. 130-131). В последнем случае мы имеем дело с достаточно расширительным толкованием понятия «массагеты», которое невозможно конкретизировать, тем более, что собственно массагеты к тому времени, видимо, все же сошли с исторической арены. С другой стороны, данный пример подчеркивает необходимость учитывать при рассмотрении или классификации гипотез о происхождении аланов различное содержание тех этнических определений, которые используют авторы.

Было предложено удревнение истории усуней через их отождествление с исседонами (Hudson G. F. 1931, p. 39). Среди отечественных исследователей данный подход был своеобразно использован А.Н. Бернштамом. Исследователь полагал, что, продвинувшись на запад, юэчжи-тохары смешались на Тянь-Шане с усунями-исседонами, которые представляли собой восточную ветвь массагетов (Бернштам А.Н. 1947б, с. 42-45; 1951, с. 89, 98-100). Такое отождествление было справедливо подвергнуто критике (Умняков И. 1940, с. 186; Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. 1952, с.

105; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К. 1966, с. 407), но оказывается живучим вплоть до наших дней (Семенов Вл. А. 2008, с. 334). Сегодня приходится считаться и с вероятностью неиндоевропейского происхождения исседонов (Тохтасьев С. Р. 2001, с. 76). Предлагалось и сопоставление усуней с Ἀσπίραιοι Птолемея (Pulleyblank E. G. 1966, p. 29).

«Исседонская гипотеза» получила недавно и свое новое воплощение. Было высказано мнение, что сайи (саки), появившиеся с востока в Семиречье в конце VII в. до н. э., были «исседонами», известными еще по «Аримаспеи» Аристея. Транскрипция их названия могла быть «асии». Эти асии возглавляли племенную конфедерацию (асии, гасиани, тохары, сакараулы). В 520-х гг. до н. э. они продвинулись из Семиречья до правого берега Сыр-Дарьи, где вытеснили массагетов, получив название «саки» от персов. Около 177/176 г. до н. э. уже племена сайев (саков) были вынуждены допустить в Семиречье да-юэчжей, а их часть ушла на Памир. Около 140 г. до н. э. большое количество саков перешло Сыр-Дарью, уйдя на юг, часть их перешла в Фергану и в Бактрию, вторая из которых была захвачена конкретно тохарами. Около этого же времени другая часть, в основном состоящая из асиев, переселилась к Аралу и Каспийскому морю, и их название отражено в названии Яньцай. Не продвинувшиеся столь далеко саки остались на северном берегу Сыр-Дарьи. Соответственно название Кангюй отражало их название сака (раулы) (Yu T. 1998, p. 1-2; 2000, p. 1-2). Пожалуй, приведенная гипотеза остается для нас интересна только с историографической точки зрения.

Возвращаясь к проблеме исторических усуней, следует отметить, что, несмотря на высказывавшиеся возражения против их отождествления с асиями (Pulleyblank E. G. 1966, p. 29), оно остается достаточно привлекательным для ис-

следователей (Лысенко Н.Н. 2002, с. 181; Lebedynsky Ia. 2002, p. 45, Боталов С.Г. 2007, с. 60-63 и др.). Здесь, видимо, сказывается действительная фонетическая близость этнонима «усунь», древняя форма которого могла быть близка к asuən, с этнонимом Asiani (Крюков М.В. 1988, с. 233). Показательно, что, даже справедливо замечая, что фонетическое сходство этнонимов еще не говорит об идентичности древних народов, подобное отождествление признается достаточно правдоподобным. При этом задействуется давнее и многократно повторяемое исследователями положение, что асиане (=усуни), якобы, стали правителями юэчжей, победив их в Семиречье, что отражено в сообщении о царях тохаров асианах, и возглавили их вторжение в Греко-Бактрию (Габуев Т.А. 1999, с. 82).

Однако данное заключение не только не кажется правдоподобным, но и прямо противоречит известным нам сообщениям письменных источников. Согласно ханьским источникам, усунь никогда не продвигались далее Семиречья, а юэчжи уходили оттуда, ведомые собственными правителями. Сохраняется даже такая неожиданная деталь, что их дальнейшую миграцию на запад возглавляла вдова погибшего правителя. Следует согласиться с исследователями, обоснованно отвергающими продвижение усуней далее на запад (Dorneich Ch. M. 2008, p. 85).

Ханьцы достаточно хорошо знали историю усуней, тесно взаимодействуя с ними. Поэтому такой важный эпизод в их истории, если бы он состоялся (приход усуней к власти у ушедших юэчжей), непременно бы нашел свое отражение. Да и захват Греко-Бактрии в результате оказался бы не юэчжийским (тохарским) деянием, а усуньским, что привело бы к другому развитию истории. Поэтому наиболее вероятным, но забываемым сторонникам усуньской версии, является признание за асианами собственно юэч-

жийского происхождения (Skrine F.H., Denison R.E. 1899, p. 18; Захаров А.О. 2001, с. 448; Боровкова Л.А. 2005, с. 204). Кроме того, непосредственно посетивший Больших Юэчжи Чжан Цянь, прямо указывал, что их правитель был великим наследником убитого сюннами правителя (ШЦ. 123), т. е. он представлял наследственную династию правителей юэчжей.

Видимо, одним из поводов к указанным трактовкам является сообщение о «reges Tocharorum Asiani» (Pomp. Trog. Profl. XLII). Точнее, такой повод дает (Thordarson F. 1987, p. 764) встречающийся в зарубежной и отечественной литературе его несколько вольный перевод в форме «как асиане стали (сделались) царями тохаров». В результате, используется отсутствующее в отрывке и введенное в переводе «стали (сделались)», что трактуется как указание на иноплеменное по отношению к тохарам происхождение асиан и на их силовой захват власти у тохаров. Иногда дело с таким двойным переводом (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992, с. 44) принимает даже вообще запутанный характер, когда подразумевается два свидетельства: об асианах царях тохаров и о том, как асиане сделались царями у тохаров (Лысенко Н.Н. 2002, с. 246).

Чтобы преодолеть такое положение, действительно, как делают некоторые исследователи, следует настаивать на грамматической ошибке в тексте источника и полагать наличие в нем лакуны, поглотившей «стали (сделались)» (Loeschner H. 2008, p. 13). Заметим, что теперь подобное искусственное объяснение необходимо для того, чтобы также доказать иноплеменность правителей юэчжей-тохаров. Но в данном случае речь идет о том, что появившиеся к северу от Бактрии юэчжи застали там пять местных сакских владений со своими правителями (смотри выше об их сако-сайском происхождении), которые только признали

их верховную власть. Впоследствии же один из этих владетелей свергнул власть юэчжей, объединил в одно целое остальных владетелей, создав таким образом Кушанию (Yu T. 1998, p. 1-2, 30, 41, 43; 2000, p. 1-2; 2011, p. 1-11; Liu X. 2001, p. 266, 277). О победе асиев-асиан, представителях Кангюй, над сакарауками Согда и о последующей их победе и подчинении тохаров (юэчжей) пишут и другие исследователи (Rapin C. 2007, p. 61).

Решить проблему о конкретной этнической составляющей пяти владений, подчинявшихся тохарам, достаточно сложно. Поэтому обе гипотезы, о сакской или собственно тохарской атрибуции пяти владений, вторая из которых, как представляется, имеет более существенные основания (Hill J. E. 2003, sec. 13), будут еще долго присутствовать в научных исследованиях. Но, в любом случае, у нас на протяжении столетий нет ни малейшей информации об иноплеменности правителей Кушании по отношению к тохарам (юэчжам), и никакие научные реконструкции не могут служить основанием для противоположных решений. Мы можем только полагать, что юэчжи, еще до своей миграции на запад представлявшие собой родоплеменное объединение, включили в свой состав в Семиречье представителей сакского объединения. После их появления на землях к северу от Бактрии данный процесс был продолжен за счет местного сакского населения.

Сложно принять трактовки, что юэчжи, вытесненные суннами, обосновались на Аму-Дарье, изгнав оттуда саков, ушедших в Афганистан (Барфилд Т. Дж. 2009, с. 42-43), или изгнанные суннами юэчжи, в свою очередь, изгнали саков Яксарта (Амы-Дарья), объединявших сакаравков, массагетов и иные, более мелкие группы, которые направились на Бактрию и т. п. (Дибвойз Н. К. 2008, с. 68; Малькольм А. Р. К.

2004, с. 25; Аради Е. 2013. С. 371). Здесь явно объединяются в одно историческое событие два разных исторических события — остановка юэчжей в Семиречье, откуда они изгнали часть саков, и последующая остановка юэчжей к северу от Бактрии (смотри также: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. 1992, с. 45).

Вне данных письменных источников лежат и другие утверждения, касающиеся взаимоотношений Усунь и Кангюй, что затем используется в теориях кангюйского этапа этногенеза аланов. Утверждения о подчинении области Кангюй асами-усунями, об ударе по Греко-Бактрии асиев-усуней, в чьем подчинении находились юэчжи и саки (Лысенко Н.Н. 2002, с. 269, 238-242, 418), трудно поддаются оценке, поскольку лежат в области безудержного, хоть и искреннего энтузиазма автора, стремящегося нарисовать грандиозную, почти эпическую картину истории усуней как аланского этноса. Но Усунь никогда не захватывала Кангюй.

Против такого положения свидетельствует, например, такой частный эпизод. Еще в 60 г. до н. э. между Усунь и Кангюй шла жестокая борьба за царство правителя Учаньму, располагавшегося между ними (ХШ, 94/1). Следовательно, оба царства не только не захватывали части собственных владений друг у друга, но имели и не принадлежащие им территории, располагавшиеся между ними. Как известно, Кангюй какое-то время признавал над некоторыми своими землями власть юэчжей и сюнну, но никогда в такое положение не попадал от усуней. Известные нам по ханьским источникам события свидетельствуют о том, что усуням итак хватало как внешних, так и внутренних проблем. Их же противостояние с кангюйцами было достаточно жестким, причем, бóльшая агрессивность в таком противостоянии шла со стороны именно Кангюй.

Сложно усматривать в сакараулах Страбона, участвовавших в захвате Греко-Бактрии, саков Семиречья, вошедших в усуньское объединение, о чем уже говорилось выше. Здесь хотелось бы отметить, что вполне справедливо замечание исследователей, что юэчжи, ушедшие из Семиречья, могли представлять собой уже более многокомпонентное объединение, чем оно было в Ганьсу, за счет включения в него саков (Габуев Т.А. 1999, с. 83). Такое заключение вполне вероятно и, главное, логично. Но оно пока не может быть более детально конкретизировано.

Известно, что наиболее активная и, судя по всему, что важно, воинственная часть саков ранее ушла от юэчжей на юг. Оставшаяся их часть тем самым оказывается менее мобильной, менее воинственной и более привязанной к своей родине даже на фоне условий подчинения внешним захватчикам. Сложно представить, что вскоре эта часть саков вдруг проявляет себя так агрессивно, что даже выделяется внешними наблюдателями. Саки Семиречья, только недавно согласившиеся на подчинение юэчжам, т. е. видевшие приоритет в сохранении своих мест обитаний на родине, вряд ли теперь могли отказаться от этого приоритета при смене там гегемона. Следует подчеркнуть, что события развиваются именно вскоре, напоминая о достаточно кратковременном нахождении юэчжей в Семиречье. За такой краткий срок, вполне вероятно, еще не могла произойти всесторонняя, глубокая интеграция саков в юэчжийское объединение, что под ударами усуней облегчало развал такого объединения.

Кроме того, археологические источники, как будто, говорят о весьма заметном сохранении того же сакского населения в Семиречье и после ухода юэчжей. В Семиречье остается еще и часть юэчжей, что объяснимо как прежним расколом юэчжей (малые юэчжи), так и их вероятной из-

мотонностью в процессе переселения и психологическим надломом, по крайней мере, у части юэчжей, в результате нового поражения. Последнее, кстати, могло дополнительно удерживать саков в Семиречье, т. к. оставаться верными, как показала практика, более слабым юэчжами было бы бесперспективным. Собственно, направление мстящими усунями удара именно против юэчжей вполне могло отодвинуть саков от такого противостояния.

Возможно, в едином сообщении Страбона о захвате Греко-Бактрии тохарами и сакараулами сведены вместе различные события, например, отраженные в материалах Ай-Ханума, свидетельствующих о последовательном вторжении в Бактрию двух больших волн кочевников, которые предположительно отождествляются с саками, а затем с юэчжами (Захаров А. О. 2001, с. 446-451). Возможно, этими событиями определяется продолжение отрывка о царях тохаров асианах «...interitusque Saraucarum» («...и гибель сарауков»), как захват, разгром и подчинение земель, ранее таким же образом захваченных саками Кангюй. Заметим, что некоторые исследователи относят этот разгромом к сакам Семиречья или последующим столкновениям саков с парфянами, говорят о захвате Греко-Бактрии саками (Tarn W.W. 1951, p. 306; Dorneich Ch.M. 2010, p. 56; Досымбаева А. М. 2013. С. 612). Но все это только предположения.

О попадании Кангюй в сферу влияния усуней, но несколько позднее, пишет и С. А. Яценко (Яценко С. А. 1993, с. 67-68). Исследователь подразумевает факт переселения в Кангюй мятежного усуньского куньми Биюаньчжи с 80000 сторонников, в котором видит причину увеличения могущества Кангюй, возрастания численности его войска, подчинение Яньцай. Однако, если буквально следовать сообщению источника, то нам ничего не известно о судьбе воинов Биюаньчжи. Они могли как уйти в Кангюй, так и

вернуться домой после скорой гибели своего вожака. Их судьба могла сложиться и иным путем, который нам просто не известен. Возрастание войска Кангюй вполне могло произойти за счет собственного демографического роста (со времени первой фиксации его численности прошло более 100 лет) или за счет присоединенных к нему новых пяти владений. Собственно участие усуней Биюаньчжи в подчинении Яньцай не имеет никаких фактических подтверждений. Но мы имеем и фактическое препятствие для принятия «усуньской гипотезы».

Дело в том, что усунь Биюаньчжи не переселялись в собственно кангюйские владения. Они ушли на земли, «... *прилегающие* к Канцзюй» с востока (ХШ, 96/2) (Таскин В. С. 1973, с. 39, 120-124; Боровкова Л. А. 2001, с. 289). Таким образом, усунь расположились не на землях Кангюй, а на землях вне кангюйских владений, лишь граничащих с Кангюй. Само расположение Биюаньчжи напоминает о предложении Чжичжи расположиться на пограничных с востока к Кангюй землях (Зуев Ю. А. 1960. С. 10), видимо, отражая принципиальную позицию предложений и тактики кангюйцев. В данном случае, говоря о границе между Кангюй и Усунь (Зуев Ю. А. 2004. С. 47), стоит вспомнить о наличии между владениями Кангюй и Усунь иных территорий, о чем говорит и выше приведенный пример с владениями Учаньму. Приходится и сомневаться, что все 80000 усуней, последовавших за Биюаньчжи, были воинами. Ханьцы оценивали общее число отборного войска в Усунь в 188800 человек (ХШ, 96/2).

Таким образом, у Биюаньчжи была бы практически половина военной силы всей Усунь, что, по крайней мере, давало ему почти двойное превосходство над одним из двух усуньских куньми, с которыми он хотел воевать. В такой ситуации ему не надо бы было непременно расчи-

тывать на военные силы Кангюй для достижения своих целей. Но именно на войска кангюйцев он и рассчитывал и остро в них нуждался. Судя же по последующим событиям, Кангюй не проявил никакой заинтересованности в судьбе расположившихся за пределами его владений усуней. Некоторые исследователи с ролью Биюаньчжи в усилении Кангюй сравнивает роль младшего куньми усуней Жили (Чжиэр), бежавшего еще ранее «с многочисленными сторонниками» в Кангюй, но вскоре убитого своими соотечественниками (Гутнов Ф.Х. 2001, с. 227; Dubrovskaya D. 2011, р. 70). Но у нас опять нет никаких оснований для подобного вывода, тем более, что в источнике (ХШ, 96/2) вообще не упоминается о каком-либо сопровождении Чжиэра в Кангюй.

Следует заметить, что отдельные приводимые археологические подтверждения об изначальной связи этногенеза аланов (прото-алан) с усунями не всегда представляются бесспорными. Например, указание на источник распространенных в Сарматии тамг в Юго-Западной Монголии, как первоначальной территории усуней (Цаган-гол, Тэбш) (Яценко С.А. 1993, с. 63), сомнительно, поскольку обычно на этой территории исследователи помещают юэчжей. Отмечается и спорность утверждения по поводу детальной близости костюма пазырыкцев и племен, оставивших шаньшаньские могильники, что последние являлись «протоусунями района Турфана» (Яценко С.А. 1999, с. 168). Обычно с данным районом связывается место обитания народа гуши (цзюйши), следы пребывания которого прослеживаются и в других районах Северного и Восточного Синьцзяня (Молодин В.И., Комисаров С.А. 2003, с. 117).

В конечном итоге, следует признать, что мы все же не обладаем надежными критериями для строгого разграничения территории расселения юэчжей и усуней до их

переселения на запад. Согласно ханьским источникам, они проживали на одной территории, что подвигает исследователей не разграничивать известные на сегодняшний день археологические памятники на усуньские и юэчжийские. Не исключено, что затем владения усуней были прямо включены во владения юэчжей. Разграничение логично проводится Ю. А. Заднепровским для периода последующей истории миграции юэчжей и усуней на запад за счет сведений об остановке усуней в Семиречье и прохождении юэчжей далее на запад. Признание культурной и, видимо, этнической близости юэчжей и усуней, выражаемой в близости культурных традиций, общности черт материальной культуры и погребального обряда полагает более объективным рассматривать восточные территории Центральной Азии как единый этнокультурный источник появления аланов на исторической арене.

Выделение юэчжей (тохаров) в выплеске на запад из этого источника определяется сопровождением распространения центральноазиатских инноваций вплоть до Восточной Европы, сведениями письменных источников о появлении там тохаров. Вполне вероятно, что в Восточную Европу, в том числе и на Северный Кавказ пришли и непосредственные носители названия «тохары». Обычно исследователи справедливо отмечают, что по мере миграции на запад тохарское объединение включало в свой состав и иные, этнически родственные им группировки, что придавало самому объединению многокомпонентный характер. Кроме подобных интеграционных процессов происходили и процессы его дезинтеграции, когда его отдельные группы, о конкретном составе которых нам сложно судить, откалывались от объединения и имели уже свою самостоятельную судьбу.

Но многокомпонентность юэчжийского объединения

вполне допустима и для периода их обитания на своей прародине. Как мы знаем, юэчжи были очень многочисленным народом, за которым должно было скрываться именно родоплеменное объединение, которое, как обычно бывает в письменных источниках, покрывалось единым названием, видимо, по названию гегемона в таком объединении. История о прежнем разгроме юэчжами усуней, позволяет рассматривать данный эпизод как обычное для таких объединений и силовое включение в его состав населения и территорий иных объединений при действующей иерархической системе взаимоподчинения в победившем объединении.

В какой-то мере, использование названия «юэчжи» в ханьских источниках было условным. Показательно, что ханьский двор не имел сколь-нибудь точных данных о юэчжах до периода его опасного противостояния с суннами. Именно суннская угроза активизировала внешнеполитическую деятельность Хань по поиску внешних союзников, что вписывалось и в стратегию противопоставления друг другу самих варваров для достижения собственных целей. Поэтому основное внимание ханьцев по отношению к юэчжам было сконцентрировано именно на том объединении, потомки которого создали Кушанию. Но военная экспансия суннов касалась многих варваров, а не только юэчжей, обитавших в Ганьсуйском коридоре (южнее пустыни Алашань, к востоку от которой находился Ордос суннов).

Так она коснулась и пазырыкцев Горного Алтая, видимо, вынудив их часть мигрировать на запад (Таиров А. Д. 2004а, с. 146; Тишкин А. А., Дашковский П. К. 2005, с. 262). Вопрос об отождествлении пазырыкцев с юэчжами (Крадин Н. Н. 2001, с. 60, 172), неоднократно поднимавшийся исследователями, остается открытым. Но многими учеными признаются тесные этнокультурные связи пазырыкцев

с ираноязычными кочевниками Казахстана, Средней Азии, Монголии. Сегодня границы пазырыкской культуры охватывают не только Горный Алтай, но и часть современного Сынцзяна, раскрывается близость материальной культуры, общность мировоззренческих представлений, что, возможно, диктовалось и их этнической однородностью, этнокультурным обменом и смешением (Молодин В. И., Комисаров С. А. 2003, с. 116-117).

Поэтому следует полагать, что за миграцией, определяемой ханьскими источниками как юэчжийской, стояло грандиозное переселение на запад многокомпонентного массива ираноязычного населения, чья дальнейшая судьба имела как общие, так и различные пути. Вероятно, именно в таком русле следует рассматривать как общее появление центральноазиатских инноваций в Восточной Европе, одним из итогов которого стал выход на историческую арену аланов, так и частный случай сопоставления курганных погребений Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья и Прикубанья, связанных с историческими аланами, с алтайскими курганами пазырыкцев, полагающий их историко-генетическое родство (Раев Б. А. 1978; 1984; 1985; 1989; 2008; Раев Б. А., Яценко С. А. 1993).

Учитывая вероятность взаимосвязи этногенеза аланов с тохаро-юэчжийской миграцией, любопытно определить с возможностью ее отражения в самих письменных источниках. К сожалению, ни китайские, ни западноевропейские источники не содержат информации об аланах в районах того крайнего восточного региона в Азии, который послужил исходным пунктом для западной миграции ираноязычных кочевников. Несколько позднее интересующих нас событий в китайских хрониках появляются упоминания о племени алань, входившего в состав телеских племен (Малявкин А. Г. 1989, с. 203; Ying L. 2000-2001, p.

356-357). Однако у нас нет никакой возможности определить с его точной локализацией. Кроме того, за прошедший период могли происходить изменения как в этнической истории азиатских народов, так и их миграции.

Вместе с тем, такое молчание источников позволяет предполагать, что данное наименование действительно не было представлено в этнической номенклатуре того региона вплоть до начала массовых миграций. По крайней мере, оно не получило выхода на международный уровень. Если мы обратимся к сведениям о среднеазиатском регионе, то вновь будем иметь дело с более поздними по времени сообщениями. Так, в предисловии к одной из своих работ, законченной около 1025 г., ал-Бируни упоминает об аланах и асах, которые обитали на Нижней Аму-Дарье (Джейхун), между Хорезмом и Гурганом, а после изменения русла реки переселились на побережье Каспия (Волин С. 1941а, с. 194). Возможно, данная локализация аланов каким-то образом соотносится с поэтическим сообщением Фирдоуси о крепости аланов, располагавшейся возле устья Аму-Дарьи у Аральского моря (Алемань А. 2003, с. 456).

Гораздо позднее исследователями были зафиксированы топонимы и гидронимы Алан-кала (Алан) на подъеме к плато Устюрт, Кырк-алан на правом берегу Аму-Дарьи и Алан-яб в районе Питнякской луки, Ходжа-мияр-алан в местности Уз (Толстов С.П. 1938, с. 197; 1948а, с. 47, 49; Вайнберг Б.И. 1962, с. 45; Снесарев Г.П. 1975, с. 93). Г.И. Карпин (А. Бахтияров) считал потомками аланов оламов, которые переселились в бассейн Средней Аму-Дарьи с Мангышлака, где у них было укрепление Алан, и жили в местности Вас (Уз) на юге Хорезма (Бахтияров А. 1930, с. 40; Бубенок О.Б. 2012, с. 16-17, 33). Однако, по сведениям Я.Р. Винникова, оламы были исконными жителя-

ми Хорезма (Винников Я.Р. 1968, с. 340-341). Ал-Табари сообщал об области аланов и Сул, что обычно трактуется как упоминание об аланах у Дербента. Но было предложено локализовать этих аланов на восточном побережье Каспия, севернее Гиркании и р. Атрек (Пигулевская Н.В. 1941, с. 44).

Вновь приходится констатировать невозможность определиться с точным соотношением упомянутых локализаций с периодом древних миграций кочевников. Если все же попытаться представить такую связь, в которой, в первую очередь, выделяется хорезмийская локализация, то речь может пойти о фиксируемом археологически, что отмечалось выше, появлении с рубежа II-I вв. до н. э. в регионе нового этнического компонента, связываемого некоторыми исследователями с юэчжами. Тогда следует вспомнить, что, по сведениям Птолемея, тохары и сакаравлы обитали между Оксом и Яксартом. Рядом с тохарами Птолемей (Ptol. VI, 12, 4) помещает на Яксарте Ἰάτιοι, которые, несмотря на определенные трудности и возражения (Altheim F. 1959, s. 64; Daffina P. 1967, p. 45; Henning W.B. 1978, p. 225-226), вполне могут быть отождествлены с Ἀσιοι, Asiani, т. е. асианами-юэчжами (Gutshmid A. 1888, s. 71; Marquart J. 1901, s. 206; Herzfeld E. 1932, s. 26; Pulleyblank E. 1966, p. 17; Пьянков И.В. 1994, с. 206; Зуев Ю.А. 2002, с. 55; Кадырбаев А.Ш. 2009; Dorneich Ch. M. 2010, p. 59), но никак не с усунями (Laufer V. 1917, p. 12; Толстов С.П. 1948а, с. 137).

Локализация тохаров к востоку от Хорезма, возможно, в долине Куван-Дарьи (Толстов С.П. 1948а, с. 137; Зуев А.Ю. 1995, с. 43; 2002, с. 91), тогда соотносится с отмечавшейся сопоставимой с хорезмийской ситуацией, складывавшейся и в районе Нижней Сыр-Дарьи, где фиксируемые археологические инновации также могут быть соотнесены с приходом юэчжей. В данном случае следует

напомнить о некоторых, приводившихся ранее сведениях греко-латинских и средневековых арабских источников, позволяющих локализовать возле Арала и Сыр-Дарьи аланов.

Намеченное направление поиска вновь приводит нас к истории государства Яньцай-Алань, видимо, действительно имевшей непосредственное отношение к истории юэчжей. Согласно сведениям китайских источников, еще одним древним названием Яньцай было название Выньнаша (Вэньнаша) (БШ, 97, ЧШ, 50). История его появления была связана с известной нам историей разгрома на востоке юэчжей сюннами, которые захватили прежние юэчжийские владения (Зуев Ю. А. 1995, с. 47). Правитель Выньнаша, представлявший третье поколение, что также соответствует прослеженным выше сведениям по истории юэчжийских правителей до их появления в среднеазиатском регионе, звался Хуни (Хуи, Хур) (Кюннер Н. В. 1961, с. 181).

Кроме того, указанные свидетельства объединяются с другими сведениями китайских источников о происхождении правителя Кан из кангюйского Дома и прозвании его Вынь из Дома Чжаову (Чжао'у, Чжаому) (СШ, 83), чьи представители правили и в других владениях (ХШ, 95, ВШ, 102, БШ, 97, СШ, 83, ТШ, 221). Происхождение этих правителей, ставших позднее известными на западе и под именем правителей «Девяти домов» (Бичурин Н. Я. 1960, с. 571), также связано с историей кровавого противостояния на востоке юэчжей и сюнну (кстати, именно эти сведения «Вэй шу», сохраненные в «Бэй ши», послужили основой идентификации гуннов и сюнну для Ф. Хирта). Как неоднократно показали исследования (Shiratory К. 1928; Габуев Т. А. 1999; Dorneich Ch. М. 2010, р. 27, 83), владения Кан действительно тождественны Кангюй.

Несомненно, имя Вынь было исходным для названия

Выньнаша (Мацулевич Л. А. 1947, с. 145). Название Выньнаша транскрибировали (Marquart J. 1931, s. 83; Enoki K. 1955, p. 62; 1959a, p. 24-25) как Хунастан или Хунаша, видя в его первой части имя хуннов. Но подобная трактовка вряд ли допустима, поскольку китайцы использовали для названия народа другой иероглиф (Мацулевич Л. А. 1947, с. 144). Название переводили (Shiratory K. 1928, p. 138-139; Габуев Т. А. 1996) с иранского как «Девять царей из рода Вынь» или «Государство правителей с фамилией Вэнь». Некоторые отечественные авторы также полагали, что имя Хуни является ничем иным, как именем Кунгха, царя среднеазиатских гуннов-кидаритов (эфталиты) (Толстов С. П. 1948a, с. 213), что следует отвергнуть.

Другие исследователи считали, что имя правителя Выньнаша было именно Хуни, что является просто европейским названием гуннов, несколько отличным от китайского названия (Бернштама А. Н. 1940, с. 75). Однако было трудно понять, что европейское название делает в китайских источниках. Видимо, впервые оно фиксируется в одном из согдийских писем 313 г. н. э. (de la Vaissière E. 2003, p. 24). Поэтому, учитывая и некоторые другие обстоятельства, несколько интуитивно когда-то было предположено, что более логично чтение имени как Хур, соответствующее закону передачи в китайском языке звука «р» звуком «н», и имя правителя могло быть сопоставлено с осет. *hur/hor* — «солнце» (Туаллагов А. А. 1994, с. 11). Данное предположение затем было озвучено и другими исследователями (Цуциев А. А. 1995, с. 40; Габуев З. К. 2002, с. 84).

Наконец, оно вскоре нашло и свое независимое лингвистическое и историческое подтверждение (Зуев Ю. А. 1995). В сер. XII в. отмечается единичное упоминание столицы Яньцай Хулу (< YUO-LUO) — «Согдийская дорога», известной в «Танской хронике» под названием Ху-чэн, чья

транскрипция сближается с названием г. Хвара (Хварана, Хавриана, Хаврана) на Нижней Сырдарье в персидской географии 982 года «Границы мира» и в труде Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 6, 63), чем, кстати, подтверждается наша локализация Яньцай. У Птолемея (Ptol. VI, 15, 3) зафиксирован г. Хаврана в области расселения скифов-хавранов (хавриниев) далеко на востоке (на его карте, которую мог вычертить в V в. Агафедмон, рядом помещаются *Τοῦαρα πόλις*, *Ταῦουρον ὄρος* и *Ταῦουραῖοι*, сопоставляемые с тохарами-юэчжами — А. Т.).

Название последних находит прямое соответствие в китайской транскрипции хунь-е, которым обозначалось «царское» племя юэчжей (асиев), и восходит к иран. *xwar* — «солнце» (возможно, данная этимология с учетом иранской этимологии первой части в названиях даюэчжи и тохары (Bailey H.W. 1985, p. 110-115, 118-119, 123; Зайцев А. И., Кузнецов Б. И. 1969, с. 194) позволит этимологизировать название тохаров в целом). Данный перевод находит себе логичное выражение в реальном прототипе транскрипционного знака *вэнь* и имени царя Хур, как эманации солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей.

В названии *Вэньнаша* выделяются две основы — «хварна/хварэна» и «ша/шахр» (перс. «страна», «город») (Зуев Ю. А. 1995, с. 38-49). Такой перевод первой части семантически соотносится и с собственным чтением иероглифа как «теплый». Сохранение традиционной титулатуры юэчжийских правителей на своей первоначальной родине усматривают для кон. I в. до н. э. в титуле *вэньуото-ван* (Габуев Т. А. 1999, с. 94-97). Предполагают (Кызласов Л. Р. 1999, с. 195), что в китайских источниках под именем хуньюев скрывались и носители пазырыкской культуры Алтая. Правитель тохарского города-государства Аргун носил имя Фарн (кит. Сянь) (Кондратенко А. П. 1991, с. 7).

Интересно, что Ю. А. Зуев сопоставил сведения об областях под названием Акагас (Акас, Акаса), располагавшиеся в Северном Приаралье и далеко на востоке, в районе прежнего расселения юэчжей, рядом со скифами-хавранами. Исследователь связывает их с юэчжами и их «женским» культом Луны (Зуев А. Ю. 1995, с. 48-49). Само буквальное чтение названия «юэчжи» дает значение «лунные люди». Таким образом, мы имеем дополнительные подтверждения для приаральской локализации Яньцай и его юэчжийской истории. Заметим, что, по другим наблюдениям за данными некоторых письменных источников (Толстов С. П. 1948, с. 326; Ельницкий Л. А. 1949а, с. 286; Мирошина Т. В. 1990, с. 160, 162), возможна связь указанного приаральского района с аланами. Как отмечалось выше, левое (восточное) крыло сюннуского объединения составляла юэчжийская фратрия «хуянь» (хуйан, хайан), представлявшая собой оставшихся на востоке юэчжей, которые стали вассалами сюнну и в китайских источниках известны под названием «хун» (в современном языке «вэнь»). С ними связана область Цзюйянь (Каян) — «Белый», сведения Птолемея о скифах-хаураниях, т. е. юэчжийском «правителе Хунье», юэчжийском племени хунье китайских источников (Зуев Ю. А. 2002, с. 16, 28, 53-63; Кадырбаев А. Ш. 2009).

Возможно, история представителей верховного сословия азиатских аланов имела свое продолжение и на Северном Кавказе. Ибн-Руста сообщал, что аланы состояли из 4 племен, но благородство и царская власть принадлежала племени D.hsās. А. В. Гадло полагал, что в данном названии отражено известное грузинское и абхазское название алан «овси/ауапс» (Гадло А. В. 1979, с. 173; 1994, с. 19). Р. Блайхштайнер посчитал, что в названии племени мы имеем дело с арабской передачей Rohs-as, означающей «Благородные асы», что соответствует названию роксолан

(Bleichsteiner R. 1918, s. 15). Впоследствии данное исправление независимо произвел и В. Ф. Минорский (Minorsky V. 1937, p. 445; 1958, p. 169; Минорский В.Ф. 1963, с. 445).

Мысль о том, что у Ибн-Руста передана искаженная форма названия, а его правильное чтение установлено В. Ф. Минорским, также закрепилось в научной среде (Vernadsky G. 1944, s. 83; Алемань А. 2003, с. 343). Вместе с тем, особое выделение Ибн-Руста аланского племени *D.hsās*, находит свою параллель в сообщении армянской «Ашхарацуйц» (подробнее смотри: Туаллагов А. А. 2010а), в которой единственным уточнением по составу аланов (Гумба Г. Д. 2007) является упоминание ас-дигоров (аш-тикоры). Следует полагать, что такое выделение ас-дигоров продиктовано именно его ведущим положением в аланском союзе, обладанием прерогативой царской власти, что и зафиксировал Ибн-Руста, достаточно корректно передавший его название. Поэтому, видимо, есть основания присоединиться к мнению о тождественности *D.hsās* и ас-дигоров (Цукерман К. 2005, с. 76-77; Камболов Т. Т. 2006, с. 403).

Только к данному сопоставлению в качестве источника, раскрывающего положение о верховной власти у северокавказских аланов, следует добавить сведения о «царском» племени юэчжей асиях, «царях тохаров асианах» (Pomp. Trog. Prol. 42) и об асиях и тахарах, участвовавших в захвате Греко-Бактрии (Strabo. XI, VIII, 2) и аспакарах (Ptol. VI, 16, 5). Кроме того, сведения средневековых источников, видимо, препятствуют и признанию за названием «аланы» изначально этнического характера, т. к. реальная этнонимика существовала внутри аланского объединения. Сведения «Ашхарацуйц», возможно, подтверждаются и данными топонимики с территориями современных Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (Цагаева А. Дз. 1971, с. 186; 1975, с. 124).

Сопоставление сведений Ибн-Руста и «Ашхарацуец» могло бы быть соотнесено с некоторыми другими данными. Так, византийские источники упоминают в VI в. н. э. аланского царя Саросия (Сардий, Сарой) (Men. Prot. Fr. 4, 22; Theoph. Byz. Fr. 4), чье имя, кстати, напоминает имя царя саков Сардоний (Aur. Vict. De Caes. XIII, 3), о котором упоминалось ранее. Его имя переводят как «Глава осов» (Джанашвили М., л. 49). Более чем на столетие ранее Приск упоминает племя соросгов, с аналогичной этимологией названия, что дало основание некоторым исследователям рассматривать его как социальный термин (Vernadsky G. 1946, p. 194; Гадло А. В. 1979, с. 50-51), но воспринятый как этнический. Однако для принятия указанной этимологии названия соросгов и имени Саросий существует и одно заметное препятствие. Дело в том, что данная этимология соотносится с грузинским названием аланов «овсы», тогда как в европейских источниках мы имеем иные формы.

Примечательно, что китайские источники свидетельствуют, что в Кангюй, Согде и Хорезме правили представители династии юэчжей Чжаову (БШ, 97, СШ, 83, ТШ, 221). Упоминание Согда, видимо, соотносится с данными ханьских источников о подчинении Кангюй на юге юэчжам и с данными западноевропейских источников, размещавших там тохаров (Ptol. VI, 12, 4; TP. Segm. XI, 5). Подтверждением такого положения представляется начало чеканки в Хорезме на рубеже II-I вв. до н. э. монет новой династии, тамги на которых, вопреки предполагавшемуся сходству (Толстов С. П. 1948, с. 184), отличны от кушанских, эфталито-хионитских и турано-кангюйских (Вайнберг Б. И. 1977, с. 73-77; Новгородова Э. А. 1984, с. 118-123) и близки образцам Бухары и Согда. Вместе с тем, отмечается и связь между двумя группами тамг (Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. 1976, с. 69-71).

Включение Кангюй в сферу юэчжийской истории обычно никак не определяется исследователями, поскольку китайские источники, вроде бы, ничего не сообщали о взаимоотношениях юэчжей и кангюйцев в ходе миграции первых на запад. Однако некоторые краткие сведения этих источников не позволяют столь однозначно подходить к данному вопросу. Уже давно было обращено внимание на факт совпадения разделений Кангюй и юэчжей на пять владений (Толстов С. П. 1940, с. 207; Пугаченкова Г. А. 1985, с. 528; Боровкова Л. А. 2005, с. 83). Интересно, что оно находит себе подтверждение в сообщении Сюй Суна о сведениях «Истории поздней Вэйской династии», что после поражения от сюнну юэчжи перешли Цилинь и захватили Кангюй. Затем каждое поколение отделило князя, что определило одинаковость обычаев с юэчжи (Кюннер Н. В. 1961, с. 175, сн. 3). Видимо, речь идет о периоде расселения юэчжей к северу от Бактрии, т. е. в Согде. В любом случае, если китайские источники и дают повод к признанию факта захвата Кангюй восточными мигрантами, то он может быть приложен к юэчжам (Кадырбаев А. Ш. 2009; Dorneich Ch. M. 2010), но никогда к усуням.

Подводя итог приведенным наблюдением, следует полагать, что в процессе миграции на запад набирали силы дезинтеграционные процессы в юэчжийском родоплеменном союзе. Уже на территории Средней Азии они окончательно выразились в расколе на две основные группировки (дезинтеграционные процессы шли и внутри уже этих группировок), когда первая устремила свои интересы в южном направлении, в сторону Греко-Бактрии, а вторая — в северном направлении. Именно в лице юэчжей, а не усуней, как считают некоторые исследователи, мы можем предполагать тот новый этнический компонент, который непосредственно связан с ранней историей

аланов. Именно установление власти юэчжей в Яньцай и должно определять переименование государства в Алань. Подтверждением такого положения служат сведения китайских источников о том, что во владениях Согда, находившихся в зависимости от кангюйцев (Кан), фиксируются города и столицы под названием Алань (Аланьшичэнь), а также правитель владения Му по имени Аланьми (из рода Чжаову). Несмотря на высказывавшиеся возражения (Мацулевич Л. А. 1947, с. 144), вполне правомерным представляется сопоставление этнонаименования алан с именем правителя Аланьми и названием столицы Алань/Аланьшичэнь (Цуциев А. А. 1995, с. 40-41, Габуев Т. А. 1999, с. 99, 117, 130). Слог -ми в Аланьми означает «царь», «правитель» (Pulleyblank E. G. 1970, p. 158).

Таким образом, мы видим прямые параллели в истории государств, попавших под власть Кангюй, выразившиеся в появлении там интересующего нас названия. Но насколько данное название было определено самим Кангюй? Давно было обращено внимание, что после освобождения Алань (Яньцай) из-под власти Кангюй оно сохраняет свое название Алань (Shiratory K. 1928, p. 99). Показательно, что и столица владения Ань (Бухара) сохраняет свое название Аланьми (Chavannes E. 1903, p. 137, 187, 312, p. 137, n. 1) после падения кангюйской власти. Поэтому следует полагать, что использование названия *alan* определялось не собственно кангюйской традицией, а диктовалось традицией части юэчжей, отражая не факт подчинения владений внешнему Кангюй, а факт установления власти представителей юэчжей внутри данных владений. Конечно, можно считать неважным вопрос о действительном отношении канских правителей к потомкам древнекангюйских владетелей, а факт их юэчжийского происхождения объяснять через династические браки (Габуев Т. А. 1999, с. 98, 115-116). Однако из-

вестные нам факты, в том числе и археологические, говорят о более простом решении, связанном с появлением юэчжей в Согде и установлением там власти их правителей, со свидетельством Плиния об Arsi (Plin. NH. VI, 48, 3).

Известно, что для носителей сакской речи, к которым принадлежали и кангюйцы, был характерен непереход *r* в *l* перед *i* (*y*), что наблюдается при формировании *alan*. Данное наблюдение, как отмечалось, позволило некоторым ученым исключить Среднюю Азию из числа предполагаемой прародины аланов (Вайнберг Б. И. 1999, с. 265; Перевалов С. М. 2002, с. 214, но: Гугуев Ю. Г., Глебов В. П. 2002, с. 100, сн. 10). В таком случае невозможность появления в сакской среде интересующего нас названия подтверждало бы его выработку в иной среде, на роль которой претендует часть центральноазиатских мигрантов, получивших общее название юэчжей в китайских, и тохаров в европейских источниках.

Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные племена, носившие «арийские» имена, были известны с давних пор на восток от Каспия (Ельницкий Л. А. 1977, с. 46-47). Непосредственно для нашей темы замечательна фиксация вдоль Яксарта Ἀριάκαι Птолемеем (Ptol. VI, 14, 1), которые не позднее II в. до н. э. под названием арья фигурируют здесь в «Фарвардин-яште» (Яшт XIII, 143-144) (Мацулевич Л. А. 1947, с. 138; Вайнберг Б. И. 1999, с. 196). Таким образом, мы можем полагать, что появление названия *alan* имело и дополнительный стимул со стороны представленный местного ираноязычного населения.

Наименование правителей юэчжей Вынь, а, соответственно, определяемое им название государства Выньнаша, как теперь установлено, восходит к родовому имени юэчжийских правителей, которое было воспринято европейскими авторами как названия правящего юэчжийского

племени асиев и городов, а китайцами — как племенное название. Однако параллельно этим определениям в китайских источниках утверждается, что данные правители прозывались Чжаову (происходили из дома Чжаову), а ранее проживали в городе под аналогичным названием, который был атакован сюнну (Dorneich Ch. M. 2010, p. 14). Такое положение указывает на факт допустимости фиксации в письменных источниках в качестве родового названия некоего не связанного с ним определения.

Сама проблема выяснения содержания наименования Чжаову давно привлекала внимание исследователей (Shiratori K. 1928, p. 100-109) и, в конечном итоге, была решена (Bailey H.W. 1958, p. 136; 1979, p. 464-465; Golden P.B. 1992, p. 55; Tezcan M. 2002, p. 257, 266, 267, 268; Dorneich Ch. M. 2010, p. 53) путем установления его генетической связи с высшим юэчжийским (кангюйским и усуньским) титулом знатности ябгу (yabgu, yagbu), переданным в китайских источниках как хи-хэу/сихоу (hi-hou, his-hou), и титулом кушанских царей yavuga (<yam — «возглавлять», «ведущий», «вождь» и суффикс -uka), что отмечалось и отечественными специалистами (Толстов С.П. 1938, с. 199; Литвинский Б.А. 1967, с. 36). Таким образом, мы сталкиваемся с фиксацией в качестве антропонима и топонима социального термина, отражающего идею верховной власти в юэчжийском обществе.

Приведенные наблюдения, вроде, говорят в пользу связи появления аланов на исторической арене с тохаро-юэчжийской средой. Следует отметить, что указание (Яценко С.А. 1993, с. 60) на выдвижение гипотезы о связи аланов с юэчжами А.М. Мандельштамом и Б.М. Керефовым (Мандельштам А. М, 1978а; Керефов Б.М. 1986) не совсем корректно. А.М. Мандельштам отмечал, что черты культуры юэчжей близки параллельной культуре сарматов, и ставил

вопрос о причинах такого сходства, указывая на бесспорное передвижение с востока юэчжей. Им же была использована, как представляется, исторически непродуктивная идея о неких «восточных сарматах».

Б. М. Керефов (Керефов Б. М. 1988) полагал появление в Центральном Предкавказье юэчжей-тохаров, с которыми, как и его предшественники, связывал этногенез осетин-дигорцев. Тохары рассматривались им как представители племен сако-массагетского круга. Далее исследователь, учитывая тесную связь тохаров с асианами (асии), привлекал уже известную нам, но непродуктивную цепочку лингвистических построений, отождествлявших асиан с аорсами. На этом основании и с учетом, якобы, отсутствия каких-либо миграций из Азии в последующие периоды делался вывод, что племена массагетского круга составили значительный компонент среди сарматских племенных союзов, возглавлявшихся аорсами, за счет чего происходил синтез «сармато-массагетских» племен, обеспечивавший процесс формирования раннеаланской этнической общности. Тем самым исследователь, по-существу, модернизировал традиционную точку зрения о «вызревании» аланов в аорсском объединении.

Не исключал частичной связи происхождения аланов с тохарами-юэчжами и В. А. Кузнецов, определявший аланов как продукт сложения из различных древних ираноязычных элементов: аорсов, сираков, массагетов, асиев-асов, возможно, какой-то тохарской группы. Из более крупных «блоков» данного сложения указываются сарматы-аорсы и массагеты (Кузнецов В. А. 1992, с. 9-33). Однако эти общие рассуждения, имея под собой рациональную основу, являются попыткой свести воедино уже известные и различные точки зрения по проблеме происхождения аланов, к которым присоединяется и социальная версия обозначе-

ния alan, а впоследствии используется (Кузнецов В. А. 1999, с. 172) и реанимированная, но мертворожденная гипотеза о тюркоязычии тохаров (Rawlinson H. G. 1912, p. 128; Яйленко В. П. 1995, с. 65, 66).

Как отмечалось выше, о связи аланов с бактрийскими юэчжами писал и А. А. Цуциев (Цуциев А. А. 1998, с. 115). О существенной роли тохаров в формировании ранних аланов писал и Ф. Х. Гутнов (Гутнов Ф. Х. 2001, с. 89). Однако и эта работа велась на явно отягощенном историографической традицией фоне. Многие из приведенных разработок исследователей, вне зависимости от их научной объективности с точки зрения современных представлений, остались вне анализа. В результате пришлось склониться к решению о связи ранних аланов с синтезом близкородственных ираноязычных племен в районе Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и Приаралья, особо выделяя роль Кангюй и Усунь, а также усиление Кангюй за счет переселения на его территорию части усуней. Собственно, констатация существенной роли тохаров в этногенезе аланов осталась без подтверждения. В принципе, для такого обобщенного решения могут быть использованы и некоторые предшествующие решения.

По мнению Т. А. Габуева, «колыбелью» аланов являлся Кангюй, на территории которого данный народ и сложился из собственно кангюйцев и проникавших на территорию страны юэчжей-тохаров и усуней-асиан, объединения которых, как справедливо отмечается, получали различный многокомпонентный характер (Габуев Т. А. 1999). Однако, проведенный анализ известных на сегодняшний день данных различных источников и полученные в его ходе результаты не позволяют безоговорочно согласиться с теми конкретными утверждениями, которые легли в основу предложенного решения (например, размещение аланор-

сов в Кангюй, а алан-скифов — в Яньцай, захват власти в тохарском объединении усунями, отождествление усуней и асиан, усиление Кангюй за счет сил Биюаньчжи и других переселенцев и др.).

Более правомерным могло бы быть решение об установлении власти юэчжей на некоторых территориях (например, Яньцай и Согд), которые затем подчинились Кангюй. Но в таком случае следует полагать и автономность аланского периода в истории этих территорий от собственно кангюйской истории и традиций. Кроме того, постоянная вариативность трактовок предполагаемых событий и процессов полезна для ведения научного исследования, для открытия перспектив новых поисков, но размывает собственные построения. В результате и выдвинутое положение о выражении через алан национальной идеи, консолидирующей полиэтничное кангюйское общество, остается неаргументированным, тем более, что сам Кангюй, в целом, оказывается вне его определения, т. е. вне заявленной консолидации. Получается необъяснимая ситуация. Аланы как весьма значимая сила в Кангюй никак не проявляют себя в этом государстве, но оказываются способны ярко проявить себя в Яньцай.

И.Э. Любчанский также рассматривал аланов как военно-политическое ядро государства Кангюй, в котором они диктовали общую политическую ориентацию. С сер. I в. до н. э. на его территорию начинается приток кочевого населения из Западной Монголии и Северного Китая. Аланы сложились в массагетской этнокультурной среде, находившейся в тесном контакте с племенами конфедерации сюнну, что определяло наличие многих общих черт в материальной культуре аланов и сюнну. По мере продвижения на запад в их материальной культуре возрастал сарматский компонент (Иванов В. А., Любчанский И. Э. 2001, с. 85).

Учитывая саму вариативность предлагаемых исследователями решений, следует остановиться и еще на одном вопросе о Яньцай. В «Хоу Хань шу» сказано: «Владение Яньцай переименовалось во владение Аланьяля. Его столицей является город Ди (Ти). Оно состоит в зависимости от Кангюй» (Chavannes E. 1907, p. 195-196; Hill E. 2003, sec. 19; Алемань А. 2003, с. 512). Отечественные исследователи, пользовались, за редким исключением (Литвинский Б. А. 1968, с. 18; Филанович М. И. 1983, с. 174; Зуев Ю. А. 1995, с. 38-39), переводами Н. Я. Бичурина, в которых сведения о столице Яньцай опущены (возможно, здесь сказывались некоторые трудности в переводе используемого в источнике термина *dicheng*: Chavannes E. 1907, p. 150, 168; Shiratory K. 1956, p. 226; Зуев А. Ю. 1995, с. 39; Hill J. E. 2003, p. 19.2), что приводит к техническому сближению предложений о переименовании Яньцай и его зависимости от Кангюй. Возможно, данный момент, как и присущее ученым стремление к установлению причинно-следственных связей в исторических процессах, наталкивали часть из них на мысль, что переименование государства Яньцай в Алань было обусловлено его попаданием в зависимость от Кангюй. Но такое решение является лишь одним из возможных вариантов.

По-существу, в приводимых сведениях мы имеем дело с весьма сжатой передачей информации о государстве, которая просто предоставляет некоторые сведения о нем, но не строится на основе отражения единовременной и взаимообусловленной картины. Заметим, что в данном сообщении опускается такая важная информация, как количество населения, домов и войска. Поэтому другим вариантом решения вполне могло бы быть отсутствие связи между переименованием государства и фактом его подчинения Кангюй. Видимо, следует вспомнить,

что сведения о зависимости от Кангюй пяти малых владений (Сусе, Фуму, Юни, Ги (Цзи), Юегянь) не сопровождается сведениями об их переименовании в связи с таким положением. Не меняет своего названия и Янь. Не меняют своих названий Лю, Янь и Алань после выхода из подчинения Кангюй.

Пожалуй, перечисленные гипотезы, включающие тохаро-юэчжийский компонент в проблему происхождения аланов, во многом основаны на предшествующих разработках, длящихся уже более 100 лет. Так, и многоэтапная гипотеза С. А. Яценко (Яценко С. А. 1993, с. 67-68) частью, несомненно, использованная и указанными исследователями, по справедливому замечанию А. С. Скрипкина (Скрипкин А. С. 2001, с. 30), основывается на отдельных положениях других концепций. Конечно, собственная концепция С. А. Яценко более привержена алтайской и усуньской гипотезам происхождения аланов. Но сегодня любое решение аланской проблемы не осуществимо без вольного или невольного повторения и использования части разработок наших предшественников. Вопрос при выработке собственной гипотезы заключается в той фактологической и аналитической аргументированности, которая ее определяет.

Собственно разработки Б. А. Раева, С. А. Яценко и самого А. С. Скрипкина вполне закономерно вновь развернули, в первую очередь, отечественных исследователей в сторону давней гипотезы о связи аланов с центральноазиатским регионом, но уже на новом научном уровне, обусловленном накоплением и анализом современных данных. Частным образом они сосредоточили внимание и на роли Кангюй в этом вопросе, который несколько различно и решается исследователями. Кангюй становится в их трудах той промежуточной, но концентрирующей в себе источ-

никовой точкой происхождения аланов за счет появления здесь тохаро-юэчжийских и усуньских группировок. История Кангюй становится настолько привлекательной, что порой, признаваясь источником выхода на историческую арену аланов, данный источник в рамках собственно Кангюй остается и без своего конкретного определения.

А. А. Цуциев, идентифицируя население Яньцай с массагетами, полагает, что в их союз могли входить и другие ираноязычные кочевники, такие как асии-асиане, сакаравки, апасиаки, аугасии, возможно, аланорсы и собственно аланы, которые к сер. I в. н. э. в силу различных военно-политических событий возглавили этот союз. Данную версию он определяет как близкую версии У. МакГоверна (McGovern W. 1939, p. 247). Автор также не исключает, что аланами были появившиеся в Яньцай южноприуральские сарматы, но параллельно отмечает и препятствующие такой возможности выводы других исследователей (Цуциев А. А. 1999, с. 43-46; 2010, с. 275-283).

Наиболее перспективной он считает гипотезу о вторжении аланов с территории Кангюй, где им отводилась одна из первых ролей во внешней политике (Скрипкин А. С. 1989а, с. 88; 1990, с. 47), а основу населения составляли саки. Причиной такого вторжения могло быть усиление Кушании, хотя данный вывод А. С. Скрипкина (Скрипкин А. С. 1988, с. 88) ставится под сомнение в связи с неразработанностью кушанской хронологии, а также давление усуней, сюнну, возможные климатические изменения. Кангюй в свою очередь был местом проникновения сарматов, переселения усуней Биюаньчжи, сюнну и да-юэчжи. К I в. н. э. он и превратился в мощное объединение племен, в котором, как было сказано, во внешней политике одну из ключевых ролей играли аланы и захватившие Яньцай. В результате отмеченных политических изменений часть кангюйских

аланов уходит в Восточную Европу, а другая их часть захватывает Яньцай.

Для подтверждения тезиса о нахождении аланов на территории Кангюй А.А. Цуциев привлекает данные по орлатским пластинам, косикским изображениям, распространяющимся на запад тамгам, Аланьми Согда. Вопрос о взаимоотношениях Кангюй и Давань с юэчжами оставляется открытым, тогда как на территориях стран отмечаются близкие друг другу каменные склепы (мугхоны), которые, по мнению некоторых исследователей, имеют черты сходства с северокавказскими склепами алан-осетин. Приводится и мнение исследователей о связи Давань с сарматами Приуралья и Каспия.

Далее акцентируется внимание на отмеченную археологами связь Т-образных катакомб Северного Кавказа с катакомбами Кангюй и Давань. Автор видит за этим передвижение алан-массагетов, придавшее восточное своеобразие позднесарматской культуре. Аланы представляются первоначально небольшим племенем, превратившимся благодаря своей воинственности в аристократическую верхушку родственных им племен, в том числе, захватывая массагетов Нижней Сыр-Дарьи (Яньцай) и сменяя там массагетскую аристократию. При этом допускается идентификация жителей Алань с носителями джеты-асарской культуры (Цуциев А.А. 1996, с. 18-19; 1999, с. 46-64, 122; 2001, с. 72).

К сожалению, представленные историографические данные никак не подвигают нас к конкретному определению аланов в рамках Кангюй. Отождествление населения Яньцай с массагетской конфедерацией, включавшей в себя и иные перечисляемые племена, видимо, может быть сопоставлено, например, с решением А.Н. Бернштама, помещавшего в низовьях Сыр-Дарьи область Ги (Цзи), вхо-

дившую в состав Кангюй и населенную алано-массагетами (Бернштам А. Н. 1951, с. 84). С. П. Толстов считал асиев (асиани-усуни-исседоны), пасиан (апасиаки), сакаравков и тохаров присырдарьинскими племенами (асии от Сыр-Дарьи до бассейнов рр. Чу и Или, Тянь-Шаня, апасиаки — Жаны-Дарья, тохары — Куван-Дарья, аугасии — нижнее междуречье Куван-Дарьи и Сыр-Дарьи, сакараваки — верхняя Инкар-Дарья), принявшими активное участия в событиях падения Греко-Бактрии. «Болотные городища» исследователь определял как памятники эфталитской культуры, сложившейся на базе местных массагето-аланских элементов, которые он, в первую очередь, отождествлял с аугасиями (аугалы, аттасии). Тохары же, по его мнению, представлявшие собой здесь древнее индоевропейское население, заложили основу джеты-асарской культуры (Толстов С. П. 1948а, с. 213; 1962, с. 196, 198, 204; 1963, с. 27-28; Буряков Ю. Ф. 2003, с. 79).

Однако только период существования джеты-асарской культуры (VIII-VII вв. до н. э. — IX в. н. э.) и ее характерные черты ставят под вопрос возможность идентификации ее носителей с тем населением Яньцай и Алань, которое описано в китайских источниках. «Болотные городища» расцветают в дельтовых сырдарьинских районах, населенных родственными джеты-асарцам племенами, после переселения туда части самих джетыасарцев с VII в. н. э. Кроме того, из построений автора выпадает и его признание родства между северокавказскими аланами и бактрийскими юэчжами (Цуциев А. А. 1998, с. 115).

Как мы могли убедиться ранее, китайские источники дают нам примеры взаимосвязанных названий государства, племени и антропонима (Хурстан, хавраны, хунье, Хур), а также перевода социальной терминологии в сферу топонимики и антропонимики (уавуга, род (дом) Чжаову,

г. Чжаову в области Чжанье). Нам приходилось и предполагать, что и использование названия alan определялось фактом установления власти представителей юэчжей в Яньцай. Для проверки такого предположения следует обратиться непосредственно к выяснению происхождения и содержания термина alan.

Многими исследованиями было установлено и подтверждено, что название alan восходит к *ārya — «арийский», в значении «благородный», «свободный»: alan < *al(y) ana < *āryāna (или āryānām) < *ārya. Анализ особенностей функционирования данного термина у ираноязычных народов показал, что у них данный термин, будучи наследием от общеиндоевропейского состояния, прежде всего, маркировал социальный аспект. В зонах, где постоянно возникали и распадались межэтнические группировки, социальный статус был самой устойчивой характеристикой, идеологическим оправданием экспансионизма, опорой самосознания.

Права именоваться ārya присваивали те, кто домогался социально-политических преимуществ перед иными обитателями данной зоны. Ārya в широком смысле слова состояли из вооруженных свободных общинников, в узком — из воинской элиты, кормившейся грабежом своих и чужих. Противостояние в иранском мире происходило между самими же ираноязычными племенами, что делало внутривосточную ориентацию термина ārya, т. е. использование его значения для выражения господства среди своих, важнее внешней. В то же время квазиэтническое значение ārya усиливалось на перифериях индоевропейского мира в условиях контактов, противостояния, включая идеологическое с иноязычным населением (Лелеков Л. А. 1982, с. 148-161).

Такое развитие функционирования термина ārya у ира-

ноязычных народов могло бы дать ответ на вопрос об условиях появления названия Алань. Как сведения письменных источников, так и наблюдаемые археологически изменения в культуре ираноязычных кочевников степного пояса Евразии, находят себе вполне логичное объяснение в разнообразных миграциях кочевников в форме цепной реакции, когда, по «принципу домино», в результате столкновений создавались и распадались различные родоплеменные союзы. Эти миграции были вызваны выходом на историческую арену сюнну, которые практически положили конец долгому господству ираноязычных кочевников и знаменовали наступление эпохи перманентной экспансии тюркоязычных народов.

Кровавое противостояние с ираноязычным миром, в ходе которого ираноязычные кочевники были вынуждены покинуть традиционные места обитания в поисках новых условий своей жизнедеятельности, освоение ими новых территорий в ходе миграций, требовавших проявления военной агрессивности, например, в Средней Азии, населенной этнически родственными народами, при продолжающемся противостоянии с сюнну, и могли актуализировать в их среде понятие *ārya*. Усилению же квазиэтнического значения *ārya* могло служить само месторасположение Яньцай в Восточном Приаралье, которое издавна было местом контактов ираноязычных народов с иноэтничным населением, которое теперь усиливалось за счет сюннуского влияния и давления с востока. Заметим, что проявление термина *alan* в Согде относится уже к тому периоду, когда там явно усиливается давление тюркоязычных народов.

Само возведение названия *alan* к форме прилагательного (*āryāna* или *āryānām*), возможно, служит указанием на принадлежность к определенной, ограниченной группе внутри более обширного социума. Социальный характер

данного названия мог бы найти и иные подтверждения, если, оставляя в стороне исторические реконструкции, обратиться к более близким по времени кавказским материалам. У нахских народов (чеченцы, бацбийцы, ингуши) заимствованное *ārua* (älä) сохранилось в значении «князь», «господин». Интересно, что в горной Чечне отмечается такой топоним как Алан цанаш тла — «Князя (... алана) покосах на» (Сулейманов А. С. 1980, с. 198). Цово-тушинское *al* (e) — «князь» означает не только земное, но и потустороннее владычество (Генко А. Н. 1930, с. 721; Чокаев К. З. 1987, с. 105).

У балкарцев слово *alan* используется в значении «друг», «товарищ» (Кокиев Г. 1926, с. 18; Гуриев Т. А., Тулатова Е. А. 1977, с. 132; Шагиров А. К. 1989, с. 74; Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. 1989, с. 48; Малкондуев Х. Х. 2001, с. 6-7; Шнирельман В. 2010, с. 98-99), а у мегрелов — «друг», «герой», «удалец», будучи перенесено преемственно на новых насельников аланских территорий — карачаевцев (Абаев В. И. 1996, с. 47). Конные, праздничные состязания в Западной Грузии были известны под названием *Alanuroba*, т. е. «Аланская» («Аланство»). На этом празднике определялся самый сильный молодой человек, который получал почетный титул *alanı-kovı* — «аланский человек». Турнир заключался в соревновании за символ, давший название игре, *kaıı-gala* — «ношение шеста». Противников в этом турнире называли (m) *alanuri* (Gerhardt D. 1939, s. 34). Было замечено, что некоторые знатные фамилии Армении обозначались как *alanoyozan*, *alanazgik* или *alanadrawšk* — «аланское знамя несущий». Данная семантика названий, имеющая и иные решения (Marquart J. 1905, s. 82-83; Harmatta J. 1970, p. 82; Периханян А. Г. 1965, с. 113, сн. 12; Weber D. 1991, s. 233-234; Алемань А. 2003, с. 388-389), напоминает о том, что именно всадничество составляло реальную силу и было особо

престижно у аланов, в среде которого резко выделялась военная знать.

В фольклоре, в том числе в Нартовском эпосе осетин (Туаллагов А. А. 2011), представлен термин *allon-billon*, непосредственно восходящий к названию *alan*, который прилагается к представителям рода *Æhsærtæggatae*, олицетворявшим военную функцию и представлявшим верховную власть в нарттовском обществе. В армянском языке, как полагают некоторые исследователи, данное заимствование отмечается в значении «победоносный», «славный», «достойный», прилагаясь к представителям высшей знати. По грузинским источникам, парфянские правители Аршакиды называются царями «рода аланского» (Ажгаланиани) (Гаглойти Ю. С. 2007, с. 124-126), что сложно интерпретировать просто как этническое определение. В названии аланского царствующего рода Аравегьян (Аравелиан, Арухеан), отмеченного армянскими источниками, исследователи видят иран. арьяв-аг — «геройский», «сильный» (Гадло А. В. 1979, с. 44).

Г. Ньюли, отметив часть указанных заимствований в кавказских языках, допускал теоретическую возможность возведения их к социальному значению термина *ārya*. Но тогда, как замечалось, аланский язык должен был стать исключением в иранском ареале, в котором данный термин «... насколько нам известно, всегда имел значение этнического наименования...». Социальное же значение термина автор трактует как результат вторичного развития (Ньюли Г. 2002, с. 31-32, 43). Причем, исследователь ссылается, в частности, на мнение Э. Бенвениста. Судя по всему, такая трактовка принимается и некоторыми другими исследователями (Гутнов Ф. Х. 2007, с. 64-65). Однако приведенные выше разработки в сравнении с отмеченными кавказскими материалами могут указывать именно на социальный характер терми-

на алан к периоду его фиксации источниками. Кроме того, Э. Бенвенист отмечал и социальный характер термина для обозначения представителей привилегированного класса (Бенвенист Э. 1995, с. 241-243, сравни: Фрай Р. 1971, с. 19).

Возвращаясь к проблеме кавказских заимствований, внимание привлекает другое замечание Г. Ньюли о том, что формы данных заимствований в нахских языках не исключают существования в «аланском языке» двух параллельных форм *ala* и *alan* (Ньюли Г. 2002, с. 32). Собственно формы *al*, *alla*, производные от **ārya*, представлены в онамастиконе Северного Причерноморья (Тохтасьев С.Р. 2013, с.590, 601) следует отметить наличие осетинской (дигорской) лексемы *jellon* (*ellon*), которая при первой своей публикации была определена комментаторами как «чудесный», «необыкновенный» и идентифицирована с этническим термином *allon* — «аланский» (ПНТО, 1992, с. 114, 115, 270, 409). На данную лексему обратил внимание и А.Р. Чочиев, но выразил некоторое сомнение, поскольку она не была зафиксирована в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В.И. Абаева (Чочиев А.Р. 1996, с. 235).

Данное замечание несколько странно, т. к. В.И. Абаев, следуя заложенному еще В.Ф. Миллером направлению, при составлении словаря положил в его основу иронские формы слов осетинского языка. Сегодня же интересующая нас лексема имеет свою словарную фиксацию, в которой уточнено ее значение: 1. «претендент на победу в скачках, борьбе и пр. соревнованиях»; 2. «благородный, наделенный всеми добродетелями» (Таказов Ф. М. 2003, с. 263-264). Как мы видим, она и семантически объединяется с приведенными выше кавказскими заимствованиями, усиливая отмечаемый социальный характер термина уже на собственно осетинском языковом материале.

Кстати, данная реальная лексема дает больше информации, чем, якобы, слышимая «... в спонтанной дигорской речи — (j) eron» (Камболов Т. Т. 2006, с. 414). Возможно, под влиянием данной лексемы в одном из иронских вариантов Нартовского эпоса осетин появляется форма Elon для имени супруги главы нартов (НК. 2003, с. 136). А. Р. Чочиев также разделяет мнение о прямой связи jellon и allon (Чочиев А. Р. 2000, с. 225, 235), однако его дальнейшие сопоставления с другими осетинскими лексемами (alaj-bulaj, alu-balu, ralli-balli) являются не более, чем личной фантазией автора, которая для первой из приведенных лексем имеет свой давний подход (Кокиев Г. 1924, с. 19). Название же, например, осетинского свадебного обряда alaj-bulaj имеет совсем иную этимологию, которая вполне соответствует фактическому содержанию самого обряда (Дзагуров Г. А. 1921-1926а, л. 245; Хамицаева Т. А. 1985, с. 122-124, 153; Дзуцев Х. В., Смирнова Я. С. 1993, с. 115).

В дигорском диалекте осетинского языка отмечается и лексема alluag в значении «благородный» (Таказов Ф. М. 2003, с. 24). В армянских же источниках Алания известна под названием Алуандрия (Тревер К. В. 1959, с. 215; Артамонов М. И. 1962, с. 61). В Нартовском эпосе адыгов конь героя Тотреша считался обьежженным в Алунии и носил кличку Алюн, что, по мнению исследователей, созвучно названию alan в письменных источниках и практически совпадает с их эпическим именем allon (Аутлев П. У. 1966, с. 213; 1992, с. 56).

У тюркоязычных соседей современных осетин балкарцев и карачаевцев, как отмечалось, до сих пор используется особое обращение alan, которое не несет в себе этнического определения воспринимаясь как «друг», «товарищ». Оно используется и при обращении к представителю любой другой национальности, если обращающийся считает, что тот

владеет его языком (Малкондуев Х.Х. 2001, с. 6-7). О.Б. Бубенок полагает, что уже первоначально горцы вкладывали в термин *alan* не только этнический, но и социальный оттенок с таким семантическим значением как «господин», «благородный», «уважаемый» (Бубенок О.Б. 2004, с. 91). Судя по всему, горцы вкладывали именно то значение в данный термин, который он и имел во время знакомства с ним горцами.

Следует отметить, что форма *jellon* (*ellon*) может восходить не к **ārya*, а к **aiṛya*, что зафиксировано, например, при анализе имени главы аланских переводчиков Ἰρακας нач. III в. н. э. (Абаев В.И. 1949, с. 245; сравни наблюдения: Матковская Т.А., Тохтасьев С.Р. 2006, с.183), с последующим закономерным переходом группы *-ry* в группу *-ll*. Аналогичная основа, например, полагается для имени царя Малой Скифии из Добруджи Αιλίς (Тарасюк Л.И. 1956, с. 28). Собственно, и В.И. Абаев не отрицал, что в отдельных случаях осетинский язык отражает старые эпентезы на примере осет. *midæg/medæg* = авест. *maīduya* (Абаев В.И. 1927, с. 105). Кроме того, многими специалистами (Hübschmann H. 1887, s. 41; Миллер В.Ф. 1992, с. 239; Gershevich I. 1955, p. 486; Freiman A. 1925, s. 158-160; Ахвледиани Г. 1960, с. 218; Гуриев Т.А. 1962, с. 122-125; Гагкаев К.Е. 1967, с. 199; Harmatta J. 1950, p. 23; 1970, p. 80-81; Zgusta L. 1955, s. 232; Турчанинов Г.Ф. 1990, с. 24-28; Knobloch J. 1991, s. 35; Камболов Т.Т. 2006, с. 409-414) принято возведение самоназвания восточной и южной частей осетин *ir* (*iron*) к **ārya*, но несколько иным путем (когда переход группы *-ry* в группу *-ll* уже не действовал), что полагается для *alan* (Gershevich I. 1955, p. 486, n. 2).

Данное самоназвание *ir* (*iron*) все же когда-то могло иметь иное значение, о чем косвенно свидетельствуют некоторые факта. Так, в старину в особом охотничьем языке осетин-дигорцев мужчину средних лет называли

iræg (Гарданти М. Q. 1908, с. 47; Собиев И. 1958, л. 390), используя известный, но иной путь формирования названия, чем в традиционном iron. Здесь сложно приписать такому определению сугубо этническое значение, поскольку оно использовалось в дигорской среде. Видимо, в охотничьем языке сохранялось более древнее, чем современное этническое значение ir (iron). Интересно, что в топонимике горной Дигории представлено название Iræxawî k'æxæntæ — «Обрывы, где ходили иры» (Цагаева А. Дз. 1976, с. 173).

В похоронных обрядах осетин присутствовал и особый ритуал шествия, называемый iron fændag (ironvændag) (Баракова Е. Е. 1938, л. 47-48; Калоев Б. А. 1971, с. 225-226 и др.). Исследователи давно отмечали его значительную архаичность, а также прямые параллели с традициями, например, памирцев (Уарзиаты В. С. 1988, с. 185-187). Указанное название, дословно означающее «иронский (осетинский) путь», вполне могло бы рассматриваться как содержащее этническое определение. Но, возможно, мы имеем дело с отголоском древних представлений о «пути Арьямана», ведущем из мира живых в мир мертвых, на котором особое место и занимает божество с характерным названием Арьяман (в качестве апеллятива означает разновидность «друга»), осуществлявшее покровительство обществу древних ариев в его социальной динамике (Дюмезиль Ж. 1986, с. 72, 74-75).

Итак, мы сталкиваемся с фактом формирования не только различных лексических форм на базе единой основы, но и с фактом некоторого различия самих исходных основ. Такое положение может быть объяснено, например, тем, что их формирование происходило среди различных групп, хоть и составлявших единую этноязыковую среду. Открывающееся положение тогда препятствует призна-

нию существования единого по происхождению аланского этноса.

В принципе, существование различных группировок, в среде которых функционировал термин *alan*, имеет свои исторические и археологические подтверждения. Его изначальная связь с многочисленным миром ираноязычных кочевников, которых письменные источники, в целом, называли юэчжами и тохарами, объединявшихся в родоплеменные объединения, состав которых еще до начала миграцией, а особенно в их период, подвергался значительным перераспределениям входивших в их состав этнически родственных, но различных компонентов, служили тому соответствующей основой. Наблюдавшиеся процессы раскола первоначального общего потока мигрантов, например, в Средней Азии (они могли быть предопределены, например, и родоплеменной дифференциацией внутри такого потока), приводили к тому, что отдельные носители данного термина, осваивали различные новые для себя территории, где устанавливали собственную власть, консолидируя в единое целое местное общество под своим главенством. Такое положение могло складываться, например, как во владениях Яньцай, так и во владениях Согда, что наглядно и демонстрирует наличие различных группировок, с собственной этнической и исторической спецификой.

Данные процессы имели свое продолжение в среде тех азитских мигрантов, которые устремились в Восточную Европу. Засвидетельствованные письменными источниками различные группировки аланов уже только данным фактом говорят в пользу присутствия взаимоотличающихся, в том числе, своими специфическими этническими и культурными чертами, группировок, одинаково обозначавшихся в источниках. Возможно, данное положение может

быть прослежено и по линии *alan — iron*, хотя, справедливости ради, необходимо помнить и о другом решении о происхождении названия *iron* (Шопен И. 1866, с. 204-205; Лавров Д. 1883, с. 181-182; Bielmeier R. 1988, s. 99-106, Knobloch J. 1991, s. 35; Алемань А. 2003. С. 30, 38-39; Ченг Д. 2008, с. 271; Дзиццойты Ю. А., Салбиев К. Т. 2008; Kim R. 2009, p. 168; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013, с. 502).

Специалистам хорошо известны сведения дагестанских хроник о стране Ирхана (Ихран) с одноименной столицей, за которой скрывается восточная часть средневековой Алании, прежде всего связываемая именно с историей иронской ветви осетинского народа. Средневековые персидские источники отмечают область Иркувун, помещаемую исследователями на Центральном Кавказе, названном в XVII в. турецким путешественником Э. Челеби Иритав. В то же время на одной из итальянских карт XIV в. н. э. на Кубани располагается Иркания, название которой носят и два города на самой Кубани и на Дону. В Иркании видят отголосок сведений древности и раннего средневековья (Нарожный Е. И. 1995, с. 10-11). К сожалению, остаются без проверки давние и неожиданные сведения В. И. Канукова начала XX в. о народе *iron (uron)*, якобы, говорившем на близком осетинскому языке и принадлежавшим к европеоидной расе, и острове *ir*, на котором они проживали возле китайского побережья (Кануков В. И. 1921, л. 27-27 об.).

У нас есть определенные основания полагать, что процессы создания новых родоплеменных объединений под главенством аланов на различных территориях и в различное время проходили за счет включения в них прежнего сарматского населения, о чем свидетельствуют и археологические данные. Возможно, именно факт попадания под власть аланов сиракского населения определил сообщение Зенобия (Zen. V, 25) о том, что сираки дают царский ве-

нец самому длинноголовому, напоминая о практике искусственной деформации черепа, который принесли собой именно аланы. Не исключено, что теми же процессами обусловлено свидетельство Маркиана Гераклейского (Marc. Perip. II, 39), конструирующего, по известной нам традиции, народ «сармато-аланов» (...των Αλανων Σαρματων...).

Кстати, усматривать в сообщении Маркиана, как и Марциала, определение аланов сарматами (Алемань А. 2003, с. 27) нет никаких оснований, о чем свидетельствует и сам анализ сообщения последнего (Алемань А. 2003, с. 45-46). Таким образом, аланские объединения в Восточной Европе получали отличительные этнические и культурные черты от тех аланских объединений, которые находились в Азии. В конечном итоге, покрытие названием *alan* носителей среднесарматской и позднесарматской археологических культур, истоки которых лежат в этнически родственной, но, несомненно, различной среде ираноязычных кочевников Азии, дополнительно ставят вопрос перед решением о его изначальном этническом содержании.

Процесс создания новых родоплеменных объединений под главенством аланов в Восточной Европе, видимо, облегчался за счет адекватного восприятия идеи социально-политического господства в среде включавшегося в них сарматского населения. В традиции ираноязычных кочевников Восточной Европы неоднократно отмечается выделение главенствующих группировок, которые в европейских источниках получают название «царских» (βασιλικοι). Царских скифов называет Геродот (Her. IV, 20), сарматов — Страбон (Strabo. VII, III, 17) и Птолемей (Ptol. V, 8, 16), иазигов — Аппиан (App. Mithr. 67, 2). Показательно, что к западу от устья Дуная Плиний (Plin. NH. IV, 41) упоминает аррейских сарматов, которых называют ареатами (Arraei Sarmatae, quos Areatas vocant).

Плиний отмечает, что имя сарматов теперь переносится на все близкие к границам Римской империи народы. Поэтому оно может и не отражать действительного отношения ареатов к сарматам. Но, вполне вероятно, что сведения о том, что их «называют» ареатами указывает на источник информации — сарматов, которые в соответствии с нормами иранских языков (показатель множественного числа -ta) так обозначали в регионе новых пришельцев. Учитывая приведенные материалы по истории аланов, следует усомниться в попытке (Витчак К. Т. 1992, с. 55) причисления *Alani*/*Ἀλανοί* исключительно к сарматскому фонду.

Интересно, что Лукан (*Luc. Bell. Civ. III, 266-283*) среди других народов помещал возле Меотиды ариев (*Arius*), что, с учетом сведений Плиния об *Areatata*, может быть сопоставлено со сведениями того же Лукана о варварской Конне возле Дуная (*Luc. Bell. Civ. III, 200*), которая была и в отдаленных частях Европы у сарматов (*Schol. III, 201*), т. е. на Дону. Как уже отмечалось ранее, подобные сведения допускают отражение в них факта появления в Восточной Европе мигрантов с Сыр-Дарьи. Проведенный анализ сведений письменных источников, позволил установить факт расселения части тохаров возле сираков Кубани. Здесь же Страбон (*Strabo. XI, II, 11*) размещает и *Ἀρρηχοί*, известных и по другим источникам (*Steph. Byz. s. v. Ἀρρηχοί*). По Птолемею (*Ptol. IV, 8, 17-25*), *Ἀριχοί* локализируются между синдами и аспургианами, последние из которых могли быть частью тохаров и иметь непосредственное отношение к аланам. Анализ письменных источников показывает (Столба В. Ф. 1993, с. 56-59), что под именем тавров и сатархов скрывалась одна и та же этническая группа, связанная с тохарами (Десятчиков Ю. М. 1973, с. 135; Пуздровский А. Е. 1999, с. 208-209).

Напрямую с сатархами-таврами Крыма связывал *Arinhi*

Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 8, 33), помещавший здесь и синдов. Удивляющий некоторых исследователей (Тохтасьев С. Р. 1984, с. 137) перенос соседей синдов арихов с Кавказа в Крым может иметь свои объяснения. В «Космографии» Псевдо-Этика рядом упоминаются города Синды и Таврика (Ps.-Aeth. I, 32). Однако настаивает упоминание Юлием Гонорием города Синды Таврика (Honor. A 32), что переносит синдов с Кавказа на Крымский полуостров. Вполне вероятно, что на карте Гонория не было Керченского пролива. Такая ситуация отмечена на карте из Дура Европос, возможно, на карте Равеннского Анонима, на карте Певтенгера, на средневековых арабских и европейских картах (Подосинов А. В. 2002, с. 140, 142, 219). Именно такие ошибочные географические представления и могли повлиять на отмеченный перенос. Нам остается отметить, что в конце названия аррехов, не исключено, мы находим свойственный языкам адыгоязычных народов показатель множественности -хэ, что может свидетельствовать о получении сведений через меотское посредничество.

«Аланская идея» служила основой для консолидации общества ираноязычных кочевников в качестве социального начала и соответствующего структурирования данного общества на сложном этапе его развития, требовавшего, как ведения боевых действий для установления своей власти на новых территориях, так и противодействия другим захватчикам. В частности, и пришедшие на Северный Кавказ азиатские кочевники действовали в условиях необходимости создания здесь собственных объединений на основе включения в них прежнего сарматского или сарматизированного населения и теснейших контактов с иноэтничным населением. Именно представители элиты носителей среднесарматской культуры и могли быть теми

первыми историческими аланами на Северном Кавказе, которых надежно зафиксировали европейские источники. Само возведение названия аланов к форме прилагательного (*āryāna* или *āryānām*), как уже отмечалось, могло бы служить указанием на принадлежность к определенной, ограниченной группе внутри более обширного социума.

Исходя из специфики функционирования понятия *ārya*, нет никаких оснований считать аланами уже на раннем этапе их появления на Северном Кавказе не только ираноязычных номадов, но и представителей иноэтничного местного населения (Абрамова М. П. 1978, с. 81). В такие союзы включались местные сарматские группировки, которые, несмотря на вполне закономерное «окавказивание» своей культуры, оставались неотъемлемой частью ираноязычного мира. Они могли включать в себя и потомков ассимилированных в их обществе автохтонов, а также отдельные группировки сарматизированных автохтонов, т. е. тех, кто уже по языку и культуре стал органической частью их мира. Установление политико-культурного господства аланов и привело к широкому распространению среднесарматской культуры. Появление же первых сведений об аланах и Алании в европейских источниках отражало выход восприятия *ārya* на квазиэтнический уровень в иноэтничной среде. Указанная выше спорная заявка могла бы относиться к восприятию названия *alan* как политонима. Однако и в данном случае необходимо приведение конкретных фактов. Собственно и давний анализ сведений письменных источников препятствует безоговорочному переносу их названия на иноэтничное население и в эпоху средневековья (Гаглоев Ю. С. 1963, с. 7-28).

Ранее отмечалось, что на Северном Кавказе концентрация признаков среднесарматской культуры наблюдается

именно в элитарных («княжеских») захоронениях, материалы которых отличает связь с центральноазиатскими и сибирскими традициями. Эти погребения, несомненно, не имели генетической связи с раннесарматской культурой и принадлежали азиатским мигрантам, установившим свою власть на новых землях. Они демонстрируют постоянное и строгое социально-культурное и религиозно-идеологическое, сакральное отличие новой социальной элиты от остальной части общества.

В данной связи вспоминается свидетельство Мовсея Хоренаци о том, что царский род аланов был божественного происхождения (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 50). Основатель новой позднебоспорской династии Аспург, ближайшими родственниками которой М. И. Ростовцев считал кушан (Ростовцев М. И. 1990, с. 194), что нельзя исключать (Вайнберг Б. И. 1977, с. 76), был обожествлен через образ Гелиоса-Митры (Сапрыкин Ю. С. 1983, с. 77). В имени брата хорезмшаха Хурзад («Сын Солнца») видят перевод хорезмийского титула багпур/фагпур, а в лице его носителя — представителя дофеодальной царской династии (Толстов С. П. 1948, с. 225).

Видимо, следует отметить, что исследователи полагали, что на скифский престол взошел ставленник Аспурга сармат Ходарз или его отец Омпсалак (Раевский Д. С. 1973, с. 117-119; Виноградов Ю. Г. 1994, с. 155, 163). Именно с действиями Аспурга или их последствиями связывали (Шульц П. Н. 1971, с. 140-141; Раевский Д. С. 1971, с. 151; Высотская Т. Н. 1988, с. 127) появление в Крыму меото-сарматов, хотя археологические материалы не говорят о его массовости (Пуздровский А. Е. 1999, с. 216-217). Современные исследования показывают, что во 2-й пол. I-сер. II вв. н. э. сарматы составили политическую и этническую элиту позднескифского общества в Крыму. Однако данная ситу-

ация не привела к проявлению здесь такого обозначения, как *alan*.

Приведенное замечание о хорезмийской титулатуре прямо выводит нас на проблему тохаро-юэчжийского влияния на историю Хорезма, а также на историю правителя Хур в государстве Яньцай-Алань, чье имя связано с идеей эманации солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей. Интересно, что, согласно армянским источникам, у гуннов, обитавших на территории современного Дагестана, т. е. в районе обитания и ираноязычных кочевников (маскуты), существовал культ солнечного божества Куара, или Аспандиара (Аспандиат). Оба имени божества говорят о его иранском происхождении. Первое из них представляет собой уже известное нам иран. *xwar* — «солнце», лежавшее в основе имени правителя Выньнаша, а второе — «Конный бог» — напоминает об имени Аспурга — «Мощноконный». Вероятно, Куар оставался божеством у местных маскутов, а у гуннов его образ слился с образом Тенгри (Новосельцев А. П. 1990, с. 145-146; Кузнецов В. А. 1992, с. 284; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 1994, с. 86).

В то же время, по китайским источникам, известно о почитании в некитайском городе Комул, располагавшемся за Турфаном, божества под именем *Alan* (Bailey H. W. 1970, p. 70; Алемань А. 2003, с. 29, сн. 10), чье название могло бы быть близким к названию известного нам божества *Aryaman* (*Airyaman*) — «Обладающий духом *ārya*». Но заметим, что название божества *Alan*, культ которого с поклонением огню изветен по документу 886 г., имеет, по Г. Бейли, более древнюю форму *â-lâm* (Bailey H. W. 1981, p. 22).

Как отмечалось, связанный с образом божества особый «путь Арьямана» может быть сопоставим с осетинским *iron fændag*. Тогда следует отметить, что в данном случае

особую роль в представлениях осетин о достижении души загробного мира играл образ *Wastyrdžy/Wasgergi*, который у осетин-дигорцев, с одной стороны, восходит к прототипу, близкому образу Митры и его субститута Арьямана, а, с другой стороны, имеет явную связь с аланским военным божеством, выступающим в образе меча (Туаллагов А.А. 2010). Кроме того, именно среди представителей осетинского пантеона отмечаются и божества *Kurd-Alægon*, *Burxoralj/Borxwarali*, в названиях которых исследователи отмечают *ārya*. К близкой основе, как полагают исследователи, восходит и осетинское название хмеля *хвумællæg/хумællæg* («арийская хаома»), что показательно с точки зрения особого значения ритуальных опьяняющих напитков в индо-иранской традиции.

Видимо, следует полагать, что социальная верхушка аланского общества, т. е. собственно аланы, использовали и идею своей сакральной, божественной исключительности, непосредственные истоки которой также лежали в азиатском регионе, но были близки, например, и местному сарматскому населению, включавшемуся в новые родоплеменные объединения. Возможно, она сохраняет свой отголосок и в приводившемся выше названии *iron fændag*, поскольку, как известно, погребально-поминальная обрядность наиболее тесно связана с религиозно-идеологическими представлениями. Интересно, что осетинская этнография знает и примеры путешествия некоторых людей в загадочную страну мертвых, которая называлась *Kūris*. Название страны *Kūris* сопоставляют с названием горного хребта *kaoirisa* «Авесты» и горой *kaoiris* «Бундахишн», располагавшейся в *Ērān Vēž* (Gershevich I. 1955, p. 485-486).

Речь идет о знаменитой первой созданной Ахурамаздой стране *Airiianə Vaējō* — «Арийский простор». Конечно, трудно согласиться с мнением, что *Airiianə Vaējō* долж-

на непременно отождествляться с Хорезмом, а аланы передали своим потомкам осетинам указанные сведения за счет контактов с Хорезмом. Большее внимание заслуживает вероятность связи сведений об «Аланских горах» письменных источниках с древними представлениями о Мировой Горе, находившейся в Airiianə Vaējō (Ньоли Г. 2002, с. 42-43). Со своей стороны добавим, что в горной Осетии, в Куртатинском ущелье, возле с. Кора известен луг под названием Iron wæraex (дословно «Иронский простор»), которое является практически калькой Airiianə Vaējō «Авесты» (Абаев В.И. 1996б, с. 90). Таким образом, мы могли бы найти не только новое подтверждение для происхождения современного эндоэтнонима ir (iron), но и полагать давнюю связь его основы с древними религиозно-идеологическими представлениями. В то же время интересно сопоставить значение Airiianə Vaējō со значением иероглифического написания названия Яньцай, которая переименуется в Алань.

Предполагая изначально социальный характер термина alan, следует отметить, что такое положение не является каким-то исключением в истории ираноязычного мира. Подобным образом могло обстоять дело, например, с упоминавшимся Страбоном (Strabo. XI, VIII, 2, IX, 3) дахскими названиями Ξάνιοι и Πάριοι (Harmatta J. 1950, p. 5; Смирнов К. Ф. 1981, с. 9). В названии сарматов Ardaragantes (обновленное исправление форм Arcaragantes, Agaracantes, Argaracantes, представленных в источниках) достаточно легко распознается осетинский социальный термин ældar/ærdar — «князь», «господин», для которого предложено несколько вариантов этимологий (Абаев В.И. 1996, с. 126-127; Zgusta L. 1955, s. 68-69; Bailey H.W. 1959, p. 74-75; Богомолов М.Н., Смирнова О.И. 1963, с. 110; с. 215-216; Грантовский Э.А. 1970; Козырева Т.З. 1976, с. 238; Гаглой-

ти Ю.С., Абаев В.И. 1987, с. 55-56; Тохтасьев С.Р. 1994/1995, с. 139-142; Откупщиков Ю.В. 2001, с. 222; Яйленко В.П. 2002, с. 312; Ченг Д. 2008, с. 221). Возможно, среди них следует рассмотреть и *ārya-dāra.

Кроме того, видимо, следует обратить внимание и на другой социальный осетинский термин wæzdan/wezdon (wæzdon, wæzdan, jezdon), обозначавший человека благородного сословия и некогда относившийся к сословию, занимающему промежуточное положение между ældar'ами и рядовыми членами общества. В некоторых осетинских обществах wæzdanlæg («благородный человек») даже приравнялся к ældar. Этимологически wæzdan связано, в том числе, и с др. инд. vedhas- как наименованием богов и жрецов (Абаев В.И. 1996б, с. 103-105), что могло бы дополнительно, хоть и косвенно свидетельствовать в пользу взаимосвязи у предков осетин социальных и религиозных представлений.

Не исключено, что и название аорсов, т. е. «белые», имело изначально социальный характер, поскольку в этнологии неоднократно отмечалось использование такого определения для обозначения социального превосходства. Некоторые исследователи пытались толковать его как отражение цветового обозначения сторон света в китайской традиции. Но почему чужая традиция должна была реализовываться аорсами, остается непонятным. Предлагалось рассматривать как политический термин «кушан» (Тревер К.В. 1931, с. 21; Боровкова Л.А. 2005, с. 203). Полагают, что и название сираков имело не только чисто этническое содержание, но и какой-то социальный смысл (Пьянков И.В. 1994, с. 199). Данное положение могло бы проистекать из некоторых известных сопоставлений (Куклина И.В. 1985, с. 109-110).

Но можно обратить и внимание и на курдское serek —

«глава», «вождь». В письменных же источниках данные названия представлены как племенные, что допустимо с точки зрения сторонних, иноэтничных наблюдателей. Поэтому возражения против попыток «... усматривать в аланах не племя, а аристократическую прослойку номадов типа военной касты...» и указание на то, что аланы были определенным сарматским племенем (Сапрыкин С.Ю. 2005, с. 58), неубедительны. Также не является аргументом указание на сведения Флавия и Амвросия, описывающих аланов как этнос, имеющий определенную территорию (Яценко С.А. 1993в, с. 83).

Здесь необходимо отметить одно интересное наблюдение, сделанное С.А. Яценко. Исследователь обратил внимание на изображение пленного предводителя сарматов-лимигантов, которые некогда находились под властью сарматов-ардарагантов, на римском триумфальном медальоне 358 г. н. э. Декор и элементы шароваров, а также тип обуви данного персонажа засвидетельствованы в более раннем костюме Парфии. На данном основании был сделан вывод, что лимиганты являлись потомками языгов, пришедших в начале II в. н. э. на Дунай. Их предки были выходцами из Западного Туркестана, где общались с парфянами (Яценко С.А. 2006, с. 140-141).

Трудно безоговорочно принять утверждение, что языги являлись выходцами из Западного Туркестана. Его принятию, в частности, препятствуют известные нам археологические памятники из Северного Причерноморья. Первоначальная западнотуркестанская локализация прародины лимигантов исторически может быть соотнесена с историей выхода на историческую арену аланов. Памятники же Альфельда свидетельствуют о появлении там не только языгов и роксолан, но впоследствии и аланов. Кроме того, собственно роксоланы сами могли пред-

ставлять собой одну из первых аланских волн в Европе. Интересно, что в Центральной Азии отмечается находка геммы с надписью, содержащей слово *ældar*, т. е. «вождь» (Frye R. N. 1998, p. 81).

Видимо, следует напомнить некоторые данные, приводившиеся выше. Лукан отмечал набеги на дунайские территории массагетов (Luc. Bell. Civ. II, 45-55). Его же родной дядя Сенека называл их аланами (Sen. Thy. 629-630). Согласно «Дербент-наме», в области Маскат, т. е. массагетов, жили люди, приведенные из Алана. Отождествление аланов и массагетов (...Ἀλανων (ἑἰσὶ δε Μασσαγῆται) ...) представлено в сводном тексте Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 15, 1). В одном из сохранивших данное сообщение источников (Exc. de leg. 82) говорится о наименовании алан массагетами (᾽Οτι Ἀλανων των και Μασσαγῆτων καλουμένον...). Данная идентификация обнаруживается и у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 12; 5, 16).

Обычно исследователи усматривают за данными сообщениями просто указание на среднеазиатское происхождение аланов (Скрипкин А. С. 1994б, с. 17; Медведев А. П. 2000, с. 103 и др.), что, как мы знаем, более реально, чем попытка прямой трактовки их этнической принадлежности. Но у Аммиана Марцеллина, у которого термин *Halani*, как было справедливо отмечено (Безуглов С. И. 1990, с. 81), не является этнонимом в современном понимании термина, соответствующее сообщение имеет некоторое своеобразие. Следует отметить, что указание Аммиана Марцеллина на распространение названия аланов на другие народы (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 13-13), по составу самих народов, говорит о книжном характере сведений, не имеющих прямого отношения к той исторической действительности. Но повод к такому заключению мог лежать в некоторых реальных обстоятельствах

(Воронятов С.В. 2008, с. 107-108; 2008а, с. 59; 2012а, с. 77-80; 2012б, с. 745-746; Воронятов С.В., Еременко В.Е. 2013, с. 51-63; Раев Б.А. 2008в, с. 57; Медведев А.П. 2010, с. 142-143).

Тот же Птолемей (Ptol. VI, 14, 9), которому особое внимание уделял и Арриан (Щеглов Д.А. 2006, с. 309-310), определяет алан-скифов как «... *так называемые* аланы-скифы...» (οι κοινως καλουμενοι Αλανοι Σκυθαι). Утверждается, что аланы представляли собой «**бывших** массагетов» (... Halanos..., veteres Massagetas), «... которых аланами **теперь** называем» (... quos Halanos nunc appellamus), т. е. речь идет о какой-то немотивированной, но осознаваемой источником смене названия. Единственный подобный случай в ареале ираноязычных кочевников Евразии можно усмотреть в сообщении Иеронима о том, что бывшие владыки сарматов-лимигентов «**теперь** именуется арга-рагантами» (... nunc Argaragantes vocantur) (Hieron. Chron. a 2350). Сложно признать за таким переименованием смену этнического определения. Учитывая же, что в названии Ardaragantes выявляется именно социальный термин, то аналогичную ситуацию можно предполагать и для появления термина alan.

Последующее объяснение Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 13), что «аланы... от гор название получили» (Halani... ex montium appellatione cognominati...), соотносится с известными сведениями Птолемея, Маркиана Гераклейского, Евстафия Солунского об Аланских горах (Ptol. III, 5, 15; VI, 14, 3, 11; Marc. II, 39; Eust. ad Dion. Per. 305), что, кстати, с одной стороны, выводит собственно массагетов из списка прямых предков аланов, а, с другой стороны, раскрывает фиктивность источника наименования. Поэтому известные попытки этимологизировать alan через обозначение гор (Vivien de Saint-Martin. 1850, p. 109-110 и

др.) напрасны. Аммиан Марцеллин знает и донскую группировку аланов, которая «...обычно прозывается танаитами...» (...Halanorum... Tanaitas consuetudo cognominavit...) (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 1), что указывает на второстепенность географических привязок. Но эти объяснения вновь удерживают нас на мысли, что термин *alan* является новым обозначением для некоего прежнего населения. Учитывая же выше приведенные наблюдения о взаимосвязанных дрениранских и осетинских представлениях о священных горах, мы можем полагать, что и термин *alan* органично включал в свое восприятие не только социальное значение, но и некие важные религиозно-идеологические представления.

У нас есть некоторые возможности постараться определиться и с причиной отнесения армянскими и грузинскими источниками представителей аршакидской знати и их правителей в Армении к аланам. Попытка объяснить факт родства правящих династий кушан, Аршакидов и массагетов через отождествление массагетов и юэчжей, управляемых, якобы, парфянами (Losinsky V.Ph. 1984, p. 124-127), представляется бездоказательной как лингвистически, так и исторически. Указание на арабскую форму «Ашкан» (Гаглойти Ю.С. 2007, с. 125-126), в основе которой лежит среднеперсидская форма «Ашаган (Ашган)» — «Потомок Аршака» (Андроникашвили М. 1966, с. 145-148), с попыткой вывести ее к этническому определителю *As*, как делал Б. Лозински, также не имеет доказательной силы (кстати, данная цепочка сопоставлений давно была приведена, например, В. Сент-Мартеном: Vivien de Saint-Martin. 1847, p. 143). Видимо, ответ может быть найден в том случае, если мы отойдем от уже привычного для исследователей возведения имени основателя династии Аршака, происходившего из дахов-парнов, о которых говорилось выше, к осет.

ars — «медведь» (Гаглойти Ю.С. 2007, с. 119; Гутнов Ф.Х. 2007, с. 79) и учетом его возведение к Ar-Sakas (Narain A.K. 1998, p. 42). Интересна и этимология, возводящая название к авест. arša — «мужчина», «самец» (Камболов Т.Т. 2006, с. 61, 103).

Многие исследователи полагают, что первыми зафиксированными письменными источниками носителями термина alan были роксоланы, т. е. «светлые аланы» (иран. *rauxšna- — «свет», «светить», осет. ruxs/roxs — «свет», «светлый»). Не исключают, что определение этих аланов как «светлых» связано с аспектами культа или сверхъестественного (Лысенко Н.Н. 2002, с. 433; Алемань А. 2003, с. 37). Интересно, что в традиционном осетинском пантеоне одни из наиболее значимых божеств носят, например, названия Wastyrdžy (Wasgergi), Wacilla, Was Totur, Was Nikolla. Представленное в их первой части Was включается как определение и для уже содержащих его названий — wasæ Wasgergi. Осетинское was/wasæ (was), по мнению специалистов, в данном случае имеет значение «весть», а также второе значение — «божество», «божественный», «святой». Оно восходит к *vāč > и.-е. база *wek- — «говорить».

Второе (религиозное, культовое) значение was широко представлено в языках иранской группы и в связанных с ней топонимии, антропонимии и теонимии. Представления о слове как о магической, «божественной» силе восходят к глубокой древности. Например, в Ригведе богиня Vāč предстает как основа всего сущего, вселенной, заполняет собой воды, миры, небо, землю и даже то, что находится по ту сторону неба и земли, она действует на всех трех функциональных уровнях человеческого общества. На почве именно таких воззрений у предков осетин was стало универсальным культовым термином. Некогда оно

могло употребляться непосредственно в значении «божество» (Nyberg H. S. 1938, s. 9; Дюмезиль Ж. 1977, с. 144-148; 1986, с. 21-27; Абаев В.И. 1990, с. 96, 111; 1996б, с. 26-28; Gershevich I. 1955, p. 478-479; Бенвенист Э. 1965, с. 142-147 и др.).

Кроме того, например, те же *Was Nikolla* и *Wasgergi* выступают в ореоле *wasæ roxs*, где вторая часть и означает известное нам «свет». Она могла и самостоятельно непосредственно служить определением для названия осетинских божеств, например, *roxs Alawrdi*, *roxs Tætærtup*, *roxs Nigkola*. Было справедливо отмечено, что *ruxs* употребляется в смысле «святой, счастливый». Осетинская молитва, обращенная к *Wastyrdžy*, называется *Ruxsy Wastyrdžy*. Таким образом, отмеченная семантика для *ruxs* только дополняется значением *wasæ*. Понятием *ruxs* (*roxs*) определяется состояние мира предков и божеств. Это свободное сочетание *wasæ roxs* представлено также, например, как имя дочери солнца Нартовского эпоса осетин *Асурухс* (*Wasурухс, Wasіroхс*) — «Божественный свет», чей образ типологически сближается с образом дочери солнца *Тапати Махабхараты* и скифской богини очага *Табити* (Абаев В. И. 1996б, с. 32; 1990, с. 111; Дюмезиль Ж. 1977, с. 146; 1990, с. 98-116).

Учитывая приведенные материалы, нельзя исключать, что название исторических роксолан («светлые (блестящие) аланы»), действительно, связано с аспектами культа или сверхъестественного. С другой стороны, их определение напоминает об аланорсах — «белых аланах», где название «белые» может соотноситься с хорошо известным специалистам определением сословной привилегированности.

Страбон (Strabo. VII. III. 17) сообщал о помощи крымским скифам в борьбе с Диофантом со стороны роксолан

(Ρωξολανοι) во главе с Тасием в конце II в. до н. э. В декрете в честь Диофанта (IOSPE². № 352) они названы ревксиналами (Ρευξιναλοι). Несомненно, речь идет об одном и том же племени (Мачинский Д. А. 1974, с. 125-127), хотя, например, Птолемей (Ptol. III. 5, 24) отмечает под этими названиями два разных племени (Ρωξολανοι, Ρακαλάνοι). Если название роксолан достаточно четко этимологизируется с иранского как «светлые аланы», то название ревксинал не может быть ему тождественным (Камболов Т. Т. 2006, с. 68) и должно переводиться как «светлые мужи» (иран. *nar — «самец», «мужчина» и осет. næl — «самец», «мужчина») (Туаллагов А. А. 2002а, с. 235; Габуев З. К. 2002, с. 86). Аналогичное происхождение имеют, например, названия дахов (древнеиран. daḥa — «самец», «мужчина»). В источниках встречаются и другие формы написания названия: Ραξανάλους, Ραξνάλους, Ραξινάλνους (Алемань А. 2003, с. 156).

Теоретически речь могла бы идти о существовании соподчиненного союза, состоявшего из правящих «светлых алан (благородных)» и зависимых от них «светлых мужей». Однако в таком случае вряд ли последние были бы отмечены таким определением как «светлые». Скорее, во второй части названий мы в данном случае имеем синонимичные понятия, т. е. «аланы-арии» составляли именно мужское сообщество (заметим, что в древней антропонимике имена, содержащие ārya, являются исключительно мужскими), прежде всего, связанное с военным делом. Следует отметить, что понятия nar, næl все же имеют основное значение «самец», что может соотноситься с представлениями о мужских союзах привилегированных воинов, ассоциировавшихся со зверями, в терминах названий которых звучит половозрастная отличительность и определенная эротичность (Гутнов Ф. Х. 2001, с. 167-175).

В осетинском эпосе главные герои, к которым, как мы знаем, прилагается и определение *allon*, зовутся нартами, что означает «герои», и, как и осет. *næl*, возводится к соответствующей основе (Bailey H.W. 2003, p. 8; Гершевич И. 1990, с. 21; Дзиццойты Ю.А. 1992, с. 27-29; 2008, с. 64-90; Камболов Т.Т. 2006, с. 285). Этим героям принадлежит волшебная чаша *Amongæ* — «Указывающая», «Выявляющая», в название которой нередко вводится первая уточняющая часть: *Ærdamongæ* — «Выявляющая клятву», *Wasamongæ*, *Acamongæ*, *Waciamongæ* — «Волшебная (божественная) указательница». Единственным названием, направленным на собственно героев эпоса, является *Nartamongæ* — «Выявляющая (указывающая на) нарта». На таком фоне важным, на наш взгляд, является редкое название такой чаши *Ironamongæ* — «Выявляющая (указывающая на) ирона» (Bailey H.W. 2003, p. 24). Данное замещение *Nart* на *Iron* напоминает о соответствующих замещениях в названиях *Ρωξολανοι* и *Ρευξι ναλοι*.

Собственно, гипотеза об изначальном социальном характере термина *alan* не нова. Среди отечественных специалистов она впервые была озвучена в небольшой статье А.О. Наглера и Л.А. Чипировой, которая стала своеобразной «отправной точкой» для других исследователей (Наглер А.О., Чипирова Л.А. 1985, с. 87-91). Однако, как представляется, статья носит не только слишком тезисный характер, но и содержит некоторые спорные положения, которые, в принципе, нисколько не подвигают нас к принятию соответствующего вывода. Причем, практически полностью отсутствует конкретный анализ самих источников, непосредственно касающихся проблемы аланов. Основываясь на весьма общих и спорных положениях о невозможности развития общества по пути классовообразования при его земледельческом характере, о прогрессив-

ном развитии общества только при взаимодействии двух хозяйственных начал (земледелие и скотоводство), завершающемся их синтезом, авторы пытаются в общих чертах проиллюстрировать выдвинутые положения на материале Азово-Каспийского междуморья.

В данной контактной зоне кочевого и оседлого миров, где проходили торговые пути, «Степь», якобы, определяла экономическое и социальное становление оседлого мира, постоянно двигавшиеся, но в то же время оседавшие кочевники расставляли свои акценты в процессе его эволюции. Но наше обращение к проблеме развития торговых связей Северного Кавказа и Причерноморья указывает, что данные заключения настолько же далеки от реальной картины, насколько и не связаны с аланами. Утверждение же, что интенсивное развитие товарно-денежных отношений ускоряло социализацию общества у варваров вновь остается вне собственно «аланского контекста». Судя по некоторым другим публикациям (Чипирова Л.А., Халимбекова Ф.М. 1994, с. 98-100), данная часть статьи была отдельно написана Л.А. Чипировой.

Если же мы обратимся, например, к «княжеским» погребениям аланов на Нижнем Дону, то не останется сомнений, что их хозяева, пришедшие из Азии, появились в Европе со своей уже сложившейся культурой и собственными социальными приоритетами, которые никак изначально не определялись местными условиями. Материалы тех же погребений противоречат и приведенным ранее данным, что в определенных ситуациях в кочевом обществе возникает военная организация, складывающаяся из менее обеспеченной молодежи. Нижнедонские памятники явно принадлежали, мягко говоря, не самым материально обеспеченным людям.

Спорным выглядит и обращение к проблеме создания

орды с ее народом-войском, которая «паразитирует» на земледельческой системе. Причем, это «паразитирование» объявляется кульминацией взаимодействия двух хозяйственных типов — земледельческого и скотоводческого. Непонятным тогда становится содержащийся в той же статье тезис о прогрессивном развитии общества при таком синтезе. Без ответа остается и вопрос об отношении такого положения непосредственно к истории аланов. Кроме того, если орда рассматривается как коллективный эксплуататор земледельцев, то какие у нас есть основания для определения алан как социальной группы внутри орды? Вопрос же об аланах в Азии вообще выпадает из рассмотрения.

Пожалуй, единственным важным моментом в данной статье является цитата из работы С.П. Толстого, фиксирующая известную и научно обоснованную эволюцию термина «тюрк» из социального к этническому (как мы уже отмечали, достаточно хорошо известное науке положение, но упускаемое некоторыми современными авторами: Галкина Е.С. 2005, с. 11). По-существу, для исследователей она и является единственным аргументом по аналогии. Поэтому аланы объявляются той частью сарматского общества, «...хозяйственной деятельностью которой становится война, а в развитии — социальный слой сарматского общества, из которого формировалась военная знать. Социальный термин закрепился как этноним за различными народами, населявшими Сарматия». Однако те же археологические материалы говорят о том, что верхушку аланского общества составляли не просто представители воинской элиты, но элиты, обладавшей определенной сакральной властью. Авторы не используют собственно аланские материалы для доказательства изначального формирования аланов как молодежной военной группы, из среды которой затем сформируется воинская элита. Наши же наблюдения, как представляется,

свидетельствуют более в пользу изначальной связи аланов с социальной элитой и верховной властью.

Непонятым остается ограничение территории функционирования термина *alan* Сарматией, поскольку повторим, что он известен и за ее пределами в азиатском регионе. Авторы статьи аргументируют ошибочность его восприятия как этнического тем, что нет четкой грани между сарматами и аланами, наблюдаемой у древних авторов и современных исследователей, а греко-римский мир не отмечает к I в. н. э. каких-либо серьезных изменений этнического плана. Таким образом, авторы остаются на позициях «атохтонистской» версии происхождения аланов, в которую вносят социальный аспект. Однако сегодня уже нельзя рассматривать аланов как продукт некоего «вызревания» в сарматской среде, отличие аланов от сарматов и появление первых в Европе как представителей иной по отношению к сарматам части ираноязычного мира не вызывают сомнений.

Для поддержания гипотезы о социальном характере термина *alan* авторы привлекают осетинское *allon-ballon*, которое определяется как лексема, происходящая из дигорского диалекта осетинского языка. Ее вторая часть подробно иллюстрируется такими лексемами как *bal* — «группа, партия, отряд» (в данном случае более правильно значение «военная партия» — А. Т.), *balxon* — «вожак такой партии» (правильно *balxon* — «созывающий *bal*», *bælcxon* — «путник» — А. Т.), *ambal* — «товарищ по походу» (правильно *æmbal* — А. Т.), *balc* — «отлучка из дому» (в эпосе — «военная экспедиция» — А. Т.). Со ссылкой на В.И. Абаева эти лексемы возводятся к древнеиндийскому *-bar* — «ездить верхом» (неверно, т. к. В.И. Абаев возводил к древнеиранской основе **bār-* — А. Т.), что придает исходному выражению значение «конная военная партия».

Следует полагать, что столь подробное перечисление должно указать на связь термина *alan* с определенной группой воинов-всадников. Такое допущение было бы логично. Но источник информации, в котором бы фиксировалась данная форма, авторами указан не был. Вместе с тем, общей и для дигорского, и для иронского диалектов осетинского языка является форма *allon-billon*, где вторая часть *-billon* рассматривается как искусственный ассонирующий вариант к первой части *-allon* (Абаев В. И. 1996, с. 47). Именно данная форма и фигурировала во всех известных к тому времени научных публикациях. Интересно, что полностью аналогичный указанным авторам подход в объяснении термина позднее продемонстрировал и А. В. Исаенко, также ссылающийся на дигорскую форму, но давая ее со второй попытки уже как *allon-billon* (Исаенко А. В. 1993, с. 177; Дзабаева И. Х., Исаенко А. В. 1996, с. 76), что может свидетельствовать о механическом соединении в статье Л. А. Чипировой и А. О. Наглера двух самостоятельных блоков, написанных отдельно этими авторами.

В конечном итоге, приходится констатировать, что социальная интерпретация термина *alan* в данной статье не получила надлежащего обоснования. Но она была благосклонно воспринята некоторыми другими исследователями. Так, О. И. Сатеев солидаризировался с авторами статьи, во многом избрав столь же общий, как и у них, а не конкретный образ рассуждений, полагая, что термин *alan* является отражением социального, социодружинного статуса, когда с развитием хозяйственной специализации интенсифицируется и социальная организация, при которой преимущество получают молодежные группы-партии (Сатеев О. И. 1989, с. 92).

Продолжением «хозяйственного направления» в определении социальной характеристики термина *alan* стало

заклучение А. В. Найденко о том, что данный термин мог означать не только этническую, но и социальную группу внутри сарматского общества. При этом автор полагает наличие в стране Яньцай-Аланья, располагавшейся на Шелковом пути, особой этносоциальной группы выходцев из сарматского племенного массива, которая владела доходами от транзитной торговли шелком и другими товарами. Они, якобы, и были ранними аланами, представителями особого социального слоя, имя которого происходило от этно- и топонима «Яньцай-Аланья» (Найденко А. В. 1999, с. 37).

Как видим, заряд общих по характеру рассуждений, заложенный в статье А. О. Наглера и Л. А. Чипировой, здесь окончательно «сдетонировал» от общих рассуждений о Яньцай-Аланья, факт существования которого был ими вообще упущен. Возможно, именно очевидная слабость доказательной стороны гипотезы о социальном характере термина *alan* при суммировании исследовательских выводов по вопросам о формировании мужских воинских союзов, дружины, эволюции статуса ее лидера, с привлечением некоторых сведений по истории Усунь и Кангюй, позволило другим исследователям ограничиться признанием аланов представителями полиэтнического союза, в жизни которого война и организация для войны занимали исключительное место (Гутнов Ф. Х. 2001, с. 152-218; 2007, с. 66).

Возвращаясь к работе Л. А. Чипировой и А. О. Наглера, следует отметить, что мы, видимо, все же можем поддерживать заданное ими направление на основании конкретных материалов. Поскольку единственным «работающим» аргументом в их гипотезе является осетинский фольклорно-этнографический материал, то именно к нему, но более подробно, следует теперь обратиться. Но прежде следует оговориться. В последнее время были высказаны, напри-

мер, возражения против экстраполирования в скифские древности данных осетинских эпоса и этнографии (Тохтаев С. Р. 2008, с. 203). Данное замечание могло бы быть автоматически распространено и на алано-осетинские параллели. Однако столь категоричное заявление противопоставляется огромному фонду научно обоснованных сопоставлений, накопленному более, чем за столетие исследовательских работ. Поэтому указанная категоричность, обличенная в столь краткую форму, не способна опровергнуть то исследовательское направление, против которого она направлена.

Составные элементы термина *allon-billon*, используемого и в дигорском, и в иронском диалектах осетинского языка, имеют и раздельное употребление в одном тексте, что свидетельствует об изначальной самодостаточности первого элемента. В дигорских фольклорных материалах фиксируется и форма *allon-bellon*, с последующим раздельным употреблением *allon* и *bellon* (Дзагуров Г. А. 1926-1937, л. 37, 38; 1942, с. 32; НК. 2004, с. 546).

Кроме того, определение *allon-billon* встречается не только в сугубо фольклорных (сказочных, эпических) текстах, но прилагался, например, и к живым родственникам умершего в осетинском (дигорском) обряде посвящения коня (ПНТО. 1992, с. 172, 173, 331), что не заметили исследователи. В данном случае показателен не только выход термина за рамки сугубо фольклорной традиции, но и его самостоятельное приложение к осетинам-дигорцам, для самоназвания которых, в отличие от осетин-иронцев, нет никаких оснований искать исторических связей с названием аланов.

Интересно отметить, что по представлениям осетин-дигорцев, их эпические предки нарты происходили от *altantæ* («алтаны»), пришедших в места нынешнего про-

живания народа из района Бештау и земель к северу от него (Собиев И. 1893-1899, л. 212-213; Туаллагов А. А. 2001, с. 224; Албегова З. Х. 2012, с. 199-214). Возможно, данные представления в историческом плане связаны с историей средневековых аланов Северного Кавказа. Согласно одной из легенд о происхождении самих осетин-дигорцев, их предок Дигорук в незапамятные времена жил в далекой стране, где были широкие степи, спокойные реки и озера. Но на него напал злой враг, с которым Дигорук воевал с переменным успехом долгие годы, пролив много своей и вражеской крови. В конечном итоге, Дигорук истощил свои мощные силы и, не выдержав жестокой борьбы, вынужден был покинуть родину и после многолетнего перехода прибыл в нынешнюю Дигорию (ППКО. 2005, с. 197-198). Данное фольклорное повествование могло бы своеобразно отражать реальные события, например, из тохаро-юэчжийской истории.

В осетинской этнографии зафиксирован весенний ритуал, в ходе которого мужчины укладывали на землю кинжал и возле его острия втыкали саблю. Происхождение данного обряда приписывалось эпическим предкам нартам (Гарданты М. Q. 1901-1903, л. 98-100; 1893-1924, л. 85). Вполне обоснованным представляется вывод, что этот ритуал восходит к древнему «скифо-аланскому культу» поклонения Аресу-мечу (Чочиев А. Р. 1985, с. 208-209; Сокаева Д. В. 2004, с. 127-132). В клятвенных словах, которые произносили осетинские мужчины, сталь (*ændon*), т. е. выставленное оружие, получала такие характеристики как *allon*, *ballon* и *billon*. Само осетинское *ballon*, возможно, сопоставимо с отмечавшимися древними источниками *balloniti*, *bellonotus* (Val. Flac. Argon. VI, 160, Sidon. V, 470-479, VII, 316-328). Но мы далеки от мысли, что осет. *-billon* могло бы являться племенным названием (Абаев В. И. 1927, с. 107).

После обрядового трехразового перепрыгивания через оружие, осетин поднимал его с земли и, производя им фехтовальные движения вперед, направо, налево, произносил:

«Асс-Алл-Нарт нæ тæрсуй, нæ бæлсуй, нæ уодæнсуй, хатир нæ зонуй» («Асс-Алл-Нарт не знает страха, пощады и не может простить обиды» (Гарданти М. К. 19596) — «Асс-Алл-Нарт не боится, не сдерживается, не смиряется, пощады не знает».

Таким образом, в ходе проведения ритуала происходила самоидентификация осетина со своими историческими предками ассами и аланами, с одной стороны, и с эпическими предками нартами, с другой стороны. Кроме того, обозначение «Асс-Алл-Нарт» напоминает о выше приведенном сопоставлении названий роксалан и ревксинал.

Определение *ballon* среди животных осетинами прилагается исключительно к волку — *ballon biræġ/beræġ*. Кроме того, эпические материалы дают синонимичную форму *wællon biræġ* и *wallon beræġ* (Н. 1990, с. 146; Дзагуров Г. А. 1921-1926, л. 5; 1921-1926а, л. 201, 254; НК. 2004, с. 603, 846), которая прямо связывает понятия *ballon* и *allon*, прилагаясь, в том числе, к образам самих эпических героев. Образ *ballon beræġ* непосредственно используется в исторических песнях для определения бросающихся в битву осетин (Хамицаева Т. А. 1973, с. 90).

В одном из рукописных дигорских текстов *Daredzantæ* («Сказания о Даредзанах») рядом с формой *wallon-billon* стоят связанные с ней отдельные формы *wallon* и *ballon* (Дзагуров Г. А. 1905-1910, л. 109). Кроме того, нам удалось выявить в архивных рукописных фондах непосредственно и дигорскую форму *allon-ballon* в приложении к эпическим нартам и другим фольклорным героям. Причем, в одном тексте форма *allon-ballon* (представлена и форма *allon-*

mallon, видимо, отражая перебой b/m; сравни мегр. alani-malani) дублирует общеосетинскую форму allon-billon, а обе эти формы сопровождаются отдельными определениями allon и ballon (bællon) (Дзагуров Г. А. 1924-1930, л. 9; 1942, л. 83, 84; 1942а, л. 119; Алборов Б. А. 1958, л. 29; Гарданов М. Q. 1959, л. 48; 1959а, л. 153). Наконец, о реальном существовании в прошлом в обыденной речи осетин-дигорцев формы allon-ballon мне любезно в устной форме сообщили зав. отделом истории СОИГСИ С. А. Айларова и зав. отделом фольклора и литературы СОИГСИ Т. А. Хамцаева. Таким образом, данный термин вновь выходит за рамки сугубо фольклорной традиции и этнического определения.

Определением же ballon biræǵ/beræǵ осетины пользовались для обозначения волка из стаи, который считался матерым и наиболее свирепым и опасным. Связывать определение волка wallon с ballon (Дзагуров Г. А. 1921-1926а, л. 201, 254) нет никаких оснований. На поверхности лежит его связь с allon (возможно, именно общеосетинская форма billon, уже в качестве вторичной, восходит к ballon). Кроме того, в иронских вариантах Daredzantæ представлено и определение народа, из которого происходит герой, как wallontæ («уаллоны»), что смутило издателей, посчитавших его искажением allontæ (ПНТО. 1941, с. 278). Но форма wællon/wallon, возможно, связана с wæl-, первой частью сложных слов со значением «над», «наверху». Она представлена в определении живущих на земле людей waliontæ («верхние») (Гарданти М. Q. 1893-1924, л. 58, 59, 61, 83, 86), которое основано на противопоставлении их умершим, обитающим после смерти в подземном мире. Видимо, именно контаминацией с данным определением и связано создание форм wallontæ, wallon, wællon. Причем, данной контаминации не помешало и наличие со-

звучного слова *wallon* (мн. ч. *wallaettæ*, *wallaentæ*) — «дождевой червь».

Вероятно, следует учитывать и тот факт, что волк-пес выступал покровителем мужских союзов еще у индоиранцев. Аналогичное состояние могло быть присуще скифскому, видимо, сарматскому и аланскому обществам (Иванчик А. И. 1988, с. 38-47; 1993, с. 41-52; Гуцалов С. Ю. 2005, с. 437-446; Дзаттиаты Р. Г. 1995, с. 101-106). У осетин военные походы часто приурочивались ко времени празднования в честь покровителя волков *Tutyra*, на котором происходили военные игры и инициация юношей, подразумевавшая унос волком *udxæssæg* (*udisæg*, *wodesæg*) старой души (этот же волк изымал и душу умершего человека). В качестве же божества иницируемых мальчиков выступал *Wastyrdžy/Waskergi*, предстающий в сопровождении пса, от которого произошли все земные собаки. Именно *Wastyrdžy/Waskergi* является тем персонажем собственно осетинского пантеона, который унаследовал черты грозного бога войны, которому поклонялись и аланы в образе меча (Абаев В. И. 1990, с. 109; Калоев Б. А. 1999, с. 30, 345; Дзаттиаты Р. Г. 1987, с. 44-48; Иванчик А. И. 1988, с. 42; 1993, с. 44; Кочиев К. К. 1998, с. 119-121; Littleton C. S., Malcor L. A. 2000, p. 92; Салагаева З. М. 2000, с. 180-181; Дзиццойты Ю. А. 2003, с. 83).

В Нартовском эпосе осетин патриархом рода *Æxsærtæggatæ*, олицетворявшего сословие воинов, был *Warxæg* («Волк»). По мнению исследователей, в образах *Warxæg'a* и *Wastyrdžy/Wasgergi* отражена идея происхождения народа и воинского союза от волка. Интересно, что в эпосе *Tutyra/Totur* находится в какой-то внутренней близости именно с нартом *Batraz'om* из рода *Æxsærtæggatæ*, являющимся фольклорным преемником грозного бога войны (Дюмезиль Ж. 1977, с. 143; Иванов Вяч. Вс. 1980, с. 57-64; Кочиев К. К. 1987, с. 58).

В Нартовском эпосе осетин определение *allon* прилагается жителями дальних стран к нартам, которые появляются у них. Подобные дальние походы совершают, как правило, представители нартовского рода *Æxsærtæggatæ*, правившего в обществе. Кроме того, хотя определение «нартовский» прилагается ко всему обществу, но единственно истинными нартами считаются представители именно этого рода. Данное положение подчеркивается еще и тем, что единственным иным вариантом названия самого рода является *Æxsnærtæggatæ*. Точно так единственным изменением в именах братьев-близнецов *Æxsar'a* и *Æxsærtæg'a*, сыновей *Warxæg'a*, открывающих историю этого рода, являются формы *Æxsnar/Æxsnart* и *Æxsnærtæg*.

Таким образом, в название данного рода непосредственно вводится понятие *nart*, которое, как отмечалось выше, может представлять собой определение мужских союзов привилегированных воинов. Заметим, что в «Авесте» термин *nar-* прилагается к сословию воинов, означая в данном случае «воин», «рыцарь» (Bartholomae Chr. 1904, col. 1048). Собственно, и само название рода *Æxsærtæggatæ*, олицетворяющее воинское сословие общества, имеет аналогичное значение, возводимое к древнеиран. *xsaθra* — «военная сила» (санскрит. *kṣatriya*) (Миллер В.Ф. 1992, с. 640; Абаев В.И. 1996б, с. 225-226, 229-230; Дюмезиль Ж. 1977, с. 168; 1986, с. 34; Bailey H.W. 2003, p. 8; Littleton C.S., Malcor L.A. 2000, p. 230). Примечательно, что письменные источники сохранили для нас название царского рода у средневековых алан Северного Кавказа — Ахсарпакайан (Андроникашвили М. 1966, с. 142). Кроме того, совмещение в осетинских эпических материалах определений рода (сословия) и всего общества напоминает индийское определение некоторых племен, в том числе и скифов, как кшатриев (Темкин Э.Н., Эрман В.Г. 1985, с. 177).

Особое внимание привлекает одно из нартовских сказаний, в котором один и тот же сюжет разворачивается на фоне рассказа о том, как нарты отправились в военный набег (*balc*) за добычей или на охоту (*sawæn*). Такое объединение понятий «охота» и «военный набег» напоминает о том, что во многих кочевых обществах сама охота была часто неразрывно связана с военной подготовкой, особенно вливавшейся в ряды воинов молодежи. Примечательно, что тот же Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 21*), описывая дальние передвижения аланов, также указывал рядом две цели таких передвижений — разбой и охота (*latrocinando et venando*). В нартовском сказании упоминается о том, что отправившаяся группа состояла из нартовской молодежи (*narty fæsiwad*) (НК. 2007, с. 103).

Аммиан Марцеллин также указывает, что юноши аланов, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, вследствие многообразных упражнений становятся великолепными воинами и считают позором для мужчины ходить пешком (*Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 20*). Данное описание, как отмечали исследователи, словно, наглядно иллюстрируется нартовским сказанием, в котором участники набега или охоты, составляющие конную партию, постоянно насмеваются над *Syrdon'om* (*Sirdon*). Тот изначально отказывался идти с нартами, т. к. не имел коня, но, поддавшись на уговоры, отправился пешком, постоянно подвергаясь насмешкам за это со стороны других участников событий. Вся эта отдельная конная группа воинов, вместе с тем, обозначается как «нартовский **народ**» (*næرتون adæm*) (НК. 2007, с. 26, 98, 99, 112).

Во главе похода или набега всегда стоят представители *Æhsærtæggatæ*, которые в одном из сказаний обозначаются как «бродячий (кочевой) **народ**» (*xætæg adæm*) (НК. 2007, с. 418). Другим их определением служит *narty stærtæ*

(от осет. *stær* — «военный поход», «набег», «грабеж») (НК. 2007, с. 213). Их выдающиеся воинские, мужские качества подчеркиваются и такими определениями как «лучшие (хорошие, здоровые) нарты» (*narti dzæbæxtæ*) (НК. 2007, с. 63), «нартовские силачи» (*narty bogaltæ*) (НК. 2007, с. 75), «нартов именитые (прославленные, знатные) мужчины» (*narti nomdzud lægtæ*) (НК. 2007, с. 66, 67), «нартов самые лучшие из мужчин, самые знаменитые (прославленные, передовые) из мужчин» (*nartæ læg-xwyzdær, læg-razaġddæræj*) (НК. 2007, с. 125).

Они являются «старшими нартов» (*narty xistærtæ*) (НК. 2007, с. 112). Причем, их «старшинство» связано именно с их выше приведенными качествами — «нартов старшие, самые лучшие из мужчин» (*narti xestærtæ, sæ lægtæ-lægtæ*) (НК. 2007, с. 115). Эти «старшие нартов» получают еще одну весьма примечательную характеристику — «нартов старшие-выпуклоголовые» (*narty xistærtæ-gwuppyrsærtæ*) (НК. 2007, с. 258). Определение *gwuppyrsærtæ/guppursærtæ*, т. е. «выпуклоголовые», имеет также значение «знатный», «вожак», как и *gurrugin* — «знать». Последнее значение «нартов знать» (*narti guppurgintæ*) также фиксируется в привлекаемом сказании (НК. 2007, с. 69, 122). Именно *gwuppyrsærtæ/guppursærtæ, guppurgintæ* совершали самые дальние и продолжительные походы.

Определение этих героев прямо напоминает о выводе исследователей, что поздние сарматы диагностируются как чрезвычайно агрессивная группа с профессиональной воинской направленностью, преобладающими характеристиками которой являлись антропологическая однородность и обычай искусственной деформации черепа, несущий сословно-знаковую функцию. Вожаки нартов в походе, наконец, прямо получают свое обозначение через сословный осетинский термин *ældar* (*ældartæ*)

(НК. 2007, с. 52, 56, 86, 89, 93), исторически связанный с воинским делом. Его синонимом в сказании предстает и определение «благородный **народ**» (wezdon **adæm**) (НК. 2007, с. 53).

Следует, видимо, отметить, что некоторые созвучные приводимым нами наблюдения уже были представлены. Я.С. Смирнова отмечала, что эпические нарты не всегда выступают как народ, племя, род или фамилия, а термин «нарт» означает не представителей какой-либо этнической или фамильно-родовой группы, а воинов, героев, решительно отличающихся от мирных пастухов. Нарты в своем первоначальном значении не весь народ, а лишь его часть, опозитизированные воины, дружинники, добытчики эпохи военной демократии, что подтверждается тем, что наряду с походами и пирами одно из их основных занятий — охота, которая является «богатырской потехой» тех же воинов-добытчиков, удалым времяпрепровождением, подобным охотничьим забавам позднейших феодалов. Нарты — не класс и не сословие, но уже и не весь народ. Они, отчасти отделившиеся и все более обособляющиеся от простого народа, при распаде родового строя образуют аристократию (Смирнова Я.С. 1959, с. 65-66).

Как представляется, данные наблюдения могут быть скорректированы в свете приведенных нами наблюдений. Кроме того, хотелось бы отметить еще одну проблему. Трудami многих исследователей было установлено, что в сюжетах легенды о происхождении скифов представлена характерная для архаических обществ тенденция воспроизведения мифологической модели мира в структуре социально-политических институтов. Практически не вызывает сомнений конституирование в культовой организации и ритуальных обрядах индоевропейской общины, и в частности, скифской, трехчленной сословно-кастовой

системы. Исследователи также отмечали, что именно данная система отражена в осетинских эпических материалах о трех нартовских родах. Позволим себе предположить, что сохранению в эпическом наследии осетин такого положения способствовала уже более поздняя, чем скифская история — история аланов.

Если мы вновь обратимся к сведениям Аммиана Марцеллина, то узнаем, что все аланы были благородного происхождения (*omnes generoso semine procreati*), а в судьи (*judices*) выбирали тех, кто в военном деле «долгое время» был испытан (*Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 25*). Согласно же эпическим осетинским материалам, представители *Æxsnærtæggatæ* стояли и во главе общего мужского собрания нартов (*nyxas/nixas, nixæs*), на котором решались, как вопросы жизнедеятельности общества в целом, так и дела отдельных его представителей. Аналогичные собрания мужчин непосредственно действовали в традиционном осетинском обществе.

По исключительно важным случаям, связанным с применением силы (организация военного похода, изгнание из общества тех, кто творил насилие или не вышел по тревоге), на таких советах голосовали поднятием *lægwun lædzæg* («лысая палка (посох)»). Сама палка, как справедливо полагают исследователи, служила символом оружия (меч, сабля) (Чочиев А.Р. 1996, с. 125; Хадикова А.Х. 2003, с. 93-94, 139). Кроме того, в Дигории по поручению владельца *qumajag* прикосновением палки к какому-либо предмету накладывал запрет на пользование им его хозяином. Такой запрет мог накладываться и на поле, в знак чего *qumajag* втыкал на нем высокий шест. Причем, снять такой запрет мог только тот же *qumajag*, но не владелец, от имени которого тот действовал (Кокиев Г. 1940, с. 26).

С *lægwun lædzæg* был связан и один судебный обряд

испытания. У южных осетин истец брал палку, очищал ее от коры и передавал ее своему противнику. Тот должен был внести ее в святилище и воткнуть там в землю, чтобы оказаться оправданным по суду (Ковалевский М.М. 1886, с. 281). У северных осетин также зафиксирован подобный обряд клятвы, но, видимо, происходивший вне святилища (Шанаев Дж.Т. 1992, с. 128-129; ИБОФ. 2005, с. 32). Возможно, истоком такой клятвы являются клятвы предков осетин оружием, а втыкание *lægwyn lædzæg* в святилище, напоминает о некоторых известных действиях скифов и алан.

Кроме того, по воззрениям осетин-дигорцев, представители нартовского рода *Æxsærtæggatæ* (*Woruzmæg*, *Xæmic*, *Soslan*, *Batraz*) в образе *narti kæntæ* («нартовские канты») осуществляют суд над душами умерших людей. Они располагаются рядом с правителем Царства мертвых или Рая *Barastur'*ом, который исполняет их решение (Гарданти М. Q. 1893-1924, л. 78). Клятва именем *narti kæntæ* являлась самой нерушимой клятвой в устах женщин (Гарданти М. Q. 1959, л. 67). Данная клятва является клятвой покойниками. *Kæntæ* связано с иран. **kan* — «копать», т. е. *kæntæ* — это «закопанные», «покойники». Действительно, «отправиться на тот свет» означало «отправиться к нартам», которые рассматривались осетинами как их непосредственные предки. В с. Дунта в конце июля на кладбище устраивали специальный поминальный праздник — *Narti kænti xist* (Дзиццойты Ю. А. 1992, с. 165; Хамицаева Т. А. 1988, с. 195).

Указанный образ «знатных» нартов может быть сопоставлен с образом индийских *Pitarah* («Отцы»), которые представляют собой не мертвых, почитаемых в каждой семье особым ритуалом, но множество младших духов, добровольно присоединяющихся ко Всем-Богам. Но первоначально «Отцы», поселившиеся в ином мире, должны были быть хотя бы частью более или менее отдаленных

предков (Дюмезиль Ж. 1986, с. 72, 74-75). Путь к Pitarah неразрывно связан с образом Арьямана, чья власть распространяется и на иной мир, и, соответственно, с упоминавшимся «путем Арьямана».

«Путь Арьямана» понимается как путь Солнца. Арьяман является «правителем южного пути» — солярного символа (зимняя дорога Солнца), ведущего к тому продолжению мира живых, которое было или должно было быть сначала в стране Pitarah. «Южный путь Арьямана» — это путь, по которому идут приверженцы традиционной ритуалистической веры. В ином мире Арьяман и стоит во главе общества Pitarah. Напомним, что, по осетинским представлением, особую роль в возможности достижения душой покойного Царства мертвых играл Wastyrdžy/Waskergi. Именно с его образом связаны и введение таких важных элементов погребально-поминальной обрядности осетин, как установление надгробных памятников, обряд посвящения коня покойному, проведение поминальных скачек.

Итак, эпические предки осетин нарты оказываются сопоставимы и с образом Pitarah. Именно такое положение и могло дать повод к тому, что в одном из дигорских нартовских сказаний главой Рая называется нартовский Batraz. В то же время Batraz много времени проводил среди небожителей, в том числе непосредственно в суде небесных *zædtæ* (НК. 2004, с. 552; 2005, с. 98). А, как полагали осетины, по смерти человека семь неких мужчин или четыре женщины на небе судят его душу, после чего она проходит через семь звеньев небесной цепи и вновь обретает свой прежний человеческий образ (Миллер В.Ф. 1992, с. 479; Цховребов З. 1988, с. 83).

С образами эпических нартов связан еще один показательный сюжет, который, что особенно важно, имел выход непосредственно на воинские традиции осетин. В про-

шлом осетин-дигорец, уходивший в военный поход, принародно клялся на *narti ġolon lædzæg* — «нартов пестрая палка» (Гарданти М. Q. 1959, л. 114). Само название предмета клятвы указывает на то, что он рассматривался как штандарт эпических предков осетин — нартов.

Другим названием, отражающим особое значение предмета как инструмента принятия клятвы и его древнего происхождения, было *narti artxwæræn lædzæg-ġelæ* («нартов клятвенная палка-шест») или *somigæænæn ġolon lædzæg* («клятвенная пестрая палка»). Причем, к верхнему концу древка был привязан пучок высохшей беловатой травы, которую называли *Xæmicî rexæs* («Борода Хамица») по имени знаменитого нарта, отца *Batraz'a*. В произносимой клятве отдельно обращались и к *Xæmicî rexæs*. Другим названием такого «бунчука» было *Astun* (Гарданти М. Q. 1959, л. 114; 1959а, л. 117-121, 125; 1949, л. 65).

Для названия штандарта известна и форма *ġolon ġelæ-lædzæg* («пестрый шест-палка») (Гарданти М. Q. 1959а, л. 117). *Ģolon ġelæ-lædzæg*, согласно сохранившейся информации, использовался эпическими предками осетин нартами как символ клятвы на общем собрании мужчин перед походом. Герои, надев белые одежды, складывали под ним свое вооружение и так приносили клятву перед лицом старейшего вождя, державшего в руке обнаженный меч. Также перед *ġolon ġelæ-lædzæg* нарты, как и осетины, клялись на общем собрании мужчин при судебных разбирательствах в знак особой верности своего слова. Осетин в знак того, что собирается мстить за обиду, всегда носил с собой *ġolon lædzæg*.

Согласно другому описанию, оставленному М. К. Гарданти, штандарт назывался *ġolon ġædæ* — «пестрое древко», и кроме *Xæmicî rexæs* имел трехконечное полотнище с изображением оленя, у которого между лопатками была изо-

бражена звезда (Гарданти М.К. 1959б). Данное изображение напоминает об известном мотиве оленей возле Мирowego Древа. Возле данного штандарта, в дни бедствий и борьбы с внешним врагом, произносилась клятва: «Моя смерть — мой срок... Враг пройдет на священные земли моих предков только по моим костям, не отдам могилы моих предков и наших жен и детей врагам на поругание». После произнесения этих слов клявшийся обнимал знамя и, подняв взор к вершине знамени, произносил: «Не осрамлю бороду Хамица». После этого он получал от старейшины белые одежды и оружие, и с этого момента назывался «алл».

Непосредственно сами осетины-дигорцы также совершали особый обряд перед военным походом. Речь идет о заключении клятвенного союза ровесниками для ведения совместных боевых действий в опасных условиях. Если была такая возможность, то они садились за трехногий столик (*fiŋgæ*), поставленный в центре дома. Причем, они рассаживались таким образом, чтобы старший и младший «закрывали голову стола», т. е. оказывались во главе стола вместе, чем наглядно выражалась идея равенства всех заключающих клятву. По знаку старшего из ровесников они прислоняли к *fiŋgæ* обнаженные клинки кинжалов и сабель, остриями вверх, и заключали клятву взаимных верности и помощи в их общем предприятии. В знак ее принятия они поочередно выпивали из одного бокала, в который предварительно опускался стальной предмет, золото или серебряная монета. С этого момента их союз становился необычайно прочным, а они именовались «по-клявшимися ровесниками» (*ardxward æmgærdtæ*) (Гарданти М.К. 1901-1903, л. 138-142). Сам такой стол, видимо, мог носить название *ardxwaron fiŋgæ* («клятвенный стол») (Гарданти М.К. 1949, л. 60-66).

Не менее замечательно и описание заключения данного

союза в случае невозможности использования помещения дома и *fiŋgæ*. Когда двое или группа ровесников находились непосредственно в боевых действиях, вдали от дома, шли в набег, то перед лицом смертельной опасности совершался следующий ритуал. На *ǰolon lædzæg* («пестрая палка») участники клятвы вешали свое оружие, а также складывали его под ним в готовом к бою положении. Став вокруг *ǰolon lædzæg*, они произносили клятву, в знак которой касались ее руками (Гарданти М. Q. 1901-1903, л. 138-140).

Внимание привлекает еще один эпизод из обряда принесения клятвы ровесниками у *ǰolon lædzæg*. Присягающие распускали друг у друга пояс. Например, у иранцев пояс, который носил вождь или воин, символизировал его подчинение царю. В данной связи отмечается свидетельство из «Фарснаме», согласно которому, Рустам, получив от царя Кайкаоша в царственное владение Систан и Забулистан, получает инсигнии царской власти, а также право снять пояс (Иванчик А. А. 2001, с. 338). Наглядно же проявляющаяся идея равенства членов заключаемого воинского союза у осетин-дигорцев, как представляется, соответствует именно такому восприятию символики обряда развязывания поясов.

Исследователи давно обратили внимание на сам образ осетинского знамени. Имеется в виду *farny qil* — «шест фарна», который украшался *разноцветными* лоскутьями. В праздник *Kæxsǰæpæp*, посвященный новорожденным мальчикам, *farny qil* носился группой молодежи по домам, в которых они желали женщинам рождения только мальчиков и получали за это подарки. В некоторых местах Южной Осетии такой шест во время свадебного застолья молодежь опускала через свето-дымовое отверстие в крыше (*erdo/sæjrag*) и требовала свою «долю младших» — *kæstærtu xaj*. Вполне справедливо замечание, что *farny*

qil играл специфическую роль в среде молодежи (Уарзиати В. С. 1987, с. 117). Показательно, что он непосредственно связан именно с молодежной группой и использовался в действиях, в конечном итоге, приводящих к получению некой доли, т. е. «добычи», на что обычно и были направлены военные набеги осетин.

Было обращено внимание и на другие кавказские материалы, например, на грузинское определение понятия знамени как «пестрого указателя команды». В данной связи удачно указывалось (Уарзиати В. С. 1987а, с. 147-148) на упоминавшуюся выше обрядовую конную игру в Западной Грузии, заключающуюся в борьбе за знамя (шест) — Alanuroba («Аланство»). Напомним, что на этом празднике определялся самый сильный молодой человек, который получал почетный титул alani-kothi — «аланский человек». Турнир заключался в соревновании за символ, давший название игре, kakvi-gala — «ношение шеста». Противников в этом турнире называли (m) alanuri. Выше также отмечалось, что в прошлом некоторые знатные фамилии Армении обозначались как alanadrawšk — «аланское знамя несущий».

Представляется вполне объективным сопоставление farnu qil со знаменитыми знаменами-драконами ираноязычных кочевников Евразии (Уарзиати В. С. 2007, с. 283, 286), что следует распространить и на ġolon lædzæg, который, в отличие от farnu qil, сохраняет изначальное значение символа воинского объединения. Учитывая приведенные материалы, следует указать, что в Нартовском эпосе осетин зафиксирована еще одна редкая форма обозначения героя — allon-qillon (НК. 2003, с. 28), во второй части которой, что не исключено, представлена контаминация с осет. qil/ġelæ («шест»).

Итак, осетинские фольклорно-этнографические мате-

риалы в целом дают достаточно интересную картину. Хотя термин *alou* имеет несомненное оригинальное происхождение, но обычно он прилагается иноземцами к тем героям, которые откуда-то появляются в их землях. Сами же эти герои оказываются именно воинами и представителями воинского сословия своего общества. Причем, в дополнительных определениях не только ярко проявляется их воинская специализация, но и прямо указывается на их сословное, знатное происхождение. В свою очередь, само сословное определение сочетается с их определением как «народ». Подобное положение, видимо, не является уникальным, в том числе и для истории осетин. Например, Я. Рейнеггс, путешествовавший по Осетии, оставил такое замечание: «Река Арадон отделяет оссов от другого племени, название которого бадилы» (ОГРСИП. 1967, с. 101). Несомненно, под другим племенем подразумеваются также осетины (оссы). Речь идет об осетинах-дигорцах, но путешественник дает их «этническое» определение через социальный термин. Дело в том, что высшим феодализовавшимся сословием в Дигории были баделята, получившие свое название по имени их легендарного родоначальника Бадела (Бадил), который изначально осуществлял функции военной защиты всего общества от внешних врагов.

Таким образом, приведенные материалы позволяют предполагать связь понятия *alan* с особой воинской группой. Интересно, что в средневековых грузинских источниках аланы не упоминаются (скрываются под названием «овси») за редчайшим исключением, видимо, за счет заимствования из армянских источников. На таком фоне весьма примечателен тот факт, что, хотя сами армянские источники никогда не отождествляли с аланами северокавказских маскутов, то в грузинских источниках на территории оби-

тания последних упоминаются «хишталаны». Первая часть данного названия, персидское по своему происхождению, означает «длинный обоюдоострый меч», «клинок», «сабля», т. е. в целом название означает «меч-аланы», «аланы-меченосцы» (Гаглойти Ю. А. 2007, с. 163, 167). Такое определение, на наш взгляд, могло бы толковаться как указание именно на его воинский характер.

Видимо, с данными сведениями как-то связана и упоминавшаяся информация из «Дербент-наме», что в области Маскат жили люди, приведенные из Алана. Археологическим подтверждением такого положения могли бы служить материалы достаточно своеобразного могильника Паласа-сырт (Гмыря Л. Б. 2013, с. 110-162) и Львовского могильника (Дагестан), по которым определяется появление среди прежних носителей среднесарматской культуры аланов из Центрального Предкавказья (Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2008, с. 158-160; Малашев В. Ю. 2011, с. 357-358; 2011а, с. 254-259). Достаточно сложно принять толкование могильника Паласа-сырт в связи со сведениями «Ашхарацуйц» об аштигорах (Семенов И. Г. 2002, с. 13).

Устанавливаемая связь между понятиями *allon* и *ballon*, таким образом, и позволяет вернуться к таким определениям как *bal* («военная партия»), *balxon* («вожак военной партии»), *balc* («военная экспедиция»). Собственно *ballon* означает «член группы (отряда)», «из стаи». В данную однокоренную группу входит и *æmbal/ænbal* («товарищ», «товарищ по походу»). Как справедливо, на наш взгляд, отметила в устной беседе с автором С. А. Айларова по поводу значения *allon-ballon*, осетинское *æmbal/ænbal*, изначально означавшее «товарищ по походу», вполне соответствует значению карачаево-балкарского *alan* («товарищ», «друг»).

Мы можем согласиться с мнением, что в осет. *allon-billon* вторая часть *-billon* является «бессмысленной аллитераци-

ей к первой» (Абаев В.И. 1927, с. 107). Но сохранение надежно зафиксированной формы allon-ballon, где вторая часть -ballon имеет вполне конкретное смысловое значение, позволяет полагать, что в указанном составном определении, в котором обе его части тесно взаимосвязаны и даже созвучны, «обесмысливание» его второй части, выраженное в создании общеосетинской формы -billon (как и форм -bellon, — mallon), могло происходить с синхронной потерей изначального значения понятия allon.

Вполне вероятно, что данный процесс был достаточно поздним. Сама форма allon, как отмечали исследователи, предполагает необходимую предшествующую форму *allan с последующим переходом а→о перед носовым, который и является сравнительно поздним (Абаев В.И. 1949, с. 256). Заметим, что и для второй части -ballon о позднем характере такого переходя свидетельствует имя Avatalan на Зеленчукской надписи, датируемой XI-XII вв. Недавно обнаруженные аланские маргиналии на полях византийского манускрипта (профетологион) XIV или XV вв., как и давно известный венгерский «Ясский глоссарий» 1442 г., демонстрируют отсутствие необходимого перехода (Engberg E., Lubotsky A. 2003, p. 43), который, возможно, впервые фиксируется в турецкой налоговой переписи 1550 г. ясского населения Венгрии. Данные находки и определяют для нас нижнюю хронологическую границу формирования формы allon-ballon. Исторически же превращение его второй части в «бесмысленную аллитерацию к первой» — billon может быть связано с тотальным уничтожением аланского населения Предкавказья, завершенным в конце XIV в. Тамерланом, когда его малочисленные остатки, навсегда утерявшие живую, непосредственную связь с предшествующим этапом своей истории, были окончательно заперты в горных ущельях.

Некоторые исследователи высказали мнение, что ала-

ны первоначально составляли в рамках общесарматских союзов наиболее активные группы кочевников, сформировавших боевые, сильные отряды, способные перемещаться на далекие расстояния. Конкретно речь шла о союзе племен под главенством роксолан, в котором и формируется наиболее мобильная и боеспособная группа кочевников — дружина аланов, что диктовало неопределенность размещения аланов на различных территориях (Максименко В.Е. 1998, с. 174, 182). Представляется сложным развернуть доказательную базу для такой конкретной идентификации.

А.В. Симоненко отмечает, что известные по данным письменных источников сарматские племена (языги, роксоланы, аорсы, сираки, аланы) представляли собой объединения, возглавляемые племенем или кланом, дававшим таким объединениям свое название. Археологически многокомпонентность таких союзов выражалась через типологическую вариативность погребальных конструкций. Когда определенная этническая единица начинала политически доминировать, ее язык, общественные и ритуальные нормы достаточно быстро принимались подчиненным населением, особенно верхушкой общества. С другой стороны, погребальный «стандарт» сарматской аристократии, отличающийся от такового у остального рядового населения, предполагает наличие определенных традиций только этой социальной группы.

Катакомбные погребения Кубани II-I вв. до н. э. и катакомбные погребения Северного Кавказа конца I в. до н. э.-II в. н. э. должны быть связаны с пришельцами из Центральной Азии. Учитывая, что их могильники не принадлежали аристократии, катакомбы появились здесь как этнический индикатор. В I в. н. э. катакомбы, как правило, содержат богатый материал, что отражает начало политического доминирования их

хозяев и переход катакомбных погребений в разряд социально обусловленной единицы. На основе данных письменных источников можно заключить, что таким этносом могли быть аланы. Но нельзя исключать, что этническое название «аланы» обозначало не народ в широком смысле этого слова, а определенную единицу (клан, племя), составлявшую кочевую аристократию.

Катакомбы III-IV вв. н. э., с одной стороны, принадлежали представителям лидирующей группы в социальной иерархии, а, с другой стороны, этнически компактному населению. В начале они характеризовали некоторую этническую единицу (клан, племя), постепенно увеличивавшую политическую, а позднее этническую власть, видимо, первоначально к востоку от Дона. Затем при быстром передвижении на запад и смешении с местным населением пришельцы достигли там вершины социальной иерархии. Таким образом, катакомбы как отражение традиций определенной группы населения (этнический индикатор) становятся показателем принадлежности их хозяев к аристократии, принадлежа в то же время и определенному этносу (переход из этнического индикатора в социальный). Этническое же имя правящей группы распространялось на весь союз. Отличие же погребальных конструкций алан Нижнего Дона I-начала II вв. н. э. (квадратные ямы) от поздних алан (катакомбы) может отражать различные генетические корни этих родственных групп населения, известных в письменных источниках под одним названием (Simonenko A.V. 1995, p. 356-357). Недавно исследователь выдвинул гипотезу, что аланы были потомками ираноязычных пазырыкцев, культура которых в силу определенных исторических обстоятельств формировалась в тесном взаимодействии с хунну. Аланы могли находиться в одной из орд северных хунну, ушедшей на запад, после чего ала-

ны продолжили свой путь в Восточную Европу (Симоненко А. В. 2010а, с. 399).

Приведенная историческая интерпретация данных археологии в определенной степени близка нашим представлениям. Носители термина *alan*, действительно, как нам представляется, должны быть изначально связаны с центральноазиатскими мигрантами. Сами социальные представления, выраженные в нем, могли функционировать лишь в определенной этнической среде, исходя только из его приоритетной внутривосточной ориентации. Мы не можем точно определить время знакомства с ним иноэтничным (неираноязычным) населением, т. к. здесь мы ограничены сведениями западноевропейских источников. Не исключено, что такое знакомство произошло в период деятельности на Боспоре Митридата Эвпатора и/или Фарнака, отмеченной активным вовлечением в мировые события ираноязычных племен Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Относить изначально аланов к сарматским племенам не стоит. Корректней говорить о включении сарматов в новые родоплеменные объединения под главенством аланов, чье положение в таких объединениях вполне адекватно воспринималось родственными им в этнокультурном и языковом плане сарматами.

Вероятно, аланы, организовавшие свой мощный политический центр на Нижнем Дону в сер. I в. н. э., были генетически родственны прежним центральноазиатским мигрантам, ранее появившимся в Восточной Европе. Но в то же время они имели и свои отличительные черты. Следует помнить, что центральноазиатские мигранты появлялись на западе как представители многокомпонентных объединений (но в рамках восточноиранского этнокультурного единства), которые уже должны были строиться в соответствии с собственными социальными представлениями под

эгидой и руководством аланов. Создание ими новых родоплеменных объединений за счет включения в них местного сарматского населения было продолжением именно данного структурирования, которое отразилось в письменных источниках упоминаниями аланов как неких племен. Для нижнедонского объединения мы можем полагать включение клановости при реализации идеи господства аланов, учитывая, например, сведения Мовсеса Хоренаци о наследственной власти их правителей и о представлениях об их божественном происхождении, истоки которых также могут лежать в Центральной Азии. Что касается носителей катакомбного обряда погребения II-IV вв. н. э., то они также могли быть в какой-то степени связаны с азиатскими мигрантами, но обладали собственной этнической спецификой, а также, видимо, определенной спецификой в выражении социального доминирования, фиксируемого все тем же термином *alan*.

Пожалуй, наиболее развернутая и аргументированная попытка обоснования гипотезы об изначальном социальном характере термина *alan* была представлена в работах М.Б. Щукина (Щукин М.Б. 1992, с. 103-121; 1994, с. 207-209; 2005, с. 65-66, 356-359), корректно упоминающего и своих предшественников в лице Л.А. Чипировой, А.О. Наглера, О.И. Сатеева. Исследователь, также обратившись к анализу археологического материала, выдвинул следующую гипотезу. Первые аланы не были еще особым народом или племенем, а представляли собой надэтническое, наднациональное образование, группу, дружину аристократов, потомственных воинов-профессионалов, обладающих высокой выучкой и тайнами психо-физической подготовки. Это был своего рода «рыцарский орден», состоящий из нескольких аристократических родов и имеющий родственные связи с аристократическими домами самых разных более стабиль-

ных объединений от Гиндукуша до Дуная, тоже обладавшими аристократическими связями между собой.

В силу этого аланы могли представлять собой социальную надплеменную прослойку сарматского общества. Группа могла быть и не очень многочисленной и не очень стабильной, но весьма мобильной, постоянно ищущей применения своим силам в разных частях сарматского мира и на его границах, подчас организуя и собственные акции. Этот «орден» обладал собственной особой духовной и материальной субкультурой, а оперировал, в основном, в той сако-массагетской среде, из которой вышли и юэджи, разорившие Греко-Бактрию, предки погребенных в Тилля-Тепе, роксоланы и аорсы. Со временем, вероятно, авторитет аланского «ордена» возрастал, его представители оказываются во главе многих «домов», руководящих различными сарматскими группировками, имя аланов постепенно вытесняет названия этих группировок, да и само название «сарматы».

Данная гипотеза также в определенной мере близка и нашим представлениям. Следует особо отметить высказанное положение о вероятной связи аланов с правящими азиатскими домами, что совпадает и с приведенными выше данными, о взаимосвязанности этой среды на аристократическом уровне. Следует только добавить, что социальное содержание термина *alan*, непосредственно выводящего и на идею верховной власти, должно было иметь и соответствующее сакральное обоснование.

Если я правильно понял, то гипотеза о социальном значении термина *alan* сегодня, по крайней мере, начинает учитываться и другими авторитетными специалистами (Скрипкин А. С. 2001, с. 38; Раев Б. А. 2008, с. 304; 2008а, с. 129). Как мы помним, она использована и В. А. Кузнецовым. Исследования А. О. Наглера, Л. А. Чипировой и М. Б. Щукина вызвали

одобрение и А. А. Цуциева (Цуциев А. А. 1999, с. 58-51; 1999а, с. 17), который полагает возможное совмещение понятий «социального» и «этнического» через отнесение аланов к какому-то одному этносу или даже роду, установливавшему свою власть в кругу этнически близких племен. Не отрицал возможности социальной, а не этнической атрибуции термина и В. Н. Каминский (Каминский В. Н. 1989, с. 96).

Следует особо отметить справедливое замечание М. Б. Шукина, что аланы II-V вв. н. э. не обязательно являются потомками аланов I в. н. э. (Шукин М. Б. 1992, с. 121). Данное замечание нашло своеобразную поддержку со стороны антропологов, о которой говорилось ранее, позволившей рассматривать термин *alan* в приложении к носителям позднесарматской культуры как название мужского воинского союза, состоявшего из очень мобильных и агрессивных воинов-профессионалов.

Археологические материалы также указывают, что в погребальной практике отражена социальная специфика интересующей нас группы, предполагающая развитую форму военной иерархии, видимо, по дружинному принципу. Возможно, в целом, они были связаны своим происхождением с теми же, но не абсолютно совпадающими азиатскими территориями, что и аланы, прежде них появившиеся в Восточной Европе. Следует, например, вспомнить, что Т-образные катакомбы, как одна из ведущих форм погребальных конструкций у аланов Центрального Предкавказья, более тяготеет к востоку среднеазиатского региона, в отличие от подбойно-катакомбной группы, имеющей черты сходства с памятниками ранне- и среднесарматских культур.

Будучи родственны своим предшественникам, они уже прошли и свой специфический путь формирования. Он мог быть связан с включением в состав таких групп раз-

личных компонентов, обусловленным особыми историческими обстоятельствами. Данный процесс приходится на время существования сформировавшихся объединений, например, таких как Кангюй и Усунь. В то же время история этих образований характеризуется постоянными военно-политическими неурядицами и столкновениями, в ходе которых происходили взаимные перемещения воинских групп на территории и окраины этих объединений, как в случаях, например, с Чжичжи и Бюаньчжи.

К ним могли присоединяться и иные мобильные и искусные в военном деле элементы. Именно в таких условиях могли формироваться особые воинские группы, объединявшиеся вокруг каких-то предводителей, преследовавшие собственные интересы и вырабатывавшие собственные ценности внутри таких групп. Они превращались в объединения воинов-профессионалов, строившиеся по дружинному принципу. Интересно, в частности, что расположение сил Чжичжи и Бюаньчжи на восточных границах Кангюя, т. е. в районе Таласа, приближено к одному из крупных районов распространения Т-образных катакомб.

Судя по всему, здесь происходили и изменения в идеологических представлениях, поскольку данные группы действовали уже не в условиях полноценного общества, с его более сложной социальной структурой и особым сакральным отношением к представителям верховной власти. Возможно, они уже и не имели тесных или вообще каких-либо связей с царствующими домами. Но социальный термин *alan* мог бы прекрасно продолжать функционировать и в их среде, сплачивая данные коллективы, открывая им перспективы деятельности и побуждая к ней, поскольку изначально заложенная в нем семантика вполне тому способствовала.

Таким образом, можно полагать, что под именем аланов в письменных источниках скрывались хоть и родственные, но различные группировки. Причиной же такого положения являлось использование в их среде соответствующего социального термина. Появившись в Восточной Европе представители таких групп во многом повторили путь своих предшественников, со временем создав новые объединения под своим главенством, включая в их состав местные родственные и ираноязычные народы. Из числа их представителей впоследствии формировались и правящие дома, т. е. происходило структурирование того общества, из которого они некогда вышли.

Указывая, в целом, на общий азиатский источник в происхождении аланов, следует, видимо, полагать, что здесь не было его полного совпадения для разных аланских волн. А.С. Скрипкин считает, что с рубежа или с самого начала нашей эры генератором экспансии кочевников на запад становится Средняя Азия, тогда как прежняя волна была связана с движениями на востоке Центральной Азии (Скрипкин А.С. 1994б, с. 15-17). Но, как представляется, для периода формирования и распространения памятников среднесарматской культуры также характерно проявление центральноазиатских элементов.

С ним связана и надежная фиксация термина *alan*, свидетельствующая о его непосредственном употреблении в среде азиатских мигрантов на запад. Есть определенные основания полагать аналогичную ситуацию и у части более ранней волны азиатских мигрантов. Склоняясь в ее пользу, все же оставляем данный вопрос (называли ли себя те кочевники аланами?) открытым для последующих исследований. Как вариант решения ранее отмечалось, что их этнокультурная близость с аланами последующего периода, подтверждаемая и данными археологии, возможно, по-

влияла на ретроспективное распространение на них данного названия в письменных источниках. То, что данный термин, бесспорно, приложим и к участникам последней волны восточных мигрантов наглядно свидетельствуют, в частности, все последующие сообщения нарративных источников об аланах средневековья. Вполне допустимо, что они были непосредственными его носителями еще до появления в Европе. Но нельзя исключать и дополнительную возможность его приложения к ним и восприятия ими уже на основе сложившихся европейских представлений об их предшественниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известные нам сведения о государстве Яньцай позволяют, как представляется, достаточно надежно локализовать его к востоку от Арала. Его локализация уже сама по себе отрицает достаточно популярное среди части исследователей мнение о его связи с аорсами и, в целом, с сарматами. Собственно, и сама доказательная база, на которой была построена данная гипотеза, сегодня уже не может быть признана корректной. В то же время отсутствует какая-либо связь между сведениями об аланорсах и скифах-аланах со сведениями о Яньцай.

Включение вопроса о Яньцай в аланскую проблематику, как представляется, должно рассматриваться в русле данных о тохаро-юэчжийских миграциях на запад, вызванных мощным возвышением на востоке сюнну, ознаменовавшим наступление эпохи тюркоязычных народов. Следует учитывать, что тохаро-юэчжийское объединение, имевшее многокомпонентный характер на своей родине, по мере миграции на запад включало в свой состав и иные, этнически родственные им группировки, что делало его состав еще более сложным. Кроме того, в ходе миграций кроме подобных интеграционных процессов происходили и процессы его дезинтеграции, когда отдельные группы, о конкретном составе которых нам сложно судить, откалывались от объединения и имели уже свою самостоятельную судьбу. Именно с дезинтеграционными процессами могло быть связано появление юэчжей в Яньцай, приведшее к его переименованию в Алань. Видимо, следует учитывать, что подобные мигра-

ции могли дополнительно способствовать социальной дифференциации общества и выделению военной знати, когда деформируются основные структуры нормативного фактора, закрепляющие положение отдельных этносоциальных группировок.

Отдельные группы тохаров-юэчжей продолжили свою миграцию на запад, что подтверждается сведениями нарративных источников, а также данными археологии и антропологии. У нас есть определенные основания полагать, что с ними было связано и появление первых сведений об аланах в Восточной Европе. Вместе с тем, возможно и последующее ретроспективное распространение на них данного названия в письменных источниках за счет их этнокультурной близости с аланами следующего периода.

Точные сведения об аланах в Восточной Европе появляются в письменных источниках с сер. I в. н. э. Они же позволили сопоставить с ними синхронные археологические памятники, материалы которых несут на себе несомненную печать азиатских и сибирских традиций, не имеющих корней в памятниках раннесарматской археологической культуры. Причем, эти инновационные материалы носят в большей части этноопределяющий характер. Об отсутствии генетической преемственности между носителями ранне- и среднесарматской археологических культур говорят и данные антропологии. Последняя аланская волна, докатившаяся до Восточной Европы, была связана с носителями позднесарматской археологической культуры, которые, по данным антропологии были генетически близки своим предшественникам. Возможно, она частью была связана своим происхождением с теми же, но не абсолютно совпадающими азиатскими территориями. Вполне допустимо, что ее участники были непосредственными носителями названия аланов еще до появления в Европе. Но

нельзя исключать и возможности его приложения к ним и восприятия ими уже на основе сложившихся европейских представлений их предшественников. Однако второе предположение менее реально, т. к. определение их аланами в письменных источниках практически синхронно периоду расцвета обществ, носителей позднесарматской археологической культуры.

Письменные и археологические свидетельства позволяют противопоставлять аланов собственно сарматам и считать их выходцами из Центральной и Средней Азии. Сама форма термина *alan*, видимо, отделяет его от сарматского и сакского лексических фондов (хотя данный вопрос до конца еще не решен), подразумевая иную ираноязычную среду его изначальных носителей. Но в то же время несомненно, что процессы создания новых родоплеменных объединений под главенством аланов на различных территориях и в различное время проходили за счет включения в них части прежнего сарматского населения, о чем свидетельствуют и археологические данные. Таким образом, в Восточной Европе мы находим продолжение тех процессов, которые были свойственны тохаро-юэчжийской миграции.

Бесспорно, концентрация признаков среднесарматской культуры отмечается именно в элитарных захоронениях, материалы которых и отличает связь с азиатскими и сибирскими традициями. Как отмечают исследователи, верховная знать в таком объединении придерживалась строгой социально-культурной и религиозно-идеологической обособленности от остальной части объединения, что заметно отличало его от менее социально стратифицированного общества предшествующего раннесарматского населения. Азиатские мигранты появились в Европе уже со своей сложившейся культурой и собственными со-

циальными приоритетами, которые никак изначально не определялись местными условиями. Представители же последней волны аланов имели собственную, отличную социальную специфику, построенную на принципах жесткой военной иерархии.

Учитывая данные наблюдения, а также проанализированные дополнительные материалы, в том числе по вопросу особенностей функционирования термина *ārua* у ираноязычных народов, были получены следующие результаты. Термин *alan* изначально мог принадлежать не к этнической, а к социальной сфере, маркируя высший социальный статус его носителей в условиях жестких межэтнических противостояний и перегруппировок в качестве наиболее устойчивой в таких условиях характеристики, обеспечивавшей идеологическое оправдание экспансионизма и являвшейся опорой самосознания. Его выработка и функционирование обеспечивались противостоянием внутри самого ираноязычного мира, т. е. имели, прежде всего, внутривосточную направленность, обозначая господство среди родственного в этнокультурном и языковом плане населения, для которого иные этнокультурные характеристики были слишком общими с теми, кто претендовал у них на власть, а потому менее для этого пригодными. Вместе с тем, следует полагать, что социальное содержание термина *alan*, непосредственно выводящего на идею верховной власти в обществе, должно было иметь и определенное сакральное обоснование. Квазиэтническое значение же *alan* должно было усиливаться на перифериях ираноязычного мира в условиях контактов, противостояния, включая идеологическое с иноязычным населением, а также при замещении его термином *xsaŋra*, *xsaŋa*.

Именно такие условия и сложились в мире того ираноязычного населения, которое в результате жестокого сило-

вого давления сюнну было вынуждено навсегда покинуть места своего прежнего проживания и мигрировать на запад. Те события должны были произвести особо сильное впечатление на сознание ираноязычных кочевников, поскольку сюнну практически положили конец их многовековому господству в евразийских степях и открыли новую историческую страницу перманентной экспансии тюркоязычных народов. В результате началась цепная реакция миграций центральноазиатских кочевников, в ходе которых создавались и распадались различные родоплеменные объединения.

Кровавое противостояние с иноязычным миром, когда ираноязычные кочевники были вынуждены уходить на запад в поисках новых условий своей жизнедеятельности, освоение ими новых территорий в ходе миграций, населенных этнически родственными народами, при продолжающемся противостоянии с сюнну, и могли актуализировать в их среде понятие *alan*. В таких условиях, несомненно, остро стоял вопрос и о верховной власти, которая консолидировала общество, в том числе обеспечивая сохранение его этнической основы. При этом сама верховная власть должна была вырабатывать некие собственные черты, обеспечивавшие наглядное обозначение ее исключительности, которая одновременно должна была восприниматься всеми членами общества как необходимость в обеспечении их жизнедеятельности.

Выход термина *alan* на квазиэтнический уровень мог закономерно проявиться в фиксации ханьскими источниками переименования Яньцай в Алань, поскольку данные владения издавна служили местом контактов ираноязычных народов с иноэтническим населением, которое теперь усиливалось и за счет сюннуского влияния и давления. Позднее данный термин фиксируется в истории Согда,

когда там явно усиливается давление тюркоязычных народов. «Аланская идея», о которой говорят некоторые современные исследователи, вопреки их трактовкам, могла служить основой для консолидации общества ираноязычных кочевников в качестве социального начала и соответствующего структурирования данного общества на сложном этапе его развития, требовавшего как ведения боевых действий с целью установления своей власти на новых территориях, так и противодействия другим захватчикам.

Насколько мы можем судить, ее активная реализация была изначально связана с частью и элитой того ираноязычного населения, которое в письменных источниках называлось юэчжами, или тохарами. В данном смысле нет и противопоставления социального аспекта термина *alan* этническому источнику его появления и распространения. В первую очередь, именно сами аланы юэчжийского происхождения, а не возглавляемые ими ираноязычные объединения в целом, могли определять этническое и кровное родство между аристократическими домами таких объединений.

Центральноазиатские мигранты появлялись и в Восточной Европе как представители многокомпонентных объединений, которые уже должны были строиться в соответствии с собственными социальными представлениями под эгидой и руководством аланов, т. е. создатели этих новых объединений реализовывали здесь собственную модель общественного устройства. Создание ими новых родоплеменных объединений за счет включения в них местного этнически родственного им сарматского населения было продолжением именно данного структурирования, которое отразилось в письменных источниках упоминаниями аланов как неких племен. Эти процессы, видимо, облегчались, как за счет отмеченной этнокультурной близости в

рамках родства восточноиранских народов, так и адекватным восприятием идеи социально-политического господства в среде включавшегося в них сарматского населения. Соответственно и те положения, которые выдвигали сторонники гипотезы об изначальном социальном характере термина *alan* на основании чисто теоретических рассуждений о развитии хозяйственной специализации и интенсификации социальной организации в сарматском обществе, остаются не востребованными.

Некоторые дополнительные наблюдения позволяют заключить, что становление и функционирование соответствующего термина в Восточной Европе происходило в различных ираноязычных объединениях. Одним из результатов такого положения стал не только закономерный выход термина на квазиэтническое восприятие, но и его развитие непосредственно в эндоэтноним у какой-то части ираноязычного населения. У другой части такого населения он сохранял свое первоначальное социальное значение. Приведенные наблюдения могли бы объяснить сохранение осетинами-дигорцами этнического названия тохаров, поскольку их представители стояли во главе аланского объединения, тем самым непосредственно включаясь в социальную иерархию во главе с аланами. Соответственно и термин *alan*, как видно и из лексического дигорского фонда, остался для них в неизменном состоянии своего значения. У другой части ираноязычного населения он со временем мог трансформироваться в этнический в форме *iron*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.)

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВИ — Вопросы истории. М.

ВМГУ — Вестник Московского государственного университета. М.

ВНЦ — Владикавказский научный центр РАН

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ИАА — Историко-археологический альманах. Армавир-М.

ИБОФ — Информационный бюллетень отдела фольклора

ИВУЗСК — Известия высших учебных заведений Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе

ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Тбилиси (Цхинвал)

КБН — Корпус боспорских надписей. М.-Л.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАК — Материалы по археологии Кавказа. Тифлис.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.

МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар

Н — Нартæ. Ирон адамы героикон эпос. М.

НАА — Народы Азии и Африки. М.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А
НК — Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу
ОГРСИП — Осетины глазами русских и иностранных путешественников
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
ПНТО — Памятники народного творчества осетин. Орджоникидзе (Владикавказ)
ППКО — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ
РА — Российская археология. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СВ — Советское востоковедение. М.
ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СЭ — Советская этнография. М.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
ТЧИННИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный
УАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа
УЗКБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.
ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания
ЭО — Этнографическое обозрение. М.

- ACSS** — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
- BSOAS** — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies.
- CAJ** — Central Asiatic Journal.
- JAOS** — Journal of the American Oriental Society.
- JRAS** — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
- IOSPE-I²** — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latinae. Petropoli, 1916.
- NARTAMONGÆ** — NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw
- RE** — Paulis Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- TPS** — Transactions of The Philological Society.
- ZDMG** — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Осетинские термины: iron, allon // Яфетический сборник. Л., 1927. Т. V.
- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
- Абаев В. И.* Тохарский язык // Большая советская энциклопедия. М., 1956. Т. 43.
- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Абаев В. И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. Т. I.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996. Т. I.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996а. Т. III.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1996б. Т. IV.
- Абдуллаев К.* К вопросу об этническом составе Северной Бактрии в юэчжийский период (памятники пластического искусства и данные антропологии) // Взаимодействие культур и цивилизаций. Ч. II. Центральная Азия и Древний Восток. Новые факты и интерпретации. СПб., 2000.
- Абрамова М. П.* Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника // УЗКБНИИ. 1967. Т. XXV. Серия историческая.
- Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV-V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1.
- Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1.
- Абрамова М. П.* О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-II вв. до н. э. //

- Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.-IV в. н. э.). М., 1993.
- Абрамова М. П.* Об одной из гипотез о происхождении северокавказских алан // ИАА. 1997. Вып. 3.
- Абрамова М. П.* О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Абрамова М. П.* О погребениях зубовско-воздвиженской группы (историографический обзор) // НАВ. 2000. Вып. 3.
- Абрамова М. П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой. М., 2007.
- Агзамходжаев Т.* Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Вып. 2.
- Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
- Албегова З. Х.* Забытое сказание о нартах (к вопросу о миграциях алан в эпоху хазарского каганата) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2012.
- Алборов Б. А.* 1958. Заметки по нартскому эпосу // НА СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. I. Д. 165.
- Алексеев В. П.* Этногенез. М., 1986.
- Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.-IV в. н. э.). Черкесск, 1976.
- Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

- Алиев И.* Замечания на «Очерки истории Юго-Осетии», том. I, Цхинвали, 1969. 25. V. 1972 // НА СОИГСИ. Фонд В.И. Абаева. Оп. I. Д. 17.
- Алиев И.* К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона // ВДИ. 1975. № 3.
- Алиев И.* Сармато-аланы на пути в Иран // NARTAMONGÆ. 2009. Vol. VI. № 1-2.
- Алиев И. Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. III.
- Андреанов Б. В., Левина Л. М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Андроникашвили М.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I. Тбилиси, 1966.
- Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Аради Е.* Юэчжи, кушаны и хэфталиты // Гуннский феномен. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск, 2013.
- Аржанцева А. И., Деоник Д. В.* Зилги — городище начала I тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. (Археологические памятники). М., 1989.
- Арсанукаев Р. Д.* Вайнахи и аланы. Баку, 2002.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

- Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6.
- Аутлев П. У.* Об одном «новом направлении» в нартоведении // ИСОНИИ. 1966. Т. XXVI.
- Аутлев П. У.* О сираках, роксаланах и аланах нартского эпоса // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Майкоп, 1992.
- Ахвледиани Г.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.
- Ахвледиани Г. С.* Ossetica-Georgica // ИСОНИИ. 1960а. Т. XXII. Вып. I (языкознание).
- Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.
- Балабанова М. А.* Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV-III вв. до н. э. // НАВ. 1999. Вып. 2.
- Балабанова М. А.* Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар-Анапа, 2001.
- Балабанова М. А.* Социальная реконструкция организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. 2003. Вып. 6.
- Балахванцев А. С.* Среднеазиатские дахи в IV-II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Белецкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). СПб., 2005.
- Балахванцев А. С.* Сарматы I-IV вв. н. э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребаль-

ных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.

Балонов Ф.Р. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 1996.

Баракова Е.Е. Этнографические записки. 1938 // НА СО-ИГСИ. Отд. Истории. Ф. 4. Оп. I. Д. 64.

Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965. Т. III.

Бартольд В.В. Albert Herrman, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin, 1914 (Abhandl. der Königl. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, Neue Folge, Bd. XV, № 4). 57 s. 8 maj // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965а. Т. III.

Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.–1757 г. н. э.). СПб., 2009.

Бахтияров А. Осколки «исчезнувших» алан // Туркменоведение. Ашхабад, 1930. № 8-9.

Беглова Е.А. Погребения зубовско-воздвиженской группы из ст. Воздвиженской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.

Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып. 14.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам

Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.

Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М., 2008.

Безуглов С.И., Захаров А.Б. Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.

Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. М., 1984.

Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск, 2000.

Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Березин С.Я., Березин Я.Б. Раскопки могильника 3-го Прочноокопского городища в 2005 г. // Археологический журнал. Армавир, 2007. № 1.

Березин Я.Б. Сарматские погребения с территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП «Наследие», г. Ставрополь) // МИАСК. 2007. Вып. 8.

Березин Я.Б., Ростунов Е.В. Сарматские погребения Кобийского могильника // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск, 2000.

Березовская Л.Ю. К проблеме выделения и датировки памятников Зубовско-Воздвиженской группы // I Ку-

банская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.

Берлизов Н.Е. Ранние сарматы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э.-III в. н. э.): Автореф....канд. ист. наук. 07.00.02. Л., 1990.

Берлизов Н.Е. Походы алан в Закавказье в I-II вв. н. э. (письменные и археологические свидетельства) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.

Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Ч. II.

Берлизов Н.Е. «Зубовско-воздвиженская группа» и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // II Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1993а.

Берлизов Н.Е. Аланы-скифы // ИАА. 1996. Вып. 2.

Берлизов Н.Е. О датировке «Денисова кургана» (раскопки Н.И. Веселовского 1902 г.) // Древности Кубани. Краснодар, 1997 (декабрь).

Берлизов Н.Е. О некоторых забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 8.

Берлизов Н.Е. О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Краснодар, 1998а. Ч. 2.

Берлизов Н.Е. «Зубовско-воздвиженская» группа и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // Древности Кубани. Краснодар, 1999. Вып. 15.

Берлизов Н.Е. Степное Прикубанье и Закубанье в раннем железном веке // Древности Кубани. Краснодар, 1999а. Вып. 14.

Берлизов Н. Е. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.

Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э.-V в. н. э. Краснодар, 2011. Ч. I.

Берлизов Н. Е., Винидиктов А. П., Пьянков А. В., Зеленский Ю. В. Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени-эпохи средневековья. Краснодар. 2003. Ч. I.

Берлизов Н. Е., Еременко В. Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблемы интерпретации // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып.7.

Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ. 1993. № 7.

Берлизов Н. Е., Лопатин А. П., Цокур И. В. Анализ погребальных памятников СЗ Кавказа сарматского времени // Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени-эпохи средневековья. Краснодар. 2003. Ч. I.

Бернард П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу о культурной и этнической идентификации) // РА. 1997. № 1.

Бернштам А. Н. Из истории гуннов I в. до н. э. // СВ. 1940. № 1.

Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии // СЭ. 1947. № 2.

Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. 1947а. № 2.

Бернштам А. Н. К вопросу об усунь//кушан и тохарах // СЭ. 1947б. № 3.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Се-

- миречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. № 1.
- Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. 1950. № 14.
- Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
- Беспалый Е.И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.
- Беспалый Е.И.* Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. II.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
- Богомолов М.Н., Смирнова О.И.* Согдийские документы с горы Муг, вып. III. Хозяйственные документы. М., 1963.
- Бози Ф.* Сарматы в I в. до н. э.-II в. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // ПАВ. 1993. № 3.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э.-VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.

Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II-I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.

Боровкова Л. А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2007.

Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский феномен. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск, 2013.

Боталов С. Г., Усманова Э. Р. Памятники II в. до н. э.-I в. н. э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Боталов С. Г., Мосин В. С. Археологические культуры урало-сибирского региона и современное понимание исторических процессов (эпоха раннего железа) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006.

Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4.

Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бромлей Ю., Подольный Р. Человечество — это народы. М., 1990.

Бретшнейдер Э. Русь и Асы на военной службе в Китае // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1.

Бронников Н. А. К истории географии Тохаров // Записки Императорского Московского Археологического Института имени Николая II. М., 1914. Т. XXXV.

- Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
- Бубенок О. Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-XIII вв.). Киев, 1997.
- Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.). Киев, 2004.
- Бубенок О. Б.* Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI-XIV вв.) // Східний світ. 2012. № 4.
- Буряков Ю. Ф.* Палеоэкологические и этнические процессы в контактных зонах Средней Азии в древности и средневековье на примере бассейна Яксарта // International Journal of Central Asian Studies. 2003. Vol. 8.
- Вайнберг Б. И.* Топонимика как источник по истории туркмен в Хорезме // Топонимика Востока. М., 1962.
- Вайнберг Б. И.* Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции). М., 1979.
- Вайнберг Б. И.* Монеты Древнего Хорезма. М., 1977.
- Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.-VIII в. н. э. М., 1999.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М. 1976.
- Вдовченков Е. В.* Две модели экономики кочевников Нижнего Подонья в среднесарматское время // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Москва, 17-19 апреля 2013 г. Материалы конференции. М., 2013.
- Винников Я. Р.* К истории формирования и расселения

- туркмен-хатаб, мукры, курама и олам // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИННИИ. 1963. Т. IV.
- Виноградов В. Б.* Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.-I в. н. э. // СА. 1968. № 1.
- Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.* Laudatio Funebriis из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2.
- Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5.
- Внуков С. Ю.* Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. 2007. № 4.
- Волин С.* Julius Junge. Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike//Klio. Beiheft XLI. («Neue Folge». Н. 2). Leipzig, 1939. VIII+115 // ВДИ. 1941. № 1.
- Волин С.* К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941а. № 1.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Воронин К. В., Малашев В. Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. М., 2006. Т. 6.
- Воронов Ю. Н.* Древняя Ассирия. Сухум, 1998.
- Воронятов С. В.* Сарматские тамги на памятниках лесной зоны России. Случайность или неизвестная закономерность? // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 16-19 декабря 2008 г. СПб., 2008.

Воронятов С. В. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании кочевого и оседлого населения // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2008а.

Воронятов С. В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.

Воронятов С. В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I-начало II вв. н. э.) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2011.

Воронятов С. В. Погребение с «зубовско-воздвиженскими чертами» на Южном Буге // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Воронятов С. В. Постзарубенецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра // РА. 2012а. № 1.

Воронятов С. В. Раннеславянские миры ... (Обломский А. М. (ред.). Постзарубенецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II в. н. э.). М.: Институт археологии РАН, 2010. 329 с. // Российский археологический ежегодник. 2012б. № 2.

Воронятов С. В., Еременко В. Е. «Плавильщики» царя Фарзоя // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А. Н. Дзиговского. Киев, 2013.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в Крыму: Дисс.... докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1988.

- Габуев З. К.* Этногонические представления древних кочевников Великой Степи: иранцы и тюрки. М., 2002.
- Габуев Т. А.* История племен центральных районов Северного Кавказа в I-VII вв. н. э.: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 1986.
- Габуев Т. А.* Древние письменные источники о происхождении алан: Доклад на кафедре археологии МГУ 14.12.1996.
- Габуев Т. А.* Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3
- Габуев Т. А.* Аланы-скифы Клавдия Птолемея и аланы-массагеты Аммиана Марцеллина // ИАА. 1998. Вып. 4.
- Габуев Т. А.* Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах // XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Ставрополь, 1998а.
- Габуев Т. А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Габуев Т. А.* К вопросу о владениях Яньцай и Кангюй // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002.
- Габуев Т. А.* Исследование аланских «княжеских» курганов у села Брут в Северной Осетии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005.
- Габуев Т. А.* К вопросу о сложении раннеаланской культуры Северного Кавказа // Этногенез и этническая история осетин: материалы Межд. науч. конгресса (Владикавказ 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Погребальные памятники ранних алан в Северной Осетии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV «Крупновские чтения»

- по археологии Северного Кавказа. Москва), 15-19 марта 2004 года. Тезисы докладов. М., 2004.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Гагкаев К. Е.* К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Гагкаев К. Е.* История, география и ономастика скифов // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.
- Гяглоев Ю. С.* Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ. 1962. Вып. XI.
- Гяглоев Ю. С.* О содержании этнонима «алан» // ИЮОНИИ. 1963. Вып. XII.
- Гяглоев Ю. С.* К проблеме появления алан на Северном Кавказе // ИЮОНИИ. 1964. Вып. XIII.
- Гяглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- Гяглойти Ю. С.* Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Гяглойти Ю. С.* К истории северокавказских аорсов и сираков // ИЮОНИИ. 1969. Вып. XI.
- Гяглойти Ю. С.* К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.
- Гяглойти Ю. С.* Начальный этап этногенеза осетин // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.
- Гяглойти Ю. С.* К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе (часть I) // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ, Цхинвал, 1992.

Гаглойти Ю. С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе (часть II) // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.

Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996.

Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.

Гаглойти Ю. С., Абаев В. И. Аланы в Предкавказье (I-IV вв.) // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т. I.

Гаджиев М. Страбон о караванной торговле аорсов // «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы Международной конференции (Баку, 28-29 ноября 2008 г.) Самарканд-Ташкент, 2009.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа XXIII вв. СПб., 1994.

фон Галль Х. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2.

Галкина Е. С. «Белые пятна» этногенеза средневековых алан и этнические процессы в Центральном Предкавказье первых веков нашей эры // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2 (34).

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохаров в древней Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1.

Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия I-XV вв. Тбилиси, 1961.

Гардантис М. Q. Рагон Нарти æма уонæн сæ фæстагonti зæронд дигори дин. Киристон-Гъæу, 1893-1924 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. № 51. Д. 144.

Гарданти М. Q. Рагон дигорон хадзари царда уаг (Нравы и обычаи дигорцев). 1901-1903 // НА СОИГСИ. Фольклор. П. № 51. Д. 163. Т. 3.

Гарданти М. Q. Социально-Экономические Очерки (Современная Северная Осетия). Владикавказ, 1908.

Гарданти М. Q. Сказки, детские и девичьи песни. 1949 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. № 51. Д. 164-1. Т. 1.

Гарданти М. Q. Нартæ. 1959 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. № 51. Д. 164. Т. 3.

Гарданти М. Q. Нартæ. 1959a // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. № 51. Д. 164-4. Т. 4.

Гарданти М. K. 1959б // НА СОИГСИ. Фонд X. C. Черджиева. Оп. 1. Д. 27. Т. 5.

Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии Востоковедов. Л., 1930. Т. V.

Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // ЭО. 1994. № 3.

Герасимова М. М. Некоторые замечания к статье Н. Е. Берлизова // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Краснодар, 1998. Ч. 2.

Герасимова М. М. Равнины и горы в процессе расо- и этнообразования осетин // V Конгресс этнографов и антропологов России. ТД. М., 2004.

Герасимова М. М. Краниологические особенности средневекового населения Куртатинского ущелья: к вопросу об этнической истории осетин // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2

Герасимова М. М. Средневековое население Куртатинского ущелья (Северная Осетия) по антропологическим данным // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII.

- Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю.* Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии-Алании // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Герценберг Л.Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
- Гершевич И.* Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли // ВДИ. 1990. № 1.
- Гинзбург В.В.* Антропологическая характеристика саков Южного Памира // КСИИМК. 1960. Вып. 80.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Гладкова Т.Д., Тот Т.А.* Дерматоглифика венгров (к проблеме происхождения венгерского народа) // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Глебов В.П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2.
- Глебов В.П.* Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002. № 1-2.
- Глебов В.П.* К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А.В. Симоненко) // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002а. № 3-4.
- Глебов В.П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культуры Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Новые сарматские погребения

ния в бассейне реки Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993.

Гмыря Л.Б. Паласа-Сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV-первая половина V века) // Гуннский феномен. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск, 2013.

Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н. э.-первая половина I тысячелетия н. э.) // РА. 1991. № 3.

Горбунова Н.Г. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур) // Научная конференция «Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции». ТД. СПб., 1991а.

Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994.

Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. 2001. Вып. 35.

Горнчаровский В.А. Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I-середине III вв. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. Вып. 4.

Гочияева С.А., Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.

Грошев В. А. Историческая динамика водных ресурсов и археологические памятники Южного Казахстана (Ретроспектива) // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993.

Гугуев В. К. Кобяковская гривна (происхождение и датировка) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.

Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3.

Гугуев Ю. К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.

Гугуев Ю. К., Глебов В. П. И. В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. С. 396. Волгоград, 2000 // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002. № 1-2.

Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2.

Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. 1960а. № 4.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.

Гуриев Т. А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина *ir* // ИСОНИИ. 1962. Т. XXIII. Вып. I (языкознание).

Гуриев Т.А. Субстрат: некоторые вопросы теории и практики // Материалы международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения Арнольда Степановича Чикобава. Тбилиси, 1998.

Гуриев Т.А., Тулатова Е.А. Г. М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974 // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1977.

Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995.

Гутнов Ф.Х. Впускные катакомбы Моздока // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». ТД. Ростов-на-Дону, 1998.

Гутнов Ф.Х. Ранние аланы Юго-Восточной Европы // ИВУЗСК. 1999. Вып. 3.

Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.

Гутнов Ф.Х. Аланы Центрального Кавказа в начале новой эры // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002.

Гутнов Ф.Х. Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2007. Ч. I.

Гутнов Ф.Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ, 2011.

Гуцалов С.Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Урала: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э.-II в. н. э.) // Археологические ис-

следования на юге Восточной Европы. М., 1989 (ТГИМ. Вып. № 70).

Гущина И. И., Засецкая И. П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н. И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.

Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Давудов О. М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала, 1996.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института Этнографии. Новая серия. М., 1948. Т. IV.

Деген-Ковалевский Б. Е. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // ИГАИМК. 1935. № 110.

Денисов Е. П. Раскопки могильников на р. Ксиров (Саргазон) в дангаринском районе в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1984. Вып. XX.

Деопик Д. В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 4.

Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Дисс.... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф.... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1974а.

Джанашвили М. История Осетии // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. I. Д. 71.

Дзабаева И. Х., Исаенко А. В. Скандинавские мотивы в осетинских нартских сказаниях // История и филосо-

- фия культуры: актуальные проблемы. Владикавказ, 1996. Вып. 1.
- Дзагуров Г.А.* Осетинский фольклор. Дигорское устное народное творчество. 1905-1910, 1921-1926, 1921-1926а, 1924-1930, 1926-1937, 1942, 1942а // НА СОИГСИ. Фонд Гр. А. Дзагурова. Оп. 1. Д. 1, 13, 14, 17, 25, 33, 36.
- Дзаттиаты Р.Г.* К вопросу о воинских божествах осетин // ИЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI.
- Дзаттиаты Р.Г.* Аланы в дружине Вахтанга Горгасала // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
- Дзиццойты Ю.А.* Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
- Дзиццойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
- Дзиццойты Ю.А.* К этимологии термина *nart* // NARTAMONGÆ. 2008. Vol. V. № 1, 2.
- Дзиццойты Ю.А.* Кавказская Скифия // ИЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII.
- Дзиццойты Ю.А., Салбиев К.Т.* О книге Дж. Ченга «Очерки исторического развития осетинского вокализма» // Ченг Д. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.
- Дзукаева Н.В.* Участие алан в событиях 35 г. н. э. в Закавказье (историографический обзор) // ИЮОНИИ. 2000. Вып. XXXVI.
- Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С.* Жизнь осетинской семьи. Владикавказ, 1993.
- Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008.
- Добродомов И.Г.* Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.
- Досымбаева А.М.* Усуньский археокультурный аспект

в истории гуннов и тюрков Центральной Азии // Гуннский феномен. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск, 2013.

Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства // ВДИ. 1951. № 2.

Дьяконов И. М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

Ельницкий Л. А. Комментарии // ВДИ. 1949. № 2.

Ельницкий Л. А. Комментарии // ВДИ. 1949а. № 4.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

Еременко В. Е., Щукин М. Б. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихоновских чтений. Ленинград, 1988 г. СПб., 1992.

Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ. 1967. № 4.

Еремян С. Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. VIII.

Ержигитова А. А. Вклад Б. Нурмухамбетова в исследование погребальных памятников в Южном Казахстане // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Сборник научных статей. Алматы, 2011.

Ждановский А. М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотое кладбище» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Ждановский А. М. Появление алан в Прикубанье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Ждановский А. М. Подкурганнные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

Ждановский А. М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I-III вв. н. э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984а.

Ждановский А. М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н. э.-III в. н. э. (по материалам курганных погребений): Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06: М., 1985.

Ждановский А. М. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье-Поволжье-Средняя Азия) // Семинар «Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье». ТД. Новочеркасск, 1987.

Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья // Дон и Северный Кавказ в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1990.

Ждановский А. М. О центре аланского союза племен // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992.

Ждановский А. М., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам

1984 г. и дореволюционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы в Прикубанье // Конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». ТД. Азов, 1988.

Ждановский А. М., Яценко С. А. «Островок Центральной Азии» в Закубанье (I-II вв. н. э.) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.

Железчиков Б. Ф. Погребения IV в. до н.э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.

Железчиков Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI-II вв. до н. э.: Науч. доклад ... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1997.

Заднепровский Ю. А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных могильников Средней Азии // ПАВ. 1994. № 8.

Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии (Сборник статей) // Археологические изыскания. СПб., 1997. Вып. 40.

Заднепровский Ю. А. Пути миграции юэчжей по данным археологии // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996-1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.

Заднепровский Ю. А. О столичных центрах Давани (древней Ферганы) // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона («Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия»). Вып. I. СПб., 2000.

Зайцев А. И., Кузнецов Б. И. О названии Тибета // Топони-

- мика Востока. Исследования и материалы. М., 1969.
- Зайцев Ю. П.* Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифосарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола»). СПб., 1994.
- Зайцев Ю. П.* Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.
- Зайцев Ю. П.* Хронология царства Скилура (по археологическим данным) // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Засецкая И. П.* Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3.
- Захаров А. О.* К этническому аспекту проблемы падения Греко-Бактрии // Проблемы истории, археологии, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 2001. Вып. X.
- Зубов А. А., Халдеева Н. И.* Одонтология в антропогенетике. М., 1993.
- Зувев Ю. А.* К этнической истории усуней // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Т. VIII.
- Зувев Ю. А.* Политическая история сюннов, усуней и кангюев // История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977.
- Зувев Ю. А.* Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI): Проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995.
- Зувев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Зувев Ю. А.* Самое сильное племя // Историко-культур-

ные связи Ирана и Дашт-и Кипчака. Материалы международного круглого стола. Алматы, 2004.

Зураев А. П. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа (савроматы, скифы, сармато-аланы, анты, яссы и осетины). Нью-Йорк, 1966. Т. I.

Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829. Т. I.

Иваницкий И. Д., Инноваткина О. Н. Раскопки кургана Сирлибай-Тепе // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1988. Вып. 22.

Иванов А. История монголовъ (Юань-ши) объ асахъ-аланахъ // Христианский Восток. СПб., 1913. Т. II. Вып. I.

Иванов А. А., Плешанов М. Л. К вопросу о появлении «римского» импорта в Урало-Казахстанских степях // Гуннский феномен. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск, 2013.

Иванов В. А., Любчанский И. Э. Этнокультурная ситуация на Южном Урале в первой половине I тысячелетия нашей эры // УАВ. 2001. Вып. 3.

Иванов В. А., Сиротин С. В. Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географической традиции (<http://www.sgpi.bashedu.ru/Facultets/HISTORY>).

Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992.

Иванов Вяч. Вс. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.

Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5.

Иванчик А. И. К истолкованию сообщения Полиэна о киммерийцах (Polyaen, VII, 2, 1) // Кавказ и цивилизации

Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.

Иванчик А. И. «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999.

Иванчик А. И. Еще раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8-10) // МИФ7. София, 2001.
Ивченко А. В. Кочевнические погребения второй половины VI-VII веков в Северном Приазовье // Научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины». ТД. Харьков, 1999.

Идельбаев А. М. Древнеиранский компонент в башкирском этносе // Этническая история и культура народов советской страны. Всесоюзная научная конференция молодых ученых. ТД. Омск, 1991.

Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1992.

Иностранцев К. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и взаимных отношениях этих двух народов) // Труды туркологического семинара. I. Л., 1926.

Информационный бюллетень отдела фольклора. Владикавказ, 2005. Сентябрь. № 1.

Исаенко А. В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.

Исаенко А. В., Кучиев В. Д. Некоторые проблемы древней истории осетин // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.

Итина М. А., Левина Л. М., Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // ЭО. 1996. № 6.

Иштванович Э., Кульчар В. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Краснодар, 1998. Ч. 2.

Кадырбаев А. Ш. «Великие переселения народов» с востока в центр Азии: юэчжи, сюнну, канцзюи, усунь и их государства. III век до н. э.-V век н. э. (по материалам китайских династийных историй) // Иран-наме. 2009. № 1 (9) (http://www.central-eurasia.com/top/istochnilovedeni_e/?uid=283).

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата о народах территории СССР. М., 1988.

Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.

Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.

Каменецкий И. С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Каминский В. Н. Аланы на Северо-Западном Кавказе // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.

Каминский В. Н. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа (I-XIII вв. н. э.): Дисс....канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1990.

Каминский В. Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990а.

Каминский В. Н. Сарматское погребение с малоазийским и римским импортом из ст. Михайловская (Закубанье) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар, 2000.

Каминский В. Н., Берлизов Н. Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья (Понтийско-кавказские исследования I). Краснодар, 1993.

Каминский В. Н., Цокур И. В. Из истории аланских племен Северо-Западного Кавказа // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 8.

Кануков В. И. Сообщение. 1921 // ЦГА РСО-А. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 564.

Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах аиарс — «осетин», аӡанэиа — «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.

Керефов Б. М. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Нальчик, 1978.

Керефов Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX-VII вв. до н. э.-II в. н. э.). Нальчик, 1985. Т. 2.

Керефов Б. М. К проблеме среднеазиатско-северокавказских этнических связей в сарматское время // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Орджоникидзе, 1986.

Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.

Клейн Л. С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.

Клепиков В. М. Сарматы IV-III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Волгоград, 1998.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2009.

Ковалев А. А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Материалы конференции «Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э.». СПб., 1996.

Ковалев А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004.

Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен (ста-

- тя 1999 года) // А. В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. Пушино, 2005.
- Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 2.
- Кожомбердиева Э. И.* История изучения кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1998.
- Козырева Т. З.* Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- Козырева Т. З.* Отражение этнических и племенных названий в осетинской антропонимии // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
- Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае I-IV вв. н. э. М., 2000.
- Кокиев Г.* Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Ч. I.
- Кокиев Г.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
- Кокоева А. Б.* Смерть и похороны у осетин // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXXV.
- Кондратенко А. П.* Проблема локализации «Страны Гяньгунь» // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.
- Коновалов П. Б.* Генеалогические легенды древних тюрок и монголов и археология // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989.

Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб., 2003.

Королькова Е. Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Археологический сборник. СПб., 2001. Вып. 35.

Кочиев К. К. Тутыр — владыка волков (К вопросу о генезисе и стадильной трансформации культа) // ИЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI.

Кочиев К. К. Реликт дохристианской религии алан в Пшав-Хевсуретии (Иахсар/Ахсар) // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXXV.

Кочиев Р. С. Глава IV. Народы Кавказа. Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. М., 1979.

Кравцова М. Е. О генерале Хо Цюйбине и истории возникновения в Китае традиции каменной монументальной скульптуры // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб., 2004.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., 2001.

Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959.

Кривошеев М. В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Круглов-Мавродин Е. А. Саки-амиргии Геродота — «доноры» или «реципиенты»? // УАВ. 2001. Вып. 3.

Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э.-VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.

Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

- Кузнецов В. А.* К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Кузнецов В. А.* Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. Т. XXXVI. Вып. 1.
- Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Кузнецов В. А.* Иранизация и тюркизация центрально-кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.
- Кузнецов В. А.* Аланы и ассы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Кузнецов В. А., Романова Г. Б.* «Limes Caucasus» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.
- Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
- Кульчар В.* Некоторые характерные черты погребального обряда сарматов Карпатского бассейна // Донские древности. 1997. Вып. 5.
- Курочкин Г. Н., Субботин А. В.* Скифы на юге Сибири: Феномен тагарской культуры // IV археологический семинар «Античная цивилизация и варварский мир». ТД. Новочеркасск, 1994.
- Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я.* А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов. Л., 1951, 256 стр, тираж 3000 экз., цена 15 руб. // ВДИ. 1952. № 1.
- Кызласов Л. Р.* Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

- Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лавров Д.* Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Тифлис, 1883. Вып. 3.
- Ламанский В. И.* Заметки об ясах-аланах // Труды одиннадцатого археологического съезда въ Кіеве. М., 1902. Т. II. Ч. III.
- Левина Л. М.* Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
- Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.
- Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. // ЭО. 1997. № 2.
- Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. М., 1996.
- Лелеков Л. А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2011.
- Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Литвинский Б. А.* История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников): Автореф. ... докт. ист. наук. Исторические науки. № 575. М., 1969.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и средневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

Литвинский Б. А. Погребальный обряд // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.

Лопатин А. П., Лопатина Т. Е. Грунтовый могильник Прочноокопского городища № 3 Новокубанского района // Первая абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2006.

Лоховиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография в Туркмении. М., 1968.

Лоховиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции). М., 1979.

Лоховиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции). М., 1979.

Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // ВИ. 1985. № 9.

Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.

Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.

Луконин В. Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.

Лукьяшко С. Л. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Лысенко Н. Н. Асы-аланы в Центральной Азии (центральноазиатский аспект раннего этногенеза алан): Дисс.... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2001.

Лысенко Н. Н. Асы-аланы в Восточной Скифии (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н. э.-I в. н. э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников). СПб., 2002.

Любчанский И. Э., Таиров А. Д. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.

Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6.

Максимов Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 4.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитуров позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000, Вып. I.

Малашев В. Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику — друзья и ученики. М., 2007.

Малашев В. Ю. Культурная принадлежность и хронология могильника Паласа-сырт (Южный Дагестан) // Тру-

ды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т. I.

Малашев В. Ю. Курганные могильники равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа I-IV вв. н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2011а.

Малашев В. Ю. Аланская культура Северного Кавказа во II-IV вв. н. э.: проблемы ранней государственности // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце Античности-начале Средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара. М., 2013.

Малашев В. Ю., Торгоев А. И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала. 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Поздние сарматы Южного Приуралья и Кавказ (По материалам могильника Покровка 10) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Москва), 15-19 марта 2004 года. Тезисы докладов. М., 2004.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008.

Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001.

Малькольм А. Р. К. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. М., 2004.

Малышев А. А., Трейстер М. Ю. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. М., 1994. № 5.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Манандян Я. О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древнейших времен (V в. до н. э.-XV в. н. э.). Ереван, 1954.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. Т. V.

Мандельштам А. М. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. 1978. Вып. 154.

Мандельштам А. М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978а.

Мандельштам А. М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Мармонтова Т. В. Этнополитические и этнокультурные связи взаимодействия народов Арало-Каспия в исторической ретроспективе // «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии»: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы-Актобе, 2011.

- Март Н. Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. М., 1916.
- Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе южного Туркменистана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1959. Т. 5.
- Марченко И. И.* Сираки Прикубанья (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г.* Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2013. Вып. 2.
- Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р.* Малоизвестные и неизданные стелы керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника (К 180-летию Керченского музея древностей). Керчь, 2006. Вып. 1.
- Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. № VI-VII.
- Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.-I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
- Мачинский Д. А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII-V вв. до н. э. // Материалы 2-го археологического семинара «Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)». Новочеркасск, 1989.
- Мачинский Д. А., Кулешов В. С.* Северные народы середины IV-первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладос

га и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовицком могильнике // История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1983.

Медведев А. П. К интерпретации орнаментальных сюжетов на сармато-аланских бронзовых зеркалах // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000.

Медведев А. П. О формах зависимости в сарматских обществах в первые века нашей эры // ПАВ. 2010. Вып. 11.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. 1888. Вып. I.

Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963.

Мирошина Т. В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Міхеев В. К., Бубенок О. Б., Хамрай О. О. Коментарі до першої частини // Хазарский альманах. Київ-Харків-Ерусалим, 2008. Т. 7.

Молев Е. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.

Молодин В. И., Комисаров С. А. О месте народа гуши (цзюйши) в этнокультурной истории Центральной Азии (материалы для обсуждения) // Материалы Международной научной конференции «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. II.

Мордвинцева В. И. Сарматские фалары и некоторые вопросы истории и культуры сарматов // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994.

Мордвинцева В. И. Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов // НАВ. 1998. Вып. 1.

Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М. Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.

Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Научный доклад... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1989.

Мошкова М. Г. Роль кочевников раннего железного века Подонья-Южного Приуралья в формировании торговых путей // Международное сотрудничество археологов на «великих» торговых путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.

Мошкова М. Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II-IV вв. н. э. // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994а.

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии. М., 2008.

Мошкова М. Г. Глава 3. Анализ сарматских погребальных памятников II-IV вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград, 1999.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Болелов С. Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последние веков до н. э. — IV в. н. э. // РА. 2007. № 3.

Мукашева Р. Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Наглер А. О., Чипирова Л. А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.

Найденко А. В. Центральное Предкавказье в эпоху средневековья (1. Племена и народы Центрального Предкавказья) // Наш край Ставрополье. Ставрополь, 1999.

Намиток А. Происхождение черкесов. Париж, 1939 // НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. П. 27. Д. 73.

Нарожный Е. И. Прикубанье на итальянских картах XIV века // Материалы четвертой региональной научно-практической конференции «Историческое регионоведение — вузу и школе». Армавир, 1995.

Нартæ. Ирон адамы героикон эпос. М., 1990. Ч. 1.

Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу, 2003, 2004, 2005, 2007. Т. I-IV.

Нахурцишвили Р. Л. Об агглютивном характере осетинского именного склонения // ВЯ. 1969. № 1.

Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе:

- Автореф....канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1956.
- Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Ньоли Г.* Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002.
- Обельченко О.Б.* Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Вып. 2.
- Оболдуева Т.Г.* Курганы на арыке Джун // СА. 1988. № 4.
- Ольховский В.С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4.
- Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3.
- Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1988.
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников.* Орджоникидзе, 1967.
- Откупщиков Ю.В.* Opera philologica minora (античная литература, языкознание). СПб., 2001.
- Памятники народного творчества осетин.* Орджоникидзе, 1941. Вып. 5.
- Памятники народного творчества осетин.* Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. Владикавказ, 1992.
- Панеш Э.Х.* О социальном значении этнонима «касог» // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983.

- Пассек В.* Осетинцы // Очерки России. СПб, 1838. Кн. 1.
- Пахалина Т. М.* О происхождении топонимов Ишкашим, Язгулям и Вахан // Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976.
- Первалов С. М.* Современное состояние аланских исследований в России (По поводу книги: Т. А. Габуев. Ранняя история алан по данным письменных источников) // ВДИ. 2002. № 2.
- Первалов С. М.* Аланы в надписях I-III вв. // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002а.
- Первалов С. М.* Аланский мир от Испании до Китая // NARTAMONGÆ. 2003. Vol. II. № 1-2.
- Первалов С. М.* Аланская эпиграфика: состояние и перспективы // I Всероссийские Миллеровские чтения. ТД. Владикавказ, 2008.
- Первалов С. М.* Каспийско-понтийский участок Великого Шелкового пути // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16-18 апреля 2008 г. Материалы конференции. М., 2008а.
- Первалов С. М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 2010.
- Первалов С. М.* «Без посредничества персов»: Каспийско-Понтийский участок Великого шелкового пути в древности // Древнейшие государства Восточной Европы — 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010а.

Перевалов С. М. Аланская эпитафия. 2. Каталог латинских надписей // Вестник ВНЦ. Владикавказ, 2011. Т. 11. № 3.

Перевалов С. М. Ранние аланские миграции как фактор эволюции политических структур кочевых обществ Восточной Европы // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как фактор политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 18-20 апреля 2012 г. Материалы конференции. М., 2012.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2005. Кн. 6.

Периханян А. Г. Армянская надпись из Зангезура (Некоторые вопросы среднеиранской диалектологии) // Историко-филологический журнал. Ереван, 1965. № 4 (31).

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.

Пилипко В. Н. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Материалы Международной научной конференции «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. II.

Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.

Плоских В. Историко-археологические исследования Иссик-Куля // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2010. Т. 10. № 8.

Погребова М. П., Раевский Д. С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. М., 1994. Вып. I.

Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 год. М., 1984.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э.-VI в. н. э. Туркестан, 2000.

Подушкин А. Н. Сяуну в Южном Казахстане (по материалам арысской культуры) // Номады казахстанских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Астана, 2008.

Подушкин А. Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.

Подушкин А. Н. Коллективные погребения в катакомбах арысской культуры (по материалам могильника Культобе) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. II.

Подушкин А. Н. Катакомбы арысской культуры Южного Казахстана: коллективные погребения могильников Культобе и Кылышжар (II в. до н. э.-III в. н. э.) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2.

Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.

- Попов А. А.* Греко-бактрийское царство. СПб., 2008.
- Прокопенко Ю. А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н. э.-XI в. н. э. Ставрополь, 1999.
- Прокопенко Ю. А.* К вопросу об этнополитической истории населения Центрального Предкавказья II в. до н. э.-I в. н. э. // NARTAMONGÆ. 2007. Vol. IV. № 1, 2.
- Пугаченкова Г. А.* Курган-тепе (Согдийско-Кангюйский симбиоз) // Всесоюзная конференция «Советская археология в XI пятилетке». ТД. М., 1983.
- Пугаченкова Г. А.* Новое о художественной культуре Согда // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1983. Л., 1985.
- Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Пуздровский А. В.* Сарматы в Крыму // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
- Пуздровский А. В.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э.-III в. н. э.) // Херсонесский сборник. Симферополь, 1999. Вып. X.
- Пуздровский А. В.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э.-III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3.
- Пфаф В. Б.* Этнологические исследования обь осетинах // ССК. 1872. Т. II.
- Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3.
- Пьянков И. В.* Paolo Daffina, L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana, Roma, 1967 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro studio e scavi archeologici in Asia. Reports and Memoirs, vol. IX), XVI+126 стр., — карты // ВДИ. 1969. № 4.
- Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.
- Пьянков И. В.* Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Ски-

фии (Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4.

Пьянков И.В. Некоторые вопросы истории Средней Азии // ВОСТОК-ORIENTIS. М., 1995. № 6.

Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.

Пьянков И.В. Marek J., Olbrycht M. Parthia et ulteriore gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998 // ВДИ. 2002. № 3.

Пьянков И.В. Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана»: полемика археолога с филологами? (По поводу книги Б.И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.-VIII в. н. э.». М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999) // ВДИ. 2004. № 4.

Раев Б.А. Металлические сосуды кургана «Хохлач» // Проблемы археологии. М., 1978. Вып. 2.

Раев Б.А. Новое погребение с импортом в Нижнем Дону // СА. 1979. № 4.

Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.

Раев Б.А. «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М., 1985.

Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: восток-запад // Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Раев Б.А. Аланы и Рим: археологические реалии в историческом аспекте // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов IV археологического семинара). Новочеркасск, 1994.

Раев Б.А. Северо-кавказские древности римского вре-

мени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тезисы конференции 30-31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000.

Раев Б. А. Были ли аланы кочевниками? // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008.

Раев Б. А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы, 2008а.

Раев Б. А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008б. Т. II.

Раев Б. А. Погребения в катакомбах могильника Спорное 1: кочевой компонент в меотском контексте // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т. I.

Раев Б. А., Марченко И. И. Катакомбы и подбои меотского грунтового могильника городища «Спорное 1» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 2005.

Раев Б. А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.

- Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Раевский Д. С.* К истории скифско-греческих отношений (II в. до н. э.-II в. н. э.) // ВДИ. 1973. № 2.
- Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М.* В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Расторгуева В. С.* О явлениях агглютации в иранских языках // Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию В. И. Абаева). М., 1976.
- Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема // НАА. 1963. № 6.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. СПб., 1925.
- Ростовцев М. И.* Иранский конный бог на юге России // ВДИ. 1990. № 2.
- Ростовцев М. И.* Сарматы // ПАВ. 1993. Вып. 5.
- Ростунов В. Л., Березин Я. Б.* Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Жукова О. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В.* Генофонд, геногеография и заболеваемость населения (по данным о Северной Осетии) // Успехи современной генетики. 1996. Вып. 20.
- Рычков С. Ю., Наумова О. Ю., Морозова И. Ю.* Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Северного Кавказа в свете генетической связи с сарматским населением Предкавказских степей // Биологическое разнообразие Кавказа. Труды II региональной конференции (Сухум, 18-23 сентября 2001 г.). Сухум, 2002.
- Савенко С. Н.* Раздел II. 2. 2. Вклад Кавказоведческой школы в исследование проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н. э.-IV в. н. э.) // Кавка-

зоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник-научно-исследовательских очерков и библиографических материалов. Армавир, Ставрополь, 2013.

Салагаева З.М. О мифологических мотивах в осетинском нарттовском эпосе // Проблемы осетинского Нартовского эпоса. Владикавказ, 2000.

Сапрыкин С.Ю. Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1.

Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1.

Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I-начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.

Сатеев О.И. Социально-экономические факторы формирования военно-демократического комплекса в сарматском обществе (К вопросу о раннеаланской стадии) // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.

Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, 2011.

Свиридов А. Н. Кангюйская проблема в археологии Казахстана // Проблемы истории, филологии культуры. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2012. № 2 (36).

Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // ПАВ. 1993. Вып. 4.

Семенов Вл. А. Культура усуней на севере Центральной Азии // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Междуна-

- родной научной конференции. Владикавказ, 2008.
- Семенов И.Г.* Этнополитическая история Восточного Кавказа в III-VI вв.: Автореф. ... канд ист. наук. 07.00.02. Махачкала, 2002.
- Сергацков И.В.* Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1.
- Сергацков И.В.* Динамика взаимоотношений сарматов Волго-Донских степей с античным миром во II в. до н. э.-III в. н. э. // VIII международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря». ТД. Ростов-на-Дону, 1996.
- Сергацков И.В.* Проблема становления среднесарматской культуры и памятники зубовско-воздвиженской группы Прикубанья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции. Энгельс, 1997. Ч. 2.
- Сергацков И.В.* Сарматские памятники II в. до н. э.-III в. н. э. в бассейне Иловли: Автореф....канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1997а.
- Сергацков И.В.* О некоторых обстоятельствах появления алан в Восточной Европе // НАВ. 1998. Вып. 1.
- Сергацков И.В.* Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
- Сергацков И.В.* Находки в зверином стиле из сарматских курганов на Иловле // НАВ. 1999а. Вып. 2.
- Сергацков И.В.* Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии

- и истории». Самара, 2000. Вып. I.
- Сергацков И. В.* Проблемная ситуация в хронологии среднесарматской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.
- Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов // Кочевники евразийских степей и античный мир. (Проблемы контактов): Материалы II археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- Симоненко А. В.* Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.
- Симоненко А. В.* Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992а. № 3.
- Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Симоненко А. В.* Могильник Днепрозавод-строй и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. 2000. Вып. 3.
- Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Симоненко А. В.* «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // НАВ. 2010а. Вып. 11.
- Симоненко А. В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011.
- Симоненко А. В.* Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства // Золото, конь и всадник: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012.
- Симоненко А. В.* Михайловские «рюмки» // Золото, конь и всадник: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012а.
- Симоненко А. В.* Сарматское погребение в кургане Ка-

мова Могила // Золото, конь и всадник: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012б.

Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребение знати у с. Пороги). Киев, 1991.

Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. 1959. № 6. Т. I.

Скалон К. М. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. Вып. 2.

Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия (Некоторые проблемы исследований) // СА. 1980. № 1.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4.

Скрипкин А. С. Археологические и исторические данные о появлении аланов в Восточной Европе // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989а.

Скрипкин А. С. Б. М. Керефов. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988, 214 с, 26 рис. // СА. 1989б. № 4.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Автореф.... докт. ист. наук. М., 1992.

Скрипкин А. С. О происхождении мечей с кольцевым навершием у сарматов в свете миграционной концепции // VI научная конференция «Международные отно-

шения в бассейне Черного моря». ТД. Ростов-на-Дону, 1992а.

Скрипкин А. С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Донно-Уральского регионов в последние века до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Ч. II.

Скрипкин А. С. О начале и некоторых особенностях функционирования северного ответвления Великого шелкового пути // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов IV-го археологического семинара). Новочеркасск, 1994а.

Скрипкин А. С. Сарматский феномен // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции. Волгоград, 1994б.

Скрипкин А. С. Сарматы // Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995.

Скрипкин А. С. К проблеме сармато-китайских культурных связей // VIII международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря». ТД. Ростов-на-Дону, 1996.

Скрипкин А. С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996а. № 1.

Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. Учебное пособие. Волгоград, 1997.

Скрипкин А. С. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3.

Скрипкин А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000а. Вып. I.

Скрипкин А. С. О китайской традиции в сарматской культуре // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000б.

Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. 2001. Вып. 7.

Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифосарматское время // ВДИ. 2003. № 3.

Скрипкин А. С. Великий Шелковый путь в истории Юга России // Скрипкин А. С. Сарматы и Восток. Избранные труды. К 70-летию автора. Волгоград, 2010.

Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифосарматское время // Скрипкин А. С. Сарматы и Восток. Избранные труды. К 70-летию автора. Волгоград, 2010а.

Скрипкин А. С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Скрипкин А. С. Сарматы и Восток. Избранные труды. К 70-летию автора. Волгоград, 2010б.

Скрипкин А. С., Минеева О. И. Об одном типе сарматских зеркал // I Международная Нижневолжская археологическая конференция. ТД. Волгоград, 2004.

Смагулов Е. А. Арысская культура: миф или реальность

(заметки по поводу) // Известия НАН РК. Алматы, 2004. № 1.

Смагулов Е., Павленко Ю. К вопросу о гуннах Южного Казахстана // Конференция «Северная Евразия от древности до средневековья». К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. ТД. СПб., 1992.

Смирнов А. А. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // УЗКБНИИ. 1948. Вып. IV.

Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. 34.

Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46.

Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.

Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Смирнов К. Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Смирнова Я. С. Военная демократия в нартском эпосе // СЭ. 1959. № 6.

Снесарев Г. П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX-начало XX вв.)» // Хозяйственно-культурные

традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
Собиев И. Дигорское ущелье. 1893-1899 // НА СОИГСИ.
Отд. Истории. Ф. 4. Оп. I. Д. 58 «а».

Собиев И. Сказания, песни, детские рассказы, охотничий язык и другие. 1958 // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. П. 67. Д. 11.

Сокаева Д. В. Обряды, отражающие отношения неба и людей у осетин (семантико-структурный аспект) // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып. 2, 1.

Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. 1954. Т. XX.

Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. 1956а. Т. XX.

Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956б. Вып. 64.

Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблемы контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. I.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М., 1997.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002.

Столба В. Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V-II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6.

Стрижак О. С. Етнотімія Птолемеєвої Сарматії у пошуках Русі. Київ, 1991.

Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. Ч. II.

Таиров А. Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // I Международная Нижневолжская археологическая конференция. ТД. Волгоград, 2004.

Таиров А. Д. Этнокультурные трансформации III-II вв. до н. э. в урало-казахстанских степях // Известия Челябинского научного центра. Челябинск, 2004а. Вып. 4 (26).

Таиров А. Д. Урало-аральская культурно-историческая область как результат адаптации древнего населения к условиям вмещающего ландшафта // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2010. № 2 (27).

Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. 1956. Вып. 63.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1973. Вып. 2.

Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962. Т. I.

Ташбаев Ф., Пардаев М. Х., Грицина А. А. Изучение Гультябинского могильника (предварительное сообщение) // Культура номадов Центральной Азии: материалы Международной научной конференции, Самарканд 22-24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008.

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1985.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

Токказиева Ж. К. Сравнительный анализ катакомбных погребений бассейнов рек Талас и Арысь // Культура

номадов Центральной Азии: материалы Международной научной конференции, Самарканд 22-24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1.

Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938а. № 1.

Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3-4.

Толстов С. П. Из предистории Руси // СА. 1947. № VI-VII.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948а.

Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. 1961. № 4.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических данных // ВДИ. 1963. № 2.

Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.

Торланбаева К. У. К вопросу о миграциях в Центральную Азию в древности // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. II.

Тохтасьев С. Р. Scythica в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)» // ВДИ. 1984. № 3.

- Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: V-IX // *Hyperboreus*. 1994/1995. Vol. I. Fasc. 2.
- Тохтасьев С. Р.* Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 1.
- Тохтасьев С. Р.* А. И. Иванчик. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. Москва-Берлин: Палеограф, 2005. 312 с. (*Pontus septentrionalis III*) // ВДИ. 2008. № 1.
- Тохтасьев С. Р.* Иранские имена в надписях Ольвии I-III вв. н. э. // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб., 2013.
- Тревер К. В.* Резной аметист из собрания Эрмитажа // Сообщения ГАИМК. Л., февраль 1931. № 2.
- Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.-VII в. н. э. М.-Л., 1959.
- Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н. э. // Древности Боспора. М., 2010. № 14.
- Трибунский С. А.* Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: Автореф.... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2003.
- Трофимова Т. А.* Краниологические материалы из могильников Тумек-Кичиджик // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973.
- Трофимова Т. А.* Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М., 1979.

Туаллагов А.А. Сарматы в городах Северного Причерноморья: Автореф.... канд. ист. наук. 07.00.02. Владикавказ, 1994.

Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э.-I в. н. э. Владикавказ, 2001а.

Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э.-I в. н. э. (основные проблемы этногенеза и этно-политической истории): Дисс.... докт. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2002.

Туаллагов А.А. Аланы-арии // Материалы Международной научной конференция «Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания». Владикавказ, 2002а.

Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007.

Туаллагов А.А. Курганное аланское погребение у сел. Брут (Северная Осетия) // Археологический журнал. Армавир, 2008. № 2.

Туаллагов А.А. О походе 35 г. н. э. // ИЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII.

Туаллагов А.А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.

Туаллагов А.А. Сведения «Ашхарацуйц» об аланах // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2010а. Вып. 4 (43).

Туаллагов А.А. Аланы или «аланы»? // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011.

Туаллагов А.А. Аланы Центрального Предкавказья и «новые» эпиграфические памятники (некоторые вопросы историографии) // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию

доктора исторических наук профессора А. А. Кудрявцева. Ставрополь, 2011а.

Туаллагов А. А. Раздел 1. Глава 5. Аланы Северного Кавказа в I-IV вв. // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012.

Туаллагов А. А. К исторической интерпретации материалов Косикского погребения (некоторые вопросы историографии) // МИАСК. 2012а. Вып. 13.

Туаллагов А. А. Аланы и некоторые данные эпиграфических памятников // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48).

Туаллагов А. А. Аланы Придарьяля и закавказские походы I-II вв. Владикавказ, 2014.

Тур С. С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Сборник, посвященный памяти антрополога А. Р. Кима. Барнаул, 1996.

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.

Уарзиати В. С. Флаг в семейной обрядности осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987.

Уарзиати В. С. Названия флага в осетинском языке // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987а. Вып. 2.

Уарзиаты В. С. Этнокультурные встречи в народной хореографии осетин // Молодые ученые Осетии к 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988.

Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007. Кн. 1.

Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 2.

Ульянова У. М. К атрибуции катакомбных погребений

среднесарматского периода // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.

Умняков И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3-4.

Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.

Филанович М. Древний Чач на пути евразийских миграций номадов (данные археологии и историческая традиция) // А. В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.

Филимонов М. В. Проблемы этногенеза древних енисейских народов Сибири и Алтая по данным древней этнонимии и палеопсихосемиотики языка и древних культур // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995.

Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., *Фирштейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.

Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1971.

Фрейман А. А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // УЗЛГУ. История и филология стран Востока. Серия востоковедческих наук. 1952. № 128. Вып. 3.

Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.

Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.

Халикова Е. А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.

- Хамицаева Т.А.* Осетины // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Хамицаева Т.А.* Календарные обряды и обрядовая поэзия осетин весенне-летнего цикла // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988.
- Харматта Я.* Из истории алано-парфянских отношений // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. Т. XIII. Fasc. 1-2.
- Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное государство. М., 1967.
- Хван М. Ф.* Китайские географические названия в трудах Н.Я. Бичурина // Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
- Хеннинг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. I.
- Ходжайов Т.К.* Об одном древнем обычае в Средней Азии // III Конгресс этнографов и антропологов России. ТД. М., 1999.
- Цагаева А.Дз.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. I, 1975, Ч. II.
- Цагаева А.Дз.* Иранские архаизмы в топонимике Северной Осетии // Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию проф. В.И. Абаева). М., 1976.
- Цзи Сянь-линь.* Тохарский язык: его открытие, расшифровка и значение для китайско-индийских культурных связей // Тохарские языки. М., 1959.
- Цукерман К.* Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. 2005. Вып. 218.
- Цуциев А.А.* Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.
- Цуциев А.А.* Яньцай и ранние аланы // Античная цивили-

зация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996.

Цуциев А. А. Об одном аланском антропоморфном изображении // История и философия культуры: актуальные проблемы. Сборник научных трудов. Владикавказ, 1998. Вып. 3.

Цуциев А. А. Аланы Средней Азии (I-VI вв. н. э.): проблемы этногенеза: Дисс....канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 1999.

Цуциев А. А. Аланы Средней Азии (I-VI вв. н. э.): проблемы этногенеза: Автореф....канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 1999а.

Цуциев А. А. События в Центральной Азии и появление алан в Юго-Восточной Европе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 2001.

Цуциев А. А. Аланы и события в Центральной Азии в первой половине I в. н. э. // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010.

Цховребов З. К анализу надгробных памятников осетин // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. М., 1988. Вып. 13.

Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. I: Дзауский район. М., 2013.

Черняк А. Б. К интерпетации сообщения Тацита о Вононе // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1984. № 4.

Черняк А. Б. О конъектуре Липсия Aorsi в рассказе Тацита о боспорском походе римлян // Материалы III-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.

Чеченов И. М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Нальчик, 1978.

Чёнг Д. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.

Чикишева Т. А. Особенности зубной системы ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1 (9).

Чипирова Л. А., Халимбекова Ф. М. К вопросу о социальной атрибуции сармато-аланского мира // Международная научная конференция по осетиноведению, посвященная 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена. ТД. Владикавказ, 1994.

Чокаев К. З. Из иранской топонимии Чечено-Ингушетии // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2.

Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал, 1985.

Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996.

Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 2000.

Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.

Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву осетин // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2.

Шаров О. В. Культурные комплексы на г. Таракташ в Восточном Крыму // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и

сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008.

Шаров О. В. Центральная Азия и миграционные процессы в европейской Сарматии на рубеже эр: возможность исторических интерпретаций // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2.

Шафарик П. Г. Славянскія древности. Часть историческая. М., 1848. Т. I. Кн. I.

Шелов Д. Б. Из античной литературной традиции о Митридатových воинах (Посидоний, Цицерон) // История и культура античного мира. М., 1977.

Шелов-Коведяев В. Замечания к Ptolem. III, 5, 5 // Симпозиум по структуре балканского текста. ТД. М., 1976.

Шелов-Коведяев Ф. В. Птолемей // Свод древнейших письменных источников о славянах. К XIII Международному конгрессу византинистов. Т. I (I-VI вв.). М., 1991.

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. Т. I.

Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1983.

Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Орозаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические хроники. М., 1993.

Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

Шнирельман В. А. Передел судьбы (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия) // Вымысел и истина. Пятигорск, 2010.

Шопен И. Новые заметки по древняя истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.

Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Щеглов Д. А. Датировка появления алан в Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.-V век н. э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь. 5-8 ноября 2002 г. Тирасполь, 2002.

Щеглов Д. А. «Европейские скифы» — противники Александра Великого: проблемы этнической принадлежности // Материалы Международной научной конференции «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. II.

Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2006. Т. II (XXVII).

Щукин М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.

Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.-I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Юсупов Х. Результаты археологических работ в Севе-

ро-Западной Туркмении весной 1971 г. // Каракумские древности. Ашхабад, 1977. Вып. V.

Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Яблонский Л. Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // УАВ. 1998. Вып. 1.

Яблонский Л. Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998а. Вып. II.

Яблонский Л. Т. Отзыв на статью Н. Е. Берлизова // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Краснодар, 1998б. Ч. 2.

Яблонский Л. Т. Главные миграционные процессы на территории Южного Приаралья в раннем железном веке // НАВ. 2000. Вып. 3.

Яблонский Л. Т. Этногенез ранних кочевников Южного Приуралья // Материалы II региональной научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». Челябинск, 2004.

Ягодин В. Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тыс. н. э. // Археология и этнография Башкирии: Материалы научной сессии по этногенезу башкир (май 1969 г.). Уфа, 1970. Т. 4.

Яйленко В. П. Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья. М., 1995.

Яйленко В. П. Гунно-булгары II-IV вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропониимики // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5.

Яценко С. А. Плиты-энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии // Конференция «Северная Евразия от древности до средневековья». К 90-летию со дня рождения

- Михаила Петровича Грязнова. ТД. СПб., 1992.
- Яценко С. А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Материалы III-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992а. Ч. II.
- Яценко С. А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье: Тезисы VI научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992б.
- Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // ПАВ. 1993. № 3.
- Яценко С. А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Материалы III-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1993а. Ч. II.
- Яценко С. А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э.-III в. н. э. Происхождение стиля «клуазонне» // ПАВ. 1993б. № 4.
- Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I-середины IV вв. н. э. // ПАВ. 1993 в. Вып. 6.
- Яценко С. А. Выступление // Кочевники евразийских степей и античный мир (Материалы дискуссии II-го археологического семинара). Новочеркасск, 1993 г.
- Яценко С. А. Аланские катакомбы II-IV вв. н. э.: новые материалы и новые заблуждения // ПАВ. 1994. № 8.
- Яценко С. А. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. I-сер. II вв. н. э. // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб., 1994а.
- Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н. э. // ПАВ. 1997. № 9.
- Яценко С. А. «Бывшие массагеты» на новой родине — в

Западном Прикаспии (II-IV вв. н. э.) // ИАА. 1998. Вып. 4.
Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. № 3.

Яценко С. А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н. э. // НАВ. 2000. Вып. 3.

Яценко С. А. Заметки по истории и культуре сарматоаланов // НАВ. 2003. Вып. 6.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Altheim F. Literatur und gesellschaft im Ausgehenden altertum. Halle/Saale, 1950.

Altheim F. Supplementum Aramaicum. Baden-Baden, 1957.

Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959. Bd. I.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archeologiques en Cremee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol. 5). Leiden-Boston-Köln, 2004.

Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.

Bailey H. W. Ttaugara // BSOAS. 1937. Vol. VIII. P. 4.

Bailey H. W. Asica // TPS. 1946.

Bailey H. W. Irano-Indica II // BSOAS. 1949. Vol. XIII. P. 1.

Bailey H. W. Ariaca // BSOAS. 1953. Vol. XV. P. 3.

Bailey H. W. Languages of the Saka // Handbuch der Orientalistik. I. der Nahe und der Mittlere Osten. Vierter Band: Iranistik. Erster Abschnitt: Linguistik. Leiden-Köln, 1958.

Bailey H. W. Iranian arya- and daha-// TPS. 1959.

Bailey H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan // Iran. 1970. Vol. VIII.

- Bailey H. W.* Saka and Alan // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.
- Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. London-New York-Melbourne, 1979.
- Bailey H. W.* Iranian and Hiung-nu // Acta Iranica 21. 1981. Vol. VII.
- Bailey H. W.* Indo-Scythians Studies being Khotanes Texts. Cambridge, 1985. Vol. VII.
- Bailey H. W.* Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. 2003. Vol. II. № 1-2.
- Bârcă V., Symonenko O.* Călăreții stepelor: sarmații in spațiul nord-pontic = Horsemen of the steppes. The sarmatians in the north pontic region. Cluj-Napoca, 2009.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
- Benjamin C. G. R.* The Yuezhi Migration and Sogdiana // Transoxiana. Journal de Estudios Orientales. 2003 (<http://www.transoxiana.com.ar>).
- Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main-Bern-Las-Vegas, 1977.
- Bielmeier R.* Zum Namen der Kaukasischen Iberer // Nubia et Oriens Christianus. Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60. Geburtstag. Köln, 1988.
- Bleichsteiner R.* Das Volk der Alanen // Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient. Wien, 1918. № 2.
- Boswort A. B.* Vespasian`s Reorganization of the North-East Frontier // Antichthon. Journal of the Australian Society for Classical Studies. 1976. Vol. 10.
- Bretschneider E.* Notices of the Mediaeval geography and History of Central and Western Asia, drawn from chinese and mongol writings, and compared with the observations

of western authors in the middle ages. London, 1876.

Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians 600 BC-AD 450. Oxford, 2002.

Cavaignac E. La paix romaine. Paris, 1928.

Charpentier J. Die ethnografische Stellung der Tocharer // ZDMG. 1917. Bd. 71.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. XI.

Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei lio // T'oung pao. Leiden, 1905. Ser. II. Vol. VI.

Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou // T'oung pao. Leiden, 1907. Ser. II. Vol. VIII.

Daffina P. L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana // Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro studio e scavi archeologici in Asia. Reports and Memoirs. Roma, 1967. Vol. IX.

De Groot J. J. M. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin, 1921.

De Groot J. J. M. Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit. Berlin, 1926. Bd. 2.

Deguignes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. Paris, 1756. T. I.

Dorneich Ch. M. Zhang Qian. The Secret Mission of Han Emperor Wu in Search of the Ruzhi (Yuezhi) and the Fall of the Graeco-Bactrian Kingdom (Annotated Compilation of Eastern and Western Sources). Berlin, 2008 (<http://www.chrisdorneich.tumblr.com>).

Dorneich Ch. M. The Great Yuezhi/A (r) si Exodus of 166 BCE. Berlin, 2010 (<http://www.chrisdorneich.tumblr.com>).

Dubrovskaya D. Alans: The Missing Links between the Orient and the Occident during the Genghisid Era // Languages and Cultures in the Caucasus Papers from the

Internationals Conference «Current Advances in Caucasian Studies». Macerata, January 21-23, 2010. München-Berlin, 2011.

Dunlop D.M. A History of the Jewish Khazar. Princeton, 1954.

Engberg E., Lubotsky A. Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuskript: a Preliminary Report // NARTAMONGÆ. 2003. Vol. II. № 1-2.

Enoki K. Sogdiana and the Hsiung-nu // CAJ. 1955. Vol. I.

Enoki K. Yueh-shih — Scythians identity. A Hypothesis // International Symposium on history of Eastern and Western Cultural Contacts. Tokyo-Kyoto, 1959.

Enoki K. On the Natinality of the Ephtalites // Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1959a. № 18.

Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z. The Yüh-chih and their migrations // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Dehli, 1999.

Erdy M. Three Archaeological Links between the Xiongnu and the Huns // Материалы Международной научной конференции «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. II.

Feist S. Indogermanen und Germanen. Halle, 1924.

Fild H. Contribution to the antropology of the Caucasus. Cambridge, Massachussets, 1953.

Freiman A. Ossetica // Rosznic orjentalistyczny. 1925. T. III.

Frye R. N. Ossete-Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovich Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Serie orientale Roma. Rome, 1998. Vol. LXXXII.

Gerhardt D. Alanen und Osseten (Bereicht über neuere

- Arbeiten) // ZDMG. 1939. Bd. 93 (Neue Folge Bd. 18).
- Gershevich I.* Word and Spirit in Ossetic // BSOAS. 1955. Vol. XVII.
- Gershevitch I.* Linguistic Geography and Historical Linguistics // La Posizione Attuale Della Linguistica Storica Nell'Ambito Delle Discipline Linguistiche. Roma, 1992.
- Gnoli G.* The Historical Questions Relating to the Alans and the Mountains // *Studia Iranica et Alanica*. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovich Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Serie orientale Roma. Rome, 1998. Vol. LXXXII.
- Golden P.B.* An introduction to the history of the Turkic people: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica; Bd. 9).
- Gorbunova N. G.* The Culture of Ancient Fergana. Oxford, 1986.
- Gutshmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.
- Haloun G.* Zur Üe-tsi Frage // ZDMG. Bd. XCI. H. 2.
- Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950.
- Harmatta J.* Studies in the Language of the Iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.
- Harmatta J.* Studies on History and Language of the Sarmatians // *Acta Antiqua et Archaeologica*. Seged, 1970. T. 13.
- Henning W.B.* Selected Papers // *Acta Iranica*. Leiden, 1977. Vol. V.
- Henning W.B.* The First Indo-Europeans in History // *Society and History*. Essays in Honor of Karl August Wittfogel. Hague-Paris-New York, 1978.
- Herrmann A.* Sakai // RE. 1914. Bd. I.

- Herrmann A. Samnitae* // RE. 1920. Bd. II.
- Herrmann A. Seres* // RE. 1923. Bd. II-A.
- Herzfeld E. Sakastan* // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 1932. Bd. IV (5).
- Hill J.E. The Western Regions according to the Hou Hanshu. The Xiyu juan «Chapter on the Western Regions» from Hou Hanshu 88.* 2003 (<http://depts.washington.edu/uwch/silkroad/texts>).
- Hill J.E. The Peoples of the West from the Weilue by Yu Huan.* 2004 (<http://depts.washington.edu/uwch/silkroad/texts>).
- Hirth F. China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as represented in old Chinese records.* Leipzig, Munich, Shanghai, Hongkong, 1885.
- Hirth F. Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.* München, 1899.
- Hirth F. Mr. Kingsmill and the Hiung-nu* // JAOS. 1909. Vol. XXX.
- Hirth F. Mr. Kingsmill and the Hiung-nu.* Leipzig, 1910 (reprint).
- Hirth F. The Story of Chang K'ien, China's pioneer in Western Asia* // JAOS. 1917. Vol. XXXVII. Pt. 2.
- Hübschmann H. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache.* Strassburg, 1887.
- Hudson G. F. Europe and China.* London, 1931.
- Hulsewe A. F. P., Loewe M. A. N. China and Central Asia. The Early Stage: 125 B. C.-A. D. 23. An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty by A. F. P. Hulsewe with Introduction by M. A. N. Loewe* // Sinica Leidensia. Leiden, 1979. Vol. 14.
- Humbach H. Die historische Bedeutsamkeit der Alanischen Namen* // Studia Classica et Orientalia Antonino Pagliaro Oblata. Roma, 1969. Vol. III.

- Humboldt A.* L'Asie Centrale. Paris, 1843. T. II.
- Huyse P.* Geb es seine Lautentwicklung/k/→/x/im «Skytho-Sarmatischen»? // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 1.
- Ilyasov J.* Covered Tail and «Flying» Tassels // *Iranica Antiqua*. 2003. Vol. XXXVIII.
- Junge J.* Saka-Studient. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike // *Klio*. Leiden, 1939. Beiheft XLI. («Neue Folge». H. 2).
- Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.
- Kim R.* On the Historical Phonology of Ossetic: the Origin of the Oblique Case Suffix // *NARTAMONGÆ*. 2009. Vol. VI. № 1-2.
- Klaproth J.* Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours. Paris, 1826.
- Knobloch J.* Homerische Helden und christliche Heilige in der Kaukasischen Nartenerik. Heidelberg, 1991.
- Kothe H.* Der Skythenbegriff bei Herodot // *Klio*. 1969. Bd. 51.
- Kretschmer K.* Στρακες // *RE*. 1929. Bd. III-A.
- Kyzlasov L. R.* Northern Nomads // *History of civilizations of Central Asia. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750*. Paris, 1996. Vol. III.
- Laufer B.* The Language of the Yue-chi or Indo-Scythians. Chicago, 1917.
- Lebedynsky Ia.* Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirasses entre Oural et Danube (VIIe siècle av. J.-C.-VIe siècle ap. J.-C.). Paris, 2002.
- Lewicki T.* Un peuple iranien peu connu: les *Arsīya ou *Orsīya // *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh*. Budapest, 1976.
- Lin Mei-cun.* Tocharien People: Silk Road Pioneer // *The Significans of the Silk Roads in the History of Human*

Civilizations. October 24-25. Osaka, 1988.

Liu H. Migration and Settlement of the Yuezhi-Kushan: Interaction and Interdependence of Nomadic and Sedentary Societies // *Journal of World History*. University of Hawai'i Press, 2001. Vol. 12. № 2.

Littleton C. S., Malcor L. A. From Scythia to Camelot: a radical reassessment of the legends of King Arthur, the Knights of the Round Table, and the Holy Grail. N. Y. & L., 2000.

Loeschner H. Notes on the Yuezhi — Kushan relationship and Kushan Chronology. 2008 (http://www.onsnumis.org/publications/Yuezhi-Kushan_Hans-Loeschner_2008-04-15.pdf).

Losinsky B. Ph. The Parthian dynasty // *Iranica Antiqua*. Gent, 1984. Vol. XIX.

Maenchen-Helfen O. The Yueh-chih Problem Re-examined // *JAOS*. 1945. Vol. 65. № 2.

Maenchen-Helfen O. Huns and Hsiung-nu // *Byzantion*. International journal of byzantine studies (American Series III). Boston, 1944-1945. Vol. XVII.

Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns // *Byzantion*. International journal of byzantine studies (American Series III). Boston, 1944-1945b. Vol. XVII.

Marquart J. Ęranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i: Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen von. J. Marquart. Berlin, 1901.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts. Leipzig, 1903.

Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2 // Sonderdruck aus dem «*Philologus*». Suppl. Leipzig, 1905. Bd. X. Heft. I.

Marquart J. Skizzen zur geschichtlichen Volkerkunde von

Mittelasien und Sibirien // Festschrift für F. Hirth. Berlin, 1920.

Marquart J. Iberer und Hircanier // *Caucasica*. Leipzig, 1931. Fasc. 8.

Marquart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.

Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios // *Orientalia*. 1946. Vol. 15.

McGovern W. The Early Empires of Central Asia: A Study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history. Chapel Hill, 1939.

Mielczarek M. Remarks on the numismatic evidence for the northern Silk Route: the Sarmatians and the trade route linking the northern Black Sea area with Central Asia // *Studies in Silk Road coins and culture*. Kamakura, 1997.

Minorsky V. *Hudūd al-Ālam (The Regions of the World)*, a Persian Geography. Oxford, 1937.

Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958.

Minns E. H. Scythians and Greeks. Survey of ancient history and archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the North Caucasus. Cambridge, 1913.

Mordvintseva V. A Typology of the Sarmatians Phalerae III Century BC-II Century AD // *Acta Archaeologica*. 1999. Vol. 70.

Mullenhoff K. *Deutsche Altertumskunde*. Berlin, 1892. Bd. III.

Narain A. K. *The Indo-Greeks*. Oxford, 1962.

Narain A. K. On the «First» Indo-Europeans; the Tokharian-Yuezhi and their Chinese Homeland // *Papers on Inner Asia*. Bloomington, 1987. № 2.

Narain A. K. *The Tocharians. A History without Nation-State Boundary*. Shilong, 2000.

Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Rychkov S., Naumova O.,

- Zhukova O., Stoneking M.* Genetic Evidence Concerning the Origins of South and North Ossetians // *Annals of Human Genetics*. 2004. Vol. 68.
- Nyberg H. S.* Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.
- Piankov I. V.* The Tochari – Who Are They? // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Rzeszow, 2010. Vol. 1.
- Pulleyblank E. G.* The consonantal system of Old Chinese // *Asia Major. A British journal of Far Eastern studies*. New series. 1962. Vol. IX. P. I.
- Pulleyblank E. G.* Chinese and Indo-Europeans // *JRAS*. 1966. Vol. 1-2.
- Pulleyblank E. G.* The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih migration // *BSOAS*. 1970. Vol. XXXIII. P. I.
- Pulleyblank E. G.* Why Tocharians? // *Journal of Indo-European Studies*. 1995. № 23.
- Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin // *British Archaeological Reports. International Series*. Oxford, 1986. № 278.
- Raev B. A.* New finds of the alanian graves with import goods in the Krasnodar region // *Adalya*. 1998. № II.
- Rapin C.* Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan Period // *After Alexander — Central Asia Befor Islam*. Published for the British Academy by Oxford University Press, 2007.
- Rawlinson H. G.* Bactria. The History of a Forgotten Empire. London, 1912.
- Richthofen F.* China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Berlin, 1877. Bd. I.
- Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929.
- Saprykin S. Ju.* The Kingdom of Bosporos on the Turn of our Era (Barbarian and Roman Impact on its Development) // *Cites grecques, societies indigenes et empires mondiaux*

dans la region nord-pontique: origins et development d'une koine politique, economique et culturelle (VIIe s. a. C-IIIe s. p. S). Bordeaux, 2002.

Shiratory K. A Study on Su-te, or Sogdiana // Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1928.

Shiratory K. A New Attempt at the Solution of the Fu-lin Problem // Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1956. № 15.

Shiratory K. The Geography of the Western Region Studied on the Basis of the Ta-ch'in Accounts // Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1956a. № 15.

Simonenko A. V. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Mora Ferenc Muzeum Evronyve — StudArch I. Szeged, 1995.

Simonenko A. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 2001. Vol. 7.

Sims-Willians N. Ancient Afghanistan and Its Invaders: Linguistic Evidens from the Bactrian Documents and Inscriptions // Indo-Iranian Languages and Peoples (Proceedings of British Academy. Vol. 116). Oxford, 2002.

Skrine F.H., Denison R.E. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.

Sulimirsky T. The Sarmatians. New York-Washington, 1970.

Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

Täubler E. Zur Geschichte der Alanen // Klio. Beitrage zur alte Geschichte. Leipzig, 1909. Bd. IX.

Taylor T. The Gundestrup Cauldron // Scientific American. 1992. March.

- Teggart F.J.* Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939.
- Tezcan M.* Origin of the Kushans // *The Turks*. 2002. Vol. 1.
- Thordarson F.* Asii // *Encyclopædia Iranica*. London and New York, 1987. Vol. II. Fasc. 7.
- Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // *Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Wien, 1889. Bd. CXVII.
- Tomaschek W.* Alanoroi // *RE*. 1894. Bd. I.
- Tomaschek W.* Aoroi // *RE*. 1894a. Bd. I.
- Torelli M.* The Cursus Honorum of M. Hirrius Fronto Neratius Pansa // *Journal of Roman Studies*. London, 1968. Vol. LVIII.
- Treister M., Yatsenko S.* About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st-2nd Centuries AD // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 1997/1998. Vol. 5.
- de la Vaissière E.* Sogdians in China: A Short History and Some New Discoveries // *The Silk Road*. Vol. 1. № 2. December, 2003.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
- Vernadsky G.* Sur l'origine des Alains // *Byzantion. International journal of byzantine studies (American Series, II)*. Vol. XVI. Fasc. 1, 1942-1943. Boston, 1944.
- Vernadsky G.* *Ancient Russia*. Oxford, 1946.
- Vernadsky G.* *The Origins of Russia*. Oxford, 1959.
- Vernadsky G., Karpovich M.* *A History of Russia*. New Haven, 1943. Vol. I.
- Vinogradov Yu. G.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // *ACSS*. 1994. Vol. 1. № 1.
- Vinogradov Ju.G.* Two Waves of Sarmatians Migrations in the

Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus University Press, 2003.

Vivien de Saint-Martin. Recherches sur les populations primitives et les anciennes traditions du Caucase // Nouvelles annals des voyages et des sciences géographiques. Paris, 1847. Tome premier.

Vivien de Saint-Martin. Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succédé au nord du Caucase dans les six premiers siècles de notre ère. Les Alains // Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. Paris, 1850.

Vivien de Saint-Martin. Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succédé au nord du Caucase dans les six premiers siècles de notre ère. Les Alains // Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. Paris, 1852. T. II.

Watson B. Records of the Grand Historian of China. Translated from the Shih-chi of Ssu-ma Ch'ien. New York, 1961. Vol. 2.

Weber D. Ein bisher unbekannter Titel aus spätsassanidischer Zeit // Corolla Iranica. Papers in honor of Prof. Dr. D. N. MacKenzie on occasion of his 65th birthday. Frankfurt, 1991.

Wheeler E.L. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. № 6-7 (1994-1996). 1997.

Yatsenko S.A. Peculiarities of Social Development of the Sarmato-Alans and Their Image in the Evidence of Other Cultures // Nomadic Pathways in Social Evolution (The «Civilization Dimension» Series. Vol. 5). M., 2003.

Yan Fu. The Yuezhi and Dunhuang. 2009 (<http://www.eurasianhistory.com/data/articles/101/2024.html>).

Ying L. Some Chinese Sources on the Khazars and

Khwarazm //Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden. 2000-2001. 11 (<http://www.eurasianhistory.com/data/articles/m3/695.html>).

Yu T. A Study of Saka History // Sino-Platonic Papers. № 80. July, 1998 (Department of East Asia Languages and Civilizations University of Pennsylvania).

Yu T. A Hypothesis about the Source of the Sai Tribes // Sino-Platonic Papers. № 106. September, 2000 (Department of East Asia Languages and Civilizations University of Pennsylvania).

Yu T. A Study of the History of the Relationship Between the Western and Eastern Han, Wei, Jin, Northern and Southern Dynasties and the Western Regions // Sino-Platonic Papers. № 173. October, 2006 (Department of East Asia Languages and Civilizations University of Pennsylvania).

Yu T. The Origin of the Kushans // Sino-Platonic Papers. № 212. July, 2011 (Department of East Asia Languages and Civilizations University of Pennsylvania).

Zgusta L. Die Personennamen griechische Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Zürcher E. The Yueh-chih and Kaniska in Chinese Sources // Papers on the Date of Kaniska submitted to Conference on the Date of Kaniska, London, 20-22 April, 1960. Leiden, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ГОСУДАРСТВО ЯНЬЦАЙ (проблемы локализации)	9
ГЛАВА II. СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ (по данным китайских источников)	41
ГЛАВА III. СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ (По данным европейских источников)	65
ГЛАВА IV. ЯНЬЦАЙ И АОРСЫ	71
ГЛАВА V. ЭПОХА ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ (По данным письменных источников)	113
ГЛАВА VI. ЭПОХА ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ (По данным археологии)	139
ГЛАВА VII. АЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (по данным археологии)	177
ГЛАВА VIII. АЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (по данным европейских источников)	217
ГЛАВА IX. О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАНОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	234
ГЛАВА X. АЛАНЫ	255
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	365
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	372
ЛИТЕРАТУРА	375

Научное издание

ТУАЛЛАГОВ АЛАН АХСАРОВИЧ

РАННИЕ АЛАНЫ

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 26.12.14.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бум офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Mурiад». Усл. п.л. 28,87.
Тираж 100 экз. Заказ №115.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3